

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

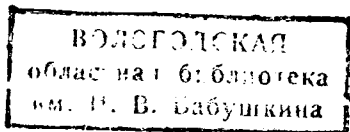
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И. Д. АРУТЮНОВА

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
И
ЕГО СМЫСЛ

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ

824129

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1976

Книга посвящена семантике предложения. В ней на материале русского языка раскрываются закономерности формирования семантической структуры предложения, зависимость значения слова от его коммуникативной функции, выделяются и описываются типы логико-синтаксических отношений в их взаимодействии с такими категориями, как референция имени, его значение и коммуникативная перспектива высказывания.

Ответственный редактор

член.-корр. АН СССР

Г. В. СТЕПАНОВ

Посвящается
светлой памяти моей матери,
филолога-русиста, бестужевки

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА
АРУТЮНОВА

ОТ АВТОРА

В настоящей книге освещены далеко не все вопросы, относящиеся к смыслу предложения. В ней говорится лишь о логико-синтаксическом аспекте предложения, в рамках которого становится особенно очевидным взаимодействие таких явлений, как коммуникативная перспектива предложения, его синтаксическая структура и характер референции входящих в нее имен. Обращение к проблемам референции при изучении синтаксического строя языка представляется чрезвычайно важным. Оно необходимо как при определении синтаксического типа предложения, так и при выяснении семантического типа элементов высказывания. Проблемы образования цепочек смыслов также рассмотрены в книге прежде всего в их логическом аспекте, для которого особенно существенно выявить закономерности соединения пропозитивных и конкретных значений. По ходу изложения автор позволил себе небольшие «вставные эпизоды», которые, как кажется, проясняют и конкретизируют затрагиваемые в книге общие проблемы.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить искреннюю благодарность рецензентам книги докт. филол. наук И. И. Ковтуновой и проф. В. Г. Гаку, сделавшим много важных критических замечаний, а также коллегам, оказавшим автору помощь в собирании материала: Е. Н. Ширяеву, чья картотека была использована в главе «Отношения экзистенции», Н. И. Майновой, М. А. Журинской и В. Н. Телня.

ВВЕДЕНИЕ

Основные подходы к изучению смысла предложения

Странным и непостижимым образом лингвистика, изучив до мельчайших подробностей все стороны и механизмы Языка и языков, оставила почти совсем вне поля своего зрения обширную и увлекательную для исследования область значения предложения. Синтаксис, в задачу которого входит обследование жизни предложения, обычно ограничивался изучением его формального строения безотносительно к семантике и в отвлечении от коммуникативных целей. Последние принимались во внимание лишь в той степени, в какой они закреплены строем предложения (ср. повествовательное предложение, вопрос, побуждение). Будучи разделом грамматики, синтаксис старался не выходить за пределы собственно грамматических категорий. Он отдавал дань семантике главным образом попытками вскрыть значение синтаксических связей и смысловым определением функций второстепенных членов предложения (обстоятельства места, времени, причины и пр.). Ни природа значения предложения и его составов, ни семантические типы предложений, ни семантические типы субъектов и предикатов, ни взаимодействие формальной и семантической структур предложения не были до последнего времени предметом специального анализа. Интерес к этому кругу вопросов пробудился 10—15 лет назад. Он был стимулирован целым рядом факторов, влиявших на развитие лингвистической мысли. Этому способствовало и наступление нового периода во взаимоотношениях лингвистики с логикой, относящейся с обостренным вниманием к содержанию предложения —

пропозиции, и общий поворот к смысловой стороне языка и речи, и обращение к прагматическому компоненту речевой деятельности, и концепция предложения как языкового знака, обладающего собственным означаемым. Необходимость изучать значение предложения возникала также в связи с теорией синтаксических трансформаций, опирающейся на понятие семантической эквивалентности предложений. Эта же задача вставала в ходе разработки моделей преобразования смысловых структур в правильно построенные высказывания того или другого языка.

С середины 60-х годов началось то, что можно назвать штурмом семантики предложения. Наступление ведется практически со всех сторон: оно разворачивается и с лексикологических позиций, и с плацдарма грамматики, и по линии выяснения ситуативных значений, и со стороны логики, обладающей в этой области несомненным приоритетом, и силами лингвистики речи¹.

Наиболее широкое распространение среди лингвистов получила депотативная, или референтная, концепция значения предложения. Она имеет своей целью определение отношений между высказыванием и обозначаемой им экстралингвистической ситуацией, или событием. Ситуативная концепция предложения последовательно развивается в работах В. Г. Гака. Считая высказывание полным языковым знаком², В. Г. Гак полагает, что «референтом высказывания является ситуация, т. е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания»³. Соотношение между ситуацией и обозначающим ее предложением В. Г. Гак изучает в двух аспектах — ономастическом и синтаксическом. В последнем случае анализируется соотношение синтаксических функций чле-

¹ Критическому обзору работ, касающихся семантики предложения, посвящена книга: *F. Daneš, Z. Hlavsa, J. Kořenský. Práce o sémantické struktuře věty. Praha, 1973.*

² *В. Г. Гак. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово). «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.*

³ *В. Г. Гак. Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики — 1972». М., 1973, стр. 358.*

нов предложения (главным образом актантов) и тех ролей, которые выполняют обозначаемые ими предметы в реальном событии.

Поскольку данное направление связывает значение предложения с положениями дел или событиями действительности, оно уделяет особое внимание анализу и определению ситуации ⁴.

Само понятие ситуации используется разными авторами в разных значениях: оно относится то к миру, то к языку (его семантике), то к способу мышления о мире, т. е. помещается в вершине любого угла рокового семантического треугольника.

Во многих случаях ситуацией называют экстралингвистический референт предложения, отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании. Так, по определению В. С. Храковского, «смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности, который принято называть индивидуальной денотативной ситуацией или событием» ⁵. Приведенная дефиниция дает, впрочем, основание отнести понятие ситуации не только к миру (это фрагмент действительности), но и к языковой семантике (это смысловая структура предложения), а в известной степени и к мышлению (это фрагмент действительности, вырезанный и обработанный мыслью). Некоторые авторы переносят ситуацию из действительности в язык. Под ситуацией они имеют в виду «сложную семантическую единицу», выражаемую предложением, и говорят о наложении ситуации на «континуум объективных явлений» ⁶. Иногда ситуация рассматривается в двух аспектах, или на двух уровнях абстракции — как «факт объек-

⁴ См., например: В. Г. Гак. Высказывание и ситуация; «Типология каузативных конструкций. Морфологический 'каузатив'. Л., 1969; И. П. Сусов. Ситуация как означаемое предложения на реляционном уровне. «Вопросы английской и французской филологии». Тула, 1972; Ю. К. Лекомцев. Психическая ситуация, предложение и семантический признак. «Труды по знаковым системам», VI. Тарту, 1973; Г. Г. Сильницкий. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов. «Проблемы структурной лингвистики — 1972». М., 1973.

⁵ В. С. Храковский. Проблемы деривационной синтаксической теории. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1972, стр. 5.

⁶ Г. Г. Сильницкий. Указ. соч., стр. 373.

тивной действительности и как факт отражения и переработки этой действительности в сознании»⁷.

Некоторые ученые, исходя из того, что языковые выражения соотносятся с миром не непосредственно, а через «образ действительности», находящийся в сознании и памяти человека, употребляют термин «ситуация» только «в отношении психической ситуации, размещенной в психическом пространстве и психическом времени»⁸. Под предложением в этом случае разумеют цепочку звуковых образов, кодирующих некоторую ситуацию⁹.

Денотативное направление исследований занято изучением прежде всего того аспекта предложения, в котором отражена структура ситуации и который в разных работах получает название семантического, номинативного, денотативного, когнитивного, уровня референции, реляционной структуры, пропозиции. Оно оказалось плодотворным в выяснении и определении первичных и вторичных семантических функций актантов при многоместных предикатах¹⁰ и возможностей изменения их диспозиции¹¹.

⁷ И. П. Сусов. Указ. соч., стр. 26.—Ср. близкую точку зрения Г. Г. Сильницкого: «В качестве семантической единицы, составляющей сигнификативное значение, выражаемое предложением, ситуация противопоставлена денотату или ситуативному референту; под последним понимается «отрезок» внелингвистической действительности, обозначаемый предложением и отображаемый ситуацией (Г. Г. Сильницкий. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореф. докт. дисс. Л., 1974, стр. 3).

⁸ Ю. К. Лекомцев. Указ. соч., стр. 446.—Ср. также у О. И. Москальской определение семантической основы предложения как «отражения человеческим сознанием обобщенных моделей фактов и ситуаций» (О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974, стр. 12).

⁹ Ю. К. Лекомцев. Указ. соч., стр. 449.

¹⁰ В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969; Т. Б. Алисова. Именные члены предложения и их семантические функции. — ИДВШ. Филол. науки, 1970, № 2; В. И. Евстафьев. Соотношение между семантикой и синтаксической функцией имени существительного в простом предложении французского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1974; ср. также «надежную грамматику» Ч. Филлмора (см.: Н. Д. Арутюнова. Идеи синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. — ВЯ, 1973, № 1.)

¹¹ См.: «Категория залога (материалы конференции)». Л., 1970; Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, гл. V.

Хотя все авторы, работающие в этом направлении, учитывают фактор модальности, т. е. разные виды отношения высказывания к действительности, в том числе и ирреальную модальность, а также существование ложных, ошибочных и неточных высказываний, в их исследованиях иногда приходится встречаться с несколько прямолинейными утверждениями и формулировками, которые заставляют вспомнить следующие слова Б. Рассела: «Если в солнечный день я утверждаю *Идет дождь*, едва ли уместно искать значение этого предложения в факте сияния солнца»¹².

Сдвиг интереса от изучения семантики актантной рамки глагола в сторону значения предиката можно наблюдать в работах Т. Б. Алисовой, сделавшей интересную попытку систематического изучения семантических типов сказуемых и построившей на этой основе классификацию простых предложений¹³. Внимание к глагольному значению как семантическому ядру предложения характерно и для работ Ф. Данеша и его коллег. Понимая семантическую структуру предложения как синтаксическое употребление структурных формул, образуемых глагольными значениями, Ф. Данеш считает моделирование этих последних этапом, предваряющим описание смысла высказывания. Ф. Данеш распределяет глаголы по трем классам, обозначающим: 1) статические ситуации, 2) процессы и 3) события. Глаголы первой группы выражают отношения локативного, посессивного, атрибутивного и других подобных типов. К классу событий относятся такие глагольные значения, которые могут быть описаны как переход от исходной ситуации к конечной (ср. *Карл исчез из Праги*). Процессами называются динамические глагольные значения, не относящиеся к категории событий. Процессуальные значения подразделяются на активные, неактивные и пеструктурированные¹⁴.

¹² B. Russell. On propositions: what they are and how they mean.— В кн.: B. Russell. Logic and knowledge. London, 1956, стр. 314.

¹³ Т. Б. Алисова. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений.— ВЯ, 1970, № 2; Она же. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1974, гл. II.

¹⁴ Fr. Daneš. Some thoughts on the semantic structure of the sentence. «Lingua», 1968, v. 21; Она же. Pocus o strukturní analýzu slovesných významů. «Slovo a slovesnost», 1971, t. 32, стр. 193—207; см. также разработку этого подхода в статье: J. Kořenský. K problému

Исследование значения и сочетаемости глагольной основы предложения получило в некоторых работах валентностно-лексическое развитие. При этом подходе в фокус исследовательского интереса попадает структурно-лексическая основа предложения, под которой понимается «комбинация лексем, синтаксическая единица, организованная по действующим в данном языке правилам вокруг финитного глагола, существительного, прилагательного, инфинитива, причастия, наречия, т. е. это словосочетание в традиционном понимании»¹⁵.

Признавая плодотворность подобного подхода в плане обнаружения валентностных свойств слова (лексемы) как «усредненной» и отвлеченной от синтаксической функции единицы словаря, мы в то же время сомневаемся в том, что он может приблизить к раскрытию закономерностей формирования структурно-лексической основы предложения. Комбинирование слов зависит не только от их валентностных потенций, но и от их роли в предложении, а также от характера той синтаксической связи, которая их соединяет¹⁶. Так, есть разница в нормах образования словосочетаний, предназначенных для выполнения функции субъекта, и конструкций, пригодных для роли сказуемого предложения; не одинаковы также правила соединения слов атрибутивной и предикативной связью.

Субъект и предикат выполняют в предложении существенно различные функции: субъект и другие термы

větněsémantických funkcí nedějových významů českého slovesa. «Slovo a slovesnost», 1971, стр. 208—216.

¹⁵ Б. А. Абрамов. Структурно-лексическая основа предложения. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (тезисы докладов секционных заседаний)». М., 1974, стр. 52.

¹⁶ В лингвистической литературе уже высказывались мысли, касающиеся зависимости сочетаемости слов от синтаксических факторов. Так, О. П. Ермакова в статье, содержащей тонкие наблюдения над нормами соединения слов в предложении, отмечает, что «способность существительного иметь при себе согласованное определение (считающаяся очень важным категориальным признаком существительного) в действительности неограничена и находится в явной зависимости от синтаксической позиции существительного, смысловых связей с составом предложения, не говоря уже о семантике существительного» (О. П. Ермакова. О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительного. «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1971, стр. 35).

конкретного значения замещают в речи предмет действительности, который они призваны идентифицировать для адресата сообщения, т. е. выступают в своей денотирующей функции, в то время как предикат, служащий целям сообщения, реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание, или смысл. Значение субъекта «прозрачно» и сквозь него отчетливо просвечивает денотат. С этим функциональным различием связаны различия в сочетаемости слов, занимающих в предложении позиции подлежащего и сказуемого. В субъекте определение относится к денотативному значению имени, указывая на некоторое свойство реального предмета, в предикате определение «сцепляется» с сигнификатом имени. Это можно показать на примере изменения значения прилагательных в зависимости от их вхождения в состав подлежащего или сказуемого. Ср. значения прилагательного *молодая* в таких предложениях, как *Она молодая хозяйка* и *Молодая хозяйка вошла в комнату*. Первое предложение может быть сказано о пожилой женщине, недавно оставившей работу и начавшей заниматься хозяйством. В нем прилагательное связано с сигнификатом слова *хозяйка*, а не его денотатом: *Она молодая хозяйка* = она недавно хозяйничает в доме. Второе предложение едва ли применимо к пенсионерке. В нем признак молодости характеризует денотат имени *хозяйка*, а не его сигнификат. Прилагательное в этом случае выражает свойство носителя имени, реального лица, безотносительно к тому, каким словом это лицо обозначено. Такое предложение уместно употребить, например, тогда, когда в доме к ведению хозяйства причастны две женщины, предположим, мать и жена хозяина дома. Признак молодости служит целям их различения. Ср. также возможность субъектных сочетаний *белокурая хозяйка*, *черноглазая хозяйка* при их неестественности в функции сказуемого: *В комнату вошла черноглазая (длинноносая) хозяйка дома* и **Она — черноглазая (длинноносая) хозяйка дома*.

Нормы комбинирования слов в субъектном словосочетании сходны с закономерностями, регулирующими соединение слов предикативной связью: и в том, и в другом случае определение относится к денотату имени, а не к его сигнификату. Действительно, всякое субъектное словосочетание может быть развернуто в предложение. Между тем обратное утверждение было бы неверно: не вся-

кое предложение может быть свернуто в атрибутивное словосочетание. Различия в правилах образования словосочетаний и предложений зависят от ряда причин. Одна из них связана с различиями в природе синтаксических отношений: динамические отношения предикации в большей степени определяются планом смысла, чем статические отношения атрибутивного типа, подчиняющиеся формальным правилам морфологического характера. Не случайно, поэтому, предикативные отношения часто считаются самым свободным видом синтаксической связи. Предикативное соединение слов имеет несравненно меньше структурных ограничений, чем сочетаемость, реализуемая непредикативной конструкцией. Предложения типа *Пирог — пальчики оближешь; Работы — невпроворот; Дел — по горло* и др. не могут быть сведены к словосочетанию.

Не преобразуются в словосочетания и предложения типа *Петр весел; Он пришел*. Термы, лишенные понятийного содержания (сигнификата), такие, как имена собственные и местоимения, не способны входить в атрибутивные отношения. В то же время для них естественно быть субъектом суждения (или иным актантом) и соединяться с предикатом. Выступая в этой функции, имя собственное служит идентификации предмета (обычно лица). Поскольку имя собственное однозначно указывает на своего носителя, оно не нуждается в атрибутах, которые бы выражали отличительные приметы объекта. Если такая необходимость возникает, то к имени может быть добавлено определение, которое в совокупности с ним образует составное имя собственное (ср. *Длинный Джон, Большая Берта, Александр Первый, Маша Беленькая* и пр.). Точно так же достаточны для идентифицирующих целей дейктические местоимения, прямо указывающие на предмет речи. Избегают сочетания с определениями и другие имена, однозначно идентифицирующие объект, такие как *отец Петра, председатель собрания, президент республики, министр торговли*. Спорадически появляющиеся при них атрибуты выполняют функцию эпитета.

Не всякое словосочетание, естественное в роли сказуемого, допускает предикативизацию. Такие сочетания, как *порядочный негодяй, отъявленный плут* и т. п., уместны только в позиции сказуемого, ср. *Он порядочный негодяй; Петя отъявленный плут*. Предложения **Этот не-*

годяй порядочный; этот плут отъявленный некорректны. Прилагательные типа *заядлый, закоренелый, отъявленный* и пр. принадлежат к разряду синкатегорематических слов. Они не выражают сами по себе признака (качества, свойства) лица, безотносительно к какой-либо его функции, аспекту, черте. Такие прилагательные не могут, поэтому, соединяться со словами, выполняющими в предложении денотирующую функцию. Им «нужен» сигнификат имени.

Таким образом, одни причины обуславливают различия между лексической основой предложения и словосочетания, другие различают сочетаемость слов в предложении и субъектном словосочетании, третьи ответственны за различия в формировании предложения и состава сказуемого. Состав сказуемого, состав подлежащего и предикативная основа предложения образуются в соответствии с разными нормами сочетаемости.

Сказанное не позволяет согласиться с тем, что «понятие структурно-лексической основы снимает проблему отграничения предложения от слова и словосочетания в ее традиционной постановке»¹⁷. Напротив, мы думаем, что лексико-семантическая организация предложения и словосочетания различны. Эти единицы синтаксиса лишены взаимной обратимости.

В ряде исследований смысловая структура предложения моделируется с опорой на грамматические понятия и категории. Основным пафосом этих работ являются «поиски соотнесенности в предложении грамматических признаков с семантическими»¹⁸. В этом духе выполнено исследование по русскому синтаксису Г. А. Золотовой. Автор начинает с определения семантических функций элементарных синтаксических форм, образующих предложение, и кончает выделением типовых значений моделей предложения. Под типовым значением Г. А. Золотова понимает «смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения»¹⁹ (ср. «предмет и его качество», «субъект и его состояние»). Изложенный подход опирается на мысль о том,

¹⁷ Б. А. Абрамов. Указ. соч., стр. 52.

¹⁸ Г. А. Золотова. Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 17.

¹⁹ Там же, стр. 25.

что «названные типы отношений между явлениями действительности не могут существовать в языковом сознании иначе как в виде одной из данных языком синтаксических конструкций»²⁰.

Основной задачей семантических размышлений в области синтаксиса предложения И. Ю. Шведова считает определение собственного значения формально-синтаксических моделей. Согласно этой точке зрения, «грамматическая организация предложения [...] уже сама по себе является фактором, небезразличным для семантической структуры построенного по этой схеме предложения. Отвлеченные значения компонентов схемы и отношения между ними служат первоосновой семантической структуры предложения, представляя ее в максимально обобщенном виде»²¹. В соответствии с этим общим взглядом «под семантической структурой предложения понимается его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла»²². И. Ю. Шведова стремится изучать значение предложения, базируясь на собственно языковом материале, без обращения к структуре внеязыковой ситуации. Единицы каждого уровня языка, в том числе структурная схема предложения, обладают семантическим своеобразием, создаваемым, по мнению И. Ю. Шведовой, взаимодействием в них категориального и конкретного значений²³.

К исследованиям семантики синтаксиса принадлежат и работы Е. В. Падучевой. Автор исходит из того, что «значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций»²⁴. Поэтому «описание семантики синтаксиса должно быть тем компонентом описания язы-

²⁰ Г. А. Золотова. Указ. соч., стр. 26.

²¹ И. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 461. — Как будто иной точки зрения придерживается О. И. Москальская (см.: О. И. Москальская. Указ. соч., стр. 37).

²² И. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 461.

²³ И. Ю. Шведова. О значениях единиц разных уровней языка. «Все-союзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний)». М., 1974, стр. 166—167.

²⁴ Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974, стр. 12.

ка, которое позволяет дополнить описание лексической и морфологической семантики до описания семантики предложения в целом»²⁵. Е. В. Падучева ищет решение проблемы семантики синтаксиса на пути толкования семантически сложных конструкций, в которых связь между формой и смыслом не является очевидной, через более простые конструкции. Основное внимание автора обращено на изучение синонимических отношений между высказываниями, а также тех формальных преобразований, которые их соединяют. Синонимическому классу предложений соответствует одно предложение, записанное на языке смыслов и принимаемое за семантическое представление данного класса. В качестве «языка смыслов» автор пользуется тем естественным языком, который служит объектом описания.

Проблема выбора рационального способа представления семантической структуры предложения существенна для генеративного направления исследований, поскольку в порождающих моделях языка смысл сообщения составляет тот исходный материал, который поэтапно конвертируется в реальное высказывание конкретного языка²⁶. Сходную методiku описания значения предложения можно встретить и в других концепциях. Так, И. П. Сусов, опираясь на денотативную основу (реляционный костяк) предложения, описывает далее процесс формирования значения высказывания как постепенное «обрастание» простой абстрактной схемы «в результате «привязываемых» к ней операций новыми и новыми компонентами, пока она не становится сложным, «многоэтажным» образованием, более или менее полно удовлетворяющим коммуникативному намерению»²⁷. Подобный подход к семантике предложения может быть охарактеризован как уровневый.

Наряду с перечисленными направлениями в изучении значения предложения, каждое из которых может ока-

²⁵ Там же.

²⁶ Один из способов представления смысла высказывания описан в статье: И. А. Мельчук. Об одной лингвистической модели типа «смысл — текст». Уровни представления языковых высказываний. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1974, № 5, стр. 438—440.

²⁷ И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Автореф. докт. дисс. М., 1973, стр. 33; Он же. Семантическая структура предложения. Тула, 1974.

заться плодотворным в решении определенных задач, издавна и даже издревле существует логический взгляд на предложение. Если вспомнить те определения предложения, которые не претендовали на точное соблюдение правил научных дефиниций, но надеялись вскрыть сущность определяемых категорий, то в них чаще всего и дольше всего отмечалось, что предложение выражает (законченную, относительно законченную) мысль. В способности передавать мысль обычно видели специфику содержательной стороны предложения, отличающую его от слова и словосочетания. Иногда приведенное определение инвертировалось и указывалось, что мысль, выраженная словами, есть предложение. И действительно, мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения.

В русской лингвистической традиции, как известно, логический подход к языку, в частности к структуре предложения, развивался вплоть до второй половины XIX в.²⁸ Одним из наиболее последовательных поборников союза логики и лингвистики был, пожалуй, И. И. Давыдов, близкий идеям всеобщей грамматики. И. И. Давыдов писал: «Как слово с мыслию, так Грамматика с Логикою находятся в тесной связи. Эта естественная связь должна поддерживаться, как связь мысли и слова. Логика, объясняя происхождение органических отношений мыслей и понятий, служит нам руководством, помощью которого Грамматика разрешает свою задачу. Равно Грамматика, излагая формы, в которых особые отношения мыслей и понятий и их последовательное развитие отпечатлеваются осязательно, открывает Логике вход в святилище мыслящего духа; и как все формы мысли отражаются в языке, то она служит Логике руководительницею, которой мысль может довериться при разрешении своих вопросов»²⁹.

Главы, посвященные синтаксису (или, в тогдашней терминологии, словосочинению), И. И. Давыдов открывает следующими словами: «Рассматривая образование и состав языка, мы видим, что на нем постоянно веет дыхание живой мысли, и весь организм его основывается на

²⁸ См. обзор концепций в кн.: В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.

²⁹ И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1853, стр. 16—17.

внутренней необходимости ума человеческого. Человек говорит, потому что мыслит; ему вместе с мыслью даровано свыше и слово. Как слово с мыслью, так и Грамматика с Логикой находится в тесной связи. Если Грамматика имеет предметом объяснить *общие* законы слова человеческого и *частные* особенности какого-либо языка, то в разрешении этих вопросов служит нам руководством Логика, объясняющая органическое происхождение и развитие понятий и мыслей» ³⁰.

Настоящая работа в большей своей части посвящена логико-семантическому аспекту предложения ³¹. В ней, поэтому, коротко рассматриваются понятия, которые используются в логическом анализе значения предложения (понятия пропозиции и глаголов пропозиционального отношения, понятие референции). Этому посвящены первая и третья главы.

При изучении синтагматики предложения со стороны ее содержания основное внимание было направлено на логические, т. е. обусловленные свойствами мышления, закономерности создания цепочек смыслов (см. вторую главу).

Основное содержание работы состоит в выделении логико-синтаксических «начал», т. е. тех отношений, которые, будучи непосредственно связаны со способами мышления о мире, в то же время причастны к грамматическому строю языка. В. Г. Адмонц, в работах которого отводится много места анализу логико-грамматических типов предложения, характеризует эти последние как «конкретные грамматические структуры, обладающие грамматической формой, с помощью которой выражается, однако, не что иное, как логическое содержание, т. е. отразившиеся в человеческом мышлении типические связи и отношения объек-

³⁰ И. И. Давыдов. Указ. соч., стр. 263.

³¹ См. относящиеся к этой стороне предложения исследования: В. З. Панфилов. Логика и грамматика. М.—Л., 1963; Он же. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971; Он же. Языковые универсалии и типология предложения. — ВЯ, 1974, № 5; Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965; В. А. Серебренников. Развитие человеческого мышления и структура языка. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970. — Более полную библиографию см. в приложении к главе К. Г. Крушельницкой «Проблемы взаимосвязи языка и мышления» в кн.: «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970.

тивной действительности»³². Логико-синтаксические структуры представляют собой наиболее общие модели в которых мысль формирует смысл.

Выделение логико-синтаксических типов опирается на следующие свойства предложения: 1) природа терминов отношений — в предложении может устанавливаться связь между любыми из тех сущностей, которыми оперирует человеческое мышление: предметом, понятием, именем (словом), представленными в высказывании денотатом, сигнификатом и означающим; 2) направление отношения — мысль может двигаться между терминами отношений в том или другом направлении. Названные два признака обуславливают связь логико-синтаксической структуры предложения с референцией входящих в нее имен и коммуникативной перспективой высказывания: природа терминов отношений обнаруживает себя в референции имени, а направление отношения отражает коммуникативную перспективу предложения.

Применительно к материалу русского языка в настоящей работе выделены следующие четыре логико-грамматических «начала»: 1) отношения экзистенции, или бытийности, 2) отношения идентификации, или тождества, 3) отношения номинации, или именованья, 4) отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина.

Отношения э к з и с т е н ц и и соединяют концепт и предмет, понятие и матерню. В экзистенциальном предложении утверждается существование (или несуществование) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками. Ср. *В этой стране есть исполинские змеи; Леших не существует; Снежный человек существует.* Мысль в этом случае движется от концепта (понятия) к субстанции, объекту, воплощающему заданную совокупность черт. Здесь уместно подчеркнуть, что в абсолютных (относящихся к миру) экзистенциальных утверждениях концепт обычно создается не одним признаком, а комбинацией, совокупностью ряда черт. Поэтому, проблема бытия часто сводится к вопросу о совместимости признаков в концепте (ср. проблему

³² В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 103—104; см. также: В. Г. Адмони. Типология предложения. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968.

существования «круглых квадратов») или в материальном объекте (русалках, коньках-горбунках и пр. жителях сказочных миров).

Инверсия мыслительного процесса, его направленность от объекта к его признакам, набору признаков, состоянию, свойствам, действию ведет к изменению логических отношений, их преобразованию в отношения х а р а к т е р и з а ц и и, или собственно предикации. В этом случае заранее данным является некоторый объект, в котором активным актом мышления выделяется тот или другой признак. Ср. *Море сегодня спокойно; Эта змея огромна*. Логико-синтаксические отношения определяются, следовательно, не только теми категориями, которые они связывают, но и направлением связи.

Отношения н о м и н а ц и и соединяют объект и его имя, т. е. элемент предметного мира и элемент языкового кода. Ср. *Этого мальчика зовут Коля. Это Коля. Коля. Это дерево — сосна*. Отношения именования могут соединять не только предмет и его имя, но также понятие (свойство, качество, событие и пр.) и способ его обозначения в языке (слово). Однако для синтаксической организации предложения существенна лишь наиболее простая форма этих отношений, соединяющая предмет (лицо) и его собственное имя. Только этот простейший вид именования принимается во внимание в настоящей работе.

Инверсия отношений именования, при которой мысль двигалась бы от слова (означающего) к его значению (сигнификату) создает отношения интерпретативного типа, которые очень близки к отношению тождества. Сообщая о том, что значит слово, мы не только соединяем звук со смыслом, но как бы приравниваем значение слова к его толкованию при помощи других слов. Ср. *Печаль это скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство*. Такие предложения используются тогда, когда адресату неизвестен первый элемент равенства — означаемое интерпретируемого слова. Они могут быть определены как э к с п л и к а т и в н ы е. Интерпретативные отношения не соотносятся с особым типом предложений. Они, поэтому, не входят в число логико-синтаксических «начал». То же можно сказать и о другом виде инверсии отношений именования, при которой мысль движется от имени (данного) к его конкретному носителю — предмету или лицу. Ср. *Кто здесь Соколов? Соколов это я*. Такого

рода отношения не существенны для анализа синтаксического строя русского языка.

Отношения идентификации рефлексивны, т. е. обращены на один объект. Они, поэтому, в логическом смысле не могут быть инвертированы. В наиболее ясном случае эти отношения устанавливают тождество объекта (денотата) самому себе (онтологическое тождество). Что касается абстрактных категорий, то проблема их отождествления осложняется отсутствием у этих сущностей независимого от языкового обозначения бытия. В данной работе принимается во внимание только онтологическое тождество.

Итак, хотя те сущности, которыми оперирует человеческое мышление (денотат, сигнификат, означающее, соотв. предмет, понятие, имя) способны быть терминами большего количества логических отношений (таких отношений могло бы быть девять), для формирования синтаксических структур русского языка (а возможно, и других языков) существенны лишь четыре названных вида отношений, каждое из которых соотносительно с особой логико-синтаксической структурой — экзистенциальными предложениями, предложениями тождества, предложениями именованья и предложениями характеристики.

Прямое назначение перечисленных логико-синтаксических структур постоянно расшатывается варьированием их лексического наполнения. Можно полагать, что, если бы в языке не были представлены упомянутые выше четыре структурных типа, одного было бы довольно для передачи любого вида логических отношений и, шире, любого содержания. Это предположение будет ниже проиллюстрировано материалом экзистенциальных высказываний. Объем настоящей работы позволил описать только два логико-синтаксических типа предложений — предложения экзистенциального и идентифицирующего типов, менее всего исследованные применительно к русскому языку.

Интересуясь вопросами связи между категориями логики, формирующими структуру предложения, и категориями семантики и будучи убеждены в том, что логическая структура мысли и тесно связанная с нею коммуникативная задача сообщения непосредственно воздействуют на образование сначала речевого смысла, а затем и устойчивого лексического значения слова, мы посвятили этому кругу вопросов последнюю главу настоящей работы.

ПРОПОЗИЦИЯ И ГЛАГОЛЫ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ

Понятие пропозиции в логике

Современная логика, а вслед за ней и лингвистика часто прибегают к понятию пропозиции. Обсуждая роль этого понятия в логических построениях, У. Куайн отмечал, в частности, что этот термин был отнесен к необходимой в логических операциях семантической константе, обозначая то общее, что существует между данным предложением и его переводами на другие языки или его внутриязыковыми перифразами. Нужда в пропозиции, — пишет Куайн, — ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслялись другие логические понятия. Так, например, синонимия предложений обычно определяется через идентичность пропозиций¹.

Каковы бы ни были причины интереса логиков к пропозиции, факт чрезвычайной популярности этого понятия, относящегося к области значения предложения и занимающего в ней центральное место, остается очевидным. Вместе с тем почти пропорционально росту популярности пропозиции, увеличивается число разных ее истолкований и определений.

Рассмотрим коротко основные логические концепции пропозиции, а также те импульсы, благодаря которым это понятие претерпело в последние десятилетия коренные изменения.

Нет сомнений в том, что понятие пропозиции видоизменялось в общем русле эволюции логических воззрений в ряде логико-философских школ и, прежде всего, в так на-

¹ W. O. Quine. Word and object. N. Y., 1960, стр. 206.

зываемой «философии анализа»². Сдвиг в подходе ко многим категориям логики был отчасти следствием изменения общего взгляда на мир как объект исследования и логического осмысления: модель мира в виде совокупности предметов, сущего, т. е. интерес к статическому аспекту мира (соотв. обсуждение проблемы бытия, существования предметов), естественно обусловленный общей объектной ориентацией мышления, опредмечивающего все, о чем человек говорит и думает³, постепенно уступила место представлению о мире как о совокупности фактов (соотв. обсуждению проблемы реальности факта, типов фактов, а применительно к языку — истинности предложения).

Уже в теории объектов А. Мейнонга, отвечающей «предметной» концепции мира, выделен особый тип предметов, а именно объекты познавательных (шире, ментальных) актов («объективы», в терминологии автора). То, что мы видим, полагает Мейнонг, есть предмет в строгом смысле этого термина, однако мы судим не о предмете как о физической сущности, субстанции, а о его свойствах, образующих факт. Если можно утверждать, что предметы существуют, то применительно к «объективу» уместней употреблять термин «иметь место, происходить»⁴. В этой идее Мейнонга уже намечается перемещение интереса от «предметов» к «фактам», понимаемым как «логические атомы мира»⁵. Динамический подход к миру нашел свое наиболее обостренное выражение в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, открывающемся следующими афоризмами: «1. Мир есть все то, что имеет место. 1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей. 1.11. Мир определяется фактами и тем, что это *все* факты»⁶. Ср. также

² Здесь и в дальнейшем мы касаемся лишь некоторых понятий, сформулированных в процессе логического анализа языка науки. О роли логики в решении философских проблем см. в сб.: «Философия и логика». М., 1974 (особенно статью: В. А. Смирнов, Н. В. Таванец. О взаимоотношении символической логики и философии).

³ W. O. Quine. Speaking of objects. «The structure of language. Readings in the philosophy of language». N.Y., 1964.

⁴ A. Meinong. The theory of objects. «Realism and the background of the phenomenology». Ed. by R. Chisholm. Glence, 1960.

⁵ Изложение и анализ концепций логического атомизма см. в кн.: А. С. Богомолов. Английская буржуазная философия XX в. М., 1973, стр. 195 и след.

⁶ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. Пер. с нем. М., 1958, стр. 31.

недавнее высказывание одного из видных представителей лингвистической философии — З. Вендлера: «Мир человека, qua человека, не есть мир вещей, но мир фактов и возможностей»⁷. Существенность учета динамического аспекта мира, при разграничении семантических типов таких единиц языка, как слово и предложение, была подчеркнута С. Д. Кацпельсоном: «Мнение, будто мир это огромное скопление разрозненных предметов и признаков, на которые остается лишь навесить словесные этикетки, неверно и, в сущности говоря, наваяно структурой языка. В реальности мир — не вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки, и словарь — не их инвентарная опись»⁸.

Интерес к «фактическому» аспекту мира, к существующим в нем «положениям дел» естественно побудил логиков перейти от разработки семантических моделей имени (знака предмета) к изучению значения предложения (понимаемого как знак события). Действительно, пристальное и неотступное внимание к семантической структуре предложения, вытеснившего имя с центральных позиций, характеризует все основные системы современной логической семантики. Если ранее среди логиков преобладало механистическое представление о значении предложения как о совокупности значений входящих в него слов, то теперь значение слова рассматривается уже не как семантически автономная категория, своего рода смысловой атом, а как функция значения предложения.

Позднее эта идея была в достаточно категорической форме выражена Л. Витгенштейном: «З. З. Только предложение имеет смысл, только в контексте предложения имя обладает значением»⁹.

Другое следствие обращения логиков к «миру фактов» можно видеть в общей семантизации логического понятийного аппарата.

Категории классической логики, как известно, определялись прежде всего по их отношению к типам и формам мышления. Под пропозицией, или логическим суждением, подразумевалась определенная форма мысли, утверждаю-

⁷ Z. Vendler. Say what you think. «Studies in thought and language». The Univ. of Arizona Press, 1970, стр. 92.

⁸ С. Д. Кацпельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 141.

⁹ Л. Витгенштейн. Указ. соч., стр. 39.

щая или отрицающая нечто о предметах действительности. В этом именно значении термин «пропозиция» (англ., фр. proposition) был воспринят лингвистами, отнесшими его к языковой форме выражения суждения — к повествовательному предложению, а затем и к любому предложению вообще ¹⁰. С формы (способа) мышления термин «пропозиция» был перенесен на весьма разнообразные формы языка.

Символическая логика, в отличие от классической, стремится к определению своих понятий непосредственно по их отношению к категориям реальности, минуя их отражение в человеческом сознании ¹¹. Вследствие этой общей тенденции понятие пропозиции постепенно «повернулось» от мышления к миру, от субъективного фактора к фактору объективному. Оно стало применяться уже не к форме мышления, а к его содержанию, к конкретной мысли, выражаемой в предложении, тому, что в нем обозначается. Получив «семантизирующий» импульс, пропозиция, как будет видно из дальнейшего изложения, стала постепенно освобождаться от категорий субъективной модальности, передвигаясь тем самым в направлении от утверждения о событии, или положении дел, к обозначению самого события, от выражения того, что мы думаем о мире, к обозначению того, что происходит в мире.

Определение пропозиции было теперь поставлено в прямую зависимость от семантических теорий предложения. Последние же конструировались по аналогии с семантическими моделями имени, или термина. По мере того, как в фокус логических исследований попадало значение предложения, понятия и категории семантики, выработанные логиками применительно к имени, перемещались в сторону предложения.

Номиналистические теории предложения (т. е. теории, в основу которых клались принципы именования) получили, как известно, первое воплощение в трудах Г. Фреге. Обратившись к проблеме семантической структуры имени в связи с законом тождества (закон Лейбница) и допусти-

¹⁰ Русский термин «предложение» является, как известно, калькой с лат. *propositio, -onis* 'суждение'.

¹¹ См.: Т. И. Ломтев. Принципы отражения и его значение для теоретической грамматики. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970.

мостью замены одного имени другим в том или другом контексте, Фреге определил семантическую структуру имени как состоящую из смысла (Sinn), или способа представления предмета, и денотации, или референции (Bedeutung), т. е. отнесенности имени к определенному предмету.

Затем Г. Фреге применил эту модель к значению предложения. Предложению, по Фреге, так же как и имени, присущи смысл и значение (денотация, референция). Смыслом предложения (Фреге рассматривал только повествовательные предложения) следует считать выражаемую им мысль (Gedanke); денотацию предложения составляет его истинностное значение. Предложение тем самым может иметь только два денотата — истину (то, что имеет место в мире) и ложь (то, чего нет «на самом деле»). Сочетание мысли с истинностным значением, создавая семантику предложения, открывает путь к познанию действительности. В любом суждении, заключает Фреге, уже сделан шаг от уровня мысли (смысла) к уровню референции (значения), т. е. совершен акт утверждения некоторого содержания как истинного или ложного¹². Отделяя пропозицию от коммуникативной модальности, Г. Фреге вводит для обозначения утверждения знак —.

Если отвлечься от терминологических вариантов, то можно считать, что семантическая модель языковых единиц — имени и предложения, выдвинутая Г. Фреге, — легла в основу почти всех последующих логических теорий значения. Для того чтобы более ясно представить себе специфику различных концепций значения предложения, а также пределы, в которых колеблется определение пропозиции, возьмем в качестве термина сравнения следующую схему:

Единицы языка (слово, предложение)	«Единицы» действительности (предметы, события)
1. Смысл (коннотация, сигнификат)	3. Свойства предмета/события
2. Денотация (референция)	4. Предметы, события

Не все семантические концепции различают 3-й и 4-й компоненты схемы.

¹² *G. Frege. On sense and reference. «Translations from philosophical writings of Gottlob Frege». Oxford, 1952, стр. 63 (первая публикация — 1892 г.). — Анализ концепции Г. Фреге см.: Б. В. Бирю-*

Б. Рассел, которому уже была очевидна не только важность для современной логики понятия пропозиции, но и необходимость в его новом осмыслении, определил пропозицию как «содержание веры» (content of belief). Пропозиция, по Расселу, это то, что мы думаем, когда думаем истинно или ложно (what we believe, when we believe truly or falsely). Понятие пропозиции противопоставляется Расселом «пропозициональному отношению» (propositional attitude), выражаемому глаголами, способными сочетаться с пропозицией. Отделив объективное содержание предложения от субъективного компонента, Рассел поставил его в прямую связь с действительностью, фактом, под которым английский мыслитель понимал то в структуре мира, что делает наши знания о нем истинными или ложными ¹³. Так, факт поражения Наполеона при Ватерлоо есть то имевшее место событие, тот «атрибут мира», который придает истинность суждению «Наполеон потерпел поражение при Ватерлоо». Таким образом, динамический аспект мира создается свойствами, атрибутами предметов, тем, что связывает их с категорией времени. С этим аспектом мира и соотносится понятие истинности.

Специфика теории пропозиции Рассела, как и всех излагаемых ниже концепций, связана с тем, что в отличие от классической логики, занятой изучением форм мышления и обращавшейся для этого к основной структуре предложения типа *Человек смертен*, в которой наиболее очевидно выступает форма суждения *S есть P*, символическая логика обратилась к предложениям с многоместным предикатом, обозначающим сложное «положение дел» (факт) и скрывающим за собою несколько суждений, из которых, впрочем, только одно получает коммуникативную релевантность (тип *Девочка дает брату яблоко* — $aRbc$) ¹⁴.

ков. Теория смысла Готлоба Фреге. «Применение логики в науке и технике». М., 1960; Е. Д. Смирнова, П. В. Таванец. Семантика в логике. «Логическая семантика и модальная логика». М., 1967, стр. 34—39.

¹³ В. Russell. On propositions: what they are and how they mean.— В кн.: В. Russell. Logic and knowledge. London, 1956.

¹⁴ Совершенно аналогичным образом и в лингвистике переключение внимания с коммуникативной структуры предложения к проб-

Будучи сложными единицами, факты, по Расселу, имеют в качестве составляющих конститuentы, занимающие в них разные позиции. Два факта считаются идентичными по форме, если они различаются конститuentами, но не занимаемыми ими местами. Ср. *Наполеон ненавидит Веллингтона* и *Сократ любит Платона*.

Самое важное, по Расселу, свойство пропозиции заключается в том, что она является актуальным фактом речи, имеющим некоторую структурную аналогию с реальным фактом.

Хотя истинность предложения зависит от его отношения к реальному факту, этот последний, по мнению Рассела, не следует считать значением предложения. Подобная точка зрения вызвала бы непреодолимые трудности в определении значения ложного предложения. «Если в солнечный день я утверждаю *Идет дождь*, — замечает Рассел, — едва ли уместно искать значение этого предложения в факте сияния солнца»¹⁵. В этом случае не приходится говорить и о денотации предложения, так как это уподобило бы его имени собственному или дескрипции. Чтобы обозначить отношение пропозиции к объективному факту, Б. Рассел пользуется термином референция¹⁶.

Итак, пропозиция, по Расселу, это единица, представляющая собой актуальный факт, обладающая определенным синтаксическим строением, изоморфным структуре действительного факта, способная выражать истинностное значение и коррелирующая с глаголами пропозиционального отношения.

Изложенные воззрения Рассела во многом определили не только основные признаки пропозиции, но и тот круг проблем, который стало принято связывать с этой категорией.

лемам его семантического строения имело своим результатом изменение состава исследуемого материала: изучению форм абсолютной предикации в лингвистических работах стали предпочитать анализ предложений с относительными (многовалентными) предикатами. Ср., например, следующее замечание С. Д. Кацнельсона: «В силу своей одноместности абсолютные предикаты не представляют большого интереса для семантико-синтаксического исследования» (С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 178).

¹⁵ B. Russell. Указ. соч., стр. 314.

¹⁶ Там же.

Концепция пропозиционального знака (Satzzeichen), изложенная в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, в основном совпадает с идеями Б. Рассела. Видя в предложении образ или модель мира, повторяющую своим строением структуру атомарного факта, Л. Витгенштейн подчеркнул непосредственное отношение пропозиционального знака к миру. Ср.: «3.21. Конфигурация простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурации объектов в положении вещей»¹⁷. Еще более определенно, чем Рассел, Л. Витгенштейн сформулировал принципиальное различие между семантической функцией имени (простого знака) и пропозиционального знака. Ср. следующие его афоризмы: «3.144. Положения вещей могут быть описаны, но не названы (Имена подобны точкам, предложения — стрелкам, они имеют смысл)» и ниже: «3.221. Объекты я могу только называть. Знаки замещают их. Я могу только говорить о них, но не высказывать их. Предложение может только сказать, как существует предмет, но не что он такое»¹⁸.

Дальнейшее развитие идеи пропозиции шло путем уточнения места этого понятия в общей семантической модели предложения и определения его отношений с другими компонентами этой модели. Каждый автор обращал преимущественное внимание на какой-либо один аспект пропозиции.

А. Черч, который стоит ближе всего из современных логиков к идеям Г. Фреге, употребляет термин «пропозиция» в качестве английского эквивалента использованного Фреге термина *Gedanke* 'мысль', т. е. в значении смысла предложения (см. стр. 25, 1-й компонент схемы), понимаемого уже Фреге не как субъективная деятельность мышления, а как некоторое объективное, независимое от говорящего, содержание. Будучи абстрактным объектом, пропозиция, по Черчу, лишена того психологического оттенка, который свойствен суждению (*judgment*). А. Черч, вслед за Фреге, называет денотацией предложения его истинностное значение. Раз смысл языковых единиц детерминирует их денотацию и может рассматриваться как концепт денотата, то пропозицию следует определить как концепт истинностного значения предложе-

¹⁷ Л. Витгенштейн. Указ. соч., стр. 38.

¹⁸ Там же.

ния. Черч, таким образом, формулирует отношение смысла к денотату в терминах концепта ¹⁹.

Разработка проблемы отношений между компонентами семантической модели языковых единиц и соответствующими им элементами действительности была продолжена польским логиком К. Айдукевичем. Размышляя над проблемами значения, К. Айдукевич приходит к выводу (речь идет о последнем периоде его научной деятельности) к выделению двух типов семантических отношений: одно из них — отношение денотации — связывает знак и предметы, другое — отношение коннотации — соотносит знак и свойства предметов, им обозначаемых. Применительно к предложению эти два типа семантических отношений могут быть названы отношением денотации (в смысле Фреге) и отношением утверждения (the relation of stating). Пропозиция — это то, что утверждается в предложении, т. е. свойства, атрибуты мира. Пропозиция, констатируемая в истинном предложении, есть факт. Те свойства действительности, которые образуют пропозицию, состоят в отношениях между предметами. В предложении утверждается соответствие между синтаксическими местами, занимаемыми именами, и взаимодействием предметов, вовлеченных в событие. В концепции Айдукевича в фокусе внимания оказалась реляционная структура пропозиции ²⁰. Как и Б. Рассел, Айдукевич сосредоточил основное внимание на пропозициях, образуемых многоместными пропозициональными функциями (относительными предикатами).

Итак, Айдукевич связал термин «пропозиция» с теми свойствами реального мира, которые утверждаются в предложении и соответствуют его коннотации (смыслу). Понятие пропозиции было тем самым изъято из сферы языка и непосредственно отнесено к атрибутам реальности (см. стр. 25, 3-й компонент схемы).

В теории К. Льюиса ²¹ была заострена идея отношения пропозиции к утверждению, наметившаяся еще у Г. Фреге, оригинально разработанная Айдукевичем и очень существ-

¹⁹ А. Черч. Введение в математическую логику. Пер. с англ. М., 1960, стр. 32.

²⁰ К. Ajdukiewicz. Proposition as the connotation of sentence. «Studia logica», 1967, t. XX.

²¹ C. I. Lewis. The modes of meaning. «Semantics and the philosophy of language», t. I. Urbana, 1952.

венная, как будет видно, для всего последующего развития этого понятия.

Моделируя, подобно большинству логиков, значение предложения по аналогии со значением имени (терма), Льюис определяет пропозицию как терм, способный обозначать положение дел. Пропозиция, по Льюису, это то содержание, которое может быть подвергнуто утверждению, отрицанию, предположению, сомнению и т. п. Оно легко обращается в побуждение, о нем можно запросить адресата речи. «Пропозиция — это терм, приспособленный к обозначению положения дел. Определение пропозиции как выражения, способного быть истинным или ложным, достаточно верно, но не перспективно (*inauspicious*), так как оно может легко повести к отождествлению пропозиции с суждением или утверждением (*statement or assertion*); между тем элемент утверждения в суждении чужд утверждаемой пропозиции. Пропозиция есть нечто утверждаемое (*assertable*), содержание утверждения, причем то же самое содержание, обозначающее то же самое положение дел, может быть подвергнуто запросу, отрицанию или только предположению. Оно может быть использовано также и в других модусах (*moods*)»²². Льюис резко отграничивает пропозицию от способов ее использования (*the modes of entertainment*).

«Положение дел» соответствует означаемому (сигнификации) пропозиции, а не ее денотации. Пропозиция обозначает лишь некий существенный атрибут, которым должен обладать мир, чтобы к нему было приложимо данное высказывание. Отношение утверждения, констатации (*statement*) приписывает обозначаемое пропозицией «положение дел» миру.

Денотация, или экстенсия, пропозиции либо охватывает мир, либо является пустой. Дистинктивным экстенсиональным свойством пропозиции является ее истинность или ложность²³. Все истинные пропозиции, тем самым, обладают одинаковой экстенсией, равной миру, — все ложные пропозиции имеют нулевую экстенсию. Понятие субъекта суждения, таким образом, расширяется до объемов вселенной, а анализ пропозиции уподобляет-

²² C. I. Lewis. An analysis of knowledge and valuation. La Salle, 1946, стр. 49.

²³ C. Lewis. The modes of meaning, стр. 242.

ся принятому в лингвистике способу рассмотрения нерасчлененных предложений, целиком соотносимых с «положением дел» в мире. Интенсия (смысл, коннотация) пропозиции формируется всем тем, что составляет ее логическое следствие, т. е. всеми предложениями, обладающими условиями истинности, одинаковыми с данным.

Итак, пропозиция, по Льюису, имеет полную семантическую структуру терма, образуемую в его системе такими категориями как денотация, или экстенсия, коннотация, или интенсия, протяженность (*comprehension*)²⁴ и обозначаемое, или сигнификация²⁵. Рассматривая пропозицию как разновидность термов, Льюис отделяет от нее коммуникативную модальность.

Сближение пропозиции с термом (именем), ее отвлечение от категорий модальности было вызвано тенденцией, столь естественной в условиях предпринятого логиками анализа систем научных знаний, к объективации истинностного значения, к его освобождению от говорящего субъекта и речевой ситуации, т. е. от прагматических факторов.

Отдаляясь от субъективного компонента значения и отмежевываясь от глаголов пропозиционального отношения, пропозиция, будучи непосредственно соотнесена с действительностью, поставлена с ней «лицом к лицу», наведена на мир подобно правильному или кривому зеркалу, сохраняла связь с истинностным значением, которое тоже тем самым освобождалось от субъективной зависимости. Более того, во всех версиях пропозиции истинностное значение считалось основной отличительной чертой этой семантической категории. Признавая, что понятие пропозиции нуждается в уточнении, Л. Линский отмечал в то же время, что все логики согласны употреблять этот термин для обозначения того, что обладает признаком истинности или ложности²⁶. Приблизительно

²⁴ Под протяженностью, или объемом, терма имеются в виду все существующие и мыслимые предметы, к которым может быть отнесен данный терм и утверждение о существовании которых не таит в себе противоречия. Так, объем терма «квадрат» охватывает все существующие и воображаемые квадраты, но не включает «круглых квадратов» (*C. Lewis. The modes of meaning*, стр. 238).

²⁵ О семантической структуре терма см.: *C. Lewis. The modes of meaning*, стр. 237—241.

²⁶ *L. Linsky. Referring*. N. Y., 1967, стр. 91.

так же думают и лингвисты, пользующиеся этим понятием.

Ср. недавнее высказывание Б. Холл-Парти: «Интуитивно под пропозицией понимают то, что выражает предложение, т. е. то, о чем можно сказать, истинно оно или ложно»²⁷. В этом же значении принимает понятие пропозиции С. Д. Кацнельсон: «Всякое предложение отражает реальные факты с известным приближением. Выражаемая им пропозиция может быть в своем отношении к действительности верной, неточной или вовсе ложной. Всякая пропозиция имеет поэтому, как выражается логика, «функцию истинности»²⁸.

Пропозиция, таким образом, рассматривалась логиками как носитель (vehicle, carrier) независимой от субъекта истины.

Комментируя логическое определение пропозиции как семантической категории, способной получать истинностное значение, Л. Витгенштейн отмечал, что оно равнозначно указанию на то, что предикатами пропозиции могут быть слова *истина* и *ложь* (*истинно*, *ложно*)²⁹. Ср. *То, что лед легче воды, истина; То, что сейчас светит солнце, ложь*. Витгенштейн подчеркнул, таким образом, что приведенная дефиниция базируется на сочетаемости пропозиции с определенным семантическим типом предикатов, а не на соответствии концепту истины. Пока термин «пропозиция» обозначал логическое суждение, т. е. категорию, отвечающую коммуникативной цели утверждения / отрицания, истина и ложь составляли единственные предикаты пропозиции-суждения (если не считать «промежуточных» предикатов возможности, т. е. дизъюнкцию истинности и ложности). Позднее, по мере осознания множественности коммуникативных целей высказываний (см. подробно ниже), в пропозиции стали видеть тот семантический инвариант, который остается неизбылемым при изменении коммуникативной задачи и может, поэтому, входить не только в утверждение, но и в вопрос, просьбу, приказание, предположение, обещание, пожелание и т. п.

²⁷ B. Hall Partee. The semantics of belief-sentences. «Approaches to natural languages». Dordrecht — Boston, 1973, стр. 319.

²⁸ С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 142.

²⁹ L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1953, § 136.

Говоря о том, что пропозиция должна быть представлена в отвлечении от ее роли в «языковой игре», Л. Витгенштейн поясняет свою мысль следующей параллелью. Предположим, перед нами изображение боксера в определенной позиции. Оно может быть использовано в разных целях, например для демонстрации того, как следует или не следует стоять на ринге, для иллюстрации приемов работы определенного боксера и т. п. По отношению ко всем этим «способам применения» сама картинка остается неизменной, будучи, если воспользоваться химическим термином, своего рода пропозициональным радикалом (a propositional radical) ³⁰.

Формирующийся новый подход делал очевидным, что истина и ложь являются далеко не единственными «партнерами» пропозиции, а, следовательно, нет причин считать дистинктивной чертой этой категории способность выражать истинностное значение. Указанный ход мысли привел З. Вендлера к следующему недвусмысленному заключению: «То, что я приказываю, в чем сомневаюсь, за что хвалю кого-нибудь, к чему стремлюсь, что утверждаю и т. п., может быть совершенно одним и тем же. Ср. *Я приказываю взять город; я запрещаю брать город; я сомневаюсь во взятии города*. Варьируется лишь внешняя форма, скрывающая за собой одну и ту же глубинную структуру. Эта абстрактная структура, взятая в ее семантическом аспекте, и есть пропозиция. Пропозиция всегда предстает в сочетании с теми или другими коммуникативными „силами“, придающими ей речевую целенаправленность. Очевидно, хотя это и идет вразрез с общепринятым мнением, что сами по себе пропозиции не бывают истинными или ложными, точно так же как они не бывают уместными, справедливыми, осуществимыми и т. п. Только в сочетании с определенными коммуникативными „силами“ они могут оцениваться как истинные, уместные или реализуемые» ³¹ (подробнее о концепции З. Вендлера см. ниже).

Сама по себе мысль о том, что содержание суждения обладает известной степенью автономности от коммуникативной цели высказывания, выражалась логиками и лингвистами уже ранее, в связи с проблемой отношения

³⁰ L. Wittgenstein. Указ. соч., стр. 12 (подстрочное дополнение).

³¹ Z. Vendler. Les performatifs en perspective. «Langages», 1970, v. 17, стр. 89.

суждения к разным типам предложения — повествовательному предложению, вопросу и побуждению ³².

Таким образом, истинностное значение может характеризовать пропозицию, только если ей сопутствует коммуникативная цель утверждения / отрицания, создающая суждение, т. е. требующая оценки содержания предложения по его соответствию или несоответствию фактам.

Суждение тем самым было восстановлено в своем прежнем составе: ему был возвращен модус. Однако к нему уже не применялся термин «пропозиция». Выйдя из субъективной сферы, этот термин больше в нее не вернулся. За обозначаемым им понятием закрепилась противопоставленность «пропозициональным отношениям», в том числе и модусу утверждения / отрицания, порождающему истинностное значение. Пропозицией стали называть семантическую структуру, способную входить в модальную рамку.

Итак, понятие пропозиции прошло следующие этапы развития: 1) сначала оно соответствовало целостному суждению, как определенной форме мысли, состоящей из модуса утверждения и диктума; 2) затем оно было определено как «объективированное» содержание мысли, отделенное от субъективной модальности и непосредственно соотнесенное с обозначаемым «положением дел», как если бы постоянным спутником пропозиции был модус утверждения, а единственным ее назначением — «портретирование», воспроизведение фрагментов действительности, что позволяло пропозиции сохранить связь с истинностным значением; 3) наконец, термин «пропозиция» был применен к значению той части любого предложения, той семантической структуре, которая способна соединяться с любым «модусом коммуникативной цели», т. е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта.

* * *

В ходе обсуждения проблемы пропозиции, как можно было убедиться, обнаружились разногласия, отчасти связанные с трудностями четкого разграничения тех катего-

³² Об этом см.: В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления М., 1971, стр. 113—137; И. В. Копнин. Диалектика. Логика. Наука. М., 1973, стр. 213 и сл.

рий, которые, казалось бы, столь явственно и очевидно различны, в частности, категорий языка и явлений действительности, единиц значения и двусторонних знаков.

В некоторых концепциях наблюдается тенденция к ослаблению наиболее фундаментального семантического различия между категориями языка и действительности: коннотацией и свойствами объектов, денотацией и классом объектов. Это, по-видимому, обусловлено тем, что действительность фигурирует в семантических схемах не в ее «сыром» облике, а уже пропущенная через классифицирующую и абстрагирующую деятельность человеческого сознания, отраженную и закрепленную в языке. Компоненты действительности, поэтому, непроизвольно «поднимаются» на уровень языка. Неясностью границы между языком и реальностью, как можно предположить, объясняется склонность ряда логиков, особенно К. Льюиса, к «динамизированной» форме многих терминов (ср. *денотация* вместо *денотат*, *сигнификация* вместо *сигнификат*, *десигнация* вместо *десигнат*, *классификация* вместо *класс*), которые можно относить и к способности единиц языка обозначать нечто реальное и само это «нечто», т. е. применять и к модели значения и к действительности. Неразграниченность категорий языка и действительности особенно заметна, когда речь идет о свойствах предметов и сигнификативном содержании слов (т. е. о 1-м и 3-м компонентах схемы) ³³.

Очень часто приходится констатировать отсутствие необходимой дифференциации между «чистым» значением и двусторонним знаком. Эта тенденция, выявляющаяся в самих способах выражения и изложения, обусловлена тем, что категории значения, в том числе и семантика предложения, всегда имеют некоторую (пусть условную) форму записи, без которой ими невозможно оперировать. Вследствие этого, они невольно мыслятся как двусторонние сущности. Поэтому, некоторые авторы, определяя пропозицию как значение предложения, в то же время пользуются такими терминами как «синтаксическая структура пропозиции», «значение пропозиции». В результате такого словоупотребления понятие пропозиции сме-

³³ Ср. определение пропозиции то как коннотации (смысла) предложения (А. Черч), то как атрибутов действительности (К. Айдукевич).

пивается вновь с понятием предложения. Представляется, что преодолеть эту тенденцию, в свое время приведшую к возникновению самого термина «предложение» в результате переноса обозначения содержания на обозначение формы, практически невозможно. Такого рода «перескакивание» терминов с двусторонних единиц на их значение, со значения на форму и наоборот представляет собой характерную черту функционирования лингвистической терминологии³⁴.

Пожалуй, самым больным местом семантических теорий предложения является проблема денотации (референции). Пока еще не было предложено ни одного удовлетворительного решения этого вопроса (референтом предложения считают в разных системах мир, факт, событие, истинностное значение). Трудности «подыскивания» предложению адекватного денотата не случайны. Они вытекают из неорганичности понятия денотата и денотативных отношений для семантической структуры предложения. Действительно, указанные понятия были привнесены в семантическую модель предложения из модели значения имени, в которой денотации соответствует основная (первичная) функция имени — функция называния (именования) предмета, о котором делается сообщение. Различие между номинативным предложением *Море (Это — море)* и словом *море* в *Море светилось* состоит в нереферентности первого употребления и референтности второго. Внутри предложения *Море светилось* имя выполняет роль знакового заместителя предмета, о котором делается сообщение. Этот предмет представляет собой денотат имени «море». Предложение *Море* не выполняет функции субституции по отношению к денотату: слово *море* указывает только на классификационно значимые черты соответствующей реальности, не идентифицируясь с ней. Денотацией, таким образом, обладает субъект (шире, идентифицирующие имена), но не предикат предложения. В предложении, таким образом, денотат и сигнификат, т. е. функция и а з ы в а н и я и о б о з н а ч е н и я, образующие се-

³⁴ См. о развитии значения термина «морфема» в кн.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, раздел «Основная единица морфологического анализа» (стр. 233—256). Ср. также употребление термина «падеж» в «падежной грамматике» Филлмора (Н. Д. Арутюнова. Проблемы синтаксиса и семантики в трудах Ч. Филлмора. — ВЯ, 1973, № 1).

мантическую структуру неактуализованного имени нарицательного, «разведены» по разным составам: субъект в общем случае получает денотативное значение, предикат реализует свое сигнификативное содержание. Предложение, выражающее конкретное суждение, поэтому лишено семантической гомогенности.

Применительно к целиком взятому предложению, семантика которого опирается на предикат, проблема денотации не находит естественного разрешения. Именно это объясняет изложенную выше точку зрения Льюиса (представляющую собой модификацию взглядов Фреге), согласно которой денотация предложения охватывает мир или является пустой. Такое ничем не ограниченное представление денотата предложения свидетельствует, как кажется, об избыточности понятия денотации для теории значения предложения. Введение этого понятия в семантическую модель предложения стирает различия между семантическими свойствами предложения и имени. Оно, кроме того, затемняет основную семантическую черту «классического» (т. е. двусоставного расчлененного) предложения, заключающуюся в его смысловой гетерогенности, в семантической противопоставленности по «уровню значения» идентифицирующих имен и предиката.

Изложенный здесь взгляд не позволяет видеть в пропозиции семантически однородную единицу, соответствующую сигнификату предложения, обозначающую некоторое положение дел и соотносимую с субъективным модусом. То в природе языка, что в этом случае дает повод для выделения пропозиции, есть не более, чем специфика значения предикатов (в особенности многоместных), задающих определенную конфигурацию и семантические типы актантов (синтаксически связанных с предикатом имен). Между тем, понятие пропозиции чрезвычайно полезно в другом отношении: оно составляет ту основу, на которой держится здание пропозитивной семантики (см. ниже). В данной работе понятие пропозиции находит себе место прежде всего в этой функции. Для наших целей, поэтому, достаточно определить пропозицию как семантическую структуру, объединяющую денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция.

Один из результатов развития логических идей, относящихся к значению предложения (пропозиции), мож-

но видеть в выделении его номинативного аспекта, или уровня смысла, в отвлечении от актуализирующих значений, или модальных операторов.

Обращение к номинативному аспекту связано с задачей различения ложных и бессмысленных высказываний, а также с комплексом идей, касающихся синтаксических и коммуникативных преобразований предложений, не затрагивающих пропозиции. Некоторые исследователи говорят о специфических для пропозиции категориях³⁵. В этом же контексте был поставлен очень существенный для теории синтаксиса вопрос о роли пропозиции в составе высказывания, а также о семантическом спектре сочетающихся с пропозицией глаголов пропозиционального отношения.

Другим результатом развития логических концепций явилось введение функции утверждения в общий ряд с прочими видами коммуникативных «сил», вследствие чего истинностное значение, коррелирующее с утверждением, перестало считаться основным свойством пропозиции. Объединение утверждения с другими коммуникативными целями справедливо лишь отчасти. Утверждение по ряду черт существенно отлично от прочих коммуникативных заданий. Это отличие состоит в следующем. Только суждение, создаваемое отношением утверждения, допускает отвлечение от прагматического фактора. Нельзя обсуждать содержание таких речевых актов, как обещание, просьба, приказание, угроза, предупреждение и т. п. безотносительно к автору и адресату речи, но можно говорить о содержании утверждения, независимо от того, кем оно было сделано и к кому обращено. Приказ и просьба, угроза и обещание бессмысленны, если они ни к кому не адресованы, утверждение может не иметь ни автора, ни адресата. Кроме того, отношение к действительности, характеризующее суждение, безразлично и для других коммуникативных целей, при которых оно связано с «будущими мирами». Это как бы поднимает отношение утверждения над прочими коммуникативными «силами».

³⁵ Л. М. Ковалева. Переходность — непереходность как категории пропозиции. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов на секционных заседаниях». М., 1974.

«Инструментальные» концепции языка

Если внимание школы «философии анализа», поставившей задачу исследования языка науки и его формализации, было сосредоточено на понятиях пропозиции и ее истинностного значения, на выяснении логических отношений между пропозициями, в частности отношений импликации, на возможностях сведения интенциональных контекстов к экстенциональным и т. п., то Оксфордская школа, обратившись к изучению обыденного языка и закономерностей его функционирования в естественных условиях коммуникации, а также к описанию норм речевого словоупотребления, включила в круг своих интересов субъективный аспект речи и собственно прагматический фактор: пропозициональные отношения, их взаимодействие с пропозицией, ситуативные условия и цели коммуникации. «Мир» в этих новых теориях составляет уже не семантический субстрат пропозиции, а фактор, создающий ситуацию коммуникации и определяющий ее задачи. Иначе говоря, мир вошел в эти концепции через человека.

Очень характерно, что, если представители школы логического анализа подчеркивали объективный характер таких понятий как *Begriff* (Фреге), концепт (Рассел), составляющих семантическую основу высказываний, то теперь даже этому наиболее «объективному» компоненту значения предложения придается субъективная окраска. «Концепт, в том смысле, в каком я употребляю этот термин, субъективен. Это умственное построение (*mental saracity*), принадлежащее определенному лицу»³⁶, — писал П. Гич, разъясняя отличие своих взглядов от взглядов логиков аналитического направления.

Утратило объективность, независимость от прагматического аспекта речи и понятие логического вывода. Отношения импликации устанавливаются теперь не между пропозициями, а скорее между целостными высказываниями или высказываниями и включенными в них пропозициями. Так, например, некоторые авторы считают, что вопрос *Ты мог бы помочь мне?* имплицитно просит *Помоги мне!*³⁷. В этом случае речь может идти только об

³⁶ P. Geach. *Mental acts*. London [б.г.], стр. 13—14.

³⁷ D. Gordon, G. Lakoff. *Conversational postulates*. «Papers from the 7 Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society». Chicago, 1971.

импликации (точнее, замене) одного коммуникативного намерения другим. Дж. Остин усматривает отношения импликации между пропозицией *Идет дождь* и высказыванием *Я думаю (полагаю), что идет дождь*³⁸. Импликация в таком понимании составляет «условие доброй воли» речевой деятельности, а нарушение импликации указывает на отсутствие искренности, а не на отсутствие истинности.

Вместо истинности предложения, таким образом, в центре внимания логиков и философов оказалась искренность высказывания (см. ниже).

Если раньше считалось более важным отношение предложения к действительности, то теперь на первый план выдвигается отношение высказывания к автору речи.

Позднее сам Остин уточнил и разъяснил особый вид импликации, который имеет место в подобных случаях: не «дождь идет» имплицитно «я полагаю, что идет дождь» (т. е. не « $p \supset q$ »), а утверждение p имплицитно в особом смысле этого термина «я думаю, что p ». Точно так же, как, задавая вопрос, говорящий дает понять, что он не располагает необходимой информацией, автор речи, утверждая что-либо, дает понять, что его слова соответствуют его образу мыслей. Высказывание *Дождь идет, но я так не считаю* не содержит явного противоречия. Оно скорее нарушает молчаливое соглашение об употреблении языка в определенных ситуациях³⁹.

Й. Уетли называет такого рода отношения «обязательством» (engagement). Ср. «А утверждает, что p » предполагает «А верит в то, что p »; «А просит X » предполагает, что «А нуждается в X »; «А нуждается в X » предполагает, что «А будет стремиться получить X »; «А говорит: «Я обещаю сделать это» предполагает, что «А намерен сделать это». Отношения обязательства лежат в основе нестрогих правил (defeasable rules) приведенного выше типа⁴⁰.

Если соблюдение правил логического вывода обеспечивает семантическую корректность предложения, то соблюдение принципа искренности обеспечивает успеш-

³⁸ J. L. Austin. How to do things with words. Cambridge, 1962, стр. 47–50.

³⁹ J. L. Austin. The meaning of a word. «Theory of meaning». Prentice-Hall, 1970, стр. 43.

⁴⁰ J. Wheatly. Language and rules. The Hague — Paris, 1970, стр. 34–35.

ное использование высказывания. Логические импликации определяют корректное мышление, а коммуникативные импликации — корректное поведение.

Таким образом, одним из следствий общего поворота интереса логиков к обыденному языку была субъективизация и даже психологизация основного понятийного аппарата ⁴¹.

Посмотрим теперь на какую общую теорию опирался новый круг интересов, связанных с изучением языка.

Л. Витгенштейн, идеи которого, относящиеся ко второму периоду творчества, во многом определили воззрения Оксфордской школы, обратил внимание на недостаточность подхода многих логиков и философов, ограничивающих функции предложения лишь описанием факта, т. е. утверждением истинности или ложности пропозиции. Такой взгляд, сложившийся в процессе логического анализа языка науки, скользит мимо множественности орудий обиходной речи, мимо огромного количества существующих в ней разновидностей слово- и фразеупотребления. Отдавать распоряжения, умолять, спрашивать и отвечать, благодарить, проклинать, поощрять, приветствовать, заниматься пересказом или пустой болтовней, высказывать предположение, отгадывать загадки, шутить, решать задачи, переводить, обучать языку и пр. — все это в той же мере создает факты нашей естественной истории как еда, питье, прогулки, игры и пр. ⁴²

Это положение составляет ключ к концепции, изложенной в посмертно опубликованных «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна. Оно определило понимание речи как компонента человеческой деятельности, а языка как орудия, направленного на выполнение определенной задачи. Можно вообразить языки, приспособленные к достижению лишь некоторых целей, — писал Витгенштейн, — например, язык приказов или язык вопросно-ответного типа; причем, представить себе такой язык значит в то же время представить себе определенную форму жизни ⁴³.

Язык уподобляется Витгенштейном игре, высказывание же понимается как ход в этой игре, удовлетворяю-

⁴¹ Совершенно аналогичную эволюцию испытало понятие референции. См. об этом в главе «Элементы теории референции».

⁴² *L. Wittgenstein. Philosophical investigations*, стр. 12, § 23—25.

⁴³ *L. Wittgenstein. Указ. соч.*, стр. 8, § 12.

щий определенным конвенциональным правилам и вместе с тем связывающий «слово» и «дело», между которыми, как подчеркивал Витгенштейн, существует поразительная согласованность. Под языковыми играми (language-games) Витгенштейн имел в виду все виды пользования языком (речью), прежде всего то целое, которое образует язык и действие. Мы вводим термин «языковая игра», писал Витгенштейн, чтобы подчеркнуть тот факт, что говорение есть часть деятельности, или форм жизни⁴⁴. Эта идея переключила интересы логиков с пропозиции на глаголы пропозиционального отношения, эксплицирующие инструментальный аспект высказывания. Сама по себе пропозиция, освобожденная от значения коммуникативной цели, не составляет предложения нашего языка. Она не есть ход в языковой игре⁴⁵. Интерес к деятельности, инструментальной стороне речи отодвинул в концепции Витгенштейна проблемы, касающиеся связи языка и мышления⁴⁶, с одной стороны, и отношения содержания предложения к действительности — с другой.

Любопытно, что Витгенштейн и его сторонники иллюстрируя свое понимание языка, постоянно сравнивали его, подобно Соссюру, с игрой в шахматы. Однако, если для Соссюра существенным в этой аналогии было прежде всего то, что материальное воплощение шахматных фигур, их «субстанциональное содержание» безразлично для их игровой ценности, чем подтверждалась, в частности, условность связи между означаемым и означающим языкового знака, то Витгенштейн подчеркивал этим сопоставлением целеустремленность и регламентированность языка, его подчиненность набору конвенциональных правил. В первом случае сравнение раскрывало сущность единиц языка, во втором — принципы их функционирования.

После публикации работ «позднего» Витгенштейна среди его последователей окончательно утвердилась идея

⁴⁴ *L. Wittgenstein*, Указ. соч., стр. 12, § 23.

⁴⁵ Там же, стр. 10, § 19.

⁴⁶ Анализ и критика философской стороны концепции Л. Витгенштейна дана в кн.: *И. С. Парский*. Современный позитивизм. М., 1961; *А. К. Бегиашвили*. Современная английская лингвистическая философия. Тбилиси, 1965; *В. С. Швырев*. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966; *М. С. Козлова*. Философия и язык. М., 1972; *А. С. Богомолов*. Указ. соч., стр. 255 и след.

о том, что только предложение имеет смысл, значение же слов пропзводно от смысла предложения. Словари, толкующие значения слов, писал в этой связи Дж. Остин, — могут предложить нам только опору (aid) для понимания предложений, содержащих эти слова ⁴⁷. Под предложением Витгенштейн понимал не абстрактную синтаксическую структуру, не модель построения предикативных единиц, а скорее высказывание, целеустремленный речевой акт. Если основной характеристикой предложения принято считать его отнесенность к действительности (предикативность), то основным свойством высказывания, в понимании Витгенштейна, является его направленность на достижение определенной цели. В высказывании, таким образом, следует видеть орудие, а смысл его искать в его употреблении.

Подобно тому, как предложение (пропозиция) в свое время свергло слово с главенствующих в логической семантике позиций, теперь оно в свою очередь было смещено высказыванием. На смену теорий пропозиции пришли теории речевого акта (см. ниже).

Если ранее, как отмечалось, значение предложения моделировалось по аналогии со значением имени (терма), что послужило источником развития денотативных теорий значения предложения, то теперь, напротив, значение слова, в том числе и имени, определяется по аналогии со значением предложения (высказывания). Основные семантические свойства предложения начали считаться также наиболее существенными семантическими чертами слова.

Указанные выше признаки смысла предложения — подчиненность определенным правилам употребления и орудийность, целенаправленность — дали основание для формулирования концепции значения слова как его употребления. Почва для такого понимания значения, как уже говорилось, была подготовлена работами Фреге и Рассела. Последний писал: «Значение слова более или менее неопределенно. Оно может быть вскрыто только путем наблюдений за его употреблением: употребление первично, значение же извлекается из него. Отношение значения слова к его употреблению сходно по своей природе с законом причинности. Человек, правильно пользующийся словом, может не сознавать его значения точно так же,

⁴⁷ J. Austin. The meaning of a word, стр. 136.

как правильно двигающаяся планета не знает ничего о законе Кеплера»⁴⁸.

Реплика Л. Витгенштейна «Не спрашивайте меня, что значит слово, спросите лучше, как оно употребляется» стала девизом философов-оксфордцев. В «Философских исследованиях» эта мысль облечена в следующую более осторожную форму: «Для обширного класса случаев — хотя и не для всех, — в которых мы пользуемся словами, значение слова можно определить так: значение слова есть его употребление в языке»⁴⁹.

Итак, значение слова понимается как его роль в высказывании, а не тот денотат, к которому оно относится. Витгенштейн прямо предостерегал против смешения значения слова с носителем имени⁵⁰.

Теория значения тем самым теряет свой денотативный характер. Если в рамках логики анализа денотативная концепция значения применялась не только к именам, но и к предложению, то теперь, наоборот, коммуникативная теория значения была отнесена не только к смыслу высказывания, но и к значению входящих в него слов. Столь резкие колебания в построении семантических теорий, по-видимому, вызваны тем, что категория значения считается единой и универсальной, независимой от уровня анализа и типа единиц. На лингвистической почве такого рода гомогенная теория, которая бы не делала принципиальных различий между значением слова, предложения и высказывания, едва ли может оказаться эффективной: значение предложения не может описываться в тех же терминах, в которых описывается значение имени и, наоборот, значение имени не может описываться по той программе, по которой описывается смысл предложения. Значение прямо подчинено той функции, которую выполняет соответствующая ему единица; оно формируется в зависимости от предназначения этой единицы. Поэтому, принципиальные различия в коммуникативной функции слова, предложения и высказывания не могут не соответствовать принципиальным различиям в их семантической структуре. Если учитывать лишь классические формы каждой из названных единиц языка, то можно считать, что для классического слова (будем считать им нарицательное имя)

⁴⁸ B. Russell. *Logic and knowledge*, стр. 300.

⁴⁹ L. Wittgenstein. Указ. соч., стр. 20, § 43.

⁵⁰ Там же, стр. 20.

специфично наличие в его семантической структуре понятийного содержания (сигнификата) и денотативной отнесенности, или иначе, способности к называнию (именованию) и обозначению. Семантическая двучастность слова обусловлена его функциональной двойственностью, приспособленностью и к идентификации предмета речи, и к предикации; для предложения (пропозиции) характерна семантическая гетерогенность его компонентов, один из которых соответствует уровню сигнификации (предикат), другие находятся на денотативном уровне (аргументы, выполняющие функцию идентификации называемых ими предметов или событий), наконец, основной семантической характеристикой высказывания является указание на коммуникативную цель, с которой применяется пропозиция.

В заключение этого раздела мы хотели бы подчеркнуть, что для развития логических концепций значения характерна тенденция включать в определение этой категории те черты языка, которые принимаются в той или другой теории за доминанту. Поэтому несколько не удивительно, что утвердившийся среди представителей Оксфордского направления взгляд на язык как на орудие регламентированной деятельности непосредственно отразился на понимании категории значения.

Логико-философские теории речевого акта

Мысль о том, что речевая деятельность не должна противопоставляться другим видам человеческих действий, сама по себе не нова. Она высказывалась, в частности, Гегелем⁵¹. Изучая «Лекции по философии истории» Гегеля, В. И. Ленин обратил внимание на следующее его определение: «Речи... суть действия, происходящие между людьми» и сделал к нему следующее примечание «следовательно, эти речи не болтовня»⁵².

Советская психология и психолингвистика разрабатываются на основе общей теории деятельности. «Внесение

⁵¹ Анализ лингвистических воззрений Гегеля см.: *D. J. Cook. Language in the philosophy of Hegel. The Hague — Paris, 1973.*

⁵² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 281.*

в психологическую науку категории деятельности (Tätigkeit) в ее последовательно марксистском понимании, — пишет А. Н. Леонтьев, — имеет поистине ключевое значение для решения таких капитальных проблем, как проблема сознания человека, его генезиса, его исторического и онтогенетического развития, проблема его внутреннего строения. Оно, наконец, единственно открывает возможность создать единую научную систему психологических знаний»⁵³.

Деятельностный подход определяет также психолингвистические исследования, проводимые Н. И. Жинкиным, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьевым и другими учеными⁵⁴.

Стремление к синтезу теории действий и теории речи характерно и для многих других направлений мысли. Оно привело, в частности, к идее перформативных высказываний, выдвинутой видным представителем философии обыденного языка — Дж. Остином⁵⁵. Предложения, на которые обратил внимание Остин, представляют собой не обычные сообщения, несущие некоторую информацию. Они скорее эквивалентны действию, поступку, определенной акции, иной раз чреватой серьезными последствиями. «To say is to do something» («Сказать что-либо значит совершить некоторый поступок») ⁵⁶ — писал Остин. В концепции Остина тем самым было снято резкое противопоставление «слов» и «дел». Если обычно право считать слова своими делами считалось привилегией писателей и поэтов⁵⁷, то теперь оно было признано за всеми людьми. Классическими примерами перформативных высказываний могут служить формулы объявления вой-

⁵³ А. Н. Леонтьев. Общее понятие о деятельности. «Основы теории речевой деятельности». М., 1974, стр. 5; ср. также: М. С. Каган. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. М., 1974.

⁵⁴ Принципы и метод, используемые этой школой, изложены в кн.: «Основы теории речевой деятельности». М., 1974 (к книге приложена большая библиография).

⁵⁵ J. Austin. Performative — constative. «Philosophy and ordinary language». Urbana, 1963; *Он же*. How to do things with words, стр. 5—12.

⁵⁶ J. Austin. How to do things with words, стр. 12.

⁵⁷ Ср. следующее высказывание Блока: «Похищенные у стихии и приведенные в гармонию звуки, внесенные в мир, сами начинают творить свое дело. «Слова поэта суть уже его дела». Они проявляют неожиданное могущество» (А. Блок. О назначении поэта).

ны, завещаний, клятв, присяг, слова обещания, вызовы на поединок, извинения и приглашения, предложения пари, формулы заключения сделок и соглашений. Словесные выражения, разумеется, могут повести к желаемому эффекту, только если соблюден ряд необходимых для этого условий, названных Остином «уловиями удачи» (happiness conditions).

Дж. Остин вывел перформативы из числа высказываний, выражающих истинностное значение. Вместо истинности или ложности перформативные высказывания, как и всякий поступок, как любое целенаправленное действие, характеризуются свойством эффективности или неэффективности, счастливого или несчастливого исхода, удачности или неудачности ⁵⁸.

Итак, перформативные высказывания обладают следующими отличительными чертами: 1) они ничего не констатируют, 2) они лишены истинностного значения, 3) их характеризует признак эффективности / неэффективности; 4) они должны отвечать некоторой социально узаконенной, общепринятой процедуре, церемониалу; 5) они неповторимы, единственны в своем роде, 6) классические перформативные высказывания содержат глагол в 1-м лице ед. числа, наст. времени индиктива актива.

Изучение перформативных высказываний и образующих их глаголов приводит Остина к определению структуры речевого акта. Совершить речевой акт, по Остину, означает: а) издать членораздельные звуки, относящиеся к определенному языковому коду, б) произнести некоторое высказывание, построенное из слов данного языка с соблюдением правил его грамматики, в) употребить высказывание с определенным смыслом и референцией, т. е. придать ему значение ⁵⁹.

Перечисленные ступени, однако, не исчерпывают процесса речеобразования. Всякое речение осуществляется с определенным намерением. Люди говорят для того, чтобы высказать свое суждение о чем-либо, дать совет, обещать или предложить что-либо, осудить или одобрить чей-либо поступок, убедить или разубедить в чем-нибудь собеседника, потребовать или выяснить что-либо. Целе-

⁵⁸ J. Austin. How to do things with words, стр. 12—25, где излагается учение о «речевых осечках» (по терминологии автора — infelicities 'несчастья, неудачи').

⁵⁹ Там же, стр. 92.

направленность превращает речение в иллокутивный (т. е. коммуникативный) акт (illocutionary act). Теорию коммуникативных функций речи Остин назвал учением об «иллокутивных силах» (illocutionary forces) высказывания ⁶⁰.

Дж. Остин выделяет пять общих классов речевых актов, различающихся своей коммуникативной значимостью и близких к перформативам: 1) вердиктивы или «судейские акты» (verdictives), содержащие суждение о чем-либо; ср. *я считаю, оцениваю, полагаю, нахожу* и т. п.; 2) акты побуждения (exercitives); ср. *я приказываю, советую, побуждаю, отговариваю* и т. п.; 3) акты обязательства (commissives), ср. *я обязуюсь, обещаю, даю слово, клянусь* и т. п.; 4) формулы социального этикета, обычно выражающие реакцию на поведение других людей (behabitives); ср. *поздравляю, прошу извинения, беру свои слова обратно, выражаю сочувствие* и т. п.; 5) интродукции, эксплицитующие функцию реплики в коммуникации (expositives); ср. *я отвечаю, возражаю, соглашаюсь* и т. д. ⁶¹ Все перечисленные классы глаголов включают в свое значение признак произнесения, речевого выражения: «обещать» значит не только намереваться что-либо сделать, но и выразить свое намерение словесно, сообщить о нем. Эта черта отличает перформативы от других глаголов поля пропозиционального отношения.

В логико-философском течении мысли идеи Остина имели огромный резонанс ⁶².

Логикки аналитического направления были поставлены перед задачей определения отношения перформативов к истинностному значению предложения. Этот вопрос обычно решается в духе «самоверификации»: перформативы зачисляются в категорию предложений, сам факт произне-

⁶⁰ J. Austin. How to do things with words, стр. 99.

⁶¹ Там же, стр. 150. — Мы не останавливаемся здесь на понятии perlocution, относящемся к последствиям речевого акта, его воздействию на чувства, мысли и действия адресата речи. Perlocution составляет пятый аспект речевого акта. Изучение этого аспекта речи существенно для определения отношений импlications между предложениями (см. ниже), а также для выяснения значения глаголов каузации (см. в главе «Закономерности формирования семантической структуры предложения»).

⁶² Об этом можно судить по материалам конференции, посвященной обсуждению концепции Остина. См. «Symposium on J. L. Austin». Ed. by K. T. Fann. London, 1969.

сепия которых обнаруживает их истинность или ложность (так называемые самоподтверждающие и самоопровергающие высказывания — *selfverifying and selffalsifying sentence types* — ср. *я существую; все, произносимые мною предложения, начинаются с частицы «не»*)⁶³.

Но основное значение работ Остина состояло в том, что они стимулировали представителей Оксфордской школы на поиск общей теории деятельности, включающей как теорию действия, так и теорию речи.

Подход к речи как одному из видов целенаправленной человеческой активности усилил интерес логиков и лингвистов к конкретным целям коммуникации, а затем и к интенции, которая была отражена логиками не только в описании речевого акта, но и в определении таких общих категорий, как значение и референция (Г. Грайс⁶⁴, Дж. Сирль). Это очень хорошо видно при обращении к модели речевого акта, предложенной Дж. Сирлем.

Говорить, постоянно подчеркивает Дж. Сирль, значит быть занятым в подчиненной правилам форме интенционального, т. е. сознательного и целенаправленного, поведения. Дж. Сирль, соединивший в своей концепции идеи речевого акта «позднего» Витгенштейна и Остина с понятием значения Г. Грайса в несколько уточненной версии, различает два типа правил, которыми руководствуется человек в разных видах активности: *регулирующие* и *создающие*, или конститутивные, правила. Первые вводят в определенное русло уже существующие до правил и независимо от них формы поведения.

К числу регулирующих относятся, например, правила этикета. В отличие от них, конститутивные правила создают новые формы поведения, которые существуют только в силу наличия этих правил и не могут быть описаны безотносительно к ним. Правила любой игры имеют конститутивный характер. Говорение на языке понимается Сирлем как совершение речевых актов в соответствии с системой конститутивных правил и не может быть

⁶³ G. Sampson. Pragmatic self-verification and performatives. «Foundations of Language», 1971, v. 7, N 2.

⁶⁴ Г. Грайс определяет значение речевого акта через указание на коммуникативное намерение говорящего и его желание, чтобы это намерение было узнано адресатом речи (H. P. Grice. Meaning. «The Philosophical Review», 1957, v. 66, N 3, стр. 388).

описано в отвлечении от них. Хотя между языком и игрой существует известная аналогия, эти два вида человеческой активности весьма различны. Язык, в отличие от игры, наделен значением. В определении значения (имеется в виду значение высказывания, или, точнее, речевого акта). Сирль, как уже отмечалось, опирается на концепцию Грайса, эксплицитно связавшего значение с коммуникативным намерением. Значение, по Сирлю, определяется намерением говорящего произвести иллокутивный эффект на адресата, заставив его признать свое намерение вызвать именно данный эффект ⁶⁵.

В центре внимания Сирля находится речевой акт, представляющий собой единицу коммуникации. В речевом акте, по Сирлю, одновременно присутствуют три аспекта: 1) произнесение высказывания, или *utterance act*, 2) референция и предикация, соответствующие пропозициональному акту, 3) реализация коммуникативного намерения, или иллокутивный акт.

Видя свою задачу в изучении речевых актов, Сирль подчеркивает вместе с тем отсутствие принципиального различия между изучением семантики предложения и смысла реальных актов речи. В первом случае в фокус внимания попадает аспект значения, во втором — употребление предложения в разных речевых ситуациях. Хотя в ряде случаев значение речевого акта больше, нежели значение предложения, говорящий всегда может полно и точно эксплицировать все, что он намерен сообщить своему собеседнику: *whatever can be meant can be said* 'все что имеется в виду, может быть выражено словами' ⁶⁶. Сирль называет эту формулу «принципом выразимости».

Содержание предложения составляет пропозиция. Следуя взглядам К. Льюиса (см. выше), Сирль резко отличается пропозицию от функции утверждения. Пропозиция это то, что сообщается в акте утверждения. Утверждение (*assertion*), в отличие от пропозиции, представляет собой речевой акт, заключающийся в том, чтобы придать пропозиции истинностное значение (*commit the proposition to the truth*) ⁶⁷. В синтаксическом построении предложения Сирль соответственно различает показатель пропо-

⁶⁵ J. Searle. *Speech acts*. Cambridge, 1969, стр. 47.

⁶⁶ Там же, стр. 19.

⁶⁷ Там же, стр. 37.

позиционального содержания и индикаторы иллокутивной силы, создающей речевой акт. Последняя обычно выражается просодикой (ударением, интонацией) и перформативными глаголами. Хотя часто пропозициональное содержание и иллокутивные силы получают совместную реализацию, в глубинной структуре их следует разделять.

Предметом исследования, предпринятого Сирлем, являются разные типы речевых актов — требование, совет, благодарность, утверждение, предупреждение, вопрос, приветствие, поздравление.

Сирль формулирует несколько взаимонезависимых оснований для классификации речевых актов: намерение говорящего, соотносительное социальное положение говорящего и слушающего (ср. приказ и просьбу), различие в пропозициональном содержании, отношение обозначаемого события к интересам собеседников (ср. жалоба, предупреждение, хвастовство пр.), психическое состояние говорящего (ср. утверждение, предположение, уверенность и пр.), функция в коммуникации (ср. ответ, возражение, разъяснение и др.)⁶⁸.

Как можно заметить, Сирль широко пользуется критериями, относящимися к прагматическому аспекту речи. Тенденция производить систематизацию речевых актов, опираясь на классификацию тех ситуаций, в которых они могут быть уместно употреблены, является характерной чертой теорий речевой деятельности, стимулированных мыслями и наблюдениями Витгенштейна⁶⁹.

Описывая акт обещания, Дж. Сирль обращает внимание на необходимость соблюдения следующих условий. Для того, чтобы дать обещание согласно конвенциональной процедуре, нужно чтобы говорящий выразил соответствующую пропозицию, обозначив в ней свое будущее действие, и чтобы оно было желательным для адресата речи (этим обещание отличается от угрозы и предупреждения). Предполагается, что говорящий не совершил бы обещанного, не связав себя словесным обязательством. Таковы

⁶⁸ J. Searle. Указ. соч., стр. 70.

⁶⁹ Ср., например, подробное описание ситуаций приказа (order situations), подразделяемых на ситуации личного повеления (personal order situations), ситуации приказов официальных лиц (authoritative order situations) и ситуации распоряжений властей (formal orders), в статье: H. Morris. Imperatives and orders. «Theoria», 1960, v. 26, N 3.

предварительные условия, или коммуникативные пресуппозиции, обещания.

Давая обещание, говорящий выражает свое подлинное намерение совершить желательный для адресата поступок, что составляет «условие искренности» описываемого речевого акта. Сам говорящий сознает, что слова обещания налагают на него известное обязательство и намеренно доводит это до сведения адресата. Эту последнюю черту Сирль считает основной характеристикой акта обещания ⁷⁰.

Идеи Дж. Остина нашли отклик не только среди логиков и философов, но и среди лингвистов разных направлений. Они оказались близки Э. Бенвенисту, который уже раньше (в статье 1958 г. ⁷¹), обсуждая субъективный аспект языка, обратил внимание на разную природу высказываний типа *Я клянусь (обещаю, даю гарантии и пр.)* и *Он клянется (обещает, дает гарантии и пр.)*. В первом случае имеет место сам акт клятвы (соотв. обещания, гарантирования), а во втором — сообщение о подобного рода акте. Чтобы показать близость мыслей французского ученого идеям Остина, приведем следующий отрывок из упомянутой публикации: «Таким образом, *я клянусь* является формой с особой значимостью, поскольку она связывает произносящего клятвой. Здесь высказывание есть одновременно выполнение: „клясться“ состоит именно в произнесении *я клянусь*, благодаря чему его ‘я’ и оказывается связанным клятвой. Высказывание *я клянусь* есть сам акт принятия на себя обязательства, а не описание выполняемого мною акта» ⁷².

Э. Бенвенист заключает статью следующей рекомендацией: «Многие понятия лингвистики, а возможно, и психологии предстанут в ином свете, если восстановить их в рамках речи, которая есть язык, присваиваемый говорящим человеком, а также если определить их в ситуации межсубъектности (*intersubjectivité*), которая только и делает возможной языковую коммуникацию» ⁷³.

Концепция Остина была использована и в генеративной теории. Основываясь на особенностях поведения ана-

⁷⁰ J. Searle. Указ. соч., стр. 54—61.

⁷¹ Э. Бенвенист. О субъективности в языке. — В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

⁷² Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 299.

⁷³ Там же, стр. 300.

форических местоимений, наличии подчиненных и сочиненных предложений, соотносимых с глаголом говорения (утверждения), и некоторых других фактах английского языка (всего приводится 14 доводов), Дж. Росс предложил ввести в глубинную структуру английских повествовательных предложений перформативную интродукцию *Я говорю тебе, что...*, подчиняющую себе в качестве вышестоящего предложения собственно сообщение. В заключение Росс приходит к выводу, что перформативный анализ должен быть распространен на все виды высказываний ⁷⁴.

После публикации статьи Росса термин „перформатив“ закрепился в работах генеративного направления за глаголами говорения.

В этом же русле развивались идеи английского лингвиста П. Сюрена, по мнению которого в глубинной структуре каждого предложения должен присутствовать один перформатив, обнаруживающий коммуникативную целенаправленность высказывания (a performative semantic feature of entertainment) ⁷⁵.

Интерес к структуре речевого акта, стимулированный работами Остина и Сирля, привел некоторых генеративистов к более тщательному изучению речевой деятельности. Так, Д. Гордон и Дж. Лаков сделали попытку сформулировать постулаты разговорной речи. К их числу авторы отнесли условие искренности, предъявляемое коммуникацией как к говорящему (speaker based sincerity condition), так и к адресату речи (hearer based sincerity condition), условие разумности (reasonableness condition) и принцип сотрудничества (cooperative principle), выражающийся в презумпции полноты информации, сообщаемой говорящим ⁷⁶.

Идея целенаправленного речевого акта, важная для современных концепций, связывающих речевую деятельность с другими видами активности, побудила обратить более пристальное внимание на речевой подтекст, которому соответствуют истинные цели сообщения, т. е.

⁷⁴ J. R. Ross. On declarative sentences. «Readings in English transformational grammar». Waltham, Mass., 1970, стр. 261.

⁷⁵ P. A. M. Seuren. Operators and nucleus. Cambridge, 1969, стр. 139.

⁷⁶ D. Gordon, G. Lakoff. Указ. соч. (французский перевод статьи см.: «Langages», 1973, N 30).

на те случаи, когда говоря одно, имеют в виду совсем другое. Д. Гордон и Дж. Лаков считают этот принцип одной из общих характеристик разговора. Они стремятся установить регулярные соотношения между прямым и косвенным (истинным) значением диалогических реплик. Сформулированные выше общие принципы разговора проливают свет на сдвиги коммуникативной цели предложения относительно его формально-грамматической структуры. Так, всякое утверждение искренности говорящего, т. е. введение перформативов желания, мнения и намерения, адекватно соответственно просьбе, утверждению, обещанию. Ср. *Я хочу, чтобы вы открыли окно* = *откройте окно*; *я думаю, что пора идти домой* = *пора идти домой*; *я намерен вернуть свой долг* = *я обещаю вернуть свой долг*. Вопросы касательно искренности адресата речи также регулярно получают косвенные коммуникативные значения. Ср. *Вы не думаете, что пора идти домой?* = *пора идти домой*.

Подобное употребление отвечает тому, что авторы называют «постулатом смягчения коммуникативного намерения» (*softened-suggestion postulate*).

Существует много регулярных соответствий между косвенным смыслом высказываний и особенностями его структуры. В тех случаях, например, когда вопрос о причине некоторого действия скрывает за собой упрек или отрицательную оценку этого действия, он обычно содержит глагол в инфинитиве, а не в изъявительном наклонении. Предложение *Why paint your house purple?* 'Зачем красить дом в яркокрасный цвет?' недвусмысленно. Оно может быть понято только как выражение осуждения или как требование оправдания⁷⁷. Употребление *please* в препозиции к любому предложению свидетельствует о том, что оно, независимо от своего грамматического построения, заключает в себе просьбу.

Особенно интересен вопрос о том, при каких условиях перформативный глагол, сдвинутый в зависимую позицию (*embedded performative*), сохраняет свою силу. Авторы отмечают, что, например, просьба о разрешении произнести перформатив адекватна самой перформативной акции. Вопрос *Могут ли я сказать Вам, что люблю вас!* равносителен любовному признанию.

⁷⁷ D. Gordon, G. Lakoff. Указ. соч., стр. 10.

Приведенные правила определяют выбор семантической интерпретации предложения с тем или другим буквальным (прямым) содержанием. Механизмы, снимающие двусмысленность высказывания, как бы аннулирующие их прямое значение, могут оцениваться как грамматика речи, надстраивающаяся над грамматикой языка.

Таким образом, была поставлена задача последовательного и систематического изучения коммуникативного значения высказывания, его взаимодействия с грамматическим строением предложения и коммуникативной ситуацией. О Дюкро полагает, что семантическое описание языка должно позволить вывести коммуникативную значимость высказывания, если даны обстоятельства, в которых оно было произнесено. Он предлагает разделить семантическое описание языка на два компонента: собственно лингвистический и риторический. В риторическом разделе семантики, по мысли Дюкро, должны быть даны правила определения эффективного (актуального) смысла высказывания, в том числе и его «второго смысла» (подразумеваемого)⁷⁸.

* * *

Итак, если для логики анализа смысл предложения считался категорией объективной, а его истинность независимой от прагматического фактора речи, то передвижение интереса от предложения к высказыванию, от языка к речи вообще и речевому акту в частности, от пропозиции к пропозициональному отношению, от мира к человеку, от семантики к прагматике привело к тому, что вместо объективного принципа истинности предложения в центре внимания логиков оказался субъективный принцип искренности высказывания. Другими словами, понятие истинности сместилось и было отнесено не к пропозиции, а скорее к глаголам «иллокутивных сил», вводящим пропозицию. Верификация высказывания стала проходить не только путем обращения к внешнему миру или применения правил логического вывода, но и через выяснение «истинных» мыслей, чувств и намерений говорящего, т. е. путем обращения к его внутреннему миру.

⁷⁸ O. Ducrot. *Presupposés et sous-entendus*. «Langue Française», 1969, N 4, стр. 30 и сл.

Искренность ведь есть не что иное, как субъективная (психологическая) истинность. Ср. *Я искренне думаю, что ты честный человек* = я поистине думаю, что ты честный человек. Апелляция к психике говорящего в качестве критерия истинности высказывания, впрочем, вполне уместна, когда сообщаемое содержится в глаголе пропозиционального отношения, а не в пропозиции, которую он вводит.

В целом можно констатировать, что теория иллюкативных сил, выдвинутая Остином и разработанная Спрелем, заставила обратить более непосредственное внимание на значение, употребление и принципы описания глаголов, выражающих отношение к пропозиции говорящего и ее отношение к адресату речи. В лингвистике, в которой изучение коммуникативных целей предложения обычно ограничивалось повествовательными, вопросительными и повелительными предложениями, к идее пропозиционального отношения близко подошел Ш. Баллп в своей теории эксплицитной модальности, основанной на идее модуса и диктума средневековых логиков ⁷⁹.

Глаголы пропозиционального отношения и интенциональность

Выше были коротко изложены причины интереса представителей Оксфордского направления к глаголам пропозиционального отношения. И это не первый случай обращения логиков к данной проблематике. Далекие истоки идей особого статуса в языке глаголов пропозиционального отношения можно видеть в разделении физических и ментальных актов в концепциях схоластов. Фома Аквинский, например, писал в «*Summa Theologiae*». *Duplex est actio: una, quae transit in exteriorem materiam ut calefacere et secare; alia, quae manet in agente, ut intelligere, sentire et velle* 'Действия бывают двух родов: одни, такие, как нагревание и резание, направлены на внешнюю материю; другие, такие, как понимание, чувст-

⁷⁹ Ch. Bally. *Syntaxe de la modalité explicite*. «Cahiers F. de Saussure», 1942, N 2 (статья неперепечатана в: «A Geneva School Reader in linguistics». Ed. by R. Godel. Bloomington — London, 1969).

зование и желание, осуществляются внутри агента⁸⁰. Если физическое действие вызывает изменения в объекте, то психологические процессы скорее связаны с изменениями в субъекте.

Мысль о своеобразии ментальных актов и, следовательно, семантической специфике обозначающих их глаголов легла в основу концепции интенциональных предикатов и интенциональных предложений, обновленной и введенной в обиход современной логики Ф. Brentano, понимавшим под интенциональностью то формальное свойство, которое присуще описанию психологических событий и состояний. Объект интенциональных глаголов обладает ментальным существованием. В этом смысле он противостоит реальному объекту.

Интенциональные глаголы естественно сочетаются с пропозицией и ее эквивалентами (см. подробнее в главе «Закономерности формирования семантической структуры предложения»), т. е. фигурируют в двуглагольном (двупредикатном) предложении, на что обращал внимание и Б. Рассел⁸¹.

Критерий двуглагольности не может однако быть достаточным для выделения интенциональных предикатов, поскольку ему удовлетворяют также предложения с модально-вспомогательными и фазовыми глаголами⁸².

⁸⁰ Цит. по: A. Kenny. *Action, emotion and will*. London, 1963, стр. 196.

⁸¹ B. Russell. *Logic and knowledge*, стр. 216 ff.

⁸² Любопытно, что обсуждая проблему эксплицитной модальности и возможности преобразований подчиненного ей объектного предложения в инфинитив, Ш. Балли, идеи которого во многом сформировались под влиянием логических теорий, обратил внимание на необходимость отделения глаголов, выражающих модус, от других глаголов — аспектуальных и диатетических (обозначающих субъективное отношение к действию — *se préparer à, tenter de, s'efforcer de, s'obstiner à, se hâter, réussir à* и пр.), которые также способны управлять инфинитивом и отглагольным именем. Ш. Балли предложил для французского языка следующий принцип их дифференциации: глаголы, выражающие модус, допускают замену инфинитива придаточным предложением, либо они находятся в синонимических или антонимических отношениях с другими модальными глаголами, способными управлять придаточным объектным. Так, глагол *sommer* может подчинять себе только инфинитив (*Je vous somme de partir*), но его синоним *ordonner* способен управлять не только инфинитивом, но и личной формой глагола (*J'ordonne que vous partiez*). См.: Ch. Bally. *Syntaxe de la modalité explicite*. «A Geneva school reader in linguistics», стр. 14—16.

Поэтому были предложены три дополнительных критерия интенциональности. Первый и основной из них состоит в следующем: предложение *Q*, содержащее *P*, интенционально, если ни *Q*, ни не-*Q* не имплицирует ни *P*, ни не-*P*. Например, ни одно из контрадикторных предложений *Я просил тебя вернуть кольцо* и *Я не просил тебя возвращать кольцо* не имплицирует ни предложение *Ты вернул кольцо*, ни его отрицание *Ложно, что ты вернул кольцо*.

Этот критерий, однако, выводил из числа интенциональных глаголы знания, что казалось многим логикам нежелательным. Для того, чтобы этому воспрепятствовать, прибегают к дополнительному (второму) критерию, основанному на идее референтной затемненности Куайна. Пусть *E* — предложение идентификации формы «*A = B*». Члены этого равенства, *A* и *B*, входят в предложения *P* и *Q*, в которых они находятся в одинаковой позиции. Предложение *P* следует считать интенциональным, если *E* и *P* совместно не имплицируют *Q*. Например, из двух следующих предложений *Цицерон есть Туллий* и *Джон знает, что Цицерон был убит* не вытекает, что *Джон знает, что Туллий был убит*.

Если в качестве объекта глагола употреблена не пропозиция, а субстантивное выражение (имя нарицательное), то глагол следует считать интенциональным, если ни положительная, ни отрицательная форма этого предложения не имплицирует факта существования предмета, обозначенного именем. Так, ни утверждение *Диоген искал честного человека*, ни контрадикторное предложение *Ложно, что Диоген искал честного человека* не имеют своим следствием истинность суждения о существовании искомого человека. Таким образом, контекст *Диоген искал честного человека* относится к числу интенциональных, в то время как *Диоген сидел в бочке* к этой категории не принадлежит⁸³.

Чисто логический интерес к глаголам пропозиционального отношения связан также с задачей создания теории истинности для естественных языков. Эта линия развития может быть проиллюстрирована работами Л. Карттунена, посвященными соотношению между значением пропозиционального глагола и истинностным зна-

⁸³ А. Kenny. Указ. соч., стр. 197—201.

чением вводимой им объектной пропозиции⁸⁴. Л. Карт-
тунен выделил группу предикатов (он назвал их имплика-
тивными), влияющих на истинностное значение зависимой
от них пропозиции. Импликативные глаголы могут быть
разбиты на следующие семь групп.

1) Фактивные глаголы, истинностное значение кото-
рых не отражается на истинностном значении пропози-
ции; последняя всегда истинна:

Я сожалею, что пришел }
Я не сожалею, что пришел } → *Я пришел*

2) Импликативные глаголы, истинностное значение
которых одинаково с истинностным значением пропозиции:

Мне удалось решить задачу → *Я решил задачу*
Мне не удалось решить задачу → *Я не решил задачи*

3) Глаголы отрицательной импликации, обуслови-
вающие обратное истинностное значение объектной про-
позиции:

Он отказался помочь → *Он не помог*
Он не отказался помочь → *Он помог*

4) Глаголы каузации (si-verbs), только позитивная
форма которых имплицитует истинностное значение про-
позиции:

Петр заставил меня остаться дома → *Я остался дома*

Отрицательная форма глаголов этой группы нейтральна
к истинностному значению объектной пропозиции. Из
предложения *Петр не заставлял меня оставаться дома*
нельзя сделать определенных выводов о последующем
событии.

5) Глаголы отрицательной каузации, положительная
форма которых имплицитует истинность отрицательной
формы объектной пропозиции:)

Он удержал меня от совершения этого поступка →
→ *Я не совершил этого поступка*

Отрицательная форма глаголов этой группы лишена им-
пликаций.

⁸⁴ L. Karttunen. La logique des constructions anglaises à complé-
ment prédicatif. «Languages», 1973, N 30.

6) Модальные глаголы (*seulement-si-verbs*), отрицательная форма которых имплицитует отрицательную форму объектной пропозиции:

У меня не было возможности поехать в Крым → Я не поехал в Крым

Положительная форма этих глаголов не имплицитует ни истинности, ни ложности объектной пропозиции.

7) Отрицательно-модальные глаголы, отрицательная форма которых имплицитует истинность объектной пропозиции:

Петр не колебался назвать (без колебаний назвал) молодого человека лжецом → Петр назвал молодого человека лжецом.

Положительная форма глагола *hesitate* 'колебаться' (он один образует данную группу) не имплицитует истинностного значения зависимой пропозиции.

Сформулировав приведенные простые правила импликации, Л. Карттунеп применяет их к усложненным цепочкам пропозициональных глаголов. Так, по правилам импликации предложение *Bill did not have the foresight not to force Mary to prevent Sheila from having an opportunity to try that new detergent* 'Билл не был достаточно предусмотрителен, чтобы не заставлять Мери удерживать Шейлу от того, чтобы она воспользовалась возможностью испробовать это новое очищающее средство' позволяет заключить *Sheila did not try that new detergent* 'Шейла не испробовала этого нового средства'⁸⁵.

Отрицание является не единственным фактором, влияющим на имплицативную способность пропозициональных глаголов. Совершенно аналогичный эффект имеет видовое значение перфективности / неперфективности действия. Ср. *Я мог прийти* импликационно нейтрально, а *Я смог прийти* имплицитует истинность зависимой пропозиции⁸⁶.

Таким образом, то что в теории речевой деятельности рассматривалось в ракурсе последствий речевого акта

⁸⁵ L. Karttunen. La logique des constructions anglaises à complément prédicatif, стр. 74—75.

⁸⁶ R. Zuber. Quelques problèmes de logique et langage. «Langages», 1973, N 30, стр. 13.

(ср. перлокутивный эффект речи, по Дж. Остину), с собственно логистических позиций оценивается как проблема истинности, извлекаемой из высказывания пропозиции, т. е. в связи с законом логического вывода.

* * *

Итак, в основе выделения глаголов пропозиционального отношения лежит фундаментальное для понимания структуры высказывания деление глаголов (предикатов) на две категории — глаголы со значением механического действия и глаголы, обозначающие ментальные акты, или, иначе, глаголы, обозначающие «внешнюю» и «внутреннюю» деятельность человека. Представители разных логических школ и направлений разными путями и в разных целях шли к установлению и обоснованию этого различия.

Схоластам оно было нужно для различения действий, замкнутых в субъекте (*actio manens in agente*) и действий, переходящих на объект (*actio transiens in materiam exteriorem*). Разграничение интенциональных и неинтенциональных предикатов имело своей целью также различение интенциональных и неинтенциональных объектов, т. е. объектов, имеющих ментальное и реальное существование.

Представители школы логического анализа, а также модальной логики, которых прежде всего занимала проблема пропозиции и ее истинностного значения, интересовались глаголами пропозиционального отношения постольку, поскольку, входя в сочетание с пропозицией, они влияют на ее истинностное значение, а, следовательно, и на процедуру логического вывода. Кроме того, эти глаголы определенным образом воздействуют и на правила референции имен, создавая так называемые косвенные контексты (подробнее см. в гл. III. «Элементы теории референции»). В этой версии, как и в концепции модальной логики, психологические предикаты объединяются с собственно модальными значениями.

Перенос центра тяжести на изучение и моделирование речевой деятельности привел к противопоставлению глаголов, обнаруживающих коммуникативное задание, и объективно значимой части предложения, т. е. пропозиции.

В концепции Остина, пришедшего к выделению коммуникативных целей от идеи высказывания - постушка, это противопоставление приняло форму различения иллокутивных сил и локуции.

Последующее стремление к демодализации пропозиции, естественно, вело к расширению ее противочлена, вбирающего в себя все категории модальности. Можно было бы, пожалуй, утверждать, что общей тенденции развития логических идей отвечает постепенное смещение разделителя вправо по шкале семантического содержания высказывания, на левой стороне которой сосредоточены субъективные категории, а на правой — объективное содержание. Иначе говоря, намечается обеднение понятия пропозиции, превращающегося в чисто реляционную категорию, и обогащение понятия модального компонента высказывания (см. выше).

В логических концепциях структуры предложения, таким образом, сложились следующие противопоставления: модус — диктум, интенциональный глагол — интенциональный объект, иллокутивный глагол — локуция, модальный компонент — пропозиция.

Взаимодействие пропозиции и предикатов пропозиционального отношения

Дальнейшая эволюция логических идей пропозиции и глаголов пропозиционального отношения характеризуется попытками обследовать и описать языковые формы, соответствующие этим понятиям, путем применения лингвистических, в частности трансформационных, методов. Целью такого анализа является определение связи между пропозицией и значением коррелирующего с ней глагола пропозиционального отношения, т. е. изучение этих дополняющих друг друга категорий в их взаимодействии.

3. Вендлер, включив перформативы в категорию пропозициональных глаголов, связал изложенную выше концепцию речевой деятельности с теорией пропозиции и глаголов пропозиционального отношения. Проанализировав формальные характеристики английских пропозициональных глаголов (их способность употребляться в прогрессивных временах, значение, принимаемое в 1-м

лице наст. времени, и др.), З. Вендлер разбил их на три группы: 1) перформативы (перфективные глаголы, естественно употребляющиеся в 1-м лице наст. времени — *я приказываю, я обещаю, я сообщаю* и пр.); 2) глаголы пропозиционального свершения (перфективные глаголы, употребление которых в 1-м лице наст. времени требует контекстуальных уточнений — *я никогда ничего не решаю сам*); 3) глаголы пропозиционального состояния (неперфективные глаголы, допускающие свободное употребление в 1-м лице наст. времени — *я думаю, я нахожу, я сомневаюсь*).

Далее каждый из этих классов делится на группы в зависимости от структуры подчиненной им пропозиции⁸⁷. Формальная классификация пропозициональных глаголов Вендлера почти полностью совпала с интуитивной систематизацией материала в книге Дж. Остина, за тем лишь исключением, что глаголы побуждения (exercitives) были разбиты Вендлером на две группы: собственно глаголы побуждения и глаголы «назначения» (operatives). Последние, в отличие от первых, управляют пропозицией со связочным глаголом становления. Ср. во французской версии: *Je vous designe pour que vous deveniez candidat* == *Je vous designe pour devenir candidat*⁸⁸.

Все пропозициональные глаголы, по Вендлеру, соотносятся с конструкциями, соответствующими в явной или неявной форме неполной номинализации предложения, т. е. такой степени его субстантивации, которая не исключает соединения с «иллокутивными силами», и в частности, с модальностью утверждения. Здесь необходимо остановиться на теории номинализации, разработанной Вендлером и составляющей основу его лингвистических взглядов⁸⁹. Именно внутри этой теории сформировалось выдвигаемое им понятие пропозиции. Вендлер делит номинализации предложения (nominals) на два класса — полные и неполные (perfect and imperfect nominals).

⁸⁷ Z. Vendler. Les performatifs en perspective. «Langages», 1970, N 17, стр. 80 и след.; *Он же*. Say what you think. «Studies in thought and language». The Univ. of Arizona Press, 1970, стр. 88—89.

⁸⁸ Z. Vendler. Les performatifs..., стр. 86.

⁸⁹ Теория номинализации излагается Вендлером в двух приведенных выше статьях, а также в кн.: Z. Vendler. Linguistics in philosophy. Ithaca, N. Y., 1967, гл. 7 и 8; *Он же*. Adjectives and nominalizations. The Hague — Paris, 1968.

Различение тех и других осуществляется по формальным чертам, а именно по тому, в какие контексты они способны входить. Те семантические разновидности предложений, в которые могут включаться номинализации, Вендлер называет «контейнерами» (англ. container, фр. receptacle). Между теми и другими — номинализациями и «контейнерами», или «футлярами», — имеются известные структурные и семантические соответствия. Предложение-футляр предрасположено к принятию лишь определенных видов номинализаций. Так, полные номинализации вводятся такими глаголами как *видеть, смотреть, наблюдать, любить* (в значении «нравиться»), *чувствовать* и пр. Ср. *Мы наблюдали за полетом самолета; Я люблю шум дождя; Я чувствую прилив бодрости.* Полные номинализации охотно сочетаются с предикатами типа *иметь место, происходить, длиться, начинаться*, с предикативными прилагательными — *медленный, внезапный, бурный, длительный*, с существительными в функции сказуемого — *событие, процесс.* Ср. *Завоевание Европы германскими племенами происходило долго и мучительно / было длительным / было большим историческим событием / оказало огромное влияние на историю многих народов.*

Неполные номинализации зависят от глаголов речи и мышления, т. е. глаголов, выражающих отношение утверждения (*сказать, упомянуть, утверждать, думать, считать, отрицать, подтверждать* и пр.). В постпозиции к ним могут стоять такие предикаты, как *возможно, истинно, правда, ложь, факт, результат чего-либо* и т. п. Ср. *Я утверждаю, что германцы завоевали почти всю Европу; То, что германские племена завоевали почти всю Европу, — факт / правда / невероятно /, результат разложения Римской империи* и пр.

Предложения, включающие полные номинализации, Вендлер характеризует как «тесные контейнеры» (tight containers), предложения, допускающие в своем составе неполные номинализации, могут быть названы «свободными контейнерами» (loose containers). Последние легко сочетаются и с именами действия (т. е. формально полными номинализациями), напоминая гостеприимных хозяев.

Выделение двух типов номинализаций имеет непосредственное отношение к разработке концепции пропозиции, в частности к определению объема этого понятия. З. Вендлер называет пропозицией абстрактную единицу, обра-

зуюмую перифрастическим набором неполных номинализаций и репрезентируемую любым членом этого набора ⁹⁰. Пропозиции, по Вендлеру, соответствует конструкция, способная соединяться с глаголами пропозиционального отношения, в частности характеризоваться параметром истинности (см. подробнее выше).

Формальное разграничение между типами номинализаций весьма неустойчиво, причем, по наблюдениям Вендлера над синтаксисом английского языка, полные номинализации могут фигурировать как в тесном, так и в свободном контейнере, но не наоборот (т. е. неполные номинализации не входят в тесный контейнер). Отсутствие однозначного отношения между формой и функцией номинализаций может повести к созданию двусмысленных высказываний. Так, англ. *John's singing of the Marceillaise surprised me* букв. 'Пение Джоном Марсельезы поразило меня' имеет следующие два прочтения: 1) тот факт, что Джон пел Марсельезу, поразило меня; 2) то, как Джон пел Марсельезу, поразило меня ⁹¹. В русском языке приведенному содержательному различию соответствует различие между придаточными, вводимыми при помощи союза *что*, — с одной стороны, и придаточными, начинающимися с относительных местоимений *как*, *когда*, *где* и пр. — с другой.

Попадая в «свободный» контейнер, имя действия скрывает за собой значение, свойственное неполным номинализациям предложения. Высказывание *Поражение этой команды маловероятно* должно прочитываться так: «То, что эта команда потерпит поражение, маловероятно». Наблюдения над русским синтаксисом свидетельствуют о том, что в определенных условиях актуализации предложения можно констатировать и обратное явление: предложение с глаголом в личной форме способно не только передавать суждение, но и служить наименованием события, квалифицируемого по способу протекания, временным и локальным параметрам. Так, если в русском предложении выделены в качестве ремы обстоятельства, то коррелятивная им пропозиция не выражает суждения, а идентифицирует событие. Ср. *Мы работали. Работали мы // в Заполярье. Работали //*

⁹⁰ Z. Vendler. Say what you think, стр. 93.

⁹¹ Z. Vendler. Linguistics in philosophy, стр. 40.

под руководством одного опытного геолога. Логически правильное (хотя и громоздкое) изложение должно было бы быть следующим: Мы работали. Наша работа имела место в Заполярье. Наша работа в Заполярье проходила под руководством одного опытного геолога.

Русский язык, в котором развита система подвижного актуального членения, осуществляемого средствами интонации и порядка слов и обуславливающего мобильность отрицания, избегает номинализаций в функции субъекта высказываний, выражающих суждения второй степени. Поэтому в нем сообщения о событиях часто оформляются одинаково с сообщениями о предметах, а суждения об объектах действия сохраняют структуру предложений, выражающих суждения о субъекте. Иными словами, в русском языке коммуникативная реорганизация предложения не разрушает его грамматической структуры, новое добавляется к данному, не трансформируя его. Этот принцип коммуникативной организации предложения может быть назван *а д д и т и в н ы м*. Следует попутно заметить, что в теории актуального членения недостаточно эксплицируется мысль о том, что изменение ремы ведет обычно к принципиальным изменениям в семантике темы. Так, актуализация обстоятельств не может не сопровождаться преобразованием предметного субъекта в событийный.

Соблюдение аддитивного принципа построения текста отвечает в то же время тенденции к односубъектности повествования как определенному стилистическому приему. Ср. следующие две возможности построения текста: 1) *Алеша полюбил Веру. Он полюбил ее с первого взгляда. Он полюбил ее всей душой. Он любил ее беззаветно. Он любил ее безответно*; 2) *Алеша полюбил Веру. Его любовь возникла с первого взгляда. Его любовь была беззаветной. Вера не отвечала ему взаимностью.*

Теория полных и неполных номинализаций З. Вендлера перекликается с идеей фактивных и нефактивных глаголов, сформулированной П. и К. Кипарскими⁹² и сочувственно принятой многими лингвистами⁹³. На-

⁹² P. Kiparsky, C. Kiparsky. Fact. «Progress in linguistics». The Hague — Paris, 1970.

⁹³ Среди многочисленных откликов представляют известный интерес: D. Wilson. Presuppositions on factives. «Linguistic Inquiry», 1972, v. III, N 3; P. Postal. A few factive facts.—Там же.—Кри-

блюда, как и Вендлер, за английскими субъектными и объектными придаточными и их возможными преобразованиями, Кипарские обратили внимание на зависимость их формы от семантического класса сказуемого. К группе предикатов, названных авторами *фактивными*, относятся такие, как *быть странным, трагическим, волнующим, идти в счет, иметь значение, играть роль, быть достаточным, забавлять* и т. п. В группу нефактивных предикатов входят: *казаться, представляться, оказываться, быть возможным, истинным, ложным* и т. п. При фактивных предикатах субъект может вводиться словами *тот факт, что...*, иметь форму герундия и имени качества или действия. Не фактивные предикаты допускают инфинитивный субъект и не терпят выноса придаточного на первое место.

Столь же явственно различается синтаксическое поведение придаточных дополнительных, мотивирующее разделение переходных глаголов на *фактивные* (*создать, принимать во внимание, забывать, помнить* и др.) и *не фактивные* (*предполагать, утверждать, заключать, воображать, думать* и пр.). Структурное различие соотносится с определенным содержательным различием, которое состоит в том, как полагают авторы, что фактивные предикаты имплицитно подразумевают истинность придаточного предложения, в то время как нефактивные глаголы лишены этой импликации. Предложение *Странно, что идет дождь* естественно только в условиях дождя, а утверждение *Полагаю, что идет дождь* может быть сделано при любой погоде. В первом случае сообщаемое заключено в предикате *странно*. Ситуация дождя не делает это предложение истинным, хотя и составляет необходимое условие его включения в коммуникацию. Во втором случае сообщение касается выпадения осадков и их отсутствия довольно, чтобы предложение оказалось ложным.

Авторы, таким образом, различают 1) пропозиции, которые говорящий утверждает как истинные (при нефактивных глаголах), и 2) пропозиции, истинность которых принимается говорящим как данное, как исходный пункт сообщения. Фактивность связана с *пресуппози-*

тически отнесен к работе Кипарских Н. Польдауф (см.: *I. Pol-dauf. Fact and non-fact. «The Prague bulletin of mathematical linguistics», 1972, N 18.*

ции и истинности, а нефактивность с утверждением истинности. Кипарские соотнесли возможные различия в актуальном членении сложносубъектных и сложнообъектных предложений с семантикой предикатов.

Соединив идею фактивности с теорией пресуппозиций, Кипарские предположили, что в пресуппозицию утверждения может входить только обозначение факта. Представляется, что суть дела здесь скорее в другом: пресуппозицию утверждения может составить обозначение события, уже введенного в качестве предмета речи, темы. Ср. *Прошу тебя принять участие в дискуссии. Твое участие будет встречено сочувственно / совершенно необходимо / могло бы убедить многих.* В первом предложении сообщается о желательности некоторого действия (выступления адресата речи), которое тем самым получает «мандат» на занятие субъектной позиции. Во втором предложении делается утверждение о некоторых свойствах или возможном эффекте предполагаемой акции. Когда речь идет о вероятном или желательном действии, полная номинализация субъектного придаточного (*твое выступление*), которая обычно применяется для обозначения факта, уравнивается модальным предикатом, указывающим на гипотетический характер обсуждаемого события.

Несовершенство действия, служащего темой сообщения, нередко эксплицируется в условном придаточном предложении. Ср. *Если ты придешь, все будет этому рады (этому = твоему возможному приходу); если ты опоздаешь, это всех огорчит (это = твое возможное опоздание).*

Некоторые логики и лингвисты (И. Хинтика, Дж. Морган, М.-Л. Риверо, Л. Карттунен и др.) говорят в подобных случаях о «возможных мирах», образуемых несовершенными событиями, и о создающих эти миры предикатах (*world-creating verbs*)⁹⁴.

Из сказанного следует, что полная номинализация и прономинализация предложения скрывает за собой не только его номинативный аспект, но и модальное значение

⁹⁴ L. Karttunen. La logique des constructions anglaises a complément prédicatif.—«Langages», 1973, N 30, стр. 59—61; M. L. Rivero. Remarks on operators. «Foundations of Language», 1972, v. 9, N 2, стр. 231—233.

предшествующего сообщения, его коммуникативную направленность, эксплицитно или имплицитно передаваемую глаголом пропозиционального отношения. Ср. *Приходи завтра. Твой приход всех обрадует.* Сочетание *твой приход*, выступающее здесь в качестве определенной дескрипции (т. е. имени нарицательного, обладающего единичной референцией), должно прочитываться как «приход, о котором я тебя прошу».

Категория определенности слова или словосочетания, т. е. его отнесенность к конкретному предмету, лицу или событию, обычно опирается на имплицитные ограничительные придаточные, извлекаемые из предтекста или ситуации. Применительно к конкретным существительным это убедительно показал З. Вендлер⁹⁵. Ср. *Девочка увидела кота. Кот (которого увидела девочка) был черный.* Ограничительное придаточное строится на базе сказуемого предшествующего сообщения.

Определенная дескрипция, обозначающая событие, также поддерживается рестриктивным придаточным, причем последнее создается на основе пропозиционального глагола, в явной или неявной форме присутствующего в предтексте. Ср. *Советую тебе вернуться. Твое возвращение (которое я советую тебе осуществить) очень желательно во многих отношениях. Обещаю тебе помочь. Моя помощь (которую я тебе обещаю оказать) будет состоять в следующем. Мой друг любит Веру. Любовь моего друга к Вере (которую я утверждаю как истину) глубока и бескорытна.*

Утверждение сообщения как истинного соответствует лишь одному из типов пропозиционального отношения. За полной номинализацией предложения, поэтому, далеко не всегда стоит факт. Степень номинализации предложения, таким образом, не свидетельствует о реальности обозначаемого события, а скорее о его «утвержденности» в качестве предмета речи. Проблема полных и неполных номинализаций предложения, а также фактивных и нефактивных предикатов оказывается осложненной многочисленными случаями несоответствия содержательной функции и ее «поверхностной» реализации.

Мысли, близкие изложенной концепции Кипарских, высказывал и П. Адамец, предложивший различать

⁹⁵ Z. Vendler. *Linguistics in philosophy*. Гл. 2. Singular terms.

фактографические и идеографические номинализации⁹⁶.

Приблизительно те же различия в форме и значении пропозитивных объектов и пропозитивных субъектов, которые послужили основанием для деления номинализаций на полные и неполные (З. Вендлер), пресуппозитивные и ассертивные (Кипарские), фактографические и идеографические (П. Адамец), побудили Б. Холл-Парти, поставить вопрос о различении объектов-пропозиций и объектов-предложений. На одном конце шкалы глаголов пропозиционального отношения, полагает Б. Холл-Парти, находятся глаголы суждения и глаголы, вводящие прямую речь (*quote contexts*), которые управляют предложением (*sentential object*); на другом конце этой шкалы сосредоточены эмотивные глаголы, соединяющиеся с пропозицией (*propositional object*). В первом случае в общий объем значения предложения входит не только пропозиция, выражаемая придаточным изъяснительным, но и многие черты, относящиеся к форме ее выражения. «Я прихожу к выводу, что потенциально все аспекты вставных предложений от самого «поверхностного» до самого «глубинного» могут оказаться релевантными для значения того предложения, в которое входит данное»⁹⁷.

Специфика и типы пропозитивного значения

Рассмотренные выше теории номинализаций представляются нам важными в том отношении, что они фиксируют внимание на неоднородности той области, которую можно было бы назвать *пропозитивным значением*, т. е. значением, восходящим к семантике предложения. Обращение к способам номинализации предложения и тем предикатам, которые обслуживают субъекты пропозитивного значения, убеждает в том, что в русском языке эта семантическая сфера может быть подразделена по крайней мере на три зоны.

⁹⁶ А. Адамец. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. — ИДВШ, Филол. науки, 1973, № 4, стр. 44—46.

⁹⁷ B. Hall Partee. The semantics of belief-sentences. «Approaches to natural language». Dordrecht—Boston, 1974, стр. 334.

1. Номинализация - процесс. Этот семантический тип номинализаций характеризуется предикатами, относящимися к способу протекания действия, его месту и времени. Ср. *Прогулка детей была длительной / веселой / оживленной / проходила организованно / началась в полдень / затянулась / закончилась поздно / проходила под палящим солнцем / имела место в лесу и т. п.* Обобщающими предикатами служат в этом случае слова *событие, процесс*. Ср. *Прогулка была радостным событием в жизни детей; Его выздоровление оказалось длительным процессом.*

Номинализации этого разряда обычно не содержат отрицания, поскольку перечисленные типы предикатов в общем случае не могут характеризовать свойства отрицательного факта. Выполняя идентифицирующую функцию, номинализация естественно соединяется с актуализаторами. Ср. *Эта (вчерашняя, утренняя, ежедневная и пр.) прогулка детей.*

Предложения, имеющие в качестве своего субъекта процессуальную номинализацию, эквивалентны высказываниям, актуализирующим обстоятельственные слова. Ср. *Прогулка детей была длительной = дети гуляли долго; Прогулка детей закончилась поздно = дети вернулись с прогулки поздно; Прогулка детей проходила под палящим солнцем = дети гуляли под палящим солнцем.*

2. Номинализация-факт. Номинализации этого семантического типа относятся к самому факту осуществления или неосуществления события, к самой идее фактуальности. Они соединяются по преимуществу с предикатами оценочного значения. По своей форме номинализации этого разряда представляют собой отглагольные имена (только в случае положительного факта) и придаточные предложения, вводимые словами *то, что..., тот факт, что....* Ср. *Прогулка принесла детям пользу / была полезной; Ежедневная прогулка детей расценивается как положительный факт; Тот факт, что дети прекратили прогулки, не может получить одобрения; То, что дети не гуляют, отражается на их аппетите / вызывает возмущение родителей / имеет своим следствием рост числа заболеваний.* Обобщающим предикатом этого разряда номинализаций служит слово *факт*. Ср. *То, что дети сегодня гуляли, факт.* Номинализация может в равной степени быть позитивной и негативной, поскольку сам факт может

столько же состоять в реализованности некоторого события, сколько в его несвершенности (отрицательный факт).

3. Номинализация-пропозиция. Номинализации этого типа равнозначны предложению, взятому в отвлечении от модуса, т. е. пропозиции в «чистом» виде. Они соединяются с предикатами модального значения, оценивающими утверждение того или иного содержания как истину, ложь или возможность. Ср. *То, что дети гуляли, правда / истина / ложь / вполне возможно / исключено / мало вероятно / выдумка* и т. п. Номинализация-пропозиция может быть как позитивной, так и негативной. Ср. *То, что дети не гуляли, ложь*.

Предложения этого типа представляют собой эмфатический эквивалент номинализуемого высказывания, т. е. возвращают к исходному суждению. В них модальное значение вынесено в позицию ремы. Ср. *Дети не гуляли* → *То, что дети гуляли, ложь* → *То, что дети не гуляли, правда*. К таким предложениям прибегают обычно для подтверждения или опровержения чужого высказывания. Они соотносительны с предложениями, содержащими эксплицитный модус. Ср. синонимический ряд: *Дети, очевидно, гуляли* — *Очевидно, что дети гуляли* — *То, что дети гуляли, очевидно*.

Номинализация в этом разряде предложений может быть заменена другими способами обозначения содержания сообщения. Ср. *То, что ты говоришь, истинная правда / правильно / справедливо; Твое утверждение справедливо; Твои слова ложь*. Ср. также *Ты говоришь правду. Ты лжешь*. Предикаты, присоединяемые к номинализации-пропозиции, соотносительны с диалогическими репликами, представляющими собой реакцию на полученное сообщение. Ср. *Правда! Неправда! Возможно! Несомненно! Правильно! Ложь! Не может быть! Сомнительно*. В качестве обобщающих предикатов номинализации этого типа обслуживаются такими словами, как *суждение, мнение, мысль* и др. Ср. *То, что дети не должны гулять, странная мысль*. Если номинализация содержит глагол в будущем времени, то она соотносима с любым именем, обозначающим речевой акт по его коммуникативной цели. Ср. *То, что ты уйдешь из дому, пустая угроза; То, что тебе следует уехать, его совет*.

Таким образом, предложение лежит в основе трех типов производных значений, соответствующих процессу,

факту и пропозиции (суждению). Первый тип значений выражается полной номинализацией, т. е. абстрактным (отглагольным и отадъективным) именем. Второй тип значения может быть выражен как абстрактным именем (при отсутствии отрицания), так и неполной номинализацией — придаточным, вводимым словами *то, что; тот факт, что*. Третий тип значения реализуется неполной номинализацией. Абстрактные имена (полные номинализации) могут получать первое и второе значения, а придаточные предложения (неполные номинализации) допускают употребление во втором и третьем значениях. И те и другие, следовательно, неоднозначны. Первые могут быть замещены словами *событие, процесс*, обобщающими их значение и выступающими по отношению к ним в роли местоимения. Вторые замещаются словом *факт*; третьи соотносительны со словами *суждение, утверждение, мысль* и пр. Все типы номинализаций коррелируют с местоимением *это*. Ср. *Это длилось долго; это принесло пользу; это ложь*.

Итак, по своему значению и формальным признакам номинализации распределяются не между двумя категориями (ср. теорию полных и неполных номинализаций), а по крайней мере, между тремя.

* * *

Сколько ни глубоки, однако, различия между охарактеризованными выше типами значений, они могут быть объединены в класс пропозитивной семантики, специфику которого нужно, по-видимому, искать в том общем, что присуще предложению и номинализированным конструкциям. Ср. следующие предложения с их трансформами: *книги выдаются в библиотеке* → *выдача книг в библиотеке*; *мы рады* → *наша радость*; *мальчик едет на велосипеде* → *езда мальчика на велосипеде*; *художник увлеченно работает над картиной* → *увлеченная работа художника над картиной*.

Та структурная черта, которая дает основание для сближения сравниваемых конструкций, состоит в общности их ядерного компонента. В процессе транспозиции центральный компонент предложения как коммуникативной единицы — его сказуемое (оно в классическом случае совпадает с сообщаемым) — преобразуется в смысловое

ядро словосочетания. Под последним имеется в виду слово, обозначающее тот семантический разряд, к которому может быть отнесено значение всей конструкции. Коммуникативная структура предложения, закрепленная в его грамматическом оформлении, оказывается безразличной для его семантической характеристики. Можно было бы, по-видимому, утверждать, что коммуникативная структура предложения — выделенность в ней сообщаемого формирует его семантическую структуру: коммуникативный центр сообщения становится его семантическим стержнем.

Поскольку наше мышление и общение базируются на отвлеченных категориях и предикатом предложения обозначается относимый к предмету признак, то и субстантивированная (номинализированная) конструкция, семантически эквивалентная предложению, означает свойство или действие. В этом плане предложение и основывающиеся на его сказуемом дериваты могут быть противопоставлены именам конкретно-предметного значения. Различие между этими типами значения с особенной ясностью обнаруживает себя при сравнении предметных существительных с образованными на их основе предложениями. Ср. *Наглец* → *Наглец!* *Белый гриб* → *Белый гриб!*

Предикация существительного, его отнесение к конкретному предмету не только придает ему коммуникативную значимость, но влечет за собой определенные семантические преобразования. В этом убеждает, в частности, то обстоятельство, что обратная трансформация субстантивных предложений в «непредикативное состояние» не имеет своим результатом возвращение к исходной «субстанции». Назывное предложение *Наглец!*, обращенное к собеседнику, семантически соответствует сочетаниям *твоя наглость; то, что ты нагл; то что ты наглец*. Это утверждение верно для любых предложений, возникших на базе конкретной лексики. Ср. *Белые грибы!* → *То, что это были белые грибы, всех порадовало*.

Таким образом, непосредственно называя предмет, номинативное предложение не выполняет по отношению к нему функции субституции. Оно лишено денотативного наполнения. Преобразуясь в предложение, существительное может обозначать только свойства предмета. Так, конкретное имя приобретает функцию классифицирующего предиката. Напомним, что речевое общение есть обмен

мыслями, а не предметами или их субститутами. Прямая предикация к предмету не дает возможности существительному быть его знаковым заместителем. Однако возникшая на основе предложения номинализованная конструкция может выступать в дальнейшем тексте в качестве субститута конкретного факта. Значение предложения передвигается тем самым на денотативный уровень. Происходит соединение пропозитивной семантики с идентифицирующей функцией, или, иначе, абстрактного (непредметного) значения с единичной референцией. Ср. *Твоя наглость (твоя наглая выходка) всех возмутила.*

Противопоставленность пропозитивной семантики значению конкретных существительных ярко обнаруживает себя в процессе непосредственного преобразования имени в одночленное, не осложненное делексикализовавшими глаголами и распространителями предложение. Она заметна уже потому, что разные семантические категории существительных обладают разной степенью пригодности к использованию в роли контекстуально автономного высказывания⁹⁸. Наиболее естественно образуют высказывание существительные, значение которых непосредственно связано с понятием времени. Ср. *Утро; Полдень; Время обеда; Пора созревания плодов.* За некоторыми словами этого значения прочно закрепилась предикативная функция (*время, пора*). Темпоральные существительные не нуждаются ни в каких дополнительных лексических и грамматических «привесках», чтобы превратиться в высказывание. Для достижения этой цели достаточно снабдить их интонацией сообщения. По своей функции такие предложения могут быть как фоновыми (интродуктивными), так и самодовлеющими высказываниями. Темпоральные имена могут занимать позицию придаточного предложения, прямо подчиняясь союзу и союзному слову. Ср. *Когда май, все цветет; Если уже полдень, давай обедать; Занятия в школе прерваны, так как каникулы.* Приведенные предложения обладают системой модально-временных форм, образованных непосредственным присоединением глагола *быть*. Ср. *Был бы май; Была*

⁹⁸ Г. А. Золотова. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных. «Памяти акад. В. В. Виноградова». М., 1971; Н. Д. Арутюнова. О номинативном аспекте предложения. — ВЯ, 1971; № 6; С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 143.

полночь. Вспомогательный глагол выражает только категории времени и наклонения.

Почти столь же легко переходят в предложения существительные, обозначающие звуковые эффекты. Это находит себе объяснение в том, что звуки характеризуются прежде всего временным параметром. Ср. *Пение; Гам; Трели соловья; Третий звонок; Смех*. Как видно из приведенных примеров, «сонантные» существительные охотно образуют одночленные предложения даже в тех случаях, когда они произведены от глаголов. Субстантивное предложение *Третий звонок* едва ли употребляется реже, чем сообщения *Зазвонили в третий раз; Дали третий звонок*. Ср. также соперничество таких пар, как *Галдят* и *Галдеж; Шумят* и *Шум; Трещит* и *Треск* и пр. Предложения этого разряда также обладают системой временных, видовых и модальных форм. Ср. *Был шум; Была бы тишина*. Они могут входить в прямой контакт с союзами. Ср. *Трудно работать, когда шум*. Совершенно аналогично ведут себя и существительные со значением световых эффектов. Ср. *Солнце; Было солнце; Да будет солнце! Хорошо, когда солнце*.

Известной склонностью к преобразованию в предложение обладает событийная лексика — обозначения безличных, неопределенно-личных, социальных, личных и психологических событий, ситуаций, явлений, происшествий, процессов, поступков и пр. Ср. *Беда; Крушение; Крах; Ветер; Дождь; Буря; Пожар; Мор; Голод; Недород; Паника; Суматоха; Давка; Война; Массовый психоз; Карнавал; Собрание; Конференция; Бесконечные дискуссии; Заседание; Суд; Посевная; Суeta; Беготня; Погрузка; Танцы; Потеха* и пр. Эти имена, так же как и разряды темпоральных и «сонантных» существительных, могут образовывать модально-временную и фазовую парадигму и занимать место придаточного предложения. Ср. *Когда мигрень, не до смеха; Когда давка, лучше в автобус не садиться; Если будет война, весь народ встанет на защиту Родины*.

Чем более предметно значение существительного, тем затруднительней для него непосредственное включение в систему форм предложения. Среди существительных конкретной семантики только разряд пространственных имен свободно образует «фоновые» обстоятельственные предложения. Ср. *Море; Горы; Пустыня; Ледяные поля*.

Собственно предметные существительные могут создавать назывные предложения классифицирующего типа. Ср. *Что у тебя в руке? — Молоток* (= тот предмет, который я держу в руке, есть молоток). Такие предложения обычно контекстуально связаны. Если высказывания типа *Дождь; Полдень* понятны и вне контекста, то предложения *Молоток; Кошелек* вне связи с конситуацией могут вызвать недоумение. Конкретные существительные непосредственно не подчиняются союзу. Глагол *быть* в соединении с ними указывает на наличие предмета. Поэтому, в предложения, образованные на основе конкретной лексики, естественно входят обстоятельства места. Ср. *Здесь был (имелся находился, лежал) молоток*. Между тем замена *быть* глаголами местопребывания недопустима в сочетаниях с событийной лексикой. Ср. *Был (но не находился, имелся, пребывал) ветер*. Появление *быть* при конкретно-предметных именах почти всегда сопровождается локальной детерминацией. Ср. *Здесь была бутылка молока*.

Предложение *Сегодня молока (в молочной) не будет* отлично по значению от предложения *Сегодня дождя не будет*. В этом втором случае значение глагола *быть* состоит в указании на реализацию события в определенный период времени. В первом случае речь идет не о реализации события, а о наличии предмета в определенной пространственной сфере бытия. Пространственно-бытийное значение глагола *быть* не может быть сведено только к грамматическим категориям времени и модальности.

Обращает на себя внимание, что прямое соединение предметной лексики с глаголами *быть* без сопутствующих обстоятельственных слов «проявляет» в имени событийный аспект. Ср. следующие примеры, заимствованные из статьи Н. Ю. Шведовой о семантике односоставных именных предложений⁹⁹: *Войдет гусар в заснеженной шинели / И будут ссора, свечи и дуэль* (Б. Некрасов); *Но обязательно будет и другое. Будет притихший космодром. И Земля затихнет, отсчитывая предстартовые секунды* (Р. Рождественский); *Было шесть часов вечера, конец мая 1971 года. Был сквер у Большого театра. Мы шли к месту*

⁹⁹ Н. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов». М., 1973, стр. 468.

встречи, жутко волнуясь («Комсомольская правда», 29 мая 1971 г.).

Событийные коннотации в первом предложении раскрываются семантикой других имен (*ссора, дуэль*), поставленных в один ряд с предметным существительным *свечи*. Речь идет здесь не просто о наличии свечей (как предмета), а скорее о том, что будут гореть (или будут зажжены) свечи. Во втором предложении событийность имени подчеркнута «динамическим» определением (*притихший космодром*). Наконец, в третьем предложении, как и во втором, имя не просто предметно, а скорее пространственно-предметно, т. е. относится к той категории существительных, которые легко образуют фоновые предложения. Последние в семантическом и формальном отношении отличны от предложений собственно предметного значения. Время фоновых предложений относится не к наличию или отсутствию предмета, а к событию, которому данное место служит ареной. Так, из предложения *Был сквер у Большого театра* нельзя заключить, что этого сквера больше нет. Можно было бы сказать *Снова будет сквер у Большого театра*, и это бы значило, что снова повторится в этом месте некоторое событие (например, встреча однополчан).

Вернемся к пропозитивной семантике. Принято говорить, что предложение и его номинативные эквиваленты обозначают события (ситуации, факты, положения дел, реальные и гипотетические), а классические существительные указывают на предметы. Это различие состоит в противопоставлении того, что мыслится во временной протяженности, тому, что характеризуется пространственным параметром. Область семантики, расположенная в плоскости предметно-пространственных отношений, противостоит пропозитивной семантической сфере, организуемой осью времени.

Итак, пропозитивные значения абстрактны в том смысле, что они относятся не к самой субстанции, а к ее свойствам. Возникает вопрос: все ли абстрактные имена входят в область пропозитивной семантики? Можно полагать, что пропозитивные значения базируются не на всей зоне абстрактных существительных. Так, обычно не получают пропозитивного значения имена, указывающие на физические параметры предмета (*форма, размер, величина, вес, рост, длина* и т. п.). Такие значения как *высота*

(‘вертикальное измерение’) возникают, по Куриловичу, как следствие лексической деривации, состоящей в переходе от значения ‘свойство быть высоким’. Последнее же выведено из предиката предложений типа *Дом высокий* → → *высота дома* путем синтаксической деривации¹⁰⁰. Отмеченная Куриловичем вторая ступень деривации (лексическая деривация), следующая за этапом синтаксической деривации, базирующейся на предикате, уводит слово от пропозитивного значения.

Далеки от пропозитивной семантики абстрактные термины, типа *функция, условие, причина, количество, качество, число, признак* и пр. Подобные имена, обозначающие широкие классы понятий, не соотносимы с предикатами. Не составляют ядра пропозиции обозначения элементов психической жизни человека такие как *совесть, ум, рассудок, чувство, настроение* и пр.

Приведенные категории абстрактных имен уже не связаны живыми отношениями с предикатами предложения. Между тем пропозитивная семантика базируется именно на функции предиката. Она может присутствовать, следовательно, только у тех образований, которые выведены из предложения путем синтаксической деривации, опирающейся на предикат.

Пропозитивное значение, таким образом, вырисовывается как значение атрибута (в самом широком понимании этого термина) в его отнесенности или относимости к предметам или явлениям, в его «привязанности» или «привязываемости» к действительности, миру, в его направленности или направляемости на референт.

Это свойство имплицитно речевой характер пропозитивной семантики, которая не может быть выделена у единиц языка, пока они не соотнесены с миром, у тех атрибутов, которые не «зацепились» за какой-либо предмет или явление. Пропозитивная семантика всегда предметно детерминирована. Поэтому ее реализация в классическом случае столь же двучленна, как двучленно «образцовое» предложение, к которому она восходит. Точно так же, как предмет идентифицируется через его атрибуты, свойства (атрибуты) детерминируются через указание на их носителя, т. е. на предмет. Ср. *синева южного моря, бас Шалы*

¹⁰⁰ Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 64.

пина, преданность Жучки, находчивость Коли, яркость Полярной звезды и пр. Предложение *Я встретил мальчика* дает основания и для того, чтобы в дальнейшем повествовании детерминировать мальчика через встречу (ср. *мальчик, которого я встретил*), и для того, чтобы определить встречу через мальчика (*встреча с мальчиком*). Таким образом, *встреча* придает определенность мальчику, а мальчик со своей стороны детерминирует встречу (наряду с признаками места и времени).

Итак, пропозитивные значения выступают в связи с предметами, классами предметов, событиями или явлениями, классами событий или явлений, суждениями о предметах или событиях, т. е. в прямой или опосредованной отнесенности к действительности. Так, имя *высота* в дефиниции *Высота есть вертикальное измерение предмета* не выражает пропозитивного значения, а в предложении *Высота горы нас поразила* значение сочетания *высота горы* принадлежит к пропозитивному типу.

Подведем итоги. Пропозитивная семантика (1) непредметна, (2) соотносима с осью времени, (3) мыслится в отношении к предметам и событиям, (4) принадлежит к ряду речевых значений, (5) реализуется предложением и его трансформами (номинализациями), опирающимися на предикат.

Выделение области пропозитивных значений существенно для анализа семантической структуры предложения и действующих в нем закономерностей смысловой координации частей. Этому вопросу будет посвящена следующая глава. В ней мы будем оперировать пропозитивным значением, взятым в его целостности и противопоставляемым конкретно-предметному значению. Необходимость в анализе и обсуждении этого вопроса вызвана тем, что различие между двумя семантическими сферами весьма затемнено в «поверхностном» облике предложения регулярными взаимозаменами конкретных и пропозитивных номинаций.

Обращение к пропозитивной семантике, как нам кажется, представляет собой тот финиш, к которому ведет разработка теории пропозиции в сочетании и взаимодействии с теорией номинализаций предложения.

В заключение этой главы подчеркнем, что тщательное обследование пропозитивных значений может явиться шагом, приближающим к созданию семантики речи.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Взаимодействие разных аспектов структуры языка с особенной яркостью обнаруживает его живое функционирование и выявляет многие еще латентные процессы. Интерес к межуровневым отношениям, очень характерный для многих отечественных ученых¹, был ослаблен в 40—50 годах идеей герметичности структурных уровней, особенно популярной в дескриптивном языкознании. В последнее десятилетие генеративный принцип построения грамматики смягчил границы между явлениями фонологии и морфологии, морфологии и синтаксиса, синтаксиса и лексики, подчинив их единой цели порождения предложения. Это заострило внимание исследователей на промежуточных уровнях строя языка, в частности на сочленении синтаксической конструкции и ее лексического наполнения. Область «стыковки» синтаксиса и лексики представляет особый интерес, поскольку именно здесь закладывается семантическая основа предложения.

Лексические и лексико-семантические ограничения на сочетаемость слов

Проблема соединения слов имеет два аспекта — лексический и семантический — которые не всегда ясно разграничиваются.

Подходя к указанной проблеме с лексикологических позиций, исследователь интересуется прежде всего норма-

¹ См., например: В. И. Ярцева. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968; В. В. Виноградов. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в строе языка. «Мысли о современном русском языке». М., 1969.

тивной стороной сочетаемости слов в предложении. Основной целью такого анализа, если оставить в стороне обращение к контексту для снятия полисемии слов², является выяснение особенностей комбинирования лексических единиц не в силу их значения, а скорее, напротив, независимо от их смысла. Так, в лексическом ракурсе рассматривается и специфика сочетаемости слов с тождественным или близким значением (ср. *коричневое платье, каштановые волосы, карие глаза, каурая лошадь*) и дистрибуция слова, реализующего в словосочетаниях разные значения (ср. *крутая гора, крутое яйцо, крутой кипяток, крутой нрав*). В такой или сходной постановке указанная проблема разрабатывается в лексикологии (ср. многочисленные наблюдения В. В. Виноградова и фразеологов его школы над несвободной сочетаемостью слов), а также в структурной и отчасти генеративной грамматике: в дистрибутивной доктрине, в теории лексических валентностей³, при изучении синтагматического аспекта речи, в связи с лексическими параметрами А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, способствующими упорядочению описания позиционно обусловленных реализаций аналогичных смыслов, при определении избирательных ограничений поверхностного уровня в порождающей грамматике (см. ниже). Исследования этого типа чаще всего оперируют словом, взятым в его исторически сложившейся целостности. На их основе могут быть сформулированы правила образования сочетаний, не нарушающих лексического узуса, и, следовательно, дан ответ на вопрос, является ли данное высказывание правильным относительно нормы, но для них нерелевантен вопрос о причинах запрета того или другого сочетания.

В область изучения лексической сочетаемости слов входят фразеологические обороты большей или меньшей сте-

² Этот аспект проблемы сочетаемости хорошо разработан И. Н. Амосовой, выдвинувшей понятия переменного и постоянного контекста как «указательного минимума», т. е. минимальной смыслообразующей комбинации слов (см.: И. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963, стр. 22—121).

³ Большой вклад в разработку теории лексических солидарностей, потенций или валентностей наряду с советскими лингвистами внесли немецкие ученые В. Порциг, Э. Лайзи, В. Шмидт, Г. Хельбиг, В. Шенкель и др. См., например: «Beiträge zur Valenztheorie». Halle, 1971 (В этот сборник вошли статьи советских германистов Н. Ф. Иртеневой, Б. А. Абрамова и М. Д. Степановой).

пени спаянности. Ср. *с бору, да с сосенки, без году неделя, как в воду опущенный, как снег на голову, как обухом по голове, как бельмо на глазу, тихой сапой, отводит душу, играть первую скрипку, слышать звон, да не знать где он*. Идиомы не монтируются в процессе речи из отдельных элементов, а используются говорящими как целостные словесные блоки, соответствующие единому смыслу. Поэтому, как правило, внутри них избегаются замены одних слов другими, близкими по значению, словами. Подстановки и даже перестановки слов могут помешать узнаванию идиомы и, следовательно, правильному восприятию ее смысла. Едва ли, например, говорящий без заминки отождествит такие выражения, как *без году месяц, без веку день* или даже *без году семь дней*, с фразеологизмом *без году неделя*, или выражения *как в реку (озеро, пруд) погруженный* с фразеологическим оборотом *как в воду опущенный*. Если вместо идиомы *сидеть у моря и ждать погоды*, обозначающей вынужденное бездействие, мы скажем о ком-либо, что он *сидит в порту (или гавани) и ждет погоды*, то наше сообщение истолкуют скорее в прямом, нежели фигуральном, смысле. Если, вместо того, чтобы употребить фразу *он не бросает слов на ветер*, мы сказали бы, что *он не бросает речей своих на вьюгу (бурю, метель, ураган, пургу, шторм и т. п.)*, а вместо *на птичьих правах* говорили бы о *гусиных правах*, вместо *остаться на бобах* — *остаться на горохе* и т. д., то нас либо не поняли бы вовсе, либо, догадавшись о нашем коммуникативном намерении, приняли бы за иностранца. Даже изменение порядка элементов фразеологизма, может поставить в тупик адресата речи. Ср. *Щеки у нее были молоко с кровью* (вместо *кровь с молоком*).

Таким образом, залог правильной идентификации фразеологизма в его стабильности. В этом случае можно считать, вслед за Н. Н. Амосовой, что указательным минимумом, для выявления значения слова служит постоянный контекст ⁴.

Впрочем, в известных пределах, устанавливаемых положенным в основу идиомы образом, варьирование слов в составе фразеологизмов допустимо. Ср. *как снег на голову (на лысину, на макушку)*; *как пыльным мешком ударенный (пришибленный, прибитый)*; *как будто с луны (неба)*

⁴ Н. Н. Амосова Указ. соч., стр. 58 и след.

упал; гора (бремя, тяжесть) свалилась с плеч⁵. Следовательно, лексическая сочетаемость слов внутри фразеологизмов не является абсолютно фиксированной.

К сфере лексических норм соединения слов относятся, наряду с собственно фразеологией (идиоматикой), полностью или частично грамматизованная перифрастика, в которой обычно фигурирует глагол, удовлетворяющий грамматическому (часто, фазовому) значению сочетания, и имя, несущее основной лексический «заряд». Ср. *оказывать влияние, поднимать скандал, учинять вопрос, вести следствие, иметь намерение, вести борьбу, завязывать отношения, вступать в контакт, играть роль, заключать перемирие, приходить к соглашению, выносить (объявлять) благодарность (выговор), принимать (выносить) постановление, оказывать сопротивление, приходить к соглашению* и т. п. В подобных перифразах, эквивалентных глаголу, хотя и разложимых на два значения, варьирование компонентов (особенно, глагольного) допустимо лишь в очень узких, заданных пределах, за которыми оно воспринимается уже как нарушение лексической нормы, подлежащее исправлению (ср. **поднимать сопротивление, *приходить к перемирию, *играть значение, *поднимать вопрос* и пр.).

Еще более свободна сочетаемость компонентов клише, или словесных штампов. Стабильность клишированных выражений не считается обязательной, она отвечает скорее установившемуся узусу, чем норме. Ср. *выйти в свет* (о книге), *гонка вооружений, трудовая вахта, служба быта, турнирная орбита, вносить вклад* (ведь можно было бы и *взнос*) *в дело, желать крепкого здоровья* (ведь можно было бы и *сильного* — ср. *слабое здоровье*), *закончить строительством, творческий подъем, творческое горение, соблюдать чистоту и порядок, любимое место отдыха трудящихся* и т. п.

По мере того, как мы переходим от идиом к словосочетаниям, элементы которых в той или иной степени обособлены друг от друга, и можно говорить о том, что они выбираются не совместно, а порознь в процессе развертывания содержательной стороны речи, встает проблема зависимости выбора одного слова от выбора другого, свя-

⁵ В. И. Телия. Вариантность идиом. «Устойчивость и вариантность фразеологических единиц». Тула, 1972.

занного с ним элемента. Последний обычно бывает доминирующим, поскольку его выбор предшествует выбору данного слова.

Ограничения на сочетаемость есть, таким образом, условия выбора слова для выражения заданного смысла при наличии альтернативных решений. Эти ограничения могут быть: 1) собственно лексическими и 2) лексико-семантическими. В первом случае выбор детерминирован таким фактором как присутствие другого слова, осуществляющего семантическую доминацию и обозначающего опорное (выбираемое ранее) понятие. Во втором случае выбор определяется не столько доминирующим словом как целостным языковым знаком, сколько той категорией реалий, к которой оно относится. Этот последний тип ограничений на сочетаемость лежит на грани между лексическими (формальными) нормами соединения слов и семантическими (связанными с природой денотата) закономерностями выбора смыслов.

В сочетаниях типа *полный идиот* и *круглый дурак* выбор интенсифицирующего прилагательного предопределен именем (как совокупностью означающего и означаемого), вследствие чего замена определяемого другим, даже близким ему по значению, словом влечет за собой «перевыборы» определения. Так, было бы нарушением не только норм вежливости, но и речевого узуса назвать собеседника *полным дураком* или *круглым идиотом*. Ограничения на сочетаемость, независимые от природы денотата, особенно характерны для конструкций, приспособленных к выполнению предикатной функции (см. подробнее в главе «Коммуникативная функция и значение слова»). Фиксация сочетаемости в этом случае напоминает соединение основы с тем или другим аффиксом в процессе деривации, когда при наличии синонимических суффиксов словообразующая основа останавливает свой выбор на одном из них, скрепляя себя с ним прочными узами.

Несколько иной характер носят условия выбора прилагательного из уже приводившегося ряда цветовых обозначений — *карий, коричневый, каштановый, каурий*. Приняв в качестве носителя цвета орган зрения, говорящий детерминирует этим выбор определения из числа прилагательных, соответствующих нужному участку цветового спектра: «глаза» указывают на прилагательное *карие* (а не *коричневые* или *каштановые*). Точно так же «волосы»

притягивают к себе прилагательное *каштановые*. Определяет выбор здесь однако не слово, рассматриваемое как элемент кода, а скорее тот референт (денотативный класс), к которому оно относится (см. ниже о референтных пресуппозициях). Каким бы именем мы ни обозначили глаза и волосы, это не повлияет на выбор определения. Ср. *карие* *очи*, *каштановая коса* (*прядь, челка, грива*), *каштановый локон* (*завиток, шиньон, парик*). Можно сказать *каштановый* применительно к шерсти животного и даже шкуре, но превратившись в мех или пальто, шкура меняет свой цвет на *коричневый*. Точно так же шерсть, приняв форму пряжи или кофты, становится коричневой. Однако, хотя выбор прилагательного здесь определяется не словом, а природой референта, связь цвета с фактурой материала уже не воспринимается как столь «кровная» и неразрывная, чтобы можно было говорить о существенных семантических различиях между приведенными прилагательными: цвет вообще ощущается как автономное, более или менее независимое от природы субстанции понятие. Это подтверждается безграничной сочетаемостью обозначений цвета, образованных от названий предметов (ср. *вишневый, малиновый, сиреневый, гороховый, оливковый, розовый, бирюзовый, янтарный, рубиновый* и пр.). Исключения составляют масти лошадей, которым свойственна причудливая окраска, и отчасти «масти» людей. Поэтому, если в приведенном ряду прилагательных искать семантическую специфику, то она прежде всего и с очевидностью проступает в слове *каурий*, а затем и с меньшей силой в прилагательном *каштановый*.

Таким образом, ограничения на сочетаемость слова, могут относиться к лексическому и референтному уровню. Чем очевидней влияние на выбор слова денотативного класса (а не тех лексических единиц, которые его обозначают), тем больше оснований говорить о смысловом своеобразии элементов, образующих одно семантическое поле. В значении слова, обозначающего статический или динамический признак предмета, начинают с большей или меньшей ясностью проступать физические (или иные) свойства субстанции. Ср. *сыпаться* (о зернистой массе, крупинках), *литься, течь* (о жидкости), *пить* (то, что жидко), *есть* (то, что не жидко), *разбить* (стекло), *разорвать* (ткань, бумагу), *сломать* (палку, грифель), *расколоть* (сахар, орех).

В тех случаях, когда референтные различия сходят на нет, а специфика сочетаемости сохраняется, предпочтение той или другой лексической единицы ставится в зависимость уже не от свойств денотативного класса, а от его словесного обозначения, т. е. меняется сам принцип выбора слова. Ср. *пить сок*, но *есть бульон* (хотя и сок и бульон оба обладают признаком жидкости, т. е. в равной степени не требуют жевания). Фиксация глаголов в определенных сочетаниях обычно не вполне произвольна. В приведенном примере выбор может быть обусловлен другими, сопутствующими основной характеристике процесса, чертами, например, целью действия: пьют обычно для утоления жажды, а едят для утоления голода. Поскольку бульон не относится к категории напитков и его употребляют для насыщения, с ним естественней сочетать глагол *есть*. По этой же причине в деревнях обычно *едят молоко*. Другая черта ситуации, влияющая на фиксацию глагола, касается способа совершения действия: бульон, подобно супу, едят ложкой из тарелки или бульонной чашки. Изменение способа принятия пищи может отразиться на выборе глагола (ср. *выпить стакан бульона*).

Если с исчезновением референтных различий сочетаемость перестает быть связанной, между словами складываются отношения свободного варьирования, благоприятные в принципе для развития синонимии. Ср. *есть* / *пить компот*, *есть* / *пить кисель*.

Любопытно, что употребление глаголов *пить* и *есть* не вполне соотносимо с функционированием глаголов *положить* и *налить* (еду, питье), для которых, так же как и для первой пары глаголов, существен признак *жидкое* / *нежидкое*, но, в отличие от глаголов *пить* и *есть*, нерелевантны названные выше сопутствующие черты. Это обстоятельство нарушает параллелизм сочетаемости. Ср. *есть суп* (*борщ, бульон*), но *наливать суп* (*борщ, бульон*) в тарелку; *есть* (*реже, пить*) *компот* (*кисель*) — *наливать компот* (*кисель*) в чашку. Сочетание *положить суп*, которое стало бы в пару с сочетанием *есть суп*, имеет локальный характер. На юге России, в отличие от общелитературного стандарта, по отношению к дискретной и смешанной (жидко-твердой) массе применяется глагол *сыпать* (ср. *насыпать картошку, суп, кашу*). Употребление этого глагола также нарушает параллелизм между *есть* — *пить* и *класть* — *наливать*.

Наблюдения над фактами, подобными приведенным, наталкивали многих лингвистов на мысль о наличии между словами семантического согласования, или лексических солидарностей. Следует напомнить, что задача изучения «правил сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы», была поставлена в русской лингвистике Л. В. Щербой еще в 1931 г.⁶ В последнее время важность этой области исследований для семасиологии, лексикологии и лексикографии подчеркнул В. В. Виноградов⁷.

Еще гораздо раньше наблюдения над явлениями, постоянной совместной встречаемости слов в тексте привели Н. В. Крушевского к выделению особого типа отношений между словами, именно, связей, основывающихся на ассоциации по смежности, которые он противопоставил другому типу отношений — отношениям в силу ассоциации по сходству, предвосхитив тем самым известную мысль Ф. де Соссюра о с и н т а г м а т и ч е с к и х и а с с о ц и а т и в н ы х (впоследствии названных п а р а д и г м а т и ч е с к и м и) отношениях между элементами языка. «Нетрудно открыть и другие связи между словами, — писал Н. В. Крушевский, — Так, например, слова *он через улицу лошадь под уздцы* возбуждают в нашем уме слово *ведет*. Точно так же действительный глагол возбуждает в нас имя в форме винительного падежа, частица *если бы* — глагол с окончанием прошедшего времени, слово *износить* возбуждает слово *платье, обувь*, слово *внести* — *деньги, нанести* — *оскорбление, одержать* — *победу*, точно так же возбуждают друг друга такие слова, как *собака* и *лаять, лошадь* и *ржать* и проч. Такая способность слов возбуждать друг друга основана на психическом законе а с с о ц и а ц и и по смежности: мы привыкаем употреблять данное слово чаще с одним, нежели с другим, словом»⁸.

Разрабатывая теорию лексических зависимостей в духе идей В. Порцига, Е. Косериу определяет семантическую солидарность как наличие в значении одного слова

⁶ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. «Изв. АН СССР», отд. общ. наук, 1931, прим. 1.

⁷ В. В. Виноградов. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка, стр. 5.

⁸ Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 65.

указания на значение другого, опорного для него слова. Поскольку предикатные слова (глагол и прилагательное) призваны характеризовать объект действительности, а не значение определяемого слова, было бы правильнее, как кажется, говорить не о лексических солидарностях, а о семантической специфике предикатных слов, состоящей в их референтной ограниченности, т. е. в том, что они обозначают признак, выделяемый только в определенном классе объектов. Это уточнение относится к самой постановке проблемы семантического согласования. Речь может идти не об указании значением признакового слова на значение опорного слова, а об указании на класс объектов, соответствующих определяемому слову.

Солидарности, по Е. Косериу, основаны на том факте, что единица, относящаяся к одной парадигме, выступает в качестве дифференциального признака другой парадигмы. Например, *дерево*, входя в парадигму 'растений', дифференцирует элементы парадигмы, состоящей из глаголов *срезать*, *ломать*, *срывать* и др., в которой, благодаря «дереву», фигурирует глагол *валить*. Е. Косериу выделяет три типа лексематических зависимостей, различающихся между собой объемом сочетаемости: *с родство*, *селекцию* и *импликацию*. В первом случае, в качестве дистинктивной черты, ограничивающей сочетаемость слова, фигурирует класс предметов, с названиями которых оно может соединяться. Так, лат. *senex* служит определением только обозначений людей. Во втором случае, дистинктивную черту, ограничивающую сочетаемость слова, составляет архилексема, присутствующая в значении всех его «партнеров». Так, глагол *ездить на...* может соединяться с именами разных классов, объединенных общим значением (архилексемой) 'сухопутное средство передвижения'. В третьем случае, т. е. при лексематической импликации, дистинктивная черта, определяющая сочетаемость слова, совпадает с целиком взятой лексемой детерминирующего слова. Так, прилагательное *гнедой* может сочетаться только с обозначениями лошади⁹. Меж-

⁹ Е. Косериу. Лексические солидарности. «Вопросы учебной лексикологии и лексикографии». М., 1969, стр. 97 и след.; см. также: Е. Coseriu. Les structures lexématiques. «Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur», 1968, Heft I (Neue Folge), стр. 15—16:

ду первым и третьим типом солидарности мы не усматриваем существенных различий.

В. Г. Гак, одним из первых среди советских лингвистов обратившийся к изучению семантической сочетаемости, исходит из того, что в значении соединенных между собой слов должен присутствовать один и тот же смысловой компонент — общая сема, или синтагма, повторное употребление которой служит целям организации содержательной стороны высказывания¹⁰. Это положение, как и изложенные выше мысли о семантических солидарностях наиболее применимы к случаям, когда существует только один способ проявления предмета или материи в действии или состоянии определенного типа (например, движении). Так, масса, состоящая из несвязанных между собой частиц, как упоминалось выше, может только сыпаться. Действие, передаваемое глаголом, в этом случае вполне однозначно характеризует свойства предмета. Поэтому, вместо того, чтобы говорить о крупчатой, дробной или дискретной массе, говорят о *сыпучих телах*, а вместо того, чтобы характеризовать вещи как хрупкие, более принято говорить о *бьющихся предметах*, определяя структуру и свойства материи по ее проявлению в действии (ср. также *ползучие гады*). В подобных случаях повторение в глаголе значения дискретности или хрупкости материи излишне¹¹. Но оно становится существенным, когда глагол *сыпаться* выходит за пределы сочетаемости с именами сыпучих тел (ср. *осыпать упреками*, *дождь сыпал*, *дети высыпали на улицу*, *сыпать словами*, *осыпать ударами* и пр.), а глагол *разбиваться* употребляется не с названиями хрупких предметов (ср. *разбить сердце*, *надежды*, *планы* и пр.).

Примеры: *Имена новейших ученых, с прибавлением года рождения или смерти каждого из них, заглавия только что вышедших брошюр, вообще имена, имена, имена — дружно посыпаешь с его языка, доставляя ему самому высокое наслаждение, отражавшееся в его запыхавшихся глазах* (Тургенев); *В спорах как начнет она сыпать обидными словами* (А. Н. Толстой); Ср. также *сыпать* —

¹⁰ В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дисс. М., 1967; *Он же*. К проблеме семантической синтагматики. «Проблемы структурной лингвистики — 1971». М., 1972, стр. 375 и сл.

¹¹ В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, стр. 379.

‘отбивать ногами мелкую дробь’ (*Эх, с ы н ь, Семеновна, да подсыпай, Семеновна*).

Таким образом, смысловые особенности глаголов, характеризующих строго определенные категории предметов, особенно заметны при выходе за пределы привычного круга сочетаемости. А. Белый, специально изучавший стиль Гоголя, отметил, между прочим, что Гоголь в целях «повышения энергии действия» иногда меняет стандартные глаголы при именах, прибегая к таким сочетаниям как *пот валится, водопад сыпался*¹². Наряду с указанным А. Белым стилистическим эффектом, изменение сочетаемости, по-видимому, выполняло у Гоголя и определенную семантическую функцию: предложение *водопад сыпался* обращало внимание на «зернистость», распыленность водяной струи, на то, что она разбивалась в брызги. Это подтверждается и образом водопада как осыпающейся горы у Державина. Ср. *Алмазны сыплется гора | С высот четырех скалами*. Выбор глагола *сыпаться* определялся не столько характером движения, сколько особенностью движущегося вещества. Точно так же, если бы мы употребили сочетания *песок (уголь) лился* или *тек, зерно потекло в закрома*, то подчеркнули бы этим сплошность перемещающейся массы. Итак, изменения глагола в приведенных примерах достаточно, чтобы изменить представление о структуре самой материи.

Приведенные примеры показывают, сколь постепенен процесс расчленения ситуации, следы которого устойчиво сохраняются в значении слов, образуя как бы контур разрыва, нарезку, задающую точную форму присоединяемого фрагмента. Разделив понятие движущейся массы и понятие движения, язык в то же время продолжает связывать характер движения со свойствами приведенной в движение материи¹³. Это создает в сочетании дан-

¹² А. Белый. Мастерство Гоголя. М.—Л., 1934, стр. 202.

¹³ Любопытно обратить внимание, что «сильное» семантическое согласование слов далеко не всегда бывает следствием нерасчлененности ситуации, а может возникать в экспрессивных целях, отражая, по словам М. М. Покровского «способность социологической наблюдательности». Так, одно и то же действие может обозначаться разными глаголами в зависимости от категории субъекта: ср. *портной настегался* или *наутюжился*, *сапожник наступался*, *музыкант накалился*, *барин налимонился*, *лакей налился*, *солдат употребил* (примеры М. М. Покровского). См.: М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., 1959,

ных понятий известную семантическую сплошность. Если «семантическая насечка» не стирается в процессе словооборота, то область сочетаемости признаков слов (глаголов, прилагательных, наречий) остается очень узкой. Ср. *ёкнуть* (только о сердце), *зажмурить* (только глаза), *укусить* (только при помощи зубов). Последний пример показывает, что некоторые действия, могут быть выполнены при помощи только одного, естественного, орудия или органа, специально предназначенного природой для определенной цели (ср. *смотреть* и *видеть глазами*, *слушать* и *слышать ушами*, *думать головой* или *мозгами*, *жевать* и *кусать зубами*, *говорить языком*, *нюхать носом*, *лизать* и *лакать языком* и пр.). В этих случаях сама природа вещей исключает возможность расширения сочетаемости слов с орудийными именами. Подобные ограничения отражают структуру мира, а не особенности его языковой модели или лексического узуса. Указание на соответствующие органы при названных глаголах совершенно излишне. К нему прибегают только при эмпазе (ср. *видеть своими глазами*, *слышать собственными ушами*) или при необходимости дополнительной индивидуализации органа (*посмотреть большими серыми глазами*, *укусить острыми зубами*).

У подобных глаголов указание на орудие создает конститутивный признак значения, устранение которого повело бы к ликвидации самого слова. Значение глаголов *лизать* и *лакать* невозможно себе представить, если из него «вырвать» язык. Е. Косериу называет такого рода зависимости односторонними, или внутренними, солидарностями, которые он противопоставляет многосторонним, или внешним, солидарностям, образующим парадигмы. Ср. *лаять* (о собаках), *ворковать* (о голубях), *чирикать* (о воробьях), *ржать* (о лошадях), *мычать* (о коровах), *блеять* (об овцах) и т. д.¹⁴ Обращаясь к примерам, в которых ограничения на сочетаемость отражают скорее устройство мира, чем структуру языка, мы постепенно оставляем область лексической сочетаемости слов и вступаем в сферу сочетаемости смыслов (этому вопросу посвящен

стр. 39. — В этих случаях семантические ограничения на сочетаемость обычно легко расшатываются (ср. широкую сочетаемость с субъектом глаголов *нализаться* и *употребить* в современной русской речи).

¹⁴ Е. Косериу. Лексические солидарности, стр. 99.

раздел «Семантические ограничения на сочетаемость слов» настоящей главы).

Правила, фиксирующие лексические ограничения на сочетаемость, имеют статус нормы. Их нарушение свидетельствует о недостаточном владении языком или его литературным стандартом. Правила, определяющие сочетаемость с высокой степенью вероятности выбора, не столь строги. Их нарушение может свидетельствовать о различиях в семантике, либо о метафорическом употреблении слова. Оно характерно для художественной речи.

Итак, регламентированная лексическая сочетаемость слов обнаруживает себя в идиоматике, перифразистике, речевых штампах, клишированных выражениях и т. п. Она относится к области поверхностных структур (т. е. способов реализации смыслов), оценка которых дается прежде всего под углом зрения нормы, узуса, принятого стандарта. Лексическая регламентация соединения слов далеко не всегда может быть обобщена в виде правил широкой сферы приложимости. Она подлежит, поэтому, ведению словаря¹⁵.

Ниже процесс формирования несвободной сочетаемости слов будет проиллюстрирован на материале русских имен со значением элементов психической жизни человека.

Специфика несвободной сочетаемости имен чувств

Богатый материал для наблюдений за образованием норм несвободной сочетаемости слов дают имена отвлеченного значения. Последние соединяются с предикатами второго порядка, образующими достаточно замкнутую и стабильную семантическую сферу. Среди *nomina abstracta* особый интерес представляют в этом отношении названия элементов психической жизни человека — эмоцио-

¹⁵ Ср., например, тип толково-комбинаторного словаря, широко учитывающего факты несвободной сочетаемости слов, который был предложен А. К. Жолковским и Н. А. Мельчуком (см. серию «Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР»). Теоретические основания словаря изложены в кн.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 36—55.

нальных состояний и переживаний, настроений, ощущений желаний и пр., сочетаемость которых в большой степени основывается на различных образных представлениях, метафоре.

Специфика слов этой группы состоит в том, что, будучи именами абстрактного значения, они в то же время далеки и от пропозитивной семантики, тесно связанной с временными и видовыми параметрами, характеризующими событие. Такие имена, как *совесть, воля, опыт, душа, сердце, ум*, обозначая константы психики, уже не воспринимаются как произведенные от предикатов. Они как бы обозначают «предметы» психического мира. Сфера обслуживающих их прилагательных и глаголов не принадлежит целиком к области предикатов абстрактных (пропозитивных) имен, но в то же время она не определяется свободным соединением наименований непосредственно наблюдаемых явлений.

Названия переходящих психических состояний, как правило, вторичны, т. е. соотносительны с глаголами. Однако, по аналогии с константами психики, они имеют тенденцию к отрыву от глагольного значения и часто функционируют как имена актантов — участников драм и мистерий, разыгрывающихся на «внутренней арене».

Говоря о психике, мы вообще склонны экстериоризировать ее составляющие — чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдание и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определенные, дружеские или враждебные, отношения, как нечто, нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя. Компоненты психической жизни взаимодействуют не только с нашим «я», они завязывают отношения друг с другом, образуя заговор, бунтуя, делая человека своим рабом, или, напротив, вступая между собой в конфликты. Известно, например, сколь не ладят между собой рассудок и сердце, совесть и желания, душа и страсти, надежда и опыт, как стремится разум победить эмоции и как часто терпит в этой битве поражение.

Ср. Конечно, страсти дело невольное, да на то у нас душа чтобы с ними бороться (Марлинский); Люблю отчизну я, но странною любовью! | Не победит ее рассудок

мой (Лермонтов); Суров ты был, ты в молодые годы | Умел рассудку страсти подчинять (Некрасов); Ты покачала головой, | Сказав, что болен разум мой, | Жаланьем вздорным ослепленный (Лермонтов); Но вере теплой опыт холодный | Противоречит каждый миг (Лермонтов); Но чувство есть у нас святое | Надежда, бог грядущих дней, | Она в душе, где все земное, | Живет наперекор страстей (Лермонтов).

Названия эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство событий и даже от спровоцировавших его лиц (виновников или объектов чувств). Они рассматриваются как независимая, самодовлеющая величина. В предложениях, включающих имена чувств в качестве своего субъекта, обычно характеризуются их свойства и «действия». Описание внутренней жизни, в частности ситуаций внутреннего разлада и борьбы элементов человеческой психики, их отношений с «глобальной личностью», требует определенного набора атрибутов — прилагательных и глаголов. Для этой цели не всегда пригодны слова в их прямом номинативном значении, поскольку речь идет о воссоздаваемом, а не наблюдаемом мире. Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, и о п и с ы в а ю т, и в то же время непосредственно с о з д а ю т его. Их изучение, поэтому, проливает свет не только на процесс формирования несвободной сочетаемости слов, но и на структуру и свойства человеческой психики.

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах.

Отбор предикатов для сообщений о психической сфере обычно диктуется тем общим образным рядом, на основе которого воссоздается духовная жизнь людей.

Так, представление о совести как о коггистом и остро-зубом существе, находящемся во вражде с желаниями и чувствами человека, обеспечивает слову *совесть* сочетаемость с глаголами *грызть*, *кусать*, *царапать*, *впиваться когтями в душу*, *скрести*, *вонзать зубы* и т. д. Могло бы оказаться, что жизнь совести полностью воспроизводит жизнь маленького грызуна. Тогда сочетаемость слова *совесть* повторяла бы сочетаемость имени любого зверька из соответствующего отряда. На самом деле это не так.

«Когтистый зверь» передает далеко не все свои предикаты «совести», и в то же время является не единственным образом, объясняющим лексические валентности этого слова. О многоликости совести можно судить по следующему отрывку из монолога Скупого рыцаря:

Иль скажет сын.

Что сердце у меня обросло мохом,

Что я не знал желаний, что меня

И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, *докучный собеседник*,
Займодавец грубый, *эта ведьма*,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают.

Пушкин, Скупой рыцарь

Образ совести как «докучного собеседника», а шире, вообще очеловечивание совести, позволяет ей *говорить*, *возражать*, *спорить*, *требовать*, *призывать*, *корить*, *укорять*, *допекать*, *спать*, *дремать*, *пробуждаться*, *советывать*, *разрешать*, *запрещать* и пр. Ср. в нем, наконец, *заговорила совесть*; *чувствовать укоры (уколы) совести*; *прислушиваться к голосу совести*; *спорить с собственной совестью*; *поступать вопреки увещаниям совести*; *пробудить чью-либо совесть* и пр.

Примеры: *А я всю ночь веду переговоры | С неукротимой совестью своей* (Ахматова); *Отдав ему себя, ты не спросилась | У совести своей* (Лермонтов).

Образ совести как врага, преследователя и мучителя человека отражен в сочетаниях типа *его мучает (терзает, преследует) совесть*, *совесть не дает ему покоя (житья)*. Ср. персонифицированный образ совести-мучительницы, «верного врага» человека, созданный Марк Твенom в рассказе «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут». Автор воплощает такие параметры совести как размер и вес, слабость и силу, соответствующие стандартным английским определениям существительного *совесть* (*light, heavy conscience* и др.). Облик совести, таким образом, воспроизведен автором по данным языка.

Представление о совести как о некоторой поверхности, своего рода *tabula rasa*, зафиксировано в сочетаниях *моя*

совесть чиста (незапятнана), у него совесть нечиста, на его совести есть пятно.

Очевидно, что сочетаемость слова *совесть* не моделируется на основе целостного представления. Она возникает путем объединения и скрещивания ряда несовместимых с точки зрения естественных законов мироздания образов. Отсутствие полноты и единства аналогии ведет к тому, что набор атрибутов, обслуживающих слово *совесть*, становится фиксированным, закрепленным.

Столь же мозаично окружение слов со значением элементов эмоциональной жизни человека. Оно формируется путем объединения ряда противоречащих друг другу образов. Многоликость чувства тем явственней, чем изменчивей те состояния психики, которые оно вызывает. Наибольшим образным диапазоном, по-видимому, обладает *любовь*. Ср., например:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в иное ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя,
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя,

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще не знакомой улыбке.

А. Ахматова, *Любовь*

Ср. также шуточное «Истолкование любви» И. Мятлева: «Что есть любовь? | Спросил меня Петров, | Мой дворник, страж, блюститель дома. | Любовь мне как-то не знакома» | — Неправда, врешь, дурак, | Ты только говоришь не так. | Любовь есть то, к чему душа стремится, | Любовь есть то, чем сердце веселится, | И без чего прожить нам мудрено! | «А, понял я: любовь есть пенное вино!». Шутка И. Мятлева построена на неопределенности, социальной обусловленности предикатов любви, допускающих подмену субъекта.

Естественно, что чем богаче образная структура чувства, тем шире и гетерогенней набор обслуживающих его

название предикатов. Этот признак отличает, в частности, любовь от ненависти, общепризнанного антонима этого слова. Сфера предикатов, обслуживающих имя *любовь* во сто крат богаче и разнообразней области предикатов имени *ненависть*.

* * *

Говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует, по-видимому, считать доминирующим представление о них как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих «форму» сосуда¹⁶. Ср. следующий шуточный афоризм К. Пруткина: «Почти всякий человек подобен сосуду с кранами, наполненному живительною влагою производящих сил».

Любое чувство, настроение, состояние психики имеет тенденцию разрастаться до такой степени, чтобы заполнить собой все «нутро» человека, весь «сосуд» его души или сердца. Душа представляется и как содержание человека, и как вместилище его духовных переживаний. Ср. *Полон чистою любовью* (Пушкин); *Я полон страстною тоской* (Боратынский); *Полон страстным ожиданием* (Лермонтов); *И долго на свете томилась она [душа], | Желанием чудным полна; | И звуков небес заменить не могли | Ей скучные песни земли* (Лермонтов). Ср., впрочем, протест М. Цветаевой против такого словоупотребления по отношению к душе: «Душа не может быть заполнена никем и ничем, ибо она не сосуд, а — содержимое».

Опустошенность человека, отсутствие в нем чувств, сил, мыслей иногда ощущается так, как будто «содержимое» человеческой души было кем-то выпито. Ср. следую-

¹⁶ Ср. замечание В. В. Виноградова о том, что «идущее из библейской мифологии представление чувства как *жидкости* и переживания чувств в образе чаши, из которой или которую *пьет* человек» относится «к области общелитературной семантики дворянского языка (конца XVIII и начала XIX в.), отзвуки которой очень сильны и в современной литературной речи» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 257). О роли этого и других образов эмоций в поэзии Пушкина, а также его предшественников и современников см.: А. Д. Григорьева. Поэтическая фразеология Пушкина. «Поэтическая фразеология Пушкина». М., 1969, стр. 220 и сл. Н. Н. Иванова. Поэтическая «глагольная» перифраза у Пушкина. — Там же, стр. 296 и сл. (некоторые из приводящихся ниже примеров заимствованы у А. Д. Григорьевой и Н. Н. Ивановой).

щие записи в дневнике А. Блока: *Выпитость. На днях, лежа в темноте с открытыми глазами, слушал гул, гул: думал, что началось землетрясение (9—I—1918); Выпитость к ночи. Сыро в комнате. Бушует ветер (опять циклон?) (14—I—1918).*

Свойство «текучести» резко противопоставляет сферу чувств воле, характеризующейся признаком твердости, неспгиблемости, незыблемости, непоколебимости, нерушимости. Противоположное свойство воли, однако, не обозначается антонимами приведенных имен (соотв. прилагательных). Так, принято говорить о *слабой* (но не *мягкой*) воле.

Этот общий для всех эмоций — бурных и тихих, положительных и отрицательных — образ основывается на том, что жидкое состояние вещества наиболее подвижно, изменчиво, легко попадает во власть стихии, имеет многобальную шкалу градаций разных состояний и температур — от штиля до шторма, от ледяной холодности до кипения, и в то же время лишено дискретности. Не случайно, когда человек перестает испытывать спонтанные эмоциональные реакции, говорят, что сердце его *окаменело, одеревенело, окостенело, затвердело, стало жестким, сухим*, т. е. как бы перешло в то «состояние материи», которое лишено подвижной изменчивости жидкого вещества. Ср. *Равнодушие — одеревенение и окостенение сердца* (В. Сухомлинский); *У меня сегодня много дела | Надо память до конца убить, | Надо, чтоб душа окаменела, | Надо снова научиться жить* (Ахматова); *Влачусь угрюмый, одинокий, | Окаменел мой дух жестокий. | И в сердце жалость умерла* (Пушкин).

Эмоции уподобляются текучему телу, некоторому неспецифицированному по составу жидкому веществу, горькому или сладкому, благотворному или вредоносному (яду, отраве), которое человек может пить и изливать. Излияния, впрочем, не всегда уменьшают количество и силу чувства. Душа человека в этом отношении подобна самонаполняющемуся сосуду. Ср. *Источник страсти есть во мне | Великий и чудесный; | Песок серебряный на дне, | Поверхность — лик небесный* (Лермонтов);

Образом «текучих эмоций» порождены такие сочетания, как *излить душу* (печаль, горе), *страсти волнуются в душе, волнение страстей; страсти (чувства) кипят (бурлят), иметь каплю жалости* (любви, снисхождения, уважения),

испытать до дна чашу страданий, облить (окапать) презрением, прилив чувств, накатывать, подкатывать (о горе, тоске), человек брызжет радостью; его радость переливается через край (неисчерпаема, ничем не замутнена), на душе накипело, из глубины души (со дна души) поднялась муть, в душе остался осадок, водоворот чувств, пучина чувств, вкушать восторг, омут страстей, наплыв чувств, радость бьет ключом (фонтаном), захлебываться радостью (от радости), чувства захлестывают, радость испарилась (иссякла), чувства нахлынули (отхлынули), всплески чувств, хлебнуть горя, волна любви (сострадания, нежности), выплеснуть кому-либо в лицо презрение (ненависть), бояться расплескать переполняющее душу чувство любви, утопать в блаженстве (восторге, неге), купаться в наслаждениях (радости), быть упоенным любовью, жаждать любви.

Иногда страсть уподобляют голоду. Ср. *Страсть — это тот же голод. Восхвалять его могут только объевшиеся. Лечение голоданием* (А. Каштанов, Заводской район). В последнем случае обычно имеют в виду плотскую, а не духовную сторону чувства, желание, а не платоническое влечение. К духу в большей степени относится понятие жажды, а к телу, плоти — голода. Ср. *Духовной жаждою томим / В пустыне знойной я влачился* (Пушкин); *И ты простой возжаждешь красоты* (А. Блок). Противопоставление жажды и голода (имеются в виду фигуральные значения этих слов) в некоторой степени соответствует противопоставлению духа и тела. В выражениях типа *жаждать крови, жаждать мести* следует видеть следы значения *жаждать* — 'сильно хотеть, алкать'.

Можно заметить, что текучесть рассматривается и как свойство души и даже сердца, и как свойство «глобальной» личности (*душа кипит, сердце кипит, человек кипит*), и тогда эмоции выполняют функции волнений души (*душа кипит радостью или от радости, человек вскипает от гнева*), и как свойство самих эмоций (*страсти кипят, чувства кипят*) и тогда в качестве причины эмоций указывается на то реальное событие или лицо, которое их вызвало (*гнев вскипел в нем при этом известии*). Ср. *Я молод был; моя душа | В то время радостью кипела* (Пушкин); *Прочь, прочь, слеза позорная, | Кипи, душа моя! | Твоя измена черная | Понятна мне, змея* (Лермонтов); *Расколышь ты душу! Всю сегодня выпень* (Пас-

тернак); ср. также следующую строчку в переводе А. Мерзлякова «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо: *Вскипел Бульон и в рать потек.*

✓ Образ «жидких», текучих эмоций может быть проиллюстрирован следующими примерами: *Хотела б смертная тоска | Излиться воплем и слезами* (Боратынский); *Мы пьем в любви отраву сладкую; | Но все отраву пьем мы в ней, | И платим мы за радость краткую | Ей безвесельем долгих дней* (Боратынский); *Может, я мешаю | Печали вашей вольно изливаться* (Пушкин); *Ты пьешь волшебный яд желаний* (Пушкин); *Свеча темно горит; стесняясь сердце ноет; | По капле, медленно глотаю скуки яд* (Пушкин); *В ее объятиях я негу пил душой* (Пушкин); *До капли наслажденье пей, | Живи беспечен, равнодушен* (Пушкин); *Если там в пределах отдаленных, | Где душа должна блаженство пить* (Лермонтов); *Как настоящее, оно [былое] | Страстями бурными обито* (Лермонтов); *Для этого весною ранней | Со мною сходятся друзья | И наши вечера — прощанья | Пирушки наши — завещанья | Чтоб тайная струя страданья | Согрела холод бытия* (Пастернак); *И я б опоил тебя чистой печалью* (Пастернак); *В неизбежном предчувствии горя, | В ожиданьи осенних минут | Кратковременной радости море | Окружало любовников тут* (Заболоцкий).

Лексикон «текучих эмоций», однако, не есть исключительная привилегия поэзии, ср.: ...бессмысленно приговаривал Николай, задыхаясь от неразумной, животной злобы и потребности излить эту злобу (Л. Толстой); *Параша отправилась в Киев, ощущая в себе прилив теплого и нежного чувства* (Лесков); *Кутузов погрузился в ровную, привычную жизнь настолько, насколько ему давали покоя страсти, кипевшие вокруг него* (Л. Толстой).

На основе образа «текучих ощущений» создается представление о текучести, «испываемости» тех впечатлений, которые вызывают эмоции и эмоциональные состояния. Ср. *Теперь с каким она вниманьем | Читает сладостный роман, | С каким живым очарованьем | Пьет обольстительный обман!* (Пушкин); *Я пил отраву в вашем взоре, | В душой исполненных чертах, | И в вашем милом разговоре, | И в ваших пламенных стихах* (Пушкин); *И вновь, и вновь твой дух таинственный | В глухой ночи, в ночи пустой | Велит к твоей мечте единственной | Прильнуть и*

*пить напиток твой. | Вновь причастись души неистовой,
| И яд, и боль, и сладость пей, | И тихо книгу перелистывай,
| Впиваясь в зеркало теней (Блок); Пью горечь тубероз,
небес осенних горечь | И в них твоих измен горячую
струю. | Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,
| Рыдающей строфы сырую горечь пью (Пастернак).*

«Испиваемость» мира, по-видимому, поддерживается идеей чаши бытия. Ср. *Мы пьем из чаши бытия | С закрытыми очами, | Златые омочив края | Своими же слезами [...]* Тогда мы видим, что пуста была золотая чаша, | Что в ней напиток был — мечта | И что она не наша (Лермонтов).

Представление об элементах эмоциональной жизни человека как о жидком (а не сыпучем или твердом) веществе исключает такие сочетания, как *кусочек жалости* (впрочем, кажется, допустимо *крошка, крупица жалости*), *накормить восторгом, съесть страдание, высыпать печаль* и пр. Однако и в пределах образа, принятого за основу сочетаемости, далеко не все возможности используются языком, причем некоторые из них блокированы стилем. Так, разрешено *выпить (испить, осушить) чашу, кубок, фиал* (поэт.), *бокал* (поэт.), но не *рюмку, кружку, стакан, чашку, бутылку* и пр. *страданий*. Можно *облить презреньем*, но не *жалостью*. Нельзя измерять чувства литрами, например, говорить о *литре презренья, восторга*, но есть шуточное выражение *ноль внимания, фунт презренья*, говорят также *узнать почему фунт лиха*, хотя жидкости обычно не измеряются фунтами.

Таким образом, даже в кругу одного представления набор «партнеров» для имен чувств и других элементов человеческой психики не свободен.

Интенсивные эмоции принимают вид не только вскипевшей и забурлившей влаги, они чаще предстают в облике вспыхнувшего огня, пламени, бушующего пожара¹⁷, несовместимом в материальном мире с влагой (если от-

¹⁷ А. Д. Григорьева отмечает, что образ огня привлекался поэтами пушкинской и допушкинской поры для характеристики следующих качеств, чувств и состояний: восторга, восхищения, героизма, гнева, досады, дружелюбия, жадности, зависти, злобы, надежды, негодования, отчаяния, рвения, ревности, угрызений совести, умиления, усердия, щедрости, ярости и пр. (А. Д. Григорьева. Указ. соч., стр. 211). О роли образа огня в поэтической фразеологии Пушкина см. также: Н. Н. Иванова. Указ. соч., стр. 309—321.

влечься, разумеется, от горючих жидкостей и от представления о человеке как о своего рода цистерне, полной воспламеняющегося вещества). Человек мыслится скорее как сосуд, в котором горит пламя души. Ср. *А если так, то что́ есть красота / И почему ее обожествляют люди? / Сосуд она, в котором пустота / Или огонь, мерцающий в сосуде?* (Заболоцкий).

Связь некоторых эмоций с представлением об огне и вызываемом им ощущении жжения, по-видимому, очень глубока. Это подтверждается, в частности тем, что такие имена, как *горе*, *печаль* этимологически связаны в русском языке с глаголами *гореть* и *печь*. Аналогичные этимологические связи характерны и для других языков¹⁸. Даже при отсутствии реальной исторической зависимости слов со значением сильного эмоционального возбуждения от обозначений огня, имени чувства иногда приписывается соответствующая народная этимология, что указывает на органичность ассоциации между понятием огня и некоторыми понятиями эмоционального ряда. Говоря о свойстве рефлексивности поэтического слова, т. е. его «обращенности на самое себя» и о способности поэта открывать в слове «новые, неожиданные смыслы», Г. О. Винокур приводит рассуждение Матвея Кожемякина у Горького: «Вспомнилось, как однажды слово „гнев“ встало почему-то рядом со словом „огонь“ и наполнило усталую в одиночестве душу угнетающей печалью.— *Гнев*,— соображал он,— *прогневаться*, *огневаться*,— вот он откуда, *гнев* — из *огня*! У кого *огонь* в душе горит, тот и *гневен* бывает. А я бывал ли *гневен-то*? Нет во мне огня»¹⁹.

Этот образ вводит в язык такие сочетания, как *пламя* (*жар*, *пыл*, *огонь*, *пожар*) *любви*, *пламенная* (*пылкая*, *жаркая*, *огненная*, *горячая*) *любовь*, *гореть* *желанием* (*любовью*, *ненавистью* и пр.), *сгорать* *от любви*, *пылать* *страстью*, *страсти* *испепеляют* *душу*, *любовь* (*злоба*, *ненависть* и пр.) *разгорается* *в сердце*, *страсть* (*любовь*, *зависть*, *гнев*, *ярость*, *ненависть*) *опалает* (*обжигает*) *душу*, *раздувать* *страсть* (*огонь* *страстей*), *разжигать* *ненависть* (*злобу*),

¹⁸ М. М. Покровский. Соображения по поводу изменения значения слов.— В кн.: М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию, стр. 52—53.

¹⁹ Г. О. Винокур. Понятие поэтического языка.— В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 392—393.

страсть (пожар, огонь страстей) вспыхивает (бушует), любовь разгорается (тлеет) в сердце, чувства, подобно пламени, объемлют (охватывают) человека, искрятся, гаснут.

Глаголы *вспыхивать*, *тлеть*, *гаснуть*, *пылать*, *гореть* и пр. сочетаются не только с метафорическими выражениями типа *пожар страстей*, *пламя любви*, *огонь желания*, но и непосредственно с названиями эмоций, а также с именами лиц — носителей эмоций и «органов чувств» (*страсти пылают*, *человек пылает страстью*, *душа горит*, *сердце пылает*). В литературном языке XVIII — начала XIX в. была распространена сочетаемость глаголов *гореть*, *пламенеть*, *пылать* непосредственно с именем объекта чувств (*пылать*, *гореть кем*). Ср. *Энеем я пылаю и горю* (Княжнин); *Я сказать тебе не смею, Что давно тобою тлею* (Костров); *Сгораю вся тобою* (Батюшков)²⁰.

Приведем несколько иллюстраций описаний эмоциональной жизни человека, выполненных в «огневом ключе»:

Но в сердце хана чувств иных | Таится пламень безотрадный (Пушкин); *Но угаси сей чудный пламень, | Всесожигающий костер/ Преобрати мне сердце в камень | Останови голодный взор* (Лермонтов); *Когда страстей угаснет пламя* (Пушкин); *Но досады жестокой пылая в огне, | Перчатку в лицо он ей кинул* (Лермонтов); *Чей голос выразит сильнее | Порывы пламенных желаний?* (Пушкин); *Угрюмый, тусклый огонь желанья* (Тютчев); *Но нет! рассудка не забуду | И на нескромный пламень мой | Ответа требовать не буду* (Боратынский); *В тот давний год, когда зажглась любовь, | Как крест престольный в сердце обреченном* (А. Ахматова); *Прошу, приди | И оживи | В моей груди | Огонь любви* (Лермонтов); *Нет, это не любовь, это страсть безумная, это пожар, в котором я весь горю* (Гаршин); *Нашу любовь... вы не хотите понять; называете это глупостями, ребячеством и на первых порах тушите огонь страсти, который горел бы для вас* (Писемский); *При виде спящей разгорелась в нем страсть* (Достоевский); *Любовь, поддерживаясь, подобно огню, непрерывным движением, исчезает купно с надеждою и страхом* (К. Прутков); *Мне вечность заглянула в очи | Покой на сердце низвела, | Прохладной влагой синей ночи | Кос-*

²⁰ Н. Н. Иванова. Указ. соч., стр. 313.

тер волненья залила (Блок); *Когда ты злобен, или болен, тоской иль страстию палим* | *Поверь: тогда еще ты волен* | *Гордиться счастьем своим!* (Блок); ... *дай тоске и скуке* | *В тебе копиться и гореть* (Блок); *Когда же грусть твою погасит время* (Блок).

Если минимальное количество чувства, рассматриваемого как влага, жидкое вещество, есть *капля* (*капля жалости, капелька любви*), а максимальное — *море, океан* (*океан страстей, море радости*), то чувство-огонь измеряется в другой «палате мер и весов», по шкале от искры до бушующего пожара. Ср. *Все, в чем хоть искра есть страданья!* (Лермонтов).

Образ чувства-ветра позволяет говорить о *буре страстей, порывах любви, опаляющем дуновении страсти, о шквале, циклоне, вихре чувств*, о том, что чувства *обуревают*.

Ср. *Но что ж! — от цели благородной* | *Оторван бурею страстей* (Лермонтов); *Любил и я в былые годы.* | *В невинности души моей,* | *И бури шумные природы* | *И бури тайные страстей* (Лермонтов); *Что нам известно: не гроза страстей* | *Ему дала болезненный т'т цвет* (Лермонтов); *Порыв страстей и вдохновений* (Лермонтов); *Она ушла. Стоит Евгений,* | *Как будто громом поражен.* | *В какую бурю ощущений* | *Теперь он сердцем погружен* (Пушкин); *И дикой свежестью и силой* | *Мне счастье веяло в лицо* (Ахматова); [Версиплов] *был под влиянием какого-то вихря чувств* (Достоевский); *Такая буря чувств, мыслей, воспоминаний вдруг поднялась в его душе, что он не мог спать* (Л. Толстой).

Чувство-пожар и чувство-буря могут быть объединены в общий образ с т и х и и, разрушительных сил природы. Этим образом, в котором акцентируется неконтролируемая сила эмоций, их стихийность, спонтанность, независимость от воли и сознания (разума) человека, порождены сочетания с глаголами *подниматься, разрушать, уничтожать, опустошать, бушевать, разбушеваться, свирепствовать, разыграться, сметать, развеивать*. Ср. *Горе не на шутку* | *Разыгралось, навеселе* (Пастернак); *Огонь любви, огонь живительный!* | *Все говорят: но что мы зрим?* | *Опустошает, разрушительный,* | *Он душу, объятую им* (Боратынский).

Эмоции предстают не только как вещества, пребывающие в тех или иных состояниях, не только как стихий-

ные силы природы, они весьма часто оборачиваются существом, наделенным даром речи, незаурядной силой и способным *зарождаться, рождаться, жить (быть живым), дышать, шевелиться, расти, расцветать, дремать, спать, пробуждаться, просыпаться, петь, говорить, нашептывать, лгать, обманывать, заманивать, посещать, поселяться в сердце (душе), быть убитым, умирать, воскресать, приходить, стучаться в сердце, хватать, отпускать, уходить, быть похороненным, оставлять след*. Чувство-существо можно *воспитывать, давать ему волю или обуздывать*.

Отрицательные эмоции, причиняющие душевную боль, охотно *грызут, терзают, гложат, сосут, кусают, жалят, впиваются в сердце, колят, ранят, точат, пронзают сердце, режут по сердцу, жгут*. «Орган чувства» (сердце, душа) может *ныть, щемить*. Этот ряд глаголов передает душевные ощущения по образцу физических ощущений боли (ср. выражение Гейне «Зубная боль в сердце»), т. е. их сочетаемость с названиями чувств (или вызвавших то или другое чувство причин) не есть непосредственное следствие персонификации эмоций. Ощущение физической боли обычно описывается глаголами, обозначающими чье-либо внешнее, механическое воздействие. Ср.— *А как ты себя чувствуешь, когда болит? — Когда-то у Оли действительно болел живот и на такой вопрос она, к восторгу бабушки, ответила: «Как будто меня волк ест»* (А. Каштанов, Заводской район).

Приведем несколько примеров сочетаемости названий чувств, восходящей к их персонификации: *Невинной деве непонятен | Язык мучительных страстей, | Но голос их ей смутно внятен* (Пушкин); *И звук высоких ощущений Он давит голосом страстей* (Лермонтов); *И никогда на шопот искушенья | Не преклонился я, хоть я не трус* (Пушкин); *И постепенно в усыпленье | И чувств и дум впадает он* (Пушкин); *Опять сравнивается вода | Страсть не воскреснет никогда* (Лермонтов); *На нем ты видишь след страстей уснувших* (Лермонтов); *На сердце у нее столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо ее выражало одно только сильное смущение* (Гоголь); *В тебе говорит беспокойное чувство, его зовут ревность. Ты должен его в себе уничтожить*. (Лесков); *Во мне простое чувство справедливости заговорило, а вовсе не родственное* (Тургенев).

И здесь образ чувств может быть перенесен на причины, вызывающие те или иные душевные состояния, вследствие чего предикаты эмоций начинают сочетаться с названиями событий. Ср. *Разлука их обоих съест, | Тоска с костями сгложет* (Пастернак). Встречаются употребления, в которых место события занимает имя предмета-каузатора. Ср. *Я долго не решался забираться в одиночестве на чердак: нежилая, конструктивная архитектура охватывала меня страхом* (К. Петров-Водкин).

Наряду с приведенными, можно встретить и многие другие образы эмоций, которые варьируются в зависимости от характера и типа чувства, его силы, продолжительности, положительности или отрицательности и других свойств, а также от того, какая сторона чувства акцентируется в сообщении²¹. Если подчеркивается богатство чувств, то может быть использован образ рудоносной жилы, плодородной земли. Ср. *Разве хмурый твой вид передаст | Чувств твоих рудоносную залежь, | Сердца тайно светящийся пласт?* (Пастернак).

Пагубные, вредоносные чувства сравниваются с болезнью, недугом или их «источником» — ядом, отравой, заразой. Ср. *Пусть я кого-нибудь люблю: | Любовь не красит жизнь мою. | Она как чумное пятно | На сердце жжет, хотя темно* (Лермонтов); *Гладили утренний ветер | Золотое лицо. | И мучительной страсти и ревнивой беды и любовной напасти | Он стирал все следы* (В. Луговской). Этим сопоставлением продиктована сочетаемость типа *переболеть любовью, страдать любовью, вылечить(ся) (выздороветь) от любви, мучиться завистью (ревностью), лекарство от ревности (любви), напасть любовная, лихорадка любви, любовная зараза, ревность (злоба) отравляет (язвит) душу, бактерия любви (ревности), любовное зелье*.

Скоротечность, иллюзорность, обманчивость некоторых эмоций (любви, дружбы) приводит к сравнению с метеором, падучей звездой, дающему сочетания названий чувства с глаголами *блеснуть, промелькнуть, пронестись*. Ср. *Как метеор в вечерней мгле, | Она [любовь] очам моим блеснула. | И бывши все мне на земле, — | Как все земное обманула* (Лермонтов).

²¹ Подробно о системе образов, символизирующих различные эмоции в поэзии допушкинской и пушкинской поры, см.: А. Д. Григорьева. Указ. соч., стр. 209 и след.

Образ страсти-лавы объясняет сочетание *страсти kloчут в груди*. Образ чувства-бремени выявляется в сочетаниях *тоска давит, угнетает, испытывать тяжелое чувство, на душе лежит тяжесть (груз), бремя страстей*. Если подчеркивается общий «тон» чувства, его положительный или отрицательный характер, оно рассматривается в световом ракурсе: свет противопоставляется мраку (туману, туче, тьме, мгле и пр.). Этому противопоставлению язык обязан сочетаниями: *радость осветила (озарила) его лицо, сиять от радости, просиять от удовольствия, рассеять печаль (тоску, кручину), разогнать тоску, его лицо помрачнело (омрачилось), грусть затуманила взор, луч надежды (веры) осветил ее жизнь*.

Резкий переход от спокойствия к возбужденному состоянию обозначается сочетанием *взрыв чувств*, предполагающим сравнение сдержанного спокойствия с твердью (ср. также *его прорвало*). Эти сочетания обычно относят к внешним проявлениям эмоций.

Эти и другие образы оказывают сравнительно небольшое влияние на состав атрибутов, обслуживающих названия чувств.

Параллелизм приведенных выше стандартизованных представлений не только формирует основной контингент предикатов, сочетающихся с названиями эмоций, но является также источником синонимии. Ср.: *чувство загорелось — вспыхнуло — родилось — проснулось — заговорило; чувство потухло — угасло — умерло — уснуло — смолкло, чувства кипят — пылают — бушуют — kloкочут; буря страстей — пожар страстей — вихрь страстей — кипение страстей — накал страстей; капля любви — искра любви; он брызжет весельем — искрится весельем; чувства перекипают — перегорают*.

Итак, сочетаемость названий эмоций в значительной своей части диктуется образными представлениями, метафорой. На основе ряда понятий — влаги, огня, ветра, живого существа и др. — возникает некий сводный образ чувства, выявляемый в наборе противоречащих друг другу с точки зрения логики предметного мира предикатов. Создается подчиненный особой логике мир души. Предложения, которые в их прямом смысле были бы квалифицированы как аналитически ложные (т. е. ложные в силу противоречивости значений входящих в них слов), применительно к жизни души не только истинны, но и точны.

Ср. *Но Боже! как и г р а л и страсти | Его послушною душой! | С каким волнением к и п е л и | В его измученной груди! | Давно ль, на долго ль у с м и р е л и. | Они п р о с н у т с я: погоди! (Пушкин); При виде спящей р а з г о р е л а с ь в нем страсть, а затем с х в а т и л а его сердце мстительная, ревнивая злоба (Достоевский) — в этом предложении различие в типе предиката связано с противопоставлением разных по своему типу чувств; У з н а ю я спокойствие, оно, | Наверно, много причинит вреда | Моим мечтам и п л а м е н ь ч у в с т в у б ь е т (Лермонтов); Недремлющий г о л о с совести не переставал г р ы з т ь меня (Л. Толстой); ...так точно | И сердце: в нем все ж и в о г о н ь, но люди | Его п о н я т ь однажды не умели, | И он в глазах б л е с н у т ь не должен вновь | И до ланит он вечно не к о с н е т с я (Лермонтов); Что с тобой вдруг, сердце, стало? | Что ты н о е ш ь? Что опять | З а к и п е л о, з а п ы л а л о? | Как тебя р а с т о л к о в а т ь? | Все исчезло, чем ты ж и л о, чем так сладостно г р у с т и л о? | Где б е с п е ч н о с т ь, где п о к о й?... | Ах, что сделалось с тобой? (Жуковский); Ах! Если бы я способ отыскал, | Как ожить, воспламенить статую, | Как в л и т ь в нее любовь такую, | Какою я, бессмысленный, горю... (И. Мятлев); Любовь, о т р а в а наших дней, | Б е г и с толпой обманчивых мечтаний (Пушкин); В ней [душе] п л а м е н ь р а д о с т и г о р и т, | И и з л и в а е т с я р е к о ю, | Как дань любви перед тобою (И. Мятлев).*

Такие предложения возможны потому, что образы, являющиеся источником предикатов, определяющих имена чувств, тускнея, перестают быть препятствием для контаминации, скрещивания метафор. Даже в языке поэзии, ближе стоящему к первоначальным образным представлениям, появляются сочетания типа *пить огонь, лить жар, горит яд любви, пить огонь отравы сладкой* и т. п.²²

Как уже отмечалось, характерной чертой предложений, включающих названия эмоций, является их способность весьма по-разному представлять диспозицию актантов в изображаемой ситуации²³. Ср. *Он светился от радости —*

²² А. Д. Григорьева. Указ. соч., стр. 219—220.

²³ Синтаксические свойства русских глаголов чувств обстоятельно описаны в работе: Л. М. Васильев. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. «Очерки по семантике русского гла-

радость светилась в его глазах — его глаза светились от радости (радостью). Ср. *Хоть, может быть, притворная печаль | Блестела в этом взоре (Лермонтов); Все темно вокруг; Тоской, сомнением | Надменный взгляд его горит (Лермонтов).*

Предикаты эмоций в большинстве случаев лишены жесткой связи с определенным семантическим классом субъекта. Так, многие глаголы допускают сочетаемость с рядом, образуемым именем чувства, именем носителя чувства, именем «органа» чувства, именем органа, выявляющего чувство, именем способа выявления чувства: *страсть пылает (в душе) — человек пылает страстью — душа (сердце) пылает страстью — взор (взгляд) пылает страстью — глаза (очи) пылают страстью — и даже чувства пылают (горят) страстью.* Ср. *Страны, где пламенем страстей | Впервые чувства разгорались (Пушкин).* Функцию дополнения, как отмечалось, могут выполнять не только имена эмоций, но и имена, обозначающие причины чувств.

* * *

Изучение области предикатов, обслуживающих названия элементов психической жизни, показывает, что она формируется в виде свода слов, заимствованных из принципиально разных семантических сфер: области предикатов имен предметов и веществ, атрибутов, раскрывающих свойства стихий и сил природы, области предикатов абстрактных (событийных) имен и, наконец, слов, предпринимаемых к именам лиц²⁴. Столь же неоднородны синтаксические модели, применяемые для сообщений о состоянии человеческой психики: русский язык пользуется в этих целях безличными предложениями, подчеркиваю-

гола». Уфа, 1971. См. также: *Н. И. Шапилова.* Глаголы чувств в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Кемерово, 1967; *С. Е. Мильникова.* О глаголах чувств в современном русском языке. «Лексикограмматические проблемы русского глагола». Новосибирск, 1969.

²⁴ Это свойство прослеживается уже в способах выражения лексических функций слов поля чувств, указываемых в толково-комбинаторном словаре А. К. Жолковского и И. А. Мельчука. См. статьи Л. Н. Иорданской к словам *надежда, отчаяние, сердце, страх* в публикации Института русского языка АН СССР «10 словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка» (М., 1971).

щими аналогию эмоций с неконтролируемыми явлениями природы (глагольный тип — *На сердце накопело*, номинативный — *Тоска*), и личными — переходными и непереходными, в которых место актантов могут занимать имена различной семантики (см. выше). В предложениях, построенных по личной схеме, таким образом, отсутствует жесткая соотнесенность между семантической функцией и синтаксической позицией актанта.

Изучение области предикатов имен чувств (шире, элементов психики) показывает сколь велика роль в процессе ее создания культурно-исторического багажа народа (поэзии, художественной литературы, мифологии, фольклора)²⁵. Ведь раскрытие внутреннего мира людей составляет одну из основных тем и задач художественного творчества. Поэтому именно в этой сфере пользования языком и возникает потребность в разработке точных и тонких способов сообщений о мире души, именно здесь вырабатывается нужный для выполнения этой задачи лексикон.

В целом создание лексики и грамматики чувств есть результат великого усилия человека познать самого себя.

Семантические ограничения на сочетаемость слов

Наряду с собственно лексической и лексико-семантической сочетаемостью слов, о которой шла речь до сих пор, предметом изучения могут быть закономерности соединения смыслов, входящих в состав пропозиции²⁶. Эта

²⁵ Проблема изучения «образно-идеологических основ» лексики Пушкина (в частности, используемого им «языка чувств») в связи с общелитературными нормами того времени была поставлена В. В. Виноградовым. Говоря о группах слов, относящихся к внутреннему миру человека, В. В. Виноградов отмечает, что «все эти семантические группы жили напряженной литературной жизнью в конце XVIII — начале XIX века, потому что внутри их происходил процесс «нейтрализации» церковно-библейской мифологии и приспособления ее к *mentalité* европейца, к идеологии буржуазно-дворянского европейского общества (преимущественно французского)» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина, стр. 257—258).

²⁶ См., например: Ю. Д. Апресян. Об одном правиле сложения лексических значений. «Проблемы структурной лингвистики. 1971». М., 1972.

область исследований, относящаяся скорее к уровню глубинных, нежели поверхностных, структур, была стимулирована логиками, поставившими задачу разграничения ложных и бессмысленных, т. е. нарушающих семантическую систему языка, предложений, по отношению к которым не применима истинностная оценка. Под влиянием логико-философских разысканий, обсуждение разных типов семантических аномалий вошло в круг лингвистических интересов. В генеративной грамматике постепенно определились следующие проблемы, относящиеся к указанной тематике: понятие правильности предложения, степень неграмматичности высказываний, правила, исключающие порождение неприемлемых предложений.

В первых работах Н. Хомского грамматический аспект правильности решительно отделялся от смысловой стороны предложения, что отвечало его идее автономности грамматики²⁷. Позднее, в связи с общим процессом семантизации синтаксиса и задачей порождения не только структурно, но и семантически корректных высказываний, это противопоставление стало гораздо менее резким. Именно Хомский в явном виде сформулировал задачу разработки правил, которые бы обеспечивали порождение предложений, приемлемых для носителей языка и сделал в этом направлении первые шаги. Хомский ввел в синтаксический компонент порождающей грамматики два рода правил: правила строгой субкатегоризации и правила селекции. По образцу фонологического анализа подклассы (субкатегории) частей речи определяются Хомским в виде набора семантических различительных признаков, таких, как абстрактность, исчисляемость, нарицательность, одушевленность и др. (для существительных). Присутствие в значении слова этих признаков записывается в виде комплексного символа, соответствующего определенной семантической категории слов. Например, комплексный символ '+ неисчисляемость, — абстрактность' служит для обозначения веществ (*пыль, вода, воздух*). Правила селекции основаны на внешних различительных чертах, таких, например, как сочетаемость с прямым объектом и одушевленным субъектом

²⁷ Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 416—421.

для глаголов. Эти показатели вводятся в комплексный символ в виде указания на синтаксическую позицию; например, — *NP* есть показатель переходности глагола, его способности сочетаться с именной фразой в функции дополнения ²⁸.

Таким образом, Хомский изучал и определял нормы совместной встречаемости слов с позиций структурного языкознания прежних лет. Он пользовался, в частности, идеями фонологии и дистрибутивной теорией дескриптивистов, с которой его связывала поздняя концепция З. Хэрриса, перекинувшего мостик от дистрибутивной доктрины к идее совместной встречаемости (cooccurrence) классов единиц ²⁹.

Когда от школы Хомского отпочковалось направление так называемой генеративной семантики, проблемы семантической сочетаемости слов и правильности предложения стали решаться этим новым течением скорее в духе идей современной логики, нежели структурного языкознания. Так, Дж. Мак-Коли обратил внимание на то, что для синтаксического описания избирательных ограничений потребовалось бы огромное количество дифференциальных черт, которые не могут найти себе места в грамматике. Мак-Коли предложил, поэтому, исключить правила избирательных ограничений из синтаксиса и поместить их в семантическом компоненте порождающей грамматики.

Тем самым, наряду с синтаксическим подходом Хомского, определилась семантическая концепция генеративистов. Суть последней, в версии Ч. Филлмора и Дж. Мак-Коли, состоит в следующем. Правила выбора должны формулироваться не как указания на ограничения, налагаемые одной единицей на сочетающиеся с ней единицы, а как п р е с у н п о з и ц и и о т н о с и т е л ь н о р е ф е р е н т о в смежных элементов. Например, ограничение, налагаемое на объект глаголом *diagonalize*, состоит в том, что предмет, обозначенный в объекте этого глагола, должен иметь свойство матрицы. Нарушение правил сочетаемости связано с противоречием между референтными

²⁸ И. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. Пер. с англ. М., 1972, стр. 70—101.

²⁹ З. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 530—536.

пресуппозициями и тем, что утверждается в предложении, т. е. ведет к отступлению от семантического согласования. Такой подход, как отмечает Мак-Коли, позволяет учесть и ограничения, налагаемые лексическими единицами на самих себя. В слове *холостяк* значение «не состоящий и не бывший в браке» относится к утверждаемому, а компоненты значения 'человек', 'мужского пола', 'взрослый' образуют пресуппозиции употребления слова. Эти последние признаки устанавливают референтные самоограничения: слово *холостяк* может быть отнесено только к взрослому мужчине, но не, например, к взрослой женщине, ребенку или животному ³⁰.

Мысль Мак-Коли была поддержана С. Куродой, который, однако, возражал против исключения из синтаксиса тех правил избирательных ограничений, которые связаны с категорией рода, представляющей собой синтаксически релевантную черту имени, очень существенную для процессов пропомпнализации ³¹.

Идеи, близкие изложенным, уже присутствовали в логических концепциях, относящихся к XII—XV вв. Средневековые логики, изучая отношение между глаголом и его дополнением, предложили различать понятия материального и формального объектов. Материальным объектом называется референт дополнения. Формальный объект характеризуется тем свойством материального объекта, которое должно в нем с необходимостью присутствовать для того, чтобы он мог испытать на себе соответствующее действие. Под формальным объектом, таким образом, имелся в виду класс предметов, определяемый по тому признаку, которым должен обладать предмет, чтобы над ним было произведено действие, обозначенное данным глаголом ³². Так, действие по глаголу *есть* стоит направлять только на предмет, обладающий признаком *съедобности*, действию *жесть* могут быть успешно подвергнуты лишь предметы, характеризующиеся *горючестью*. В боль-

³⁰ J. D. McCawley. Concerning the base component of a transformational grammar. «Foundations of language», 1968, v. 4, N 3, стр. 265—268.

³¹ S.-Y. Kuroda. Remarks on selectional restrictions and presuppositions. «Studies in syntax and semantics». Dordrecht, 1969, стр. 138—149.

³² См.: A. Kenny. Action, emotion and will. London, 1963, стр. 189 и след.

шинстве случаев признак формального объекта обозначается прилагательным, выведенным из соответствующего глагола. Менее тривиальны описания формальных объектов прилагательными, деривационно не связанными с глаголом. Так, *чистить* можно только то, что наделено признаком *грязности*. Формальный объект глагола *сушить* описывается как 'все то, что мокро', глагола *разводиться* как 'собственная жена', глагола *красть* — как 'чужая собственность'.

При наличии антонимических пар прилагательных глаголы со значением «придавать предмету данное свойство» имеют в качестве своего формального объекта класс предметов, обладающих противоположным свойством. Ср. *сушить мокрое* и *мочить сухое*, *грязнить чистое* и *чистить грязное*, *удлинять короткое* и *укорачивать длинное*, *суживать широкое* и *расширять узкое*, *опьянять трезвого* и *вытрезвлять пьяного* и пр.

Поскольку глаголы-конверсивы не различаются между собою по сочетаемости с дополнением, их формальный объект может получать одинаковое описание (ср. *посылать* и *получать посылку*, *делать* и *принимать предложения*, *покупать* и *продавать товары*, *подарить* и *принять подарок*). Однако более естественно было бы, как и в случае с антонимическими парами прилагательных, выводить признак формального объекта из соотносительного глагола (ср. *покупать то, что продается*; *получать то, что прислано*; *брать то, что дают*; *давать то, что берут*).

Итак, охарактеризовать формальный объект действия значит определить ограничения на семантическую сочетаемость глагола через указание на свойство предмета (или события), обозначенного в его объекте. Эти ограничения могут накладываться по разным параметрам: времени (*прошлое событие* для глаголов *вспоминать*, *мстить*, *раскаиваться*, *будущее событие* для глаголов *надеяться*, *ожидать*, *бояться*), места (*отсутствующее* для глагола *скучать*, *присутствующее* для глагола *наслаждаться*), оценки (*плохое* для глаголов *раскаиваться*, *бояться*, *хорошее* — для глаголов *гордиться*, *завидовать*, *надеяться*).

Лингвистическая релевантность понятия формального объекта подтверждается тем, что процесс обобщения и абстрагирования семантики дополнения, протекающий в языке, приводит к преобразованию материального объекта в формальный (ср. *вспоминать прошлое*, *скучать по*

отсутствующим). Определения формальных объектов, отделяясь от управляющих ими глаголов, постепенно создают классификацию предметов по их отношению к производимым над ними действиям, т. е. по страдательному признаку (ср. *съедобное, горючее, курево, питье, еда, товары, продукты, подношения, «чтово»* и др.) Если формальный объект характеризуется более чем одной чертой, то обобщение может протекать в двух направлениях (ср. *надеяться на будущее* и *надеяться на лучшее, бояться будущего* и *бояться дурного*).

Можно дать и совокупное определение формального объекта по всем присущим ему чертам. Ср. *раскаиваться в содеянном зле, надеяться на лучшее будущее, завидовать чужому добру, бояться будущего зла*. Именно в таком духе определяли формальный объект эмотивных глаголов средневековые схоласты, следовавшие в этом за Аристотелем. К сказанному можно прибавить, что когда речь идет о формальных объектах подобных глаголов, необходимо предварять признаки упоминанием об их субъективном характере. Мы надеемся на то только, что *считаем* добром, боимся того, что *считаем* злом, раскаиваемся только в том, что *считаем* дурным и т. п. Для глаголов, обозначающих непсихические акты, такое упоминание излишне: высунуть можно все то, что мокро, независимо от убеждений и восприятия субъекта ³³.

Признаки, характеризующие формальный объект, соответствуют компонентам значения глагола, образуя между глаголом и именем связующее семантическое звено (синтагмему, по В. Г. Гаку,— см. выше о семантических солидарностях). Чем меньше таких общих признаков, тем более обобщенным является значение глагола. Так, например, глаголы *думать* и *говорить* практически лишены семантической специфики в выборе объекта, поскольку говорить и думать можно о чем угодно.

Таким образом, уже в логике схоластов были сделаны попытки определить условия построения семантически

³³ А. Кенну. Указ. соч., стр. 188—194. См. также: Л. Н. Пурданская. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 13. М., 1970, стр. 6. Специально о формальных объектах глаголов чувств (на примере чувства страха) и их роли для идентификации эмоций см.: J. Tietz. Emotional objects and criteria. «Canadian Journal of Philosophy», 1973, v. III, N 2.

правильных объектных сочетаний (приведенные выше соображения могут быть распространены и на сочетания с субъектом глаголов изменения состояния).

* * *

Вернемся, однако, к построению правильных высказываний. Проблема избирательных ограничений тесно связана с вопросом о степени грамматичности предложений (т. е. их структурной и семантической приемлемости), а также о типах отклонений от стандарта. Дж. Кац, например, делает различие между полуосмысленными предложениями и предложениями бессмысленными. Содержание последних, в отличие от первых, не может быть воспринято носителями языка. Ср. *The beef cut sincerity* 'Мясо резало искренность' ³⁴. В этом предложении место дополнения при глаголе физического действия занимает *nomen qualitatis*, т. е. не соблюдено правило распределения синтаксических мест между именами предметного и событийного (абстрактного) значения.

Нарушение этого же правила можно встретить и во многих других предложениях, принимаемых за своеобразный эталон абсолютной семантической «невменяемости». Так, Н. Сюрен в качестве образца неграмматического высказывания приводит следующее предложение: *The cigarette spoke two apples under the yellow hour* 'Сигарета говорила два яблока под желтым часом' ³⁵. В этом предложении допущено несколько нарушений семантической конгруэнтности слов. Сочетание *сигарета говорила*, хотя и не может соответствовать реальному событию, применимо к ситуациям антропоморфического мира. Сочетание *желтый час* может оказаться приемлемым при метафорическом осмыслении определения (ср. *черные дни*, *черная пятница*). Те черты, которые действительно «возмущают» сознание, состоят в смешении временных и пространственных категорий (*говорит два яблока* и *говорит под желтым часом*). Если поменять местами эти существительные, то предложение восстановит согласование между синтаксическими функциями (обстоятельством места и времени)

³⁴ J. Katz. «Semi-sentences». — В кн.: «The structure of language». Englewood Cliffs, 1964.

³⁵ P. Seuren. Operators and nucleus. Cambridge, 1969, стр. 15.

и их лексическим содержанием (предметным и абстрактным именем) и приобретает приложимость к миру сказок: *Сигарета говорила два желтых часа под яблоками.*

Итак, анализ отклонений значения предложения от семантического стандарта показывает, что наибольшая степень неприемлемости создается смешением предметно-пространственных и событийно-временных категорий. Удаленность друг от друга названных понятий выражается, в частности, в том, что они не могут быть в общем случае связаны предикатом, обозначающим тот или иной тип отношений (если оставить в стороне предикаты субъективной оценки)³⁶. Соединяемые реляционным предикатом имена должны обладать хотя бы одним общим семантическим признаком, который бы составил основание для сравнения, чего нет у понятий предметно-пространственного и абстрактно-временного планов. Высказывания типа *Собака умнее красного цвета; верста длинее часа; этот человек весел как хрупкость* основаны на семантической несообразности, называемой в логике категориальной ошибкой и не могут быть истолкованы в прямом смысле.

Таким образом, указанные две понятийные сферы — предметно-пространственная и событийно-временная, выделены с таким расчетом, чтобы между ними отсутствовала или была минимальной область пересечения, хотя в действительности оба параметра (временной и пространственный) в одинаковой степени присущи миру и его составляющим. Если считать, что выделение и соотношение категорий, связанных прежде всего с параметрами пространства, и понятий, осмысляемых во временной протяженности, отражают законы мышления, то наиболее отдаленными от семантического канона оказываются высказывания, нарушающие законы соединения именно этих категорий.

Изложенные соображения позволяют говорить о двух типах собственно семантических отклонений от смысловой правильности высказывания.

Отклонения первого рода могут быть охарактеризованы как эмпирические, или прагматические. Они состоят в обозначении аномальной, не соответствующей

³⁶ На этом основана шутка об унтер-офицере, который приказал солдатам рыть канаву *от забора до обеда*.

ющей «устройству мира» ситуации. Ср. *Сигарета говорила; Я купил в парфюмерии два метра небоскребов и веселого ихтиозавра в фарфоровой шляпе*. Ср. также жанр чепухи, построенной на обмене местами актантов при двупозиционных глаголах: *Ехала деревня мимо мужика. Вдруг из-под собаки лают ворота! Выскочила скалка с бабою в руке. Начала дубасить коня на мужике*. В логике такие высказывания принято считать эмпирически ложными, т. е. ложными для данного мира, и в то же время бессмысленными. Их отрицательные корреляты оцениваются как истинные и осмысленные. Ср. *Ложно, что я купил в парфюмерии веселого ихтиозавра в фарфоровой шляпе*. Для того, чтобы стать истинными, предложения с отклонениями этого типа должны быть отнесены к «иным мирам», например к миру будущего или миру сказок. Они и в самом деле составляют неизбежный компонент произведений фантастики (научной и ненаучной). Ср. *Там ступа с бабою Ягой идет, бредет сама собой* (Пушкин); *Все было видно; и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила, куда нужно, ведьма [...]* много еще дряни встречали они (Гоголь).

Отклонения второго типа могут быть охарактеризованы как а л о г и ч н ы е. Они представлены двумя разновидностями. Первую создают внутренне противоречивые предложения. Ср. известную шутку: *Жил высокий человек маленького роста. Был кудрявый, без волос, тоненький как бочка. Посмотрел на облака: там землетрясение. Вынул книжку записал: завтра воскресенье*. Такие предложения обладают признаком аналитической ложности (т. е. ложности в силу значения). Отрицательные корреляты этих предложений истинны. Ср. *Ложно, что жил высокий человек маленького роста*. Вторая разновидность алогичных предложений порождена нарушением семантического абсолюта, н е п р е л о ж н ы х н о р м ч е л о в е ч е с к о г о м ы ш л е н и я. Именно предложения, нарушающие универсальные законы мышления, могут рассматриваться как лишенные смысла, именно к ним неприменима истинностная оценка. Логический статус

их положительной и отрицательной формы одинаков: они представляют собой нонсенс, набор слов, значения которых несовместимы. Ср. *Упрямество думает лампу через два цветка*.

Три выделенных типа отклонений от семантического канона создают соответственно небылицы, глупость и бессмыслицу. Если первые две разновидности могут быть использованы в целях шутки, мистификации, поэтической зауми, то бессмысленные предложения, нарушающие строй и способ человеческого мышления, ни в каких естественных целях не возникают. Их придумывают логики и лингвисты.

Человек, плохо владеющий языком, часто нарушает лексический узус и лексические нормы сочетаемости слов, но он никогда не совершает семантических ошибок, поскольку смысловые принципы, определяющие структуру означаемого предложения, являются общими для всех языков. Их общность обеспечена с одной стороны единством мира, а с другой — единством человеческого мышления. Говоря о закономерностях языка, отражающих природу мышления, уместно напомнить следующие слова В. Г. Белинского: «Мы знаем, что каждый язык, отдельно взятый, основан на непреложных законах, и что все языки, несмотря на их различие, основаны на одних и тех же началах, почему человек одного народа и может выучиваться языку другого народа» («Очерки Бородинского сражения». Соч., т. IV, стр. 402).

Реакция на нарушение лексического узуса и норм сочетаемости обычно имеет форму поправки или указания на то, что так не говорят. Содержательно такие сочетания, как *она женилась на Пете, заяц окотился, художник рисует маслом, коричневые глаза*, в которых нарушены лексические ограничения на сочетаемость слов с одинаковым или очень близким значением, правильны. Их смысл понятен носителям языка.

Совсем иной характер имеет реакция на предложения, семантика которых не может быть усвоена.

Услышав высказывания с нарушениями эмпирической правдоподобности адресат будет сначала озадачен, потом попытается отнести их смысл к миру фантастики, или истолковать входящие в них слова иносказательно, локализовав их смысл в мире поэзии. Он может принять также сообщение как шутку или розыгрыш.

Алогичные предложения адресат либо отвергает как «уму непостижимые», либо ищет путь к их пониманию в семантическом преобразовании слов, восстановлении пропущенных смысловых звеньев.

Каждый из названных типов отклонений требует особого к себе подхода. Поэтому прежде чем формулировать правила, исключающие порождение некорректных высказываний, полезно уточнить, какие именно аномалии имеются в виду. Так, для определения лексической сочетаемости слов, а также формулирования правил создания эмпирически верных высказываний, очень важно деление имен на обозначения лица и не-лица (антропонимы и неантропонимы)³⁷. Для того, чтобы исключить неправильности, нарушающие законы мышления, необходимо прежде всего различать существительные конкретно-предметного и абстрактно-событийного значения. Антропонимы на фоне этого последнего деления обнаруживают семантическую двойственность: они могут входить в оба класса, идентифицируясь в тексте (т. е. по занимаемой ими в предложении позиции) то с конкретной, то с событийной лексикой (см. подробнее ниже).

Далее пойдет речь только о семантических закономерностях универсального типа (или иначе, наиболее общих правилах семантического согласования), отражающих структуру человеческой мысли. Будут рассмотрены три типа отношений, участвующих в организации предложения: 1) отношения между значением слова и его синтаксической функцией, 2) отношения между значением глагола и значением актантов; 3) отношения между значением предиката и значением характеризуемого им субъекта. Поскольку семантические закономерности нередко бывают скрыты поверхностной структурой высказывания, мы, прежде всего, обратимся к тем случаям, когда их обнаружение требует специального анализа, т. е. к видимым отклонениям от сформулированных правил.

³⁷ Б. А. Абрамов. О понятии семантической избирательности слов. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

Соответствие значения слова его синтаксической функции

Для выяснения общих закономерностей формирования смысловой стороны предложения, важно деление существительных на имена конкретные и отвлеченные, т. е. на обозначения предметов или веществ (масс), мыслимых прежде всего в связи с пространством, и обозначения событий, качеств, действий и состояний, характеризующихся временным параметром. Соответственно этому и синтаксические отношения, термином которых является имя, в принципе распадаются на отношения пространственного и временного плана с последующим развитием первых в объектные (функции прямого и косвенного объектов), а вторых — в логические значения (т. е. значения причины, цели, следствия, условия и уступки). Согласно этой общей системе, семантический тип имени должен соответствовать типу отношения, термином которого оно является. Так, пространственные предлоги подчиняют себе имена конкретного значения, а темпоральные и логические предлоги соотносимые с союзами, управляют именами событийной (пропозитивной) семантики. В этом можно видеть один из примеров совместной встречаемости или согласования лексического значения слова и его синтаксической функции.

В реальном тексте, однако, темпоральные и логические предлоги соединяются не только с именами пропозитивной семантики, но и с конкретной лексикой, нарушая этим *prima facie* смысловую гармонию. Ср. *Я пропустил лекцию и з - з а п о е з д а. Он пришел н е с м о т р я н а н о г у. П о с л е м е н я х о т ь п о т о п.* Предметные существительные в этих случаях эквивалентны по значению пропозиции³⁸. Они употреблены здесь не в своей основной и первичной, а во вторичной синтаксической функции. Различие между первичными и вторичными функциями предметных и пропозитивных имен может быть проведено по следующему признаку. Там, где конкретная лексика занимает место имен пропозитивного значения (названий качеств, свойств, действий, состояний и пр.), т. е. используется во вторичной функции, она оказывается менее

³⁸ См.: Ю. Д. Апресян. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 304—306.

эксплицитной и в некотором роде менее конкретной, чем слова отвлеченной (пропозитивной) семантики. Если, объясняя причину какого-либо события, говорящий ограничивается именем предмета, то понимание сообщения в большой степени зависит от осведомленности или догадливости адресата. Имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий или происшествий. Например, *Я задержался из-за к н и г* = я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку / брал книги у приятеля / отдавал книги в переплет / искал затерявшиеся книги / расставлял книги по полкам / вытирал с книг пыль и др.

Итак, смысловая недостаточность слова или словосочетания, «информативный голод», возникающий при его употреблении, свидетельствует о том, что оно занимает место, предназначенное для единиц принципиально иного семантического типа. Для того, чтобы правильно интерпретировать предложение, значения слов, занимающих в нем «не свои места», следует преобразовать в смыслы, соответствующие данным синтаксическим позициям. Ср. *После меня хоть потоп* = после моей смерти (после того, как я умру), хоть потоп; *Вот почему я боюсь теперь к вам приехать, а вовсе не от «плохой комнаты, собаки» и пр.* (А. Блок, Письмо А. Белому) = вот почему я боюсь к вам теперь приехать, а вовсе не оттого, что мне предстоит жить в плохой комнате и меня может беспокоить собака.

Недостающая информация обычно выводится из предтекста или ситуации. Иногда семантический предикат либо имплицитруется именем, либо содержится в определении существительного (см. подробнее ниже).

Если социальные условия делают прочной и однозначной связь конкретного существительного с определенным временем дня, жизни или года, то за именем закрепляется темпоральная семантика. Ср. *вставать до петухов, любить до могилы (по гроб жизни)*. Специально интересуясь проблемой перехода конкретных значений в абстрактные и, в частности, преобразованием предметного значения в темпоральное, М. М. Покровский писал: «Вообще не следует удивляться тому, что язык часто пользуется конкретными именами для обозначения то времени, то самого действия потому, что подобное употребление вызвано потребностями и указаниями действительной реальной

жизни»³⁹. Наблюдения над обширным материалом многих языков привели М. М. Покровского к формулированию следующего семасиологического закона: «всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова»⁴⁰.

Говоря о переходах конкретных имен в абстрактные, М. М. Покровский подчеркнул связь подобных семантических изменений с переменной синтаксической функции слова. Рекомендуя исследовать значение слов по «сферам представления», М. М. Покровский писал: «вместе с тем накопление однородных фактов даст возможность точнее определить законы изменения значения слов и также законы употребления этих слов в предложении, т. е. законы синтаксические»⁴¹.

Обозначение логических и временных отношений лексическими средствами языка не меняет существа дела. Глаголы, содержание которых относится к временной последовательности событий или приближается к функции логической связки, могут сочетать между собой только имена, допускающие развертывание в пропозицию. Предложение *Водопроводчик помешал Петру* сообщает не об отношениях между людь ми (Петром и водопроводчиком), а об отношениях между событи я ми, участниками которых являются люди. Предположим, оно соответствует ситуации «Петр собирался работать, но пришел водопроводчик и ему пришлось отказаться от этого намерения». В этом случае приведенное предложение должно прочитываться как «приход водопроводчика помешал Петру работать». Устанавливаемые логическими глаголами псевдоличностные отношения должны при интерпретации смысла предложения переводиться на язык событий (см. подробнее ниже).

Таким образом, соответствие лексического значения слова и того отношения, термином которого оно является, зиждется на согласовании понятий пространственно-предметного плана с одной стороны, и событийно-временного — с другой.

³⁹ М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию, стр. 43.

⁴⁰ Там же, стр. 30.

⁴¹ Там же, стр. 29.

Семантические отношения между глаголом и его объектом

Семантические отношения между глаголом и его актантами, прежде всего прямым объектом, очень существенны для понимания смысловой стороны предложения. Именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение. Хорошо известно, сколь различны действия, целью которых является создание разных предметов. Поэтому несколько не удивительно, что эти действия обычно обозначаются не одним обобщенным глаголом созидания, а разными глаголами. Ср. *чертить чертеж, точать (шить) сапоги, писать письмо, варить суп, печь блины, лепить горшки* ⁴² и пр. Средневековые логики прямо утверждали, что *objectum specificat actum* 'объект определяет действие'.

Тесная связь значения глагола с объектом побудила В. Г. Гака высказать мысль о том, что в индо-европейских языках переходный глагол, грамматически согласуясь с субъектом, вместе с тем находится в семантическом соответствии с объектом, напоминая этим формальную ориентированность переходного глагола на объект в языках эргативного строя ⁴³.

Подчеркивая, что английский глагол связывает событие скорее с пациенсом, чем с агенсом, поскольку в результате осуществления обозначаемого им действия (если речь идет о физическом акте) происходят изменения именно в объекте, А. Кенни привел в подтверждение этой мысли тот факт, что при номинализации переходный глагол сохраняет в ближайшей к себе синтаксической позиции объект действия, хотя это место пригодно также и для выражения субъектных отношений. Однако субъект может занимать его только при непереходных глаголах ⁴⁴.

⁴² См. об этом: Т. И. Ломтев. Вопросы выбора глаголов при синтезировании предложений на перодном языке. «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972.

⁴³ В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, стр. 389 и след.

⁴⁴ А. Кенни. Указ. соч., стр. 180. — Ср. также замечание В. Г. Гака (со ссылкой на А. С. Чикобаву) о том, что при номинализации русского предложения непереходная конструкция образует оборот с *genetivus subjectivus*, а переходная — с *genetivus objectivus* (В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, стр. 390). Ср. сделанный на том же основании вывод Л. С. Бархударова о на-

Наиболее общее правило семантического соответствия глагола его объекту сводится к тому, что глаголы духовной (интеллектуальной, эмоциональной, волевой и под.) деятельности, т. е. глаголы, обозначающие процессы, происходящие в субъекте, в логике называемые интенциональными глаголами, а также глаголы слухового восприятия требуют пропозитивных дополнений (придаточных предложений и их номинализаций). Глаголы физического (механического) действия сочетаются с предметными дополнениями (равно как и с конкретными субъектами) ⁴⁵. Те глаголы, которые обозначают чувство-действие, т. е. чувство, не замкнутое психикой субъекта, сочетаются с предметным дополнением (ср. *любить*). К этой группе примыкают и другие глаголы, обозначающие интерперсональные отношения и предметно-ориентированные эмоции. Ср. *обожать, ненавидеть, сердиться на кого-либо* и пр. (подробнее см. ниже).

Область, промежуточную между предикатами, выражающими психические акты, и глаголами, обозначающими физические действия, занимают глаголы со значением социальной активности и институциональных действий. Эти глаголы, значение которых нельзя свести ни к психическим, ни к физическим акциям, могут быть разделены на две пересекающиеся группы — *личностно-ориентированные* и *событийно-ориентированные*. К первой группе относятся глаголы, обозначающие санкции, вознаграждения, назначения и т. п. Ср. *преследовать, арестовывать, благодарить, награждать, назначать, присваивать звание, представлять к званию, рекомендовать* и пр. Эти глаголы сочетаются с предметным объектом (именем лица). Ко второй группе принадлежат глаголы, обозначающие некоторые виды целенаправленной деятельности социального типа, такие, как *хлопотать, добиваться, протестовать, призывать, бороться,*

личин в русском и английском языках элементов эргативного строя (Л. С. Бархударов. О некоторых синтаксических явлениях при номинализации (именной трансформации) предложений. — НДВШ, Филол. науки, 1973, № 6, стр. 61.

⁴⁵ Различие между категориями глаголов, управляющих предметными и пропозитивными дополнениями, настолько велико, что мена объекта может вести к мена глагола. Так, в романских языках значению 'знать предмет' соответствуют глаголы фр. *connaître*, исп. *conocer*, ит. *conoscere*, а значению 'иметь некоторую информацию' соответствуют глаголы фр. *savoir*, исп. *saber*, ит. *sapere*.

руководить, поддерживать, пресекать, запрещать, разрешать, требовать и др. Эти глаголы сочетаются с пропозитивным объектом, близким по функции к обстоятельству цели.

Глаголы зрительного восприятия амбивалентны: они могут соединяться как с предметным, так и с пропозитивным объектом. То же относится к предикатам «внутреннего зрения» (*воображать, представлять себе, рисовать в воображении*), с тем лишь различием, что объект этих глаголов лишен референции к предмету или событию действительности, т. е. имеет интенциональный характер.

Оценочные глаголы также занимают колеблющееся положение, поскольку оценка может быть дана как предмету или лицу по их свойствам, так и событию или суждению о предмете по их характеристикам. Оценки самого общего типа (*хорошее — плохое*) имеют широкую и слабо дифференцированную сферу сочетаемости. Чем более специфична оценка, тем более определенные требования предъявляет она к выбору объекта.

Совершенно безразличны к семантической природе объекта (предмет, лицо, событие) глаголы речевой деятельности, способные управлять дополнением, указывающим на тему сообщения. Ср. *говорить о сыне / о приезде сына*.

При глаголах информации и знания чередование конкретной и пропозитивной лексики может скрывать за собой различие между сообщением о сути дела (*сообщать о приезде сына, ставить в известность об изменении графика работы*) и указанием на тему сообщения, уместным в случае, если сама информация уже известна адресату (ср. *Тебе уже сообщили о сыне? Ты уже знаешь о сыне? = 'Ты уже знаешь, что сын приезжает завтра?'*). Иначе говоря, эти глаголы допускают свертывание зависимой от них пропозиции к актанту (*мне сообщили, что твой сын приехал = мне уже сообщили о моем сыне*).

Семантическая противопоставленность глаголов интенционального и неинтенционального типа отчасти связана с глубоким различием между предметным и пропозитивным объектом, которые объединяются в единую синтаксическую категорию лишь на том основании, что оба они находятся к управляющему глаголу в отношениях комплетивности: и в том, и в другом случае глагол без дополнения остается семантически незавершенным.

Если конкретное дополнение обозначает прежде всего тот предмет, который испытывает некоторые изменения

в результате осуществленного над ним действия, то пропозитивный объект либо эксплицирует содержание психического (эмоционального, интеллектуального, волевого) процесса, протекающего в субъекте (изъяснительные придаточные)⁴⁶, либо включает в себе указание на цель действия (при глаголах целенаправленной социальной активности). Передвижение придаточных цели и причины в более центральную позицию придаточного дополнительного, как и другие случаи «вызова» в центр предложения периферийных актантов, представляет собой обычную грамматическую процедуру.

Группа предикатов пропозиционального отношения семантически очень разнообразна. К ней относятся глаголы говорения и сообщения, суждения и мышления, памяти и знания, глаголы эмоциональных переживаний, глаголы оценочного суждения, волеизъявления и побуждения, глаголы, «создающие мир», глаголы слухового восприятия и другие.

Попадая в поле подобных глаголов, любая лексическая единица должна получить событийное прочтение. Конкретное дополнение при таком глаголе обычно представляет пропозицию, для восстановления которой иногда бывает необходимо заполнить семантическую лакуну, создаваемую привычным эллипсисом⁴⁷. Ср. *просить (дать) денег взаймы, пожелать красивой жены* = пожелать кому-либо жениться на красивой девушке (иное прочтение свидетельствовало бы о нарушении десятой заповеди), *обещать (подарить) сыну часы, советовать (кому-либо поехать на) юг, хлопотать о (получении) пенсии, ожидать (приезда) сына, просить за друга* = просить кого-либо сделать что-либо для своего друга, *хотеть (выпить) чаю*. Некоторые глаголы имеют тенденцию к включению в свое лексическое значение указания на «целевое» событие. Так, глагол *хлопотать* обычно имплицитно подразумевает «получение» чего-либо,

⁴⁶ О развитии понятия изъяснительности в русской и французской лингвистической традиции см.: *И. И. Кравченко*. Сложное предложение с дополнительной придаточной частью во французском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1972.

⁴⁷ См.: *С. Е. Никитина*. О семантическом эллипсисе. «Проблемы лингвистического анализа». М., 1966; *Н. Н. Леонтьева*. О смысловой неполноте текста (в связи с семантическим анализом). «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 12. М., 1969; *Т. А. Колосова*. Семантические отношения в сложных предложениях. — ИДВШ, Филол. науки, 1972, № 5.

а глагол *обещать* при последующем предметном существительном — идею передачи, предоставления. Ср. *Выслушав внимательно купца, хлопотавшего о задаточке, обещал в свое время и задаточек* (Ф. Достоевский) = хлопотавшего о получении задатка, обещал в свое время выдать ему задаток.

Глаголы слухового восприятия, употребленные в своем прямом значении, обуславливают событийную интерпретацию объекта. Если место объекта занимает существительное предметного значения, оно должно быть развернуто в пропозицию. Ср. *Я слышал Шаляпина* = *Я слышал, как поет Шаляпин* = *Я слышал пение (голос) Шаляпина; В птичьем хоре можно было слышать (пение, голос, трели) соловья*. Связь глаголов слухового восприятия с событийной лексикой вполне естественна, поскольку звучание протекает во временной протяженности, а не лежит в пространственно-предметной плоскости мира. Не случайно говорят «слышать время, слышать движение времени», но видеть только «зримые приметы времени». Звук в известном смысле представляет собой «материализованное» время, «духовное тело мира», по выражению А. Блока (Дневники, запись от 29 июня 1909 г.).

Глаголы механического (физического) действия сочетаются с объектами предметного значения. Ср. *пилить дрова, шить платье, есть суп, вязать чулки, бить стекла, поливать цветы* и т. п. Появление абстрактного (пропозитивного) существительного в роли дополнения «субстанционального» глагола либо ведет к его конкретизации, истолкованию в предметном смысле (*проглотить какую-нибудь гадость*), либо «дематериализует» глагол (*проглотить обиду*). В следующих предложениях имя, стоящее в позиции объекта, должно быть при правильном понимании смысла предложения отнесено к конкретным предметам: *...несут [...] к очагам своим домашнюю всяческую п р и г о д н о с т ь* (К. Петров-Водкин); *А эта яблонька словно мать обвесилась у р о ж а й н о с т ь ю* (К. Петров-Водкин). Глагол физического действия или состояния предъявляет требование предметности и к своему агенту или предмету, претерпевающему физическое изменение. Ср. *В кабинете пылало женское у х и щ р е н и е* (К. Петров-Водкин).

Таким образом, интенциональные глаголы, т. е. глаголы, обозначающие психические акты, и глаголы слухового вос-

приятия могут иметь в роли дополнения только пропозиции и имена пропозитивного значения, а в качестве своего субъекта имена со значением живых существ. Глаголы физического действия имеют в качестве своих актантов (субъекта и объекта) только имена конкретного значения (если отвлечься от стихийных сил природы). Если в поверхностной структуре предложения это требование не соблюдено, предложение, для того чтобы быть понятным, нуждается в семантических преобразованиях.

* * *

Указанное общее правило существенно не только для семантической интерпретации предложения, но в ряде случаев и для адекватного представления его семантико-синтаксической структуры.

Обратимся к словосочетаниям типа *широта степеней, синева глаз, матовая смуглость кожи*. Взятые вне контекста, приведенные конструкции воспринимаются как номинализации предложения, т. е. имена признака или свойства предмета: *степи широки* → *широта степеней*, *глаза синие* → *синева глаз*. В самом деле, можно встретить множество примеров их употребления в событийном значении.

Ср. Немногие сознавали скудость нашего учебного багажа (К. Петров-Водкин) = немногие осознали то (тот факт), что наш учебный багаж скуден; *Эта истина так пришлась нам ко двору, что с давних времен никто и не сомневался в ее непререкаемости* (М. Салтыков-Щедрин) = никто не сомневался в том, что она непререкаема; *Профессионалы-натурщики знают сложность участия в соработе с живописцем* (К. Петров-Водкин) = знают, насколько сложно участвовать в соработе с живописцем; *Затем замечаешь ладность во взаимоотношениях между людьми* (К. Петров-Водкин) = замечаешь, что взаимоотношения между людьми ладны; *Дело в том, что я заподозрил [...] ясность моей статьи* (А. Блок) = заподозрил, что моя статья не ясна = усомнился в том, что моя статья ясна.

Выделенные словосочетания представляют собой свернутые предложения, зависимые от интенциональных гла-

голов. Но есть и другие случаи, когда развертывание словосочетаний в придаточные предложения невозможно:

Ср. *Меня взметнуло как резиновый мяч, и швырнуло в мягкоту горячего пепла* (К. Петров-Водкин) = швырнуло в мягкий, горячий пепел; *После осмотра встанет, встряхнет толщинами сборок* (К. Петров-Водкин) = встряхнет толстыми сборками. *Вонзите штопор в упругость пробки* (И. Северянин) = вонзите штопор в упругую пробку. В этих предложениях сочетания *мягкота пепла*, *толщины сборок*, *упругость пробки* имеют предметную референцию, которая иногда выявляется в форме множественного числа существительных абстрактного значения (ср. *толщины*). Семантический центр приведенных конструкций заключен в синтаксически подчиненном, зависимом имени, т. е. сдвинут относительно синтаксического центра. Такие конструкции могут быть заменены в предложении атрибутивными сочетаниями, в которых центральную позицию и в синтаксическом и в семантическом плане занимает существительное предметного значения (ср. *встряхнуть толстыми сборками*, *вонзить штопор в упругую пробку*). Семантически атрибутивные словосочетания следует считать первичными для приведенных контекстов, в которых они зависят от глаголов физического действия, а сочетания типа *толщины сборок* рассматривать как результат преобразования атрибутивной конструкции, предпринятого в целях эмпазы.

Итак, если деривационной основой сочетания *скудость нашего учебного багажа* из приведенного выше примера, где оно зависит от глагола *сознавать*, является предложение (*наш учебный багаж скуден* → *скудость нашего учебного багажа*), то сочетание *толщины сборок* (*встряхнуть толщинами сборок*) выводится из атрибутивной конструкции *толстые сборки*, в которой в процессе деривации осуществляется перепос синтаксического центра в семантически подчиненный, зависимый элемент с целью его выделения. Последнее обеспечивается тем, что в общем случае синтаксическое ядро конструкции совпадает с ее семантическим ядром. Поэтому синтаксически управляющее слово воспринимается и как семантически главное, доминирующее, весомое. Эмпаза, следовательно, основывается на разведении смыслового и формального центров конструкции, в результате которого семантическое и синтаксическое управление осуществляется в противоположных

направлениях. Будучи элементом стилистического синтаксиса, эмфаза построена на принципе нарушения автоматизма (по Тынянову⁴⁸).

Конкретно-предметное значение словосочетаний типа *толщины сборок* обусловлено значением управляющего ими глагола физического действия. Невозможно встряхнуть свойством сборок, отвлеченным от их «субстанции», как и нельзя физически упасть в абстрагированное от пепла качество мягкости.

В третьей серии предложений, содержащих словосочетания данного типа, также реализуется конкретно-предметное значение. Это не ведет, однако, к эффекту эмфазы. Отношения между членами конструкции здесь иные: абстрактное имя, конкретизируясь, получает значение части, взятой от целого, т. е. оба имени имеют в предложении конкретную референцию.

Ср. *Собирал я самородные охры, земли и камни по размывам оврагов* (К. Петров-Водкин) = по размытым частям оврагов; *Волга держалась, не разливаясь, на округлостях ее массива* (К. Петров-Водкин) = держалась на округлых частях массива Земли; *Отблеск бросали в потрепы обой* (А. Белый) = отблеск бросали в потрепанные части обоев.

Событийное (пропозитивное) прочтение выделенных словосочетаний исключается их зависимостью от глаголов физического действия, естественно призывающих к себе предметные аргументы. В данном случае значение глагола требует конкретного прочтения абстрактного имени, предметная референция которого может выявляться в формах множественного числа (ср. *округлости земли, потрепы обоев*).

Если оба имени, образующие словосочетание, относятся к абстрактной (событийной) лексике, т. е. если они оба семантически соответствуют значению управляющего глагола, то словосочетание допускает в принципе и развертывание в придаточное предложение и свертывание в определительную конструкцию, т. е. оно может быть понято либо как эмфатическая конструкция, либо как номинализация предложения, выражающего суждение

⁴⁸ «Динамика формы,— писал Ю. Тынянов,— есть непрерывное нарушение автоматизма, непрерывное выдвигание конструктивного фактора и деформация факторов подчиненных» (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924, стр. 27).

второй степени (суждение, имеющее в качестве своего субъекта пропозицию).

Ср. *Кабинетный стратег действительно удивил мир гениальностью своей военной тактики* (А. Блок) = удивил тем, что его военная тактика была гениальна = удивил своей гениальной военной тактикой. *Он надеялся, что город ночью будет подожжен, что враги его будут убиты, что сенат будет запуган быстрой его дейст-ви-ем* (А. Блок) = будет запуган тем, что его действия быстры = будет запуган его быстрыми действиями.

Хотя в одних случаях может оказаться более естественным эмфатическое прочтение конструкции, а в других — пропозиitivное, в принципе, при возможности семантического согласования управляющего глагола с обоими компонентами словосочетания, различия между этими прочтениями ослабевают.

Итак, семантико-синтаксическая интерпретация однотипных словосочетаний находится в прямой зависимости от той семантической рамки, в которую они вставлены.

Рассмотренные в связи со значением управляющего ими глагола словосочетания типа *синевая глаз, округлость земли* оказываются в семантическом и синтаксическом отношениях неомогенными: 1) в них могут реализоваться принципиально разные типы значений (конкретное и абстрактное); они представляют собой в этом случае либо свернутое предложение, либо расщепленную в целях эмфазы атрибутивную конструкцию; 2) они могут, однако, состоять из однородных семантических компонентов: а) если оба элемента получают предметное значение, в сочетании выражены отношения партитивности; б) если оба элемента абстрактны (событийны) по своей значимости, то сочетание может прочитываться либо как эмфатический эквивалент атрибутивной конструкции, либо как пропозиция второй степени. Эти две интерпретации слабо противопоставлены друг другу.

Выше шла речь о номинализациях предложения после интенциональных глаголов. Процесс стяжения предложения в этих условиях может идти дальше: придаточное предложение допускает преобразование не только в конструкцию, имеющую в качестве центрального элемента отвлеченное существительное (тип *приезд друга, синевая глаз*), но и в атрибутивную конструкцию, опирающуюся на

предметное существительное (тип *приехавший друг, синие глаза*).

Ср. *Впоследствии, на суде, духовенство и прихожане, среди прочего, обвиняли состав слушателей «Пагорной проповеди» в обезьянем, звероподобном их происхождении и ссылались на удлинённые конечности некоторых из них и на нераскаянные их лица* (К. Петров-Водкин) = ссылались на то, что конечности некоторых из них были удлинены, а лица нераскаяны.

По своей смысловой структуре приведенные сочетания обратны конструкциям типа *мягкота пепла* (в сочетании *упасть в мягкоту пепла*). Если эти последние, как отмечалось, имея конкретно-предметное значение, структурно (формально) совпадают с номинализацией предложения, то в сочетаниях типа (*ссылаться на*) *удлинённые конечности* отношения инвертированы: обозначая признак предмета, т. е. имея пропозитивное значение, они построены по модели атрибутивных словосочетаний, опирающихся на предметное существительное. Их семантическое ядро, как и в предыдущем примере, заключено в синтаксически подчиненном элементе, которым на этот раз является прилагательное (т. е. слово абстрактного значения)⁴⁹. Дери-вационной основой сочетания *нераскаянные их лица* внутри приведенного предложения следует считать предикативную структуру *их лица были нераскаянными*.

Пропозитивное прочтение определительных словосочетаний вызвано их зависимостью от глаголов интеллектуальной деятельности, оперирующей только абстрактными категориями. В таких сочетаниях определение по своей функции приближается к предикату.

Итак, смысловым центром конструкции, рассматриваемой в контексте предложения, является тот ее компонент, значение которого семантически согласуется со значением управляющего глагола.

⁴⁹ Подобное употребление атрибутивных словосочетаний, при котором семантическим центром становится определение, было знакомо латыни. Сочетание *summus mons* 'высочайшая гора' обозначало высоту горы, а затем вершину, верхнюю часть горы. Клише *ab urbe condita* букв. 'с основанного города' указывало на отсчет времени с основания города. См. об этом: А. Тovar. *El gerundio y la relación entre sustantivo y adjetivo*. «Anales de filología clásica». Buenos Aires, 1952; Ю. С. Степанов. О партитивном определении в латинском, испанском и французском языках. — ИДВШ, Филол. науки, 1959, № 2.

Это правило применимо и к другим словосочетаниям с зависимым родительным. Так, в предложении *Я выпил стакан воды* смысловым центром объектного сочетания следует считать подчиненный элемент (*воды*), так как он семантически согласуется со значением управляющего глагола (формальный объект глагола *пить* определяется как 'жидкая масса'). В предложении *Я поставил на стол стакан воды*, напротив, смысловым ядром прямого дополнения является существительное *стакан* (формальный объект глагола *ставит* может быть определен как 'предмет с вертикальной ориентацией'). Поскольку в этом случае семантический центр совпадает с синтаксически управляющим именем, такое употребление словосочетания следует признать первичным, а использование данной конструкции в качестве дополнения глагола *пить* рассматривать как смещенное или вторичное.

Если в словосочетании, в котором семантическая зависимость сдвинута относительно синтаксической зависимости, позиция имени занята количественным существительным, лишенным в принципе предметной референции, то смещение становится нормой (ср. *пуд муки, метр ситца, десяток яиц, дюжина пуговиц*): оно уже не зависит от значения управляющего глагола или иных факторов (позиции в предложении, семантики предиката и пр.).

По аналогии с количественными выражениями, как известно, перестраивается семантика и многих сочетаний, образованных двумя предметными именами. Ср. *стакан воды, ложка дегтя, бочка меда*, в которых первое имя постепенно лишается конкретной референции и начинает служить показателем меры (количества) жидких и сыпучих тел. Ср. *В миске было два стакана муки, стакан сахарного песка, три ложки масла и пять желтков*. В первом члене сочетания *стакан сахарного песка* начинает преобладать значение количественного определителя, а не вместилища. Поэтому приведенные словосочетания обычно относят к сосуду, н а п о л н е н н о м у содержимым. Сочетание *стакан воды* предполагает, что стакан полон, а сочетание *стакан с водой* применяется к стакану независимо от количества в нем воды (ср. также *кастрюля с супом, ваза с цветами, тарелка с кашей, кувшин с молоком* и пр.). Предложные сочетания не допускают, в отличие от беспредложных, передвижения семантического ядра в зависимое имя. Ср. *съесть тарелку борща* = съесть борщ

из тарелки, но не **съесть тарелку с борцом*, **выпить стакан с водой*. Употребление типа *разлить (расплескать) кастрюлю с молоком* не вполне корректно и опирается на контаминацию в глаголе значения направленности на жидкую массу (*разлить молоко*) со значением направленности на сосуд (вместилище жидкости) — *опрокинуть кувшин*. Ср. аналогичную контаминацию объектной направленности глагола в сочетаниях *вылить воду из кувшина* и *вылить кувшин*, *налить воду в чайник* и *налить чайник*, *постелить одеяло на кровати* и *постелить кровать (постель)*, *закрыть окно ставнями* и *закрыть ставни на окне*, *писать полотно с натуры* и *писать натуру на полотне*⁵⁰.

Таким образом, закономерности семантической сочетаемости слов тесно связаны с распределением внутри словосочетания семантических и синтаксических центров. Сформулированное выше правило выявления семантического центра словосочетания не распространяется на метафорическое, образное употребление слов. Ср. *червь сомнения грызет (шевелится, сосет)*, *чаша терпения переполняется*, *узами брака себя связывают*, а затем их *разрывают*, *рука помощи протягивается*, *голос народа раздается* и т. п. В этих и подобных случаях выбор глагола определяется образом, репрезентирующим некоторое значение: конкретный образ, передающий абстрактное значение, приводится в соответствие с глаголом физического (конкретного) действия, получающим метафорическое осмысление (см. выше, раздел «Специфика несвободной сочетаемости имен чувств» настоящей главы).

* * *

Перейдем к случаям, в которых чередование в одной позиции конкретной лексики и единиц пропозитивного значения не влияет на информативную полноту высказывания.

После глаголов зрительного восприятия и воспоминания могут с одинаковым или почти равным правом употреб-

⁵⁰ Явления подобного рода в последнее время привлекали к себе внимание многих лингвистов. См. Ch. Fillmore. Lexical entries for verbs. «Foundations of language», 1968, IV, № 4, стр. 376—377. — Анализ трансформаций типов управления русского глагола см.: Ю. Д. Апресян. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. «Проблемы структурной лингвистики — 1972». М., 1973, стр. 322.

ляться как конкретные существительные, так и пропозиции, обозначающие зримые события. Ср. *Я вижу детей и я вижу игры (прогулку, возню, беготню) детей; я вижу, как дети гуляют; я вижу, что дети гуляют; я вижу детей на прогулке.*

Предметное дополнение после этих глаголов как бы синтезирует временной и пространственный (предметный) параметры. Поэтому конкретные имена в этой позиции могут получать определения, раскрывающие их «динамический» аспект. Ср. *Я видел гуляющих детей; Я смотрел на проходящие поезда; Я видел Качалова в роли Карено; Я видел детей, возвращающихся с прогулки; Я видел его за работой.* Чисто предметное, без оттенка событийности, значение конкретных существительных реализуется только в предложениях типа *Ты видел Эйфелеву башню? Он видел слона; Многие городские дети никогда не видели лошади; Никто никогда не видел снежного человека.* Во всех других случаях предметное существительное в той или иной степени предстает в событийном ракурсе. Одни предикаты зрительного восприятия больше тяготеют к пространственно-предметному значению имени, другие, напротив, больше ориентированы на его временной (событийный) аспект. Так, *бросать взор на что-либо / кого-либо* означает направленность восприятия на предмет, а *следить или наблюдать за кем-либо / чем-либо* относится к направленности восприятия на действия, поведение. Ср. *наблюдать за больным* = наблюдать за течением болезни (ходом выздоровления).

Глаголы зрительного восприятия, таким образом, располагаются по шкале перехода от конкретно-предметной к событийной ориентации.

Другая категория глаголов, способных сочетаться как с событийными, так и с предметными дополнениями, как уже говорилось, имеет оценочное значение. Поскольку оценке может быть подвергнуто все «содержимое» мира — люди, предметы, события, качества — глаголы, выражающие оценочное суждение, слабо дифференцированы в своей направленности на объект. Ввиду того, что объекты оцениваются по их свойствам, функции и т. п., глаголы оценочного значения обычно сочетаются с такими номинациями предметов, которые имплицитно критерий оценки (ср. *хвалить портного, повара, ученика* и пр.) или с именами таких предметов, которые принято оценивать по опреде-

ленному параметру. Ср. понятность таких сочетаний как *хвалить пишущую машинку, хвалить сигареты (клей, суп и пр.)* и недостаточную эксплицированность вне контекста сочетаний *хвалить ракушку, водоросли, папоротник, крокодила, дерево, камень, сову, иней на деревьях, морозы и пр.*

Как и в случае с глаголами зрительного восприятия, некоторые оценочные глаголы теснее связаны с предметными понятиями, другие, напротив, выражают отношение к событию. Так, *одобряют* по преимуществу события: поступки, решения, резолюции, политику, работу, руководство и др. Наоборот, *славят* и *превозносят* скорее героев за их подвиги, нежели сами подвиги в отвлечении от героев. Ср. *И славит сладостный певец | Людмилу-преlestь и Руслана | И Лелем свитый им венец* (Пушкин). Однако разграничение оценочных глаголов с личностной и предметной направленностью — с одной стороны, и событийной — с другой, не проходит четко. Более того, личностный объект оценочных предикатов стремится войти в одну группу с событийным. Вследствие этого в объектной позиции регулярно происходит чередование типа *лицо/событие*. Нельзя, например, *осуждать* или *одобрять* *скатерть, цветы, портфель* и пр., но можно *осуждать* или *одобрять* *покупку скатерти* или *портфеля*, возможно также *осуждать* или *одобрять* *кого-либо за покупку скатерти* или *портфеля*. Глаголы, выражающие субъективное отношение к событию (чьей-либо акции, поступку) сближаются с глаголами интерперсональной семантики, выражающими отношение к лицу (подробнее см. ниже).

Необходимость в указании признака, по которому дается оценка, делает прочной связь оценочных предикатов с событийным (пропозитивным) актантом, который, однако, может занимать в строе предложения обязательную позицию прямого дополнения или менее обязательную позицию обстоятельства. В первом случае предикат имеет событийную ориентацию, во втором — предметную.

Наблюдая за группами глаголов, семантика которых в принципе допускает как предметные, так и пропозитивные дополнения, можно заметить, что язык стремится и в этой области провести между ними границу, закрепив за одними из них конкретные, а за другими событийные объекты. Однако такое разграничение никогда не бывает жестким. Причину этого следует искать не столько в сти-

рающем семантический рельеф круговороте речи, сколько в наличии такой денотативной зоны, в которой нет четкого разделения и противопоставления друг другу предметного и событийного (статического и динамического) аспектов, а также в некоторых механизмах человеческой психики. (см. ниже, стр. 147 и сл.).

Семантические отношения между подлежащим и сказуемым

Правило семантического соответствия подлежащего и сказуемого (точнее, субъекта и предиката пропозиции) основывается на выделении предикатов разных семантических уровней или степеней: так, предикаты первого порядка сочетаются только с конкретными (предметными) субъектами; предикаты второго ранга относятся к абстрактным субъектам (ср. функции первой и второй ступени в логике). Семантическая область предикатов второго ранга, выражающих суждения о событиях, действиях, качествах, свойствах и пр., а также о других суждениях (мы не будем проводить сейчас между ними строгого различия) охватывает значения локализации во времени и пространстве, характера протекания действия, его реализации, разные виды субъективно-модальной оценки, субъективного восприятия или воздействия, логического отношения (причины, цели, условия, уступки), истинностного значения (для субъектов-суждений) и некоторые другие. Если вторичные предикаты отнесены к конкретному имени, то это последнее утрачивает предметную референцию и расшифровка смысла предложения требует его развертывания в пропозицию. Ср. *Редок для ребят свободный отец* (К. Петров-Водкин) = отец редко бывает свободен для занятий (игр) с детьми. При субъекте *отец* стоит темпоральное сказуемое *редок*, оправданное временным параметром, привносимым в имя прилагательным *свободный*. Будучи построенным по типу первичной пропозиции с предметным субъектом, приведенное предложение реализует пропозицию второго порядка. Ср. *Отец свободен* → *свободность (незанятость) отца (то, что отец свободен) случается редко*. Сочетание *свободный отец* следует рассматривать как стянутую, т. е. преобразованную в атрибутивное сочетание, пропозицию. Семантиче-

ским центром ее служит тот элемент, который конгруэнтен предикату, в данном случае определение, а не определяемое, т. е. понятие *н е з а н я т о с т и*, а непонятие *о т ц а*.

В некоторых случаях событийный аспект предметного субъекта, т. е. та пропозиция, которую он замещает, может быть извлечена из предтекста и определения одновременно. Ср. *Я навел на нее лорнет, и заметил, что она от его [Грушницкого] взгляда улыбнулась, и что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну?* (Лермонтов).

Соответствие ранга субъекта порядку предиката хорошо прослеживается в связочных предложениях. Если сказуемое в них выражено событийным именем, то семантическая солидарность требует, чтобы субъект также получил событийную интерпретацию, независимо от того, чем он представлен в высказывании. Ср. *Разбитая чашка — твоя работа* = то, что чашка разбита, — твоих рук дело = ты разбил чашку. Предикат пропозиции в данном случае должен быть извлечен из определения атрибутивного словосочетания.

Необходимость «динамического» осмысления субъекта особенно очевидна на примере связочных предложений с опосредующим указательным местоимением среднего рода *это*, которое и служит показателем того, что подлежащее должно получить пропозитивное значение⁵¹. По характеру предиката выделяются две разновидности этой модели, предполагающие событийный субъект. В первой разновидности сказуемое представлено категорией состояния (в иной терминологии, предикативным наречием). Например, *Засуха это плохо*. Предложения этой структуры обычно выражают оценку некоторого явления по его отношению к другим явлениям или лицам. Во второй разновидности сказуемое представлено абстрактным (событийным) именем и допускает включение глаголов *значить, означать*⁵², например: *Засуха это (значит, озна-*

⁵¹ Предложения этого типа выделены и описаны в «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 553 и 556.

⁵² Эта связка в первичном своем употреблении соединяет слово или суждение и его интерпретацию. Ср. — *Ну, а теперь нужно ответить на вопрос: что такое вход в квартиру? Иван Иванович! ска-*

часть) *недород* (голод, закупки хлеба и пр.). Семантика предложений этого типа определяется логической (причинно-следственной или условной) связью частей. Ср. *Засуха может стать причиной недорода; если бывает засуха, то возможен недород; засуха ведет к недороду*.

Предложения обоих разрядов обычно выражают общие суждения о классе событий, а не о конкретных фактах. Естественным для русского языка способом выражения субъектной пропозиции в предложении, выражающем общее суждение второй степени (т. е. общее суждение о классе событий), служат придаточные предложения с союзами *если* и *когда*, утрачивающими свое значение при оценочном предикате. Ср. *Когда (если) много друзей, это хорошо* = много друзей — это хорошо.

Если в позицию субъекта при предикатах названной семантики попадает предметное существительное, оно требует событийного прочтения, т. е. должно быть развернуто в пропозицию. Последняя обычно опирается на предикат наличия, имплицитруемый любым предметным понятием. Для образования семантически полноценной пропозиции «сфера бытия» предмета ограничивается либо путем уточнения его местопребывания, либо путем включения в микромир человека. Ср. *Деньги — это веселая жизнь* = наличие денег (обладание деньгами) дает возможность весело жить = 'когда есть деньги, можно весело жить': *Собака — это хлопотно* = держать собаку причиняет много хлопот; *Кошка в доме — это грязь* = пребывание кошки в доме ведет к его загрязнению. Предложения с предметным субъектом также часто выражают общие суждения. Имя в них обычно лишено единичной референции: оно выступает в качестве представителя типовой ситуации.

В связочных предложениях второго разряда (*Засуха — это недород*) необходимость пропозитивного прочтения имен, находящихся по ту и другую сторону связки, обусловлена логическим значением этой последней. Поскольку логические отношения причинности, условности, уступки-

зывает свое мнение! — По-моему, вход в квартиру — это означает вступление в оную... — А вступление в квартиру означает вход в оную? (М. Салтыков-Щедрин). От такого употребления язык переходит к применению глаголов *значить* и *означать* для выражения межсобытийных отношений логического (условного, причинно-следственного) типа.

тельности и т. п. соединяют между собой только события, но никак не предметы (они соотносятся с осью времени, а не пространства), причинно-следственная связка и другие глаголы логической семантики всегда имеют два места, предназначенные для пропозиций. Ср. *Неукрепленность тыла и отсутствие технической базы обусловили поражение армии*. При семантической интерпретации такие предложения должны быть представлены как две пропозиции, соединенные логическим отношением. Ср. *Одна усталость заставила его уменьшить скорость бега* (Гоголь) = он уменьшил скорость бега только потому, что устал.

Если при логическом предикате находится имя конкретного значения, то его следует развернуть в пропозицию той или другой степени эксплицитности. Ср. *Хорошая еда и свежий воздух способствовали его выздоровлению* = то, что он хорошо питался и дышал свежим воздухом, способствовало его выздоровлению.

Контекстуальная эквивалентность предметных и пропозитивных значений

Выше говорилось, что там, где конкретная лексика занимает место имен абстрактного значения (названий качеств, свойств, действий, событий и состояний), она оказывается менее семантически эксплицитной и информативной, чем слова отвлеченной (пропозитивной) семантики. Высказывание *Я провалился из-за тебя* может быть расшифровано как 'Я провалился из-за того, что ты мешал мне заниматься / не подсказал мне / сбил меня с толку во время экзамена / не дал мне учебника / не объяснил мне закона Кеплера' или относиться к любой другой акции адресата речи, направленной во вред говорящему. Поставить вместо придаточного предложения только имя конкретного значения равносильно тому, чтобы все высказывание свести к его теме, умолчав о реме, что само по себе возможно только, когда речь идет об уже известном собеседнику событии (тема напоминания).

Между тем адресат речи часто бывает вполне удовлетворен сообщениями, в которых предметное существительное занимает место пропозиции. Семантическая достаточность конкретной лексики в положении, предназначенном

для пропозиции, связана с действием ряда причин. Если оставить в стороне компенсацию информативной неполноты высказывания за счет контекста, ситуации и уже имеющих у адресата речи сведений, то редукция пропозиции к конкретному имени не идет в ущерб коммуникации в следующих случаях.

При замене пропозиции конкретно-предметным существительным преобразуется и семантика предиката. Например, логическое значение каузальности может быть трансформировано в значение оценки (похвалы или осуждения). Вернемся к приведенному примеру. Хотя в предложении *Я провалился из-за тебя* под обстоятельством причины (*из-за тебя*) могут разумеаться любые реальные обстоятельства, и адресат речи на основании только этого высказывания не может заключить, которое же из них имело место в действительности, само по себе сообщение воспринимается как семантически полноценное. Оно обычно употребляется в условиях, когда адресат речи информирован о происшедшем (в приведенном примере это более, чем естественно, так как он сам его участник) и цель сообщения состоит в возложении на него личной ответственности. Таким образом, *Я провалился из-за тебя* должно прочитываться как 'Ты виновен в моем провале'. Ср. также *Если бы не ты, мы бы заблудились; благодаря тебе, дети получили образование*. Редукция пропозиции проходит особенно безболезненно, когда ее место занимает имя лица (см. об этом ниже).

Итак, замена пропозиции конкретной лексикой не идет в ущерб содержанию высказывания тогда, когда его коммуникативное содержание (смысл предиката) приведено в соответствие с конкретно-предметным смыслом существительного.

В других случаях «информативный голод» утоляется тем, что характер происшествия, на которое «намекает» конкретное существительное, достаточно определенно подсказывается смыслом этого последнего. Предложения, в которых место логического обстоятельства занимает имя предмета с очевидными событийными коннотациями, воспринимаются как полноценные сообщения.

Рассмотрим основные из этих категорий имен.

Единичными, индивидуальными коннотациями обладают имена лиц, чем-либо известных в данном обществе. Эти имена относятся не столько к единичной физической

сущности, сколько к единичному событию в общественной или культурной жизни.

В следующих предложениях коннотативный (событийный) аспект собственных имен раскрыт в самом авторском тексте: *Даву был Аракчеев императора Наполеона — Аракчеев не трус, но столь же исправный, жестокий и не умеющий выражать свою преданность иначе как жестокостью* (Л. Толстой); *Ведь вот откуда мое хватанье за Скитальца: я за Волгу ухватился, за понятливость слога, за отзывчивость души, за ее здоровую и тупую боль* (А. Блок). «Событийная» интерпретация имен собственных позволяет им употребляться вместо пропозиций, не создавая семантических лакун. Ср. *Г е т е столько же конец, сколько — начало* (А. Блок); *И сам С т р и н д б е р г — утро, тот час, когда начинается большая работа. Он менее всего конец, более всего — начало* (А. Блок); *К л ю е в — большое событие в моей осенней жизни* (А. Блок); В следующем примере непредметное употребление собственных имен выявлено в форме согласования прилагательного (обобщающий средний род), а также в употреблении местоимения *это*: *А. Белый (в том числе и это), Чулков, Арцыбашев — не народное* (А. Блок).

Единичными событийными коннотациями обладают и имена собственные, не относящиеся к лицам. Особенно регулярно они сопутствуют топонимике: именам мест, где разыгрались какие-либо события. Ср. *Ватерлоо* (вм. *поражение при Ватерлоо армии Наполеона*), *Бородино* (вм. *Бородинская битва*), *Брест* (вм. *заключение Брестского мира*) и т. п.

Если имена собственные скрывают за собой е д и н и ч н о е событие, то некоторым категориям имен нарицательных сопутствуют р е г у л я р н ы е событийные коннотации.

Существительные, обозначающие «нестандартные детали» эквивалентны качественной характеристике предмета или лица и могут употребляться в функции событийных имен без ущерба для коммуникативного содержания высказывания. Такие существительные, как *язва, мозоли, бельмо, волдыри, сыпь, вздутие* (т. е. «овеществленные недуги»), пли такие, как *снег, грязь, лужи, ухабы, колдобины* и названия других дорожных помех, означают не столько предметы, сколько свойства их носителя. Они служат полноценными эквивалентами пропозиций. Ср. *Он не*

пришел из-за мозолей / грязи / снега; он приехал, несмотря на язву / ухабы; он хорошо видит, несмотря на бельмо на одном глазу.

То, что нестандартные, «сверхкомплектные» части предмета осмысляются как его свойства, подтверждается регулярным преобразованием экзистенциальных предложений в квалификативные. Ср. *На дороге грязь* → *дорога грязная*; *на его лице прыщи* → *его лицо прыщавое*; *на дороге ухабы* → *дорога ухабистая*; *на ее руках мозоли* → *ее руки мозолистые* и пр.

Наличие событийных (кваликативных) коннотаций у названий нестандартных частей предмета не исключает их употребления с конкретной референцией. Ср. *срезать мозоли, проколоть волдырь, сгрести снег, счистить грязь, сравнять ухабы*. Указанная категория имен, таким образом, обладает двойственным семантическим статусом.

Названия неотъемлемых (стандартных, комплектных) частей предмета не могут служить целям его качественной характеристики. Но если им сопутствуют индивидуализирующие определения, они превращаются в «нестандартные детали», становясь эквивалентом пропозиции. Ср. *Она хороша собой несмотря на длинный нос (тонкие ноги, бледное лицо)* при информативной недостаточности высказываний *Она хороша собой, несмотря на нос (ноги, шею)*. Борода и усы относятся, пожалуй, к числу сверхкомплектных деталей, по крайней мере применительно к женщинам и молодым людям. Ср. *Он кажется старше своих лет из-за бороды; Он выглядит молодо, несмотря на бороду*. Это подтверждается тем, что прилагательное *бородатый* имеет значение 'имеющий бороду, отпустивший бороду', в то время как, например, прилагательное *носатый*, произведенное от имени *нос*, обозначающего «стандартную деталь» человека, включает в свое значение индивидуализирующее определение, указывая на наличие *большого носа*, т. е. «нестандартной детали».

То, что имена неотъемлемой принадлежности, сопровождаемые дифференцирующими их определениями, предназначены более всего для характеристики целого, подтверждается обилием образованных от них сложных прилагательных типа *широкоплечий, бледнолицый, тонконогий* и пр. Здесь действует тот же механизм преобразования, который был отмечен для сверхкомплектных деталей: *У него широкие плечи* → *он широкоплечий*.

В словосочетаниях, состоящих из «неотторжимой собственности» и выделительного определения, последнее сближается по своей роли в коммуникации с предикатом. Ср. *Он пришел, несмотря на б о л ь н у ю н о г у* = несмотря на то, что у него больная нога = несмотря на то, что его нога больная = несмотря на то, что у него болит нога; *она красива, несмотря на д л и н н ы й н о с* = несмотря на то, что нос ее длинный.

Категории предметов, предназначенных для выполнения определенной функции, достаточно однозначно имплицитно определяют «свой» предикат. Так, названия продуктов влекут за собой предикат потребления. Ср. *Хлеб (е с т ь хлеб)* — это прибавка в весе; *сигареты (к у р и т ь сигареты)* — это вредно; *водка (п и т ь е водки)* его погубит. Названия орудий, средств, снадобий и т. п. имплицитно определяют предикат применения, использования. Ср. *Он выздоровел благодаря пенициллину (у к о л а м, в в е д е н и ю в о р г а н и з м пенициллина)*; *если бы не пила (п р и м е н е н и е пилы, п и л к а)*, мы бы не свалили дерева.

Всякое предметное понятие имплицитно определяет предикат наличия, присутствия, существования в некоторой «сфере бытия».

Если этот регулярный для конкретной лексики, хотя семантически очень широкий, предикат удовлетворяет смыслу предложения, то употребление конкретного существительного в позиции событийного воспринимается как семантически достаточное. Ср. *Она поехала в отпуск, несмотря на детей (несмотря на то, что у нее есть дети)*.

Наконец, семантическая двойственность характеризует имена лиц. Лица всегда ассоциируются с действиями, поступками, поведением и пр. Имена лиц, поэтому, часто употребляются в позициях, предназначенных для событийной лексики. Но это особый вопрос, поскольку, обладая двойственным семантическим статусом, имена лиц в то же время не имплицитно определяют, как это имеет место применительно к названиям предметов, регулярных событийных коннотаций (предикатов).

Итак, при определенных условиях имена конкретно-предметного значения могут служить полноценным эквивалентом пропозиции, и их употребление в соответствующих синтаксических функциях не оставляет в адресате ощущения информативной недостачи. Это происходит в следующих случаях: 1) предикат предложения семанти-

чески двойствен; 2) имя семантически двойственно и может быть интерпретировано как в предметном, так и в событийном смысле: имя собственное может обладать индивидуальными событийными коннотациями (*Шаляпин* = *пение Шаляпина*); имя нарицательное может обладать регулярными для данного семантического разряда смысловыми коннотациями; 3) недостающий предикат эксплицирован в предтексте, очевиден из ситуации или присутствует в определении конкретного существительного.

Синтаксический статус имен лица

В предшествующих разделах были разобраны три типа семантического согласования элементов предложения. Все они сводятся к требованию различения предметных и событийных (пропозитивных) понятий и приведения каждой из упомянутых категорий в соответствие с той понятийной областью, центром которой она является. В первом случае семантическое согласование требует соотнесения предметных понятий с отношениями пространственного плана, а пропозитивных — с отношениями логикотемпорального типа. Во втором случае семантическое согласование требует соотнесения предметных понятий с обозначениями физических действий, а пропозитивных с названиями психических актов. В третьем случае семантическое согласование требует, чтобы предметные понятия выступали в качестве субъекта первичных суждений, а пропозитивные понятия характеризовались предикатами второго порядка.

Итак, 1) семантическое согласование значения слова и его синтаксической функции основано на различении пространственных и временных параметров; 2) семантическое согласование глагола и его актантов основывается на различении материального и идеального, физического и духовного планов; 3) семантическое согласование субъекта и предиката основывается на различении логических порядков.

Серия понятий — предмет — пространственная ориентация — физическое действие — физические свойства предмета — оказывается противопоставленной ряду: событие — время — психический акт — свойство события и суждение о событии.

Однако существует область, в которой различение и противопоставление указанных понятийных рядов проходит менее четко, вследствие чего в одних и тех же синтаксических позициях наблюдается регулярное чередование конкретных и пропозитивных номинаций. Некоторые случаи такого рода были отмечены выше при обсуждении проблемы семантики объекта. В настоящем разделе пойдет речь об альтернации пропозитивных значений и имен лица при глаголах логического (межсобытийного), качественно-логического и интерсубъектного (интерперсонального) значения. Обращение к межсобытийным и качественно-логическим предикатам потребует рассмотрения проблемы отношения каузативности к семантике глагола и глагольных перифраз.

Зона слабого различения двух наиболее ясно и определенно противопоставленных друг другу категорий возникает благодаря тому, что человек воспринимается одновременно и как «предметная» (физическая, субстанциональная) и как «действующая» сущность, фигурируя то в статическом, то в динамическом аспекте. Неотделимость событий от людей, которые в них участвуют и которые их создают, и, напротив, неотделимость людей от их деятельности, ведет в первом случае к проникновению антропонимов в позиции актантов при межсобытийных предикатах, и во втором случае к проникновению абстрактной (событийной) лексики в положение актантов при интерсубъектных глаголах.

Имена лиц принадлежат к тем лексическим категориям, которые обладают двойственным семантическим статусом и о которых речь шла в предыдущем разделе. Поэтому употребление в одной и той же позиции, предназначенной для обозначений событий, имен предметов и имен лиц не совсем аналогичное явление. Имя предмета обычно скрывает за собой пропозицию, в которую оно должно быть развернуто для правильной интерпретации смысла предложения. Имя лица в той же функции фигурирует с большим правом, не требуя с необходимостью преобразования в пропозицию. Такие предложения, как *Ножки раздражают меня; ковры утомляют; кресло помогло мне*, воспринимаются как семантически не совсем корректные. В то же время предложения с именем лица в функции субъекта, хотя и недостаточно эксплицитны, могут счи-

таться более соответствующими семантическому стандарту. Ср. *Дети раздражают его; гости всех утомили; Николай помог мне.*

Начнем рассмотрение с глаголов логического значения, указывающих на отношения между двумя ситуациями. Хотя обе валентности этих глаголов, как отмечалось, предназначены для пропозиций или событийной лексики, они могут замещаться также именами лиц. Такого рода чередование отражает колебание в семантике глагола: глаголы, обозначающие отношения между личностными (агентивными) событиями, начинают либо сближаться с глаголами, выражающими отношения между людьми, либо акцентировать роль человека по отношению к другому событию. Такое колебание находит естественное объяснение в механизмах человеческой психики.

Взаимоотношения между людьми определяются не столько «предметной» (субстанциональной) сущностью человека, сколько его «событийным» аспектом — натурой, характером, качествами, словами, манерами, поведением, поступками, помыслами, образом мыслей, взглядами, занятиями, вкусами, положением в обществе и пр. Поэтому, вынося суждение об отношениях между событиями, человек часто переключает их в личностный план, указывая на взаимодействие людей, создающих события. Ср. шуточный афоризм: *В спорах выясняют не истину, а отношения.*

С другой стороны, оценивая связь между фактами, мы склонны подменять ее указанием на роль лица по отношению к событию. Лицо, которое своей злой или доброй волей, намеренно или невольно вызывает некоторую ситуацию, рассматривается как причина другого, объективного или субъективного (психического) события. В предложении *Он* (а если следовать принципу *cherchez la femme*, то *она*) — *причина всех бед* слово *причина* значит 'виновник, ответчик, корень зла', а распространенное в диалогах выражение *Все из-за тебя* звучит скорее как обвинение, чем как констатация причинно-следственных отношений между событиями. Оно сводимо к реплике *Все ты* (*А все ты*), в которой оттенок причинности оттеснен на задний план значением виновности. Ср. *Они друг друга поедом едят, а он задрать никого не смеет! На что похоже! А все О с е л!* *Он, именно он, мудрит, он эту канитель разводит!* (М. Салтыков-Щедрин). В последнем пред-

ложении акцент постоянно падает на субъект (*он*), чем подчеркивается значение виновности в положении дел, обрисованном в первых предложениях, а не значение причинных отношений, связывающих события.

Если существительное *причина* все же обычно относят к событиям, то глагол *причинять* уже определенно агентивен (ср. *он причинил нам много горя*). Употребление имени *причина* в собственном смысле (т. е. не в значении 'виновник') применительно к лицу обычно требует разъяснения «обстоятельств дела». Ср. *Мне было очень долго страшно тяжело и скучно, как, вероятно, тебе бывает. Последние дни легчало. Причине этому — Розанов, который страшно просто и интимно рассказал мне свою жизнь и как-то показался мне близким (хотя и непонятным) человеком* (А. Блок. Письмо к матери). Получая отнесенность к лицам, слово *причина* сохраняет событийные коннотации. Ср. замещенность личностной номинации соотносимой с именем *причина*, местоимением *что*, а не *кто*: *Начальство — вот в чем причина* (М. Салтыков-Щедрин).

Расчленение понятий причинности и виновности, личной ответственности за событие отражается в строе предложения, выявляясь в синтаксической совместимости этих значений в рамках одной конструкции: причина, отделенная от ответчика, передвигается в позицию инструментального дополнения. Ср. *Петр мешал мне работать своими разговорами*. Хотя помехой в работе были именно разговоры, а не Петр как субстанциональная и психическая сущность, но ответственность за то, что говорящий не мог работать, несет Петр.

Здесь необходимо напомнить, что заполнение инструментальной позиции событийным именем или придаточным предложением обычно происходит в тех случаях, когда предикат обозначает сознательную целенаправленную акцию. Ср. *Он добился успеха упорным трудом (тем, что упорно трудился)*. В подобных высказываниях орудийное дополнение указывает на способ, примененный агентом действия для достижения цели. Однако, если речь идет о действии и его побочном, «избыточном» эффекте, то заполнение инструментальной позиции событийным именем не может соответствовать ее семантико-синтаксической функции. Это свидетельствует о синтаксическом передвижении: в инструментальную позицию попадает элемент,

вытесненный из другой синтаксической позиции, в данном случае из позиции субъекта-каузатора. При глаголах, обозначающих нецеленаправленное действие (или действие, направленное на другую цель), инструментальная позиция преобразуется в каузальную.

Неустанно действующий в психике людей механизм переноса эмоций *ad hominem* прежде всего «втягивает» семантику межсобытийных глаголов со значением благоприствования или неблагоприствования одного события другому. Естественно, что благоприятные или неблагоприятные отношения между событиями, в которых участвуют люди, легко осмысляются как хорошие или дурные отношения участников событий друг к другу.

У глаголов этой группы альтернация пропозитивных и личностных номинаций может происходить либо в одной, либо в обеих приглагольных позициях.

Например: *Его советы помогли мне добиться успеха* (межсобытийное значение) — *его советы помогли мне* (межсобытийное значение, акцентирующее эффективность субъектного события) — *он помог мне добиться успеха* (переходное значение, акцентирующее роль лица по отношению к объектному событию) — *он помог мне* (интерперсональное значение). В этом последнем предложении речь идет уже не о логической связи событий, а о взаимодействии людей как психических сущностях. Отношения между событиями заменяются отношениями между их субъектами. Такого рода замены достаточно регулярны, если суждение носит общий характер, т. е. если речь идет не о конкретном факте, а о серии событий. «Представителем» каждой серии становится имя лица, создающего события. В предложении *Дети мешают отцу* имена лиц, скрывая за собой значения последовательностей взаимосвязанных событий, в то же время относятся к определенным психо-физическим сущностям (личностям). Значение таких предложений двойственно и может получать тот или другой семантический крен.

К семаптическому полю межсобытийных предикатов могут быть отнесены глаголы умозаключений, или логического вывода. Эта группа глаголов, более далекая от выражения интерсубъектных отношений, допускает чередование имен лица и имен событий (суждений) только в субъектной позиции. В положении объекта при них всегда находится пропозиция-суждение, т. е. пропозиция, выра-

жающая истинностное значение, и имена, ее заменяющие («место-суждения»: *вывод, положение, заключение, мнение, мысль, идея, точка зрения* и пр.). Предикаты этой группы, вообще говоря, достаточно определенно разделены между личностно-ориентированными и событийно-ориентированными. К первой категории относятся *verba putandi*, а также такие предикаты, как *приходить к выводу (мысли), заключать, устанавливать, обосновывать, формулировать закон (правило, положение* и пр.). Их субъект всегда замещается именем лица. Ко второй — такие, как *противоречить, идти в разрез, значить, означать*. Их субъект всегда пропозитивен. Ср. *Петь и свистеть (но не громогласно) не возбраняется, ибо сие о з н а ч а е т удовольствие* (М. Салтыков-Щедрин); *Мало того: он урюмо ходил взад и вперед по комнате, что, по моему наблюдению, о з н а ч а л о, что его начинает мутить от разговоров* (М. Салтыков-Щедрин).

Группу глаголов с колеблющейся семантикой образуют: *подтверждать, доказывать, показывать, опровергать, ставить под сомнение*. Ср. *Ученый опытами и расчетами доказал, что такое химическое соединение не может быть получено — Расчеты и опыты ученого доказали, что такое соединение не может быть получено; Он подтвердил (опровергнул) своими данными правильность моих выводов — Его данные подтвердили (опровергли) правильность моих выводов*.

Образование этой промежуточной сферы обусловлено, с одной стороны, отчуждаемостью от человека его интеллектуальной деятельности и ее результатов (*он показал своими опытами → его опыты показали*) и, с другой стороны, тенденцией к авторизации суждений, мнений, теорий, концепций и пр., их атрибуции лицу (*это доказало → он доказал*). В той степени, в какой глагол способен обозначать целенаправленное действие, он получает собственно агентивное значение, исключая возможность событийного субъекта. Так, глагол *доказывать* в таких предложениях, как *Она доказала своими поступками необоснованность этих подозрений (= Ее поступки доказали необоснованность подозрений)* и *Она всеми силами старается доказать свою правоту*, фигурирует в разных значениях.

Наряду с собственно логическими (межсобытийными) предикатами существуют предикаты, условно названные качественно-логическими. Предикаты этой группы находятся в состоянии еще более неустойчивого равновесия: позицию субъекта при них замещают то имена лиц, то пропозиции и их эквиваленты. К этой категории относятся прежде всего глаголы психического воздействия⁵³ и их перифрастические аналоги: *раздражать, забавлять, возмущать, смешить, удивлять, изумлять, ужасать, удручать, досаждают, смущать, нервировать, угнетать, мучить, тревожить, волновать, восхищать, восторгать, радовать, бесить, пугать, развлекать, сердить, беспокоить, вдохновлять, ободрять, трогать, веселить, убеждать, образумить, влиять, приводить (повергать) в уныние (трепет, отчаяние), вселять бодрость, вызывать смех (ужас, волнение, восторг, слезы, страх, негодование, скуку), причинять огорчения, навевать скуку, нагонять тоску.*

К этой группе примыкают глаголы и глагольные перифразы, обозначающие каузацию некоторого отношения к лицу-субъекту: *вызывать симпатию (любовь, расположение, уважение), располагать к себе.*

Семантика глаголов этой группы совмещает логическое значение каузации с указанием на психическое (эмоциональное, интеллектуальное) состояние объекта (лица), возникающее под влиянием причины, названной в субъекте. Ср. *Его назойливость раздражает меня.* Предложения такой структуры разложимы на две пропозиции с каузативной связкой между ними: *я раздражен, потому что он назойлив.*

Место субъекта при предикатах психического воздействия, как уже отмечалось, наряду с пропозицией, регу-

⁵³ Интересные соображения о значении и способах описания глаголов этого семантического типа содержатся в статьях: Л. Н. Иорданская. Попытка лексикографического толкования группы русских глаголов со значением чувства. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 13. М., 1970; F. Bowers. The structure of affective sentences in English. «Linguistics», 1972, N 86. Анализ синтаксических свойств глаголов чувства см.: Л. М. Васильев. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. «Очерки по семантике русского глагола». Уфа, 1971.

лярно занимают антропонимы⁵⁴. Как и в случае с собственно логическими (межсобытийными) предикатами, подобное чередование объясняется тем, что в семантике названных глаголов происходит взаимодействие логического (межсобытийного) и интерсубъектного (межпредметного) значений. Комбинация этих двух категорий в семантике глагола связана с тем, что человек склонен искать источник своих эмоций (шире — психических состояний) не только и не столько в объективной ситуации, сколько в других людях. Так, наряду с логикой, устанавливающей законы правильного развития мысли, в языке отражается житейская логика, устанавливающая стереотип человеческого мышления и поведения. Именно этой последней руководствовался Печорин в известном рассуждении: *Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?* (М. Лермонтов).

Тенденция к личностной ориентации многих эмоций объясняется следующим механизмом человеческой психики. Хотя поводом для обозленности или раздраженности человека могут быть самые разнообразные обстоятельства, в том числе безличные и неопределенно-личные, но *сорвать злобу* (т. е. удовлетворить гнев, раздражение) можно только на другом лице: человек сводит счеты с людьми, а не с событиями. Ср. *Но мужчина не должен и не может забывать и прощать, — сказал он [князь Андрей] и, хотя он до этой минуты не думал о Курагине, вся невымещенная злоба вдруг поднялась в его сердце* (Л. Толстой). Механизм поиска виновного или «козла отпущения» лежит в основе мести, как, впрочем, и прощения.

Колебания в природе психических состояний (их ориентация то на события, то на лицо, или, реже, на предмет)

⁵⁴ Некоторые авторы соотносят каузативы прежде всего с личным субъектом. «Предикаты каузации, — пишет Т. Б. Алисова, — подобно предикатам неактивного относительного признака, связаны обычно с субъектом-лицом, но в отличие от последних в своей исходной (не преобразованной) форме требуют обязательного оформления семантического субъекта в виде подлежащего, т. е. не имеют одноличных моделей» и далее: «Субъект-лицо в каузативных моделях выступает не только как активный, т. е. совершающий намеренное целенаправленное усилие («работу»), но как вызывающий — прямо или косвенно — определенные изменения в признаках объекта» (Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, стр. 98).

определенным образом отражаются и на «грамматике чувств». Семантическая двойственность глагола оборачивается его синтаксической двойственностью. Последняя выражается не только в возможности чередования в субъектной позиции конкретной и событийной лексики (*его грубость рассердила меня; он рассердил меня*), но и в возможности совмещения в одной конструкции имени лица и названия события (*он рассердил меня своей грубостью*). Имя лица, удовлетворяющее интерсубъектному компоненту значения глагола, занимает место подлежащего, а в положении орудийного дополнения находится имя события, отвечающее логическому компоненту значения предиката и превращающее инструментальную синтаксическую функцию в каузальную. Причина тем самым раздвигается на лицо-виновника и событие-причину. При глаголах психического воздействия понятие лица-виновника преобразуется в понятие о б ъ е к т а чувств, той мишени, которая принимает на себя рикошет эмоций, вызванных событийным раздражителем.

Итак, за синтаксическим различием между субъектной и инструментальной позицией стоит содержательное различие между причиной чувства и его объектом ⁵⁵.

Заполнение каузальной позиции при личностном субъекте не происходит регулярно, а иногда даже избегается. Так, если значение глагола не предполагает указания на лицо-виновника, то личностный субъект служит «чистым» субститутутом пропозиции, т. е. занимает с ней одно синтаксическое место. Ср. *Она тревожит (беспокоит) меня — ее болезнь (настроение, состояние) тревожит меня*, при некорректности **Она тревожит (беспокоит) меня своей болезнью (состоянием, настроением)*. Сделанное наблюдение больше всего касается глаголов чувств, не вызывающих ситуации «возмещения» (мести, награды, бла-

⁵⁵ На недопустимость смешения причин и объектов эмоциональных состояний, порожденного привычным словоупотреблением, указывал Л. Витгенштейн: «Следует различать объект страха и причину страха. Так, лицо, внушающее страх или доставляющее удовольствие, не есть, в силу этого обстоятельства, причина чувства, а скорее можно было бы сказать, есть его целенаправленность (*ihre Richtung*)» (*L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1967, стр. 135, § 476*); см. также «Типология каузативных конструкций». Л., 1969, стр. 7; *D. A. Cruse. A note on English causatives. «Linguistic inquiry», 1972, v. III, N 4.*

годарности и пр.), т. е. не требующих интерперсональных акций.

Хотя субъектом глаголов психического воздействия в равной мере могут быть имена лиц и обозначения событий и объяснение этому явлению можно найти в природе человеческой души, правомерно поставить лингвистический вопрос о том, для какой из названных семантических категорий данная функция является первичной.

Выше уже говорилось, что максимальное соответствие лексического типа слова его синтаксической позиции является в семантической полноте результирующего высказывания, которое в этом случае не вызывает в адресате ощущения смысловой «недоимки». Употребление имен лица в роли субъекта предикатов психического воздействия, хотя и воспринимается как вполне закономерное, однако при незаполненности инструментальной позиции часто создает информативно неудовлетворительные предложения. Ограничение актантной рамки именем лица ведет к недостаточной эксплицитности высказывания: глагол как бы «сулит» больше сведений, чем те, которые содержатся в его окружении. После сообщения *Петя огорчил (обрадовал, опечалил и пр.) меня* закономерно задать вопрос «Чем же?», т. е. потребовать заполнения каузальной позиции.

Меньшая эксплицитность имени лица, сравнительно с обозначением его свойства или действия иногда частично восполняется качественной или функциональной номинацией субъекта. Ср. *Этот лгун (лентяй, грубиян, нахал, наглец, кляузник и пр.) возмутил всех; Этот артист (пианист, художник, оратор и т. п.) произвел на всех большое впечатление*. Если имя лица связано с устойчивыми коннотациями, то вопрос о причинах того или другого эмоционального состояния, им вызванного, излишен. Ср. *Достоевский (Качалов, Микельанджело и т. п.) потряс меня до глубины души*. Задавая после такого предложения причинный вопрос, адресат обычно обнаруживает им желание возразить или поспорить.

В подтверждение того, что для глаголов эмоционального воздействия первичен событийный, а не конкретно-предметный субъект, можно привести следующие соображения.

Получая личностный субъект, глаголы эмоционального воздействия не приобретают, однако, значения сознатель-

ной, целенаправленной акции, что, как правило, характерно для агентивных глаголов, т. е. для глаголов, рассчитанных на субъект-лицо. Предложение *Петр порадовал (удивил, огорчил и пр.) своих родителей* ничего не сообщает о намеренной направленности его поступков на эмоциональную реакцию со стороны родителей, которая может представлять собою нежелательный побочный эффект. Нарочитость воздействия обычно специально оговаривается. Ср. *Он нарочно злит меня*. Иногда для обозначения намеренного поступка существует особый глагол (ср. *задабривать, запугивать*).

В качестве косвенного доказательства того, что субъект глаголов типа *огорчить, обрадовать, опечалить* соответствует, прежде всего, пропозиции или событийному имени, а не обозначению лица или предмета, можно сослаться еще и на следующие факты. Прилагательные с нейтральным залоговым значением, соотносительные с каузативными глаголами (*печальный, радостный*), могут определять обозначения как события, так и лица, т. е. обе категории имен, заполняющие субъектную и объектную позиции глагола. Из предложения *Это событие обрадовало мальчика* можно вывести два определительных словосочетания — *радостное событие* и *радостный мальчик*. Если в позиции субъекта заменить имя события именем лица, то из полученного предложения можно вывести только одно определительное словосочетание. Ср. *Мать обрадовала мальчика* → *радостный мальчик*, но не *радостная мать*. Прилагательные типа *радостный, печальный* неприложимы к имени лица в роли каузатора эмоционального состояния: *радостная мать* будет всегда понято в объектном смысле. Они, однако, могут приобретать активное залоговое значение в сочетании с обобщающей событийной лексикой. Ср. *радостное событие (происшествие, известие, радостная новость (встреча))*.

Еще более очевидно вытекает событийная ориентация каузативных глаголов из того факта, что многие прилагательные с активным залоговым значением, соотносительные с глаголами эмоционального воздействия, могут сочетаться только с событийными именами, но не с именами лица. Ср. *огорчительное, возмутительное, нервующее, удивительное, волнующее, потрясающее происшествие* при некорректности *возмутительная девушка, огорчительная домработница*.

Хотя мы часто ищем причину нашего раздражения в других людях (ср. *дети раздражают своих родителей*), хотя, обобщая раздражающие факторы, их называют *раздражителями*, прилагательное *раздражительный* в соединении с именами лиц утрачивает активное значение, соответствующее субъектной (агентивной, каузативной) позиции имени, и получает объектное (страдательное) значение 'склонный к раздражению, легко раздражающийся, раздражимый'. Приведенный выше пример позволяет говорить о раздражительных родителях, но не о раздражительных детях. Некоторые сочетания активных прилагательных с именами лиц впрочем допустимы. Ср. *потрясающий скрипач, удивительный оратор*, и т. п. Это объясняется выделенностью в номинации лица «событийного», функционального аспекта. Присутствие в именах конкретного значения событийных коннотаций позволяет атрибутам второго порядка (т. е. атрибутам, характеризующим событийные имена) снизить свой ранг до атрибутов первого порядка (т. е. атрибутов, характеризующих конкретные, предметные имена). Ср. *возмутительная наглость* → *возмутительный наглец, замечательное пение* → *замечательная певица, удивительные лекции* → *удивительный лектор, редкая смелость* → *редкий смельчак*.

Если атрибуты второго порядка служат определением существительных, лишенных событийных коннотаций, то семантическая интерпретация такого сочетания требует обогащения значения имени функциональным или качественным компонентом значения. Так, *редкий человек* чаще всего прочитывается как 'человек редкой доброты или благородства'.

Получая возможность характеризовать имена конкретного значения (в частности имена лиц), атрибуты второго порядка, однако, проникают лишь в область определительных, но не предикативных синтаксических позиций. Это свидетельствует о том, что сочетаемость с конкретной лексикой вторична и возникла по аналогии с сочетаниями, опирающимися на событийное имя. Ср. *Эта наглость возмутительна; ее пение замечательно; его лекции были удивительны*, при некорректности: **этот наглец — возмутительный; *эта певица замечательная; *наш лектор удивителен*. В случае необходимости поставить коммуникативный акцент на определение, оно выделяется сред-

ствами актуального синтаксиса, но не может занять места грамматического сказуемого. Ср. *Певица она была замечательная; наглец он был возмутительный*.

Хотя атрибуты второго порядка образуют с конкретными существительными только определительные словосочетания, эти последние обычно выполняют в предложении предикатную, а не субъектную (идентифицирующую) функцию. Ср. *Нежданова была замечательная певица; Балалайкин был возмутительным лжецом*. Прилагательное в таких сочетаниях относится не к обозначенному именем денотату, а к его сигнификативному содержанию, чаще всего оказывая на него интенсифицирующее воздействие.

Прилагательные типа *удивительный, поразительный*, таким образом, получая возможность сочетаться с именами лиц и расширяя сферу своего функционирования, однако, не преобразуются полностью в предикаты первого порядка, характеризуемые отнесенностью к денотатам конкретных имен.

Итак, употребление пропозитивных номинаций в функции синтаксического субъекта может считаться первичным для глаголов психического воздействия. Однако обращает на себя внимание, что связь с событийным значением не у всех глаголов этой группы одинаково прочна.

Объединяя глаголы, рассчитанные на событийный субъект, анализируемая группа может быть подразделена на две количественно неравные категории: 1) глаголы собственно событийного типа, и 2) глаголы объектно-событийного типа.

Глаголы собственно событийного типа допускают в качестве своего субъекта обозначение любого — личного или безличного — события. Ср. *Капание воды (телефонные звонки, хлопанье дверей от ветра, скрип полов и пр. безлично-событийные факторы) раздражает меня; завывание ветра напугало детей; шум моря многих успокаивает*. К этой категории относится большинство глаголов психического воздействия: *раздражать, смущать, удивлять, изумлять, подавлять, забавлять, досаждать, огорчать, волновать, тревожить, развлекать* и др.

Возможность использования безличных и неопределенно-личных пропозиций в качестве субъекта глаголов этой группы с очевидностью свидетельствует о том, что их

субъектная позиция предназначена прежде всего для пропозитивных номинаций.

Как это ни парадоксально, возможность употребления в позиции подлежащего имен конкретно-предметного значения свидетельствует о «сильной» связи семантики глагола с событием. Выступая в функции субъекта, конкретная лексика служит окказиональным субститутутом пропозиции, не занимая в строе предложения отдельного, независимого от обозначения каузирующего события синтаксического места. Это легко подтвердить тем, что при личностном субъекте экспликация событийной причины естественна, а иногда и необходима. Ср. *Дети раздражают его своими бесконечными вопросами; Гости утомили нас разговорами.* При предметном субъекте заполнение каузальной позиции невозможно. Ср. некорректность следующих предложений: *Ножи раздражают меня своей тупостью. Ковры утомляют выбиванием их.* Таким образом, имени лица принадлежит в структуре этих предложений особое место, оно выделено в самостоятельную позицию. Имена предметов, напротив, занимают одно место с пропозицией, выступая как субститут этой последней. Ср. *Нож (тупость ножа, тупой нож) раздражает меня. Ковер (выбивание ковра) утомляет.*

Это объясняется тем, что предмет может восприниматься как причина события, но не как его виновник. Понятие ответчика применимо к лицам, но не к предметам.

Хотя имя лица при глаголах этой группы имеет тенденцию к получению самостоятельной синтаксико-семантической функции, ориентация их значения на объект не ярко выражена. Это подтверждается тем, что некаузативные глаголы, соотносимые с ними, избегают употребления с дополнением, указывающим на лицо-объект чувства. Ср. неловкость таких форм, как *радоваться на кого-либо, волноваться о ком-либо.* В целом дополнения при глаголах этого типа не имеют стабильной формы: *раздражаться на кого-либо, волноваться за кого-либо (о ком-либо), радоваться за кого-либо (кому-либо), смущаться (?), огорчаться (?)* и т. п. Не вполне устойчива и семантика личностного дополнения: *радоваться кому-либо, радоваться за кого-либо, не нарадоваться на кого-либо.*

Глаголы этой группы обозначают психическое состояние, вызванное вполне конкретным событием — агентивным или безличным, но не направленное на каузатора-

лицо, не перерастающее или не до конца перерастающее в интерперсональное отношение, устойчивое или переходящее.

К разряду объектно-событийных глаголов относятся прежде всего предикаты со значением каузации эмоций отрицательного плана: *гневить*, *сердить*, *злить*, *обижать* и под. Личностная направленность обозначаемых этими глаголами чувств отражает ситуацию желания выместить на ком-либо свое неудовольствие.

Чтобы сделать более очевидным различие между собственно событийными и объектно-событийными глаголами, представим себе следующее положение дел. Если посетителю подали в ресторане несъедобную отбивную, он может сказать «Отбивная вызвала у меня крайнее раздражение», но гнев его обратится против повара или официанта, а не против отбивной. «Отбивная рассердила (разгневала) меня» или «Я рассердился (разгневался) на отбивную» — едва ли корректные высказывания. Глаголы эмоционального состояния, соотносимые с названными каузативными глаголами, принадлежат к объектному типу и имеют стандартизованное дополнение: *сердиться*, *гневаться*, *злиться*, *обижаться на кого-либо*. Место объекта не может занимать при них имя предмета. Нельзя сердиться на пишущую машинку или гневаться на застрявший лифт. Такие глаголы семантически близки к интерперсональным.

В этом разряде, впрочем, выделяется группа глаголов, значение которых, имея прочную связь с объектом, ориентировано в равной степени на лицо или предмет: *восхищать*, *восторгать*, *поражать*. Эти глаголы допускают экспликацию причины и при личностном, и при предметном субъекте. Ср. *Мальчик поразил меня своей смелостью* и *Горы поражают своей величественностью*. Некаузативные корреляты этих глаголов объектны: *восхищаться кем/чем*, *быть в восторге от кого/чего*. Глаголы этого типа выражают более или менее устойчивое субъектно-объектное отношение, т. е. отношение лица к некоторому объекту — лицу или предмету.

Итак, состав глаголов психического воздействия неоднороден. Смыкаясь одним своим краем с межсобытийными предикатами, они другим своим флангом граничат с глаголами межобъектного типа, обозначающими отношение лица к другому лицу или, реже, предмету.

Паряду с логическими и качественно-логическими глаголами семантическим колебаниям, а следовательно, и альтернации имен лица и обозначений событий, подвержена часть интерперсональных глаголов, в первую очередь те из них, которые содержат в своем значении компонент рассудочной или эмоциональной оценки.

Часть интерперсональных глаголов открывает своей валентностью синтаксическую позицию для экспликации причины отношения. Обычно указание на причину вводится предлогом *за*. Ср. *Потомок служил в земстве. Был человек средний, тихий; в городе его уважали за несовкость выше других* (К. Петров-Водкин). Применительно к таким глаголам можно говорить о передвижении обстоятельства причины в позицию прямого дополнения. Ср. *Я уважаю его за его принципиальность* → *я уважаю его принципиальность*; *старик презирает их за мелочность и скупость* → *старик презирает их мелочность и скупость*. Приведенные предложения, впрочем, не всегда представляют собой семантические эквиваленты. Так, из высказывания *Я ненавижу ее болтливость* едва ли правомерно выводить суждение *Я ненавижу ее за болтливость*.

Отношение к «глобальной» личности не равноценно отрицанию, неприятию или, напротив, одобрению некоторых свойств человека. Замена имени лица обозначением его свойства при интерперсональных глаголах отражается на их семантике. Любопытно заметить, что не все глаголы межсубъектных отношений допускают «расщепление» личности, т. е. выражение отношения только к ее определенному аспекту, одному отдельно взятому свойству. Так, по-видимому, глагол *ненавидеть* обозначает отношение к целиком взятой личности, распространяющееся на человека как некоторое психо-физическое единство. Когда говорят *Я ненавижу твою медлительность (неловкость, леность и пр.)* глагол имеет другое значение, относится к иному по своей природе чувству.

Напротив, отношение, обозначаемое глаголом *нравиться* касается только определенного свойства личности. Ср. *Мне нравится его решительность (твердость, стойкость, мужество и пр.); мне в нем не нравится самоуверенность (нахальство, грубость и т. п.)*. Глагол *нравиться* в предло-

женщи *Эта девушка мне нравится* обозначает слабую степень любви, увлеченность, т. е. имеет другой смысл. Глаголы чувства, допускающие «разложение» личности на компоненты, тяготеют к событийной ориентации, так как обозначаемая ими эмоция (или эмоциональное отношение) связывается лишь с определенными проявлениями личности, которые не всегда перерастают в основание для вполне однозначного отношения к самой личности.

Если предложение, содержащее интерперсональный глагол выражает общее суждение, т. е. объект глагола имеет референцию к классу лиц, то замена имени класса обозначением свойства, создающего данный класс, не меняет значения предложения. Ср. *Не люблю невежд — не люблю невежества; презираю лентяев — презираю леность; уважаю благородных людей — уважаю благородство.*

Некоторые интерперсональные глаголы не имеют регулярной валентности для обстоятельства причины. Альтернатива имен лица и отвлеченных номинаций, следовательно, не связана в этом случае с перемещением имени из периферийной позиции в более центральную. Ср. *Я завидую ему — я завидую его таланту*, при некорректности **Я завидую ему за его талант*. Вытеснение личностного объекта событийным свидетельствует о том, что речь идет об «обезличенном», не направленном эмоциональном состоянии, а следовательно, и о сдвиге в семантике глагола: *завидовать чьему-либо таланту* значит «хотеть иметь талант, подобный тому, который имеет данное лицо». Чувство зависти в этом смысле, по-видимому, не предполагает дурного отношения к носителю желанного таланта. Глагол *завидовать* в этом втором значении не принадлежит к интерперсональному типу.

Таким образом, чередование имен лица и качественных номинаций при интерперсональных глаголах отражается на их значении.

К интерперсональным глаголам примыкают глаголы словесного выражения отношения: *шутить, глумиться, издеваться, изыматься, подтрунивать (над кем-либо), высматривать, высмеивать, позорить, осуждать, хвалить, превозносить, критиковать, унижать, льстить* и пр. Для этих глаголов первична личностная ориентация. Минимумом шуток, насмешек, издевок, подковырок и пр. бывают именно люди, а их свойства или поступки служат для этого лишь причиной (или поводом) и часто остаются

в высказывании неразъясненными. Ср. *Он всегда издевается над всеми.*

Рассматриваемая группа глаголов обозначает интерперсональные отношения, выражаемые словами или «символическими» поступками: такими, как соблюдение или несоблюдение конвенции, декорума, социального этикета. Приравненность символики поведения к «вербализованному» отношению раскрывается в следующем рассуждении одного из персонажей «Современной идиллии»: *Это быстрое появление и исчезновение очень больно укололи меня. Мне показалось, что в переводе на язык слов этот факт означает: я не должен был сюда приходить, но... пришел. Во всяком случае я хоть тем умалю значение своего поступка, что пробуду в сем месте как можно менее времени* и далее: *«Даже руки мне порядком на прощанье не пожал, а просто ручкой сделал, как будто говорил «готов я помочь, однако пора бы и тебе, Сахар Медович, понять, что знакомство твое — не ахти благодетельная такая!»* (М. Салтыков-Щедрин).

Глаголы анализируемой группы, в отличие от глаголов спонтанного аффективного отношения, обозначают сознательные, целенаправленные действия, цель которых состоит в том, чтобы нанести урон чьей-либо репутации, задеть человека, либо, напротив, возвысить его. Для них, поэтому, первичен личностный субъект. Случайность должна оговариваться специально. Ср. *Он невольно (нечаянно) задел (обидел) меня.* Хотя эти глаголы и включают в свое значение компонент целенаправленности, намеренности, инструментальная позиция при них обычно остается незаполненной. Это объясняется тем, что их семантика уже задает способ достижения цели, каковым является словесный акт. Поэтому, при этих глаголах вместо инструментального дополнения могут быть локальные уточнители. Ср. *издеваться в статье (выступлении).* Локальные уточнители, подобно инструментальному дополнению, могут передвигаться в позицию субъекта. Ср. *Его слова (статья, речь, выступление) больно укололи меня.*

Хотя обычно альтернация имен лица и пропозиции происходит только в субъектной позиции, возможны случаи, когда вытеснение личностных номинаций пропозитивными затрагивает оба приглагольных места. Ср. *Он уколол (задел) меня своим намеком — его намек уколол*

(задел) меня — его намек уколол (задел) мое самолюбие (мою гордость). Место объекта в подобных высказываниях занимает по-существу не пропозиция, а скорее указание на часть, компонент или аспект человека как психической личности. Ср. *Его слова ранили мою душу (сердце, совесть и пр.)*.

Несмотря на точки соприкосновения между интерсубъектными и межсобытийными глаголами, создающие возможность альтернации событийной лексики и названий лица, само это чередование развивается при них в противоположных направлениях: при «чистых» интерсубъектных глаголах позиции актантов предпозитивны прежде всего для имен лица, которые следует считать первичными по отношению к пропозитивным номинациям; в то время как при собственно логических предикатах (например, каузативной связке) позиции актантов предпозитивны в первую очередь для пропозитивных значений, т. е. соответствуют событийной лексике, которая в определенных условиях (если событие носит личностный характер) допускает замену антропонимами.

Выше были отмечены факты регулярного употребления событийных номинаций и антропонимов в одних и тех же синтаксических функциях при одних и тех же предикатах. Такое чередование подчиняется определенным принципам. Если глагол ориентирован на субъект, т. е. обозначает признак или действие субъекта, то чередование антропонимов и событийных номинаций происходит только в объектной позиции, поскольку значение глагола задает семантический тип субъекта. Ср. *Зрители восхищались Улановой (исполнением Улановой партии Жизель); мать гордится сыном (героическим поступком сына, героизмом сына)*. Если семантика глагола ориентирована на объект, т. е. в ней означены некоторые свойства объекта, то чередование пропозитивных и личностных номинаций допустимо только в субъектной позиции, поскольку смысл глагола задает семантический тип объекта. Ср. *Она встревожила меня / ее болезнь встревожила меня; Уланова восхищает зрителей / искусство Улановой восхищает зрителей*.

Если глагол допускает сосуществование в предложении имени лица и обозначения события, в первом случае пропозитивная номинация (она эксплицирует качества или действия объекта) чаще всего оформляется предло-

гами за или из-за (*учитель похвалил детей за хорошее поведение*), во втором случае пропозитивная номинация (она эксплицирует свойства или действия субъекта) занимает инструментальную позицию, переосмысляемую в каузальную (*дети обрадовали учителя своими успехами*).

Наконец, когда глагол не указывает своим значением на свойства актантов (субъекта и объекта), то чередование допускается обеими синтаксическими позициями. Ср. *Героизм отца повлиял на поступки мальчика — отец повлиял на мальчика; его инструкции помогли моей работе — он помог мне*.

* * *

В предшествующих строках было в очень общих чертах рассмотрено весьма неоднородное семантическое поле, границы которого образуют глаголы межсобытийного и интерсубъектного значений. В наши задачи не входило полное описание семантики и сочетаемости групп глаголов. Наша цель состояла в том, чтобы обратить внимание на некоторые семантико-синтаксические процессы, протекающие в этом смысловом ареале и приводящие к альтернации в одной синтаксической позиции антропонимов и пропозитивных номинаций. Эти процессы обусловлены такими явлениями, как перенос эмоций *ad hominem*, дифференциация понятий причины и объекта чувств, отчуждение от личности ее «идеальной продукции», переосмысление цели действия в его объект, сближение понятия класса предметов с понятием признака класса и др. Большинство названных явлений вызывает разные формы взаимодействия причинного и объектного значений, каждое из которых то приближается к глаголу, то от него отдаляется.

В заключение уместно напомнить, что механизмы синтаксиса тесно связаны с механизмами психики, и их изучение может пролить свет на некоторые вопросы, относящиеся к природе чувств и психических состояний — области, познанием которой человек во многом обязан языку.

Если бы мы теперь захотели дать определение тому значению, какое приобретают имена лиц, попадая в семантическое поле охарактеризованных групп глаголов, то, вероятно, правильнее всего было бы сказать, что это значе-

ние в субъектной позиции колеблется от указания на серию объективных (внешних) и субъективных (внутренних) событий, скрепленных единством агента до указания на виновника, несущего ответственность за свои акции.

Типы каузативных глаголов

Многие из рассмотренных выше межсобытийных глаголов, а также все глаголы, условно названные качественно-логическими, относятся к группе каузативов, т. е. включают в свое значение компонент каузации. Их анализ, поэтому, не был бы полным без обращения к некоторым общим вопросам, связанным с лингвистической категорией каузативности. Рассмотрение синтаксических механизмов каузации также позволит подойти с новой стороны к явлению взаимодействия имен лица и обозначений событий в структуре предложения и глубже понять его закономерности.

В некоторых теориях, в особенности в так называемой генеративной семантике, допускающей расщепление значения слова в синтаксическом анализе, все виды каузативных предикатов выводятся из единой глубинной структуры, в которой элемент *cause* соединяет имя лица или пропозицию с обозначением другой, каузируемой, пропозиции. К этой структуре сводят не только каузативные перифразы и глаголы, в которых каузативный компонент имеет выход в синтаксическую сочетаемость, но и так называемые скрытые каузативы: глаголы с «действующим» объектом (*кормить*, *поить*) и глаголы с предметным дополнением (*класть*, *ломать*, *зажигать*, *растягивать* и пр.)⁵⁶.

⁵⁶ Тенденция рассматривать переходные глаголы в ряду других каузативов, по-видимому, возникла в лингвистике под влиянием обсуждения проблем каузальности в философии. Факты, которые принято обозначать в языке переходными глаголами, иногда считаются в философии наиболее очевидными случаями отношений причинности. М. Блэк, например, в качестве парадигматического примера, эталона неоспоримой каузативной ситуации (*making something happen*) приводит процедуру выпивания стакана пива, каузирующую пиво «не быть» (или, если придерживаться закона сохранения материи, то быть в другом месте). См. *M. Black. Models and metaphors*. Ithaca, N. Y., 1962, стр. 157—158.

Семантическая деривация переходных глаголов, наряду с другими каузативными предикатами, из одной, общей для всех них, глубинной структуры, вызвала в последнее время ряд критических откликов, авторы которых указывали на семантическую и синтаксическую неэквивалентность переходных глаголов и аналитических каузативов, а следовательно, неединственность глубинного элемента *cause* ⁵⁷.

Д. Круз ⁵⁸ показал, что английские переходные глаголы (так называемые скрытые каузативы) существенно отличны в своем синтаксическом поведении от соответствующих им каузативных перифраз. Эти различия указывают и на различия в значении. Круз выделил три типа двуместных лексических каузативов: 1) глаголы каузации требованием (*causation by command*); 2) глаголы каузации непосредственным физическим действием; 3) глаголы каузации эмоций.

Глаголы первой группы имеют агентивный объект и агентивный субъект. Ср. *John marched the prisoners* Ни позиция субъекта, ни позиция объекта не могут быть замещены событийными именами, а также именем предмета. Ср. **The floods marched the prisoners. *John flew the sparks*. Соотносительная открытая каузативная конструкция однако допускает подобное употребление. Ср. *The floods caused the army to march. John caused the sparks to fly*.

Вторая группа глаголов имеет в качестве своего объекта имя, обозначающее неодушевленный предмет. Ср. *John turned the picture*. Поскольку речь идет о каузации прямым физическим действием, дополнение глагола не может быть выражено именем нематериального предмета. Ср. **John turned the shadow*. При открытом (перифрастическом) каузативе такое употребление не составляет отклонения от нормы. Ср. *John caused the shadow to turn*. Глаголы физической каузации не допускают также замены агентивного субъекта абстрактным именем, которая возможна при открытом каузативе. Ср. **The power failure*

⁵⁷ B. Hall Parlee. On the requirement that transformations preserve meaning. «Studies in linguistic semantics». N.Y., 1971, стр. 7—8. О семантических различиях между итальянскими синтетическими и аналитическими каузативами см.: Т. Б. Алисова. Указ. соч., стр. 102 и сл.

⁵⁸ B. A. Cruse. Указ. соч.

melted the ice и The power failure caused the ice to melt. Наконец, группа глаголов прямого физического действия не терпит никаких «посредников» в осуществлении каузации. Ср. *John opened the door by persuading Bill to turn the handle and push.

Глаголы каузации эмоциональных состояний также отличны от соответствующих перифраз. Предложение The doctor frightened Mary by giving her an injection имеет лишь одну интерпретацию, относящую испуг Мери за счет воздействия на нее врача (по не инъекции). Соответствующая этому предложению каузативная перифраза (The doctor caused Mary to become afraid by...) неоднозначна: кроме указанного прочтения, она допускает понимание, относящее состояние испуга за счет воздействия на организм Мери инъекции.

На примере анализа значения глагола to teach Д. Круз обосновывает также неспонимичность трехместных скрытых каузативов соответствующим им перифрастическим (открытым) каузативам. Автор приходит к выводу, что деривация скрытых каузативов из глубинной структуры с глаголом to cause потребовала бы расщепления этого последнего на три глагола каузации для двуместных каузативов и на четыре — для трехместных каузативов типа to teach.

Синтаксический анализ, целью которого является определение условий альтернативы *nomin a agentis* и пропозитивных номинаций, требует прежде всего отделения открытых каузативов от скрытых, или синтетических. В первом случае, независимо от того, идет ли речь об одном глаголе или глагольной перифразе, значение каузативности имеет «выход» в синтаксическую сочетаемость, обеспечивая возможность употребления в позиции подлежащего обозначения каузирующего события. Во втором случае каузативный компонент значения «блокирован» с обеих сторон. Глагол поэтому лишен возможности сочетаться с номинацией пропозитивного типа и не допускает альтернативы в субъектной позиции имен лиц и обозначений событий. Предложение *Мать накормила ребенка* не может быть преобразовано ни в предложение **Слова (уговоры, настояния) матери накормили ребенка*, ни в предложение **Мать накормила ребенка словами (уговорами, настояниями)*. Здесь язык неукоснительно следует принципу «словами сыт не будешь». Два реальных акта, осу-

ществляемых двумя разными лицами, представлены в приведенном предложении как одно событие, центром которого является предикат двойного механического действия.

Рассмотрим более подробно категорию скрытых каузативов. Эта группа может быть разбита на двухагентные и одноагентные предикаты. Двухагентные каузативы, содержат в своем значении указание на два события: *кормить* обозначает и 'давать пищу' (каузирующее событие) и 'принимать пищу (о другом агенте)'. Двухагентные каузативы соединяют между собою имена двух лиц — протагонистов двух событий. Ср. *Мать накормила ребенка*. Каузирующее событие, указание на которое присутствует в семантике глагола, осмысливается обычно в механическом плане. Поэтому, инструментальная позиция при глаголах этого типа, как отмечалось, не может заполняться указанием на способ морального воздействия. В ответе на вопрос *Чем кормить?* может фигурировать либо имя «орудия» кормления (*кормить с ложки, ложкой*), либо имя объекта (*кормить кашей*), причем более естествен второй ответ. Орудийная позиция, таким образом, не имеет строго фиксированной семантической функции.

Глаголы физического воздействия на предмет (одноагентные каузативы) хотя и могут быть отнесены к двухсобытийному типу с причинно-следственными отношениями между событиями, отличаются от предыдущей категории тем, что каузируемое событие скорее имплицитруется, чем обозначается глаголом. В семантику глагола входит обозначение сознательного, целенаправленного (реже нечаянного) действия и его цели. Если действие оказывается эффективным, то оба события осуществляются, если оно своей цели не достигает, то второе событие может остаться нереализованным.

Поэтому, если перфективные формы глагола обозначают два реализованных события, то имперфективные обозначают лишь действие и его цель. Ср. *Я ломал (гнул) прут, да не сломал (согнул); он откупоривал бутылку, да не откупорил*. Между тем глаголы типа *кормить* и в совершенном и в несовершенном виде неприменимы к ситуациям, в которых целевое действие остается нереализованным. Предложение *Петр кормил мальчика, да не накормил* может означать только, что

мальчик не наелся досыта, но оно не может значить, что мальчик не притронулся к пище, т. е. не осуществил каузируемого действия. Совершенно аналогично предложение *Друзья так и не напоили Андрея* означает, что Андрей сохранил трезвость, но предполагает, что он все же пил.

Некоторые прямо-переходные глаголы русского языка могут употребляться в том значении, которое обычно свойственно каузативным перифразам, разделяющим функции инициатора и исполнителя действия. Предложения *Он сшил себе новый костюм; Они выстроили себе дачу; Он вылечил (вставил) себе зубы; Мы сделали у себя ремонт* и пр. обычно не предполагают, что исполнителем действия было лицо, обозначенное в субъекте глагола. В этом случае одноактантная модель используется для обозначения двухагентной ситуации.

Итак, скрытые (двухагентные и одноагентные) каузативы содержат показатель межсобытийных отношений глубоко запрятанным в свое лексическое значение⁵⁹, вследствие чего логический элемент не может оказывать влияния на актантную рамку этих глаголов и ее возможные модификации. Иными словами, он лишен синтаксической релевантности.

Оба рассмотренных типа глаголов синтезируют в своем лексическом значении указания на два события (две акции, два предиката) и связывающие их отношения каузативности, оставляя за пределами своей семантики имена двух актантов — участников ситуации. Для глаголов первой группы это два лица. Для глаголов второй группы это лицо и предмет (или неактивное лицо).

Обратимся теперь к предикатам, в которых значение каузативности имеет внешний выход. Эта группа глаголов и глагольных перифраз неоднородна по своему семантическому объему.

Глаголы аффективного воздействия на лицо, анализ которых был дан выше, включают

⁵⁹ Обсуждая глубинную структуру английских переходных глаголов, Н. Хомский настаивает на том, что каузативность составляет их внутреннее лексическое свойство, а не «внешнюю» по отношению к каузируемому событию категорию. Для предложения *John grows tomatoes* Хомский предлагает глубинную структуру *John [+ cause, grow] tomatoes*, а не *John [+ cause] [tomatoes grow]*. См.: *N. Chomsky. Remarks on nominalization. «Readings in English transformational grammar», 1970, стр. 215.*

в свое значение указание на логическое отношение каузативности и каузируемое событие (предикат), оставляя за своими пределами обозначение каузирующего события (предикат) и двух актантов. Эти глаголы, таким образом, *т р е х в а л е н т н ы*. Ср. *Мальчик удивил Петю своим поведением*.

Глаголы воздействия на волю лица (*уговорить, упросить, приказать* и пр.) обозначают каузирующее событие (способ воздействия) и значение каузации, оставляя за своими пределами каузируемое событие и имена двух актантов. Они, следовательно, также *т р е х в а л е н т н ы*. Ср. *Волк уговорил Красную Шапочку отворить дверь*. При этих глаголах четвертая, инструментальная, позиция, предназначенная для обозначения каузирующего события, остается нереализованной или заполняется указанием на «образ действия», т. е. уточняет, определяет тот способ воздействия, на который указывает семантика глагола. Ср. *Он уговаривал девочку л а с к о в ы м г о л о с о м*. Глаголы типа *побудить, толкнуть на что-либо, удержать от чего-либо, заставить* обозначают только, или по преимуществу, значение каузации путем воздействия на волю лица, сознательного или непроизвольного. За пределами их семантики остаются обозначения обоих лиц и обоих событий. Эти глаголы в принципе *ч е т ы р е х в а л е н т н ы*. Ср. *Петя взглядом удержал мальчика от грубого ответа*. Позиция каузирующего события (первого предиката) остается в этой конструкции однако факультативной (ср. *взглядом*).

Семантически полной (хотя и недостаточно эксплицитной) является конструкция, в которой реализованы три валентности глагола: *Петя удержал мальчика от грубого ответа*. Эти глаголы отличаются от предыдущей группы (тип *уговаривать*) тем, что в их семантику не включено указание на способ воздействия, т. е. на каузирующий предикат.

Глаголы первого и третьего типов допускают альтернативу событийных и личностных номинаций в позиции субъекта, глаголы второго типа такого чередования не допускают. Ср. *Мальчик (голос мальчика) удивил меня; Волк уговорил Красную Шапочку открыть дверь; Петя (взгляд Пети) удержал мальчика от грубого ответа*.

Глаголы типа *обусловить* включают в свое значение только указание на каузацию одного целостного, нерас-

члененного события другим столь же целостным событием, не открывая отдельных синтаксических мест для агентов соответствующих действий. Ср. *Неукрепленность тыла обусловила поражение армии*. Глаголы этого типа д в у х в а л е н т н ы, но каждая их валентность характеризуется семантической емкостью.

Между глаголами перечисленных четырех категорий нет жестких барьеров. Например, глагол *вызывать* обычно употребляется по четвертому (межсобытийному) типу, не расчленяющему каузируемое событие. Ср. *Грубый голос «бабушки» вызвал подозрение Красной Шапочки*. Однако он допускает и «расщепленный» (двупозиционный) объект. Ср. *Грубый голос «бабушки» вызвал у Красной Шапочки подозрение*.

* * *

Приведенная схематическая картина позволяет обратить внимание на то, что большую роль в формировании каузативных отношений играют два фактора: момент совместности или раздельности выражения двух предикатов (*накормить — заставить поесть — уговорить поесть*) и фактор синтетического или раздельного (целостного — расщепленного) представления каждого события.

Первый из названных факторов связан с противопоставлением механического действия и психического воздействия, при котором происходит разграничение ролей «вдохновителя» (инициатора, побудителя) действия и его исполнителя и, соответственно, двух событий: акта побуждения и акта осуществления. Далее, двухглагольные каузативные конструкции могут быть разделены на такие, у которых коммуникативный центр заключен в глаголе, обозначающем ту или иную форму воздействия (*просить, приказывать, уговаривать, умолять* и пр.) и такие, у которых основной семантический вес принадлежит второму члену конструкции, обозначающему цель каузации. Последние, по мере десемантизации глагола побуждения, приближаются к аналитическому каузативу⁶⁰. В русском языке процесс десемантизации коснулся сочетаний с глаголом *заставлять*. Ср. *Эти доводы заставили*

⁶⁰ Проблематика, связанная с аналитическим каузативом, рассмотрена в кн.: В. П. Неделков. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1974.

меня одуматься. Словом сказать, опасность заставила нас окончательно позабыть, что нам предстояло только «годить», и по уши погрузила нас в самую гущу благонамеренной действительности (М. Салтыков-Щедрин); Это привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться (Н. Гоголь).!

Не менее существен для формирования каузативных конструкций фактор синтетического или расщепленного обозначения событий⁶¹. Это явление, важное для понимания многих построений, заключается в «экстракции» субъекта, получающего в строе предложения отдельную синтаксическую позицию. В основе его лежит схема предикативных отношений, разрывающих единство субъекта и предикатируемых ему атрибутов. Происходит увеличение синтаксических мест, образующих данную конструкцию, изнутри, за счет внутренних резервов.

Процесс раздвоения может коснуться обозначения как каузирующего, так и каузируемого события, хотя в том и другом случае он обладает определенной спецификой.

Расщепление субъекта на имя агента и обозначение его свойств или действий выносит это последнее в периферийную позицию, которая в принципе может остаться нереализованной. Конкретизация каузирующего события допускается семантикой глагола, но не занимает в предложении центрального места. Ср. *Ее отказ вынудил его уехать* → *Она вынудила его уехать своим отказом* → *Она вынудила его уехать*. При расщепленном обозначении каузирующего события предикат обычно сохраняет при себе показатель агента. Ср. *Она мучает всех с в о е й мнительностью*. Выделение агента в особую синтаксическую позицию, таким образом, не оставляет лакуны в обозначении события: его место занимает возвратное местоимение.

Раздвоение каузирующего события имеет своим следствием чередование в позиции подлежащего имени лица и пропозиции или событийной лексики. Субъект-лицо предполагает расщепленную (двупозиционную), субъект-пропозиция — целостную (однопозиционную) номинацию события.

⁶¹ О расщеплении валентностей см.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 153—156.

Наряду с расщеплением субъектной номинации для каузативов характерен синтаксический разрыв при обозначении каузируемого события. Субъект действия как бы выделяется из события и приобретает в строе предложения обособленную (причем двойную — объекта воздействия и субъекта действия) функцию. Предикат каузируемого события в русском языке обычно выражается инфинитивом. Обе позиции являются обязательными. Опускание инфинитива обычно ощущается как контекстуальный эллипсис. При инфинитиве отсутствует показатель субъекта. В английской лингвистической традиции сочетание инфинитива с дополнением управляющего глагола принято называть *complex object*. Ср. *I made him drink some water* 'Я заставил его выпить немного воды'.

Предпочтение, отдаваемое каузативными конструкциями личностному объекту, свидетельствует об их промежуточном положении между *интерсубъектными* и *межсобытийными* глаголами. Замещение позиции каузатора именем лица усиливает их сходство с *интерсубъектными* глаголами. Напротив, употребление в этой функции имени нерасчлененного события или пропозиции сближает их с *межсобытийными* глаголами.

В целом формирование каузативных конструкций во многих европейских языках представляет собой яркий пример постоянного перекрещивания *интерсубъектной* и *межсобытийной* каузации, понятий лица-причины и события-причины, воздействия на лицо и прямой каузации события.

Для образования каузативов существенны: 1) тенденция к разделению двух событий — акта воздействия и акта осуществления и двух «амплуа» — инициатора и исполнителя (при действующем объекте); 2) тенденция к противопоставлению события-причины и события-следствия (при событийном субъекте); 3) тенденция к стяжению перифразы в аналитический эквивалент переходных глаголов (при предметном дополнении). Наряду с этими профилирующими тенденциями в общую картину развития каузативных конструкций могут входить и более частные противопоставления. Так, в испанском языке употребление возвратного каузатива от непереходных глаголов служит различению невольного, нечаянного действия и сознательной, преднамеренной акции. Ср. *El saúbo en la hierba*

‘Он упал на траву’ и *El se dejó caer en la hierba* ‘Он бросился на траву’.

Попробуем теперь свести воедино обрисованную выше картину каузативных отношений ⁶². С точки зрения участия в каузативных отношениях лиц и событий могут быть выделены следующие типы глаголов, в семантику которых включен компонент каузативности: 1) классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями (*обусловить, привести к..., вызвать*); 2) личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого (*уговаривать, просить*); 3) личностные каузативы, представляющие событие как непосредственный результат действия некоторого лица (*сделать так, чтобы*); 4) событийные каузативы, представляющие событие как результат воздействия некоторой ситуации (личной или безличной) на агента действия или состояния (*дождь вынудил нас вернуться домой*); 5) «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие, как стимулированное некоторым лицом (*ободрять, убеждать*); 6) «двуличные» каузативы, представляющие связь двух агентивных событий механического действия (*кормить*); 7) событийные каузативы, представляющие некоторое психическое событие как стимулированное агентивным или безличным событием (*раздражать, успокаивать*); 8) личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий — агентивного и безагентного (*гнуть, ломать*).

Перечисленные типы глаголов, как отмечалось выше, в одних случаях включают в свою семантику обозначение обоих событий (*кормить*), в других — одного (каузирующего — *уговаривать*, каузируемого — *радовать*), в третьих — ни одного (*обуславливать*). Вхождение в значение глагола указания на одно из событий исключает чередование в соответствующей позиции имен лица и пропозиций.

⁶² Более полное освещение типов каузативных отношений и способов их выражения в русском языке дано в кн.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». М., 1969, стр. 16—17. — Ср. иную систематизацию каузативных глаголов в работе: Г. Г. Сильницкий. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореф. докт. дисс. М., 1974.

Рассмотрение глаголов, в значение которых входит компонент каузации, позволяет прийти к следующему заключению: многоместные предикаты естественных языков не могут быть с точностью разбиты на логические порядки, поскольку в качестве их аргументов могут одновременно фигурировать как предметные, так и абстрактные (событийные) понятия. Такие глаголы реализуют по отношению к каждому аргументу подобающее его рангу значение — логическое по отношению к событию, качественное по отношению к предмету (лицу), увязывая в общий узел аргументы разных семантических типов.

Логическое правило, согласно которому непосредственные отношения могут соединять между собой только однотипные (однопорядковые) аргументы, т. е. либо имена предметов, либо имена событий, но не предметные и событийные понятия, к предикатам естественных языков, которые могут быть семантически неоднородны, неприменимо.

Наличие такого рода двойственных предикатов чрезвычайно затрудняет различение семантически простой и семантически сложной пропозиции, т. е. пропозиции одного и двусобытийного типа.

Значение причинности, обычно выполняющее функцию периферийного (устраимого) члена предложения, соотносимого с пропозицией, при каузативных глаголах передвигается в более центральное положение обязательных приглагольных аргументов. Отношения, вообще говоря, характеризующие сложное предложение, внедряются в семантику предиката, преобразуя обстоятельство причины (соотв. придаточное причинное) в дополнение или подлежащее. В предложении *Я восхищаюсь его героизмом (тем, что он герой, тем, какой он герой)* «его героизм» составляет не только причину (стимул) восхищения, но и «содержание» эмоции. Причина поэтому не может рассматриваться по отношению к глаголам психического состояния и эмоционального воздействия как нечто внешнее⁶³. Ее роль здесь иная, сравнительно с причиной «объективных» событий. Это особенно хорошо видно, когда, передвигаясь в положение объекта при глаголах эмоций

⁶³ Т. Б. Алисова справедливо вносит в структуру простого предложения (собственно, простой пропозиции) функцию объекта-причины предикатов психической реакции. (Т. Б. Алисова. Структу-

(обычно эмоций, обращенных в будущее, связанных с будущими событиями), каузальная пропозиция начинает выполнять роль изъяснительного придаточного, а сам глагол чувства получает значение оценочного суждения, т. е. семантически сближается с глаголами интеллектуальной деятельности, выполняя в предложении роль эксплицитного модуса (ср. глаголы *надеяться*, *опасаться*, *бояться*), например: *Я боюсь войны — Я боюсь, что будет война — Боюсь, что будет война — Война, боюсь, будет — Война будет, боюсь*. Изменение значения выявляется, между прочим, в способности глагола сочетаться с придаточным в прошедшем времени: *Боюсь, что война уже началась*.

Если аффективные глаголы обнаруживают тесную связь с причиной-содержанием, а понятие цели для них нерелевантно в той мере, в какой речь идет о спонтанных переживаниях или непроизвольной каузации эмоций (ср. невозможность вопросов типа **Для чего ты рад?* или **Для чего ты восхищаешь нас?*), то сознательные агентивные действия, напротив, прежде всего характеризуются целенаправленностью, вследствие чего обозначающие их глаголы более тесно связаны с обстоятельством цели, нежели причины. Для этих глаголов типично передвижение в центральную позицию (т. е. в позицию семантически необходимого члена предложения) обстоятельств цели. Подобно тому, как причина эмоций одновременно составляет их наполнение, цель сознательной акции может сблизиться с ее содержанием (ср. *хлопотать о получении пенсии*).

Глава третья

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ

Референция и проблема существования

Прежде чем говорить о логико-синтаксических отношениях, организующих структуру предложения, необходимо коснуться общих понятий теории референции.

Проблемы референции, т. е. отношения имени к объекту, им называемому, занимали ученых — философов, логиков и лингвистов — с очень давних времен. Можно ли выносить истинное суждение о несуществующем предмете — этот вопрос уже с древности сделал референцию проблемой логики и философии. Референтность субъекта (принцип предметности, опирающийся на предпосылку существования) составляет одно из условий истинностной оценки суждения. Если имя, представляющее субъект, не соотнесено ни с каким предметом действительности, то суждение вынесено не о чем; оно, следовательно, в принципе не может быть истинным (о парадоксе существования см. в гл. IV «Отношения экзистенции»).

В основе современной теории референции лежат идеи денотации Б. Рассела¹. Б. Рассел четко разграничил имена собственные и дескрипции. Имя представляет собой простой (полный) символ, способный выполнять только функцию субъекта суждения. Имя обозначает индивидуальные предметы и его значение столь же неповторимо. Оно может быть охарактеризовано как *individual* или *particular*. Имя, употребленное с целью идентификации объекта, всегда референтно, т. е. осуществляет по отношению

¹ *B. Russell. On denoting.* — В кн.: *B. Russell. Logic and knowledge.* London, 1956; *Он же. Introduction to mathematical philosophy.* 2-nd ed. London, 1920, гл. 16. *Descriptions* (цит. по кн.: «Semantics and the philosophy of language». Urbana, 1952).

к нему функцию субституции. Кроме имени собственного эту функцию выполняют денотативные выражения. Под денотативными (называющими) выражениями, или дескрипциями, Рассел имеет в виду имена нарицательные и именные словосочетания типа *человек, этот человек, каждый человек, любой человек, теперешний король Англии, нынешний король Франции, центр солнечной системы в первое мгновение XX века, вращение Земли вокруг Солнца, вращение Солнца вокруг Земли* и др. Такого рода выражения следует считать обозначающими (именующими) в силу своей формы. Они могут называть один вполне определенный предмет. Ср. *теперешний король Англии*. В этом случае денотативные фразы являются определенными (единичными, индивидуальными) дескрипциями формы the so-and-so. Последние, имея значение, могут не относиться ни к какому реальному предмету. Ср. *нынешний король Франции*.

Многие денотативные фразы допускают отнесенность к разным предметам, Ср. *человек, лиса, цветок*. Знаки этого типа являются неопределенными дескрипциями. Они имеют форму a so-and-so.

Основным в своей теории денотации Рассел считает принцип неполнозначности дескрипций, позволяющий отличить их от собственных имен. Денотативные фразы, по Расселу, представляют собой неполные символы. Они никогда не имеют значения сами по себе, но каждая пропозиция, в словесное выражение которой они входят, наделена значением². Это положение Рассел иллюстрирует следующим примером. В предложении I met a man 'Я встретил человека' имеется в виду встреча с определенным лицом, но утверждается иное. Это предложение включает концепт, соответствующий неопределенной дескрипции 'человек'. Даже если бы предложение включало имя, лишенное референта или вовсе неспособное его иметь, например, речь шла бы о встрече не с человеком, а с единорогом, то и такое высказывание сохраняло бы осмысленность и понятность для носителей языка. Поскольку предложение *Я встретил единорога* значимо, хотя и ложно, пишет Рассел, очевидно, что пропозиция, при правильном ее анализе, не содержит в качестве своего конституента указания на предмет, соответствующий «единорогу», а лишь

² B. Russell. On denoting, стр. 43.

выражаемый этим словом концепт³. Имя, поэтому, входит в пропозицию не как символ (субститут) конкретного предмета.

Из сказанного следует, полагает Рассел, что предложения *Я встретил Джонса* и *Я встретил (одного) человека*, хотя и сходны по своему грамматическому строению, имеют различную логическую структуру вследствие того, что имя *Джонс* является полным символом, замещающим конкретный объект, а имя *человек* принадлежит к категории неполных символов. Первое из приведенных выше высказываний называет определенное лицо, второе включает пропозициональную функцию и должно прочитываться следующим образом: „I met x , and x is human“ не всегда ложно (по крайней мере один раз истинно)». Если предикат 'встретил' обозначить символом C , то предложению можно придать следующую логическую запись „ $C(x)$, and x is human“ не всегда ложно». Неопределенная дескрипция а тем самым утрачивает самостоятельное, независимое от пропозиции значение. Таким образом, пропозиция, утверждающая, что а so-and-so, или Sx , обладает свойством A , не имеет формы Ax . Если бы это было так, то а so-and-so (неопределенная дескрипция) идентифицировалось бы с x (денотатом дескрипции), что явпо неверно в случае нереферентных дескрипций. Утверждение типа «предмет, имеющий свойство C , наделен свойством A » означает: «конъюнкция утверждений Sx и Ax не всегда ложна»⁴.

Тем самым вопрос о нереферентном употреблении имен был сведен к вопросу об истинностном значении предиката (пропозициональной функции), т. е. об истинном или ложном употреблении концепта, соответствующего неопределенной дескрипции.

В логической записи денотативные выражения раздвигаются: денотат обозначается переменной, а их смысл выносится по отношению к денотату в предикативную позицию, участвуя тем самым в формировании общего содержания высказывания.

Определенные дескрипции отличаются от неопределенных только импликацией единичности референта. Природа определенных дескрипций двойственна. Это одновре-

³ B. Russell. Introduction... стр. 168.

⁴ Там же, стр. 171.

менно и символы и индексы (по Пирсу). Их иногда так и называют индексальными символами (indexical symbols). Они имеют смысл и вместе с тем, подобно собственным именам, относятся только к одному предмету. Напомним, что Ш. Балли с полным основанием называл такого рода выражения речевыми именами собственными.

Многие определенные дескрипции самим своим смыслом предполагают уникальность референта. Говоря, например, *отец Карла II*, мы не только утверждаем, что *x* имеет определенное отношение к Карлу II, но и что ничто другое не находится к Карлу II в таком же отношении. Иначе говоря, «если *y* не тождественен *x*, *y* не отец Карла II» и «если *y* отец Карла II, то *y* тождественен *x*»⁵. Определенные дескрипции обозначаются формулой ($1x$) (qx), которая прочитывается как «единственный *x*, обладающий свойством *q*». Входящий в приведенную формулу символ *1* называется йота-оператором, или оператором дескрипции.

Итак, суть теории дескрипций Рассела состоит в выделении из денотативных фраз значения, которое предиктируется к переменной (ср. *человек* = *x* and *x* is human). Это позволяет удалить дескрипции из именных позиций (прежде всего из позиции субъекта), заменив их переменными. Так, утверждение *Автор „Ваверлея“ — человек* должно прочитываться следующим образом: «Один и только один объект написал „Ваверлея“, и этот объект принадлежал к роду человеческому (One and only one entity wrote Waverley and that one was a man)»⁶.

Теперь видно, замечает Рассел, что денотативная фраза *автор «Ваверлея»* лишена значения, так как в полном логическом выражении пропозиции она уже не фигурирует.

Рассел считает, что предложенная им теория избегает ряд трудностей, возникающих в связи со взглядом на денотативные выражения как на истинные конституенты пропозиции, замещающие соответствующие объекты. Эти трудности касаются интерпретации предложений с нереперентными именами в своем составе. Решение Рассела позволяет, кроме того, избежать ряд парадоксов (парадокс взаимозаменяемости, парадокс суждений о несуществовании).

⁵ B. Russell. On denoting, стр. 44—45.

⁶ B. Russell. Introduction..., стр. 177.

Остановимся более подробно на вопросе о предложениях с нереферентной дескрипцией в функции субъекта. Напомним, что Рассел проводит принципиальные различия между собственными именами и определенными дескрипциями. Только первые, по Расселу, могут встречаться в качестве субъекта предложений, обладающих субъектно-предикатной формой. Логически собственные имена незначимы до тех пор, пока нет единичного предмета, который они замещают в предложении, поскольку их значение и есть тот предмет, к которому они отнесены.

Между тем определенная дескрипция, не относящаяся ни к какому предмету, не теряет от этого способности к употреблению.

Если субъектом предложения является определенная дескрипция, а не имя собственное, то логический анализ предложения не может быть ограничен одной пропозицией. Так, предложение *Автор „Ваверлея“ был шотландцем* должно логически анализироваться как конъюнкция из трех пропозиций: 1) по крайней мере один человек написал „Ваверлея“ (утверждение о существовании референта дескрипции); 2) только один человек написал „Ваверлея“ (утверждение единичности референта дескрипции); 3) кто бы ни был автором „Ваверлея“, он был шотландцем (утверждение тождества).

Это положение дает ключ к решению проблемы логического содержания предложений с нереферентным субъектом. Грамматическая структура предложений типа *Король Франции лыс* не соответствует их логической структуре. Прежде чем обсуждать вопрос об их содержании, следует придать им логически правильную форму.

Рассел представляет содержание предложения *Король Франции лыс* в виде конъюнкции из трех пропозиций: 1) существует король Франции; 2) есть только один король Франции; 3) нет никого, кто бы был королем Франции и не был бы лыс. Как говорилось, Рассел расчленял предложения с субъектом-дескрипцией на экзистенциальную пропозицию, пропозицию единичности предмета и пропозицию субъектно-предикатного типа, утверждающую наличие в индивиде некоторого свойства. Рассел полагал, таким образом, что определенная дескрипция скрывает за собой истинную пропозицию о существовании и единичности предмета (a true uniquely existential proposition). Если одна из пропозиций, составляющих

смысл приведенного предложения, ложна, то и все предложение, по мнению Рассела, следует признать ложным.

Решение Рассела было оспорено Стросоном⁷ уже с позиций Оксфордской школы, учитывающей в оценке логического содержания высказывания прагматический фактор и отличающей предложения от употребления предложений разными лицами с разными коммуникативными намерениями. П. Стросон, в отличие от Рассела и других представителей логического анализа, считал, что значение есть функция предложения как типа, а истинность и референция есть функции употребления данного типа. Вопрос о наличии у предложения значения решается безотносительно к его употреблению и не имеет ничего общего с проблемой истинности предложения⁸.

Четко разделяя значение и употребление предложения, Стросон вместе с тем подчеркнул и различие между ложными и бессмысленными предложениями (см. подробнее в гл. II «Закономерности формирования семантической структуры предложения»). Рассел, по мнению Стросона, смешал выражение и употребление в выражении, т. е. значение и референцию, полагая, что значение выражений и есть тот конкретный предмет, который они называют.

Предложение, подчеркнул Стросон, получает истинностное значение, только если оно сказано о чем-либо. Если оно не относится ни к чему, то имеет место псевдоупотребление, при котором предложение вообще лишено истинностного значения. За фразой *Король Франции мудр*, — пишет Стросон, — не может последовать реакция опровержения (например, реплика *Это неправда*). На прямой вопрос *Так ли это?*, адресат вероятнее всего ответит указанием на неуместность самого вопроса. Всякое предложение, замечает Стросон, имплицитно предполагает существование лица или предмета, названного или обозначенного его субъектом. Однако это импликация особого рода, отличная от импликации, лежащей в основе логического вывода. Различие состоит в том, что презумпция существования некоторого индивида и его уникальности не входит в сообщаемое, т. е. не составляет части коммуникативно значимой информа-

⁷ P. F. Strawson. On referring. «Philosophy and ordinary language». Ed. by Ch. E. Caton. Urbana, 1963.

⁸ P. F. Strawson. Указ. соч., стр. 171.

тип предложения. Отсюда вытекает следующая важная характеристика референции: «Референция не то же, что утверждение, хотя к ней прибегают с целью перейти от нее к утверждению» («To refer is not to assert though you refer in order to go on to assert») ⁹.

Итак, область референции противостоит утверждаемому, коммуникативно значимому содержанию высказывания ¹⁰. Ошибка Рассела, по мнению Стросона, состояла в том, что он не разграничил эти области семантической структуры предложения, поставив в один ряд ассертивное содержание высказывания с экзистенциальным суждением и утверждением единичности предмета. П. Стросон опирался здесь на мысль, высказывавшуюся уже ранее Г. Фреге. Идея Г. Фреге состояла в следующем. Суждение *Кеплер умер в нищете* основывается на предпосылке (*Voraussetzung*), что имя *Кеплер* обозначает некоторый денотат. Эта предпосылка не входит, однако, в смысл высказывания. «То, что имя *Кеплер* обозначает нечто, — пишет Фреге, — образует предпосылку как для утверждения *Кеплер умер в нищете*, так и для отрицания этого факта» ¹¹. Если бы предложение *Кеплер умер в нищете* включало в свое значение мысль о том, что имя *Кеплер* обозначает некоторый предмет, то его отрицательная форма имела бы не вид *Кеплер не умер в нищете*, а прочитывалась бы как *Кеплер не умер в нищете, или имя 'Кеплер' не имеет референта*. В языке встречаются выражения, замечает Фреге, предвосхищая изложенные выше идеи Рассела, которые не обозначают никакого предмета, хотя их грамматическая форма как будто свидетельствует об их референтности. Для того, чтобы они стали референтными, необходимо, чтобы предварительно была установлена истинность другого суждения. Так, наличие референта у выражения *тот, кто открыл эллипсоидную форму орбиты движения планет* зависит от истинности предложения

⁹ P. F. Strawson. Указ. соч. стр. 179.

¹⁰ Позднее, критикуя Рассела с тех же позиций, Дж. Сирль заметил, что если бы он нанес пощечину Х'у, никто не стал бы думать, что она адекватна утверждению о существовании Х'а, хотя несомненно, что существование Х'а необходимо как для «успешной» пощечины, так и для успешной референции (J. Searle. *Speech acts*. Cambridge, 1969, стр. 160).

¹¹ G. Frege. *On sense and reference*. «Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege». Oxford, 1952, стр. 69.

Был некто, кто открыл эллипсоидную форму орбиты планет.

Позднее стало принято говорить о пресуппозициях сообщения (этот термин был использован при переводе нем. *Voraussetzung* 'предпосылка' на английский язык), в частности экзистенциальной пресуппозиции и пресуппозиции единичности. Таким образом, обсуждение истинностного значения предложений с нереферентным субъектом имело своим следствием формирование важного для понимания семантической структуры предложения понятия пресуппозиций сообщения¹². Различение двух областей значения предложения привело Стросона к мысли о необходимости формулирования двух типов правил, необходимых говорящему для того, чтобы построить корректное высказывание: 1) правил референции и 2) правил предикации (*rules for attributing and ascribing*). Правила первого типа связаны с вопросом «О чем вы говорите?», правила второго типа должны помочь ответить на вопрос «Что вы говорите об этом?»

Итак, Стросон обратил свою критику против следующих двух положений Б. Рассела. Б. Рассел, по его мнению, ошибочно полагает, что утверждение «Нынешний король Франции мудр» и утверждение «Одно и только одно лицо является в настоящее время королем Франции» находятся в отношениях логического вывода. Рассел неправ также, думая, что делая первое утверждение, говорящий одновременно утверждает и вторую пропозицию¹³. Разногласие Рассела и Стросона сводится к вопросу о том, следует ли связывать значение истинности с пропозицией или утверждением пропозиции (*statement*). Выделение в содержании высказывания области пресуппозиций и области утверждаемого, предложенное Стросоном, представляет собой шаг к созданию логики утверждений и установлению разных типов логических отношений между предложениями обыденного языка, идея, которая нашла более полное выражение в работах Дж. Остина (см. в гл. I).

Таким образом, если Рассел, стоя на позициях философии анализа, изучал и оценивал определенный класс пропозиций, то Стросон, принявший исходные положе-

¹² Подробнее см.: *Н. Д. Арутюнова*. Понятие пресуппозиции в лингвистике. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1973, № 1.

¹³ Анализ контраргументы Стросон — Рассел. см.: *L. Linsky*. Refering. N. Y., 1967, стр. 85—100.

ния философии обыденного языка, направил основное внимание на употребление предложений в разных коммуникативных целях. Взгляды Рассела и Стросона, поэтому, не являются взаимоисключающими.

То направление логики-философской мысли, которое видело в предложении прежде всего имя события, признавая существенными для оценки его логического содержания только два фактора — действительность и то, как она отражена в предложении, считало ложной всякую пропозицию, не соответствующую реальности. Напротив, те ученые, которые, сосредоточив свое внимание на речевом узусе, подходили к высказыванию с учетом его речевого контекста (П. Стросон, Дж. Остин, У. Куайн, Дж. Сирль и др.), считали истинностное значение свойством предложений, удовлетворяющих нормальным условиям коммуникации. Поэтому предложения с ошибочными пресуппозициями рассматривались ими как пустые (void) или образующие «истинностный пробел» (truth-value gap, по Куайну). Иногда таким предложениям приписывалось «третье» или «нулевое» истинностное значение. Оценка логического содержания предложений определялась тем, какой из его аспектов — номинативный или коммуникативный — принимался за доминанту.

Подводя итоги дискуссии, стимулированной его статьей о референции, П. Стросон отметил, что выбор позиции в этом вопросе всецело зависит от общей концепции предложения, а также от того, к какому материалу прилагается та или другая теория. П. Стросон указал, в частности, что предложения с нереферентным субъектом (темой сообщения) удобнее считать лишенными истинностного значения, в то время как предложения с нереферентным выражением в составе предиката естественнее рассматривать как ложные¹⁴. Так, например, предложение *Король Франции осмотрел выставку* можно считать пустым, а его пассивную форму *Выставка была осмотрена королем Франции* — ложным высказыванием. Для того чтобы дать логическую оценку высказывания, необходимо, следовательно, выявить его тему (субъект).

Поскольку одно и то же высказывание, в том числе и расселовское сообщение о лысом короле Франции, может

¹⁴ P. F. Strawson. Identifying reference and truth values. «Semantics». Cambridge (Mass.), 1971, стр. 98—99.

быть сказано с разными намерениями, нужна специальная методика, выявляющая коммуникативное задание высказывания. Стросон предлагает использовать с этой целью метод транспозиции высказывания в косвенную речь. Так, сообщение о лысом короле Франции может быть передано следующими способами: 'Он говорил о том, кто из знаменитых современников лыс' и 'Он говорил о том, как выглядит король Франции'. Если нереферентное выражение (т. е. *король Франции*) сохраняется при такого рода перифразировках, то оно относится к теме сообщения. В этом случае предложение следует считать беспредметным. Если же, как в первом из приведенных толкований, нереферентное выражение оказалось устраненным из косвенной речи, то исходное предложение должно рассматриваться как ложное.

Итак, высказывание *Король Франции лыс* может, по Стросону, быть в зависимости от того, в какой связи оно было произнесено, и беспредметным (пустым), и ложным¹⁵.

Поставив логическую оценку содержания высказывания с нереферентными выражениями в своем составе в зависимость от коммуникативного задания. П. Стросон сделал шаг в направлении к прагматизации теории референции.

Тенденция к введению прагматического фактора в теорию референции с особенной яркостью проявила себя в доктринах речевой деятельности и речевого акта, разработанных в русле идей покойного профессора Дж. Остина, а также под влиянием семантических концепций Г. Грайса, внесшего понятие намерения в самое определение значения и сформулировавшего понятие «значения говорящего» (*utterer's meaning*)¹⁶. Учет прагматической стороны, т. е. переход от категорий языка к категориям речи, ведет к расщеплению многих языковых понятий на две разновидности, одна из которых определяется по отношению к говорящему, а другая по отношению к адресату сообщения, а также к распределению языковых категорий по их большей связи с автором или адресатом речевого акта (ср. *speaker's*, или *user's*, *based* и *hearer's based*

¹⁵ P. F. Strawson. Identifying reference and truth values. «Semantics», стр. 98 — 99.

¹⁶ H. P. Grice. Utterer's meaning and intention. «Philosophical review», 1969, vol. 78, N 2, стр. 147—177.

categories). В определение всех категорий, соотносимых с говорящим, а таких, естественно, большинство, вносится понятие коммуникативного намерения. Включившись в сферу, центром которой является автор речи, референция также была интерпретирована как одно из проявлений интенции. Уместно заметить, что уже Рассел вполне определенно связал референцию именно с говорящим субъектом, назвав определенные дескрипции *egocentric particulars*.

Приводя необходимые и достаточные условия для осуществления единичной референции, Сирль называет в их числе такие, как: говорящий намерен, чтобы дескрипция идентифицировала предмет *x* для адресата сообщения (условие 5), говорящий намерен, чтобы дескрипция идентифицировала *x* для адресата речи, благодаря тому, что этот последний поймет намерение говорящего идентифицировать предмет *x*, причем автор намерен, чтобы адресат узнал его намерение, прибегнув к своим знаниям правил построения дескрипции и сведениям о контексте (условие 6)¹⁷. Условия Дж. Сирля создают бесконечный рикошет взаимных узнаваний намерений, своего рода дурную бесконечность, образуемую двумя стоящими друг против друга зеркалами. Отношение «намерение — узнавание намерения», призванное учесть экзотические ситуации речи — намеки, обиняки, мистификации, розыгрыш и пр., без нужды усложняет картину референции, поскольку момент сознательности, намеренности, целенаправленности в той же степени характеризует референцию, как и все прочие слагаемые высказывания (если оставить в стороне обмолвки и случаи маскировки подлинного намерения) и может, следовательно, быть вынесен за скобки. Один из критиков теории референции Дж. Сирля отмечает, что «важная идея (*insight*) референции как интенционального акта не должна скрыть от нас не менее важный факт существования чисто языковых конвенций, которые способны взять верх (*override*) над частным намерением говорящего»¹⁸.

¹⁷ J. Searle. Указ. соч., стр. 94—95. — Оба эти условия совершенно аналогичны определению «значения говорящего», сформулированному Грайсом.

¹⁸ St. Boer. On Searle's analysis of reference. «Analysis», 1972, v. 32, N 5, стр. 157.

Выше отмечалось, что Б. Рассел привлек внимание логиков к определенным дескрипциям, их значению и роли в предложении. Позднее было обращено внимание на то, что выделенная Расселом категория определенных дескрипций семантически негомогенна. Логики стали различать референтное, атрибутивное и гипотетическое употребление определенных дескрипций.

При референтном употреблении дескрипция относится к предмету, известному собеседникам. Называя Людмилу *Руслановой подругой, невестой Руслана, пленницей Черномора, Руслановой супругой*, Пушкин относил все эти определенные дескрипции к своей героине, уже представленной им читателю. При референтном употреблении определенной дескрипции она дает адресату речи инструкцию для выбора из поля доступного его знанию и восприятию мира лица или предмета, о котором делается сообщение. Она является не более, чем орудием для выполнения некоторой подсобной, вспомогательной задачи. Именно в этом случае говорящий может пользоваться разными определенными дескрипциями, не внося этим изменений в значение предложения. Ср. *Отец Андрея (старший брат моей матери, начальник Ивана) уехал в командировку*. Выбор идентифицирующей дескрипции зависит от тех сведений, которыми располагает адресат речи, от ситуации речи, социальных норм и др. Непосредственный смысл определенной дескрипции не существен для содержания высказывания. Независимо от того, какую из приведенных выше перифраз мы выберем для обозначения Людмилы, сообщение о том, что она «чувствительна, скромна, любви супружеской верна, немного ветрена... так что же? еще милее тем она» сохранит истинность.

При атрибутивном употреблении определенная дескрипция относится к неизвестному объекту, существование и единичность которого имплицитруется событием. Можно говорить об авторе анонимного письма, убийце Кеннеди, водителе машины, свалившейся в кювет, не будучи в состоянии идентифицировать этих лиц. Говорящий, называя их, обычно не стоит перед выбором дескрипции. Она достаточно однозначно имплицитруется предикатом сообщения о событии, из которого она выводится применением йота-оператора, или оператора дескрипции.

Йота-оператор, выводя обозначение предмета из предиката, в большой степени определяет возможности разных номинаций в тексте одного лица или предмета.

Вполне естественно, что чем меньше известно говорящему и его адресату об идентифицируемой личности, тем уже круг дескрипций, которые могут быть к ней отнесены. Если известно, что было произведено ограбление банка, то «автор» этого события, откуда он не пойман и не идентифицирован, будет обозначаться как *грабитель*.

Субъект предложения, выраженный определенной дескрипцией, допускает обе интерпретации — референтную и атрибутивную, создавая неоднозначность сообщения. Так, предложение *Убийца Смита сумасшедший* может быть понято референтно, если речь идет о стоящем перед судом преступнике по имени Джонс. Определенная дескрипция может быть понята и атрибутивно, если личность преступника не была установлена и суждение о его большой психике было вынесено только на основании совершенного им преступления¹⁹.

Если определенная дескрипция была употреблена нереферентно (предположим, Смит совершил самоубийство), то при атрибутивном ее прочтении все предложение утрачивает референтность, лишается смысла (оно оказывается не о ком). Во втором случае (т. е. если дескрипция отнесена к представшему, хотя бы и по ложному обвинению, перед судом Джонсу) неверным оказывается только смысл дескрипции, предикат же предложения может оказаться истинным, если он вынесен, например, на основании данных о поведении Джонса на суде. Он сохраняет также свою отнесенность к нужному субъекту (именно Джонсу).

При атрибутивном употреблении определенной дескрипции адресат может обвинить автора в необоснованном предположении, что кто-то убил Смита, тогда как на самом деле Смит покончил с собой сам. При референтном употреблении обвинение может касаться ложного подозрения Джонса в убийстве Смита.

Хотя и атрибутивное, и референтное употребление определенной дескрипции опирается на пресуппозицию существования предмета (или лица), отвечающего данной

¹⁹ K. Donnellan. Reference and definite descriptions. «Semantics», стр. 103.

описания, причины, вызывающие эти пресуппозиции к жизни, различны. При референтном употреблении существует презумпция, что предмет, о котором идет речь и который известен собеседникам, наделен данным свойством. При атрибутивном употреблении имеется презумпция в совершенности акта, имплицитного существования лица, о котором делается сообщение²⁰.

Можно было бы утверждать, что при референтном употреблении определенных описаний мысль говорящего движется от предмета к его описанию, а при атрибутивном употреблении описания направление мысли инвертируется — мысль движется от признаков (описания) к предмету.

Представляется существенным и то обстоятельство, что референтное употребление определенной описания не предполагает наличия семантической связи между значением идентифицирующей описания и значением самого сообщения, т. е. предиката предложения. Идентифицирующий признак как бы случаен по отношению к предикату. Он выбирается по причинам, не зависящим от выбора предиката. Ср. *Петя (ее зять, мой лучший друг, его брат, наш сосед и пр.) сумасшедший*. При атрибутивном употреблении описания такая связь обычно имеется: предикат, как правило, стимулируется тем же событием, которое дало повод для выбора идентифицирующей описания. Ср. *Убийца Смирта жесток (подл., негодяй, садист и пр.)*. Между этими значениями может быть установлена логическая связь. Ср. *Я утверждаю, что преступник жесток на том основании, что он убил добряка Смирта*. При атрибутивном употреблении описания имеется в виду предмет (лицо) не во всей совокупности его свойств, а лишь в том аспекте, который выделен описанием. Такая редукция семантического объема субъекта, устанавливающая смысловую связь между субъектом и предикатом сообщения, может характеризовать также референтное употребление описаний. Ср. *Мои соседи не любят подходить к телефону / мыть раковину / натирать пол в коридоре и пр.; Мой начальник не любит, когда я опаздываю*.

Итак, предложение формы «The A is B» (тот, кто совершил данное действие, обладает таким-то свойством)

²⁰ К. Donnellan. Указ. соч., стр. 105—106.

допускает двоякое употребление. При одном употреблении, если ничто не отвечает признаку А, то сообщение было сделано ни о чем. При другом употреблении истинностное значение предложения и его референтность сохраняются.

Поскольку в теории Рассела дефиниция определенной дескрипции покрывает как референтное, так и атрибутивное ее употребление, К. Доннеллан предложил сделать следующее терминологическое разграничение: денотацией называть отнесение к предмету речи вообще, а под референцией иметь в виду только отнесенность имени или дескрипции к конкретному, известному говорящим, предмету.

С. Куно убедительно показал на материале английского языка, что такие определенные дескрипции, как *президент США, мой учитель музыки* и пр. двузначны: они могут относиться к определенному лицу, т. е. быть референтными, а могут и быть лишены конкретной референции, т. е. иметь атрибутивное (признаковое) значение. В английском языке это различие обнаруживает себя в выборе местоимения: при референтном употреблении они замещаются местоимением *who*, при нереферентном — *which*. Кроме того, как отмечает автор, нереферентно употребленная единичная дескрипция не может соотноситься ни с местоимением *one*, ни тем менее с личным местоимением. Она допускает замену только местоимением *it*, ср. *Johnson is the President of USA. He has been it since 1963.* Это правило верно даже для тех случаев, когда нереферентная определенная дескрипция занимает позицию субъекта, ср. *Who is your favorite teacher? It is Mr. Jones* ²¹.

Наряду с референтным и атрибутивным употреблением определенных дескрипций иногда выделяют в особый тип гипотетическую референцию. Последняя может быть проиллюстрирована следующим примером: *Если у Форсайтов будет сын, он (их сын) унаследует их состояние; Они хотят, чтобы их сын, если у них родится сын, был пианистом.* Референтность гипотетически употребленной дескрипции зависит от осуществления условия (*если у них будет сын*) ²². В логике в этом случае иногда говорят о спо-

²¹ S. Kuno. Some properties of non-referential noun phrases. «Studies in general and oriental linguistics». Tokyo, 1970, стр. 356.

²² J. Searle. Указ. соч., стр. 72—73.

способности некоторых предикатов создавать «иные миры» (world creating predicates), т. е. устанавливать некоторую воображаемую «предметную область» приложения языка. Имя, введенное таким предикатом, может в дальнейшем тексте употребляться референтно. Ср. *Я вообразил себе женитьбу Джона. Его невеста была молодой девушкой. Она была высокого роста. У нее были голубые глаза* и т. д. Выделение предикатов, фиксирующих область приложения имен, существенно для понимания закономерностей речеобразования. Так, например, если имя, вводимое глаголами *представить себе, вообразить*, условным предложением и т. п., может быть в дальнейшем тексте употреблено референтно, то такое употребление невозможно для существительных, входящих в текст в качестве дополнений предикатов желания. Ср. *Джон хотел жениться на (какой-нибудь) хорошенькой девушке. *Она была высокого роста. У нее были голубые глаза*²³.

* * *

Теперь следует коротко осветить вопросы, касающиеся механизма образования определенных дескрипций. Основное правило получения единичных термов из имен нарицательных, состоит в возможности определения имени придаточным ограничительным. В языках, располагающих артиклем, введение рестриктивного придаточного сопровождается препозицией определенного артикля. Последний сигнализирует о намерении говорящего исчерпать разряд предметов, обозначенных именной группой, и должен рассматриваться как функция ограничительного придаточного, отнесенного к имени. Ограничительное придаточное выводится из предтекста. Ср. *Вдруг я увидел на углу человека. Человек (которого я увидел на углу) был одет в пальто и шляпу. Пальто и шляпа (в которые был одет человек, которого я увидел на углу) были серого цвета.* Значение ограничительных придаточных, таким образом, объединяясь с содержанием дескрипции, служит целям поиска предмета речи. Оно, как и значение идентифицирующей дескрипции, не входит в коммуникативное содержание предложения. Это именно и отличает рестриктивные определительные предложения от нерестриктивных.

²³ С. Купо. Указ. соч., стр. 359.

Придаточное ограничительное может реально отсутствовать, но его место при определенной дескрипции закрепляется за ним. Его не может занять никакое другое ограничительное определение. Если бы вместо рестриктивного придаточного, извлеченного из предтекста, мы бы попытались «втиснуть» иное ограничительное определение, это повело бы к нарушению связности повествования, разрыву текста ²⁴. Ср. *Вдруг я увидел на углу человека. Человек, который вел на поводке фокстерьера, был одет в пальто и шляпу.* У адресата приведенных предложений возникло бы сомнение относительно тождества человека, которого увидел автор, человеку, который вел фокстерьера.

Если бы в речи не опускались самоочевидные ограничительные определения и весь их груз, растущий подобно снежному кому, сохранялся в тексте, то возникла бы ситуация, известная под названием «Дом, который построил Джек»: *Вот дом, который построил Джек | А это пшеница, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек. | А это синица, которая ловко ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек [...]* *А это корова безрогая, лягнувшая старого пса без хвоста, который за шиворот треплет кота, который пугает и ловит синицу, которая ловко ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек* (пер. С. Маршака).

Таким образом, превращение именной выражения в единичный терм, происходит с опорой на предыдущий текст, предоставляющий информацию для формирования ограничительного придаточного. Последнее всегда соотносимо с некоторым матричным предложением (mother-sentence, по Вендлеру) ²⁵. Существенно отметить, что связочные сказуемые для этих целей непригодны. Ср. *Мой друг учитель. Учитель преподает русский язык.* Именная часть сказуемого не может использоваться для повторной номинации в предложении, непосредственно следующем за данным. Несоблюдение этого правила ведет к перебою в последовательности текста.

Напротив, экзистенциальные предложения предназначены именно для целей последующей идентификации.

²⁴ Z. Vendler. *Linguistics in philosophy*. Гл. 2. Singular terms. Ithaca. N. Y., 1967, стр. 53.

²⁵ Z. Vendler. Указ. соч., стр. 60.

предмета. Поскольку всякое непустое (референтное) предложение основывается на предпосылке существования предмета, о котором делается сообщение, ему, естественно, должно предшествовать высказывание бытийного типа, дающее основание для процедуры, называемой в логике «экзистенциальным извлечением» (existential extraction). Ср. *Жил-был король когда-то. При нем блоха жила. Блоха — ха — ха — ха — ха. Милей родного брата она ему была.* (Подробно см. в главе «Отношения экзистенции».)

По мнению Вендлера, подлинно идентифицирующие предложения (так он называет предложения, способные породить ограничительные придаточные) всегда могут быть сведены к бытийному высказыванию. Ср. *I see a house* → *There is a house I see*; *The dog found a bone* → *There is a bone the dog found*; *A boy had dinner with me* → *There is a boy who had dinner with me*²⁶. Определенные дескрипции, таким образом, опираются на высказывания, заключающие в себе сообщение о бытии предмета. Можно считать, что референтное употребление имени имеет в качестве своей пресуппозиции утверждение о существовании.

* * *

Гораздо более сложной оказалась логическая интерпретация неопределенных дескрипций. Приведенная концепция матричных предложений Вендлера соответствует тому, что в логике принято называть экзистенциальной трактовкой неопределенных дескрипций. Согласно этому пониманию, неопределенная дескрипция в предложениях типа *I see a man* скрывает за собой экзистенциальное утверждение о существовании некоторого лица.

В экзистенциальной версии неопределенная дескрипция лишена референции, т. е. не соотносена с предметной областью, в то время как заменяющее ее в последующем тексте анафорическое местоимение употреблено уже референтно. Ср. *Я вижу человека. Он переходит улицу.* Отмечалось, что хотя в обоих предложениях речь идет об одном и том же лице и даже имя *человек* можно считать антецедентом анафорического местоимения *он*, было бы неверно рассматривать это последнее как субститут неопре-

²⁶ Z. Vendler. Указ. соч., стр. 64.

деленной дескрипции. Местоимение заменяет единичный терм. Это подтверждается тем, что обратная замена его неопределенной дескрипцией перебила бы связность текста, создавая впечатление, что речь идет о разных предметах. Ср. *J'ai téléphoné à un plombier. Il viendra demain* и *J' ai téléphoné a un plombier. Un plombier viendra demain* ²⁷.

Участие экзистенциального утверждения в предложениях, содержащих неопределенные дескрипции, поддерживается тем, что, подобно экзистенциальным предложениям вводного типа, они практически не употребляются в отрицательной форме. Отрицание исключало бы продолжение текста, т. е. противоречило бы интродуктивному характеру и предназначению такого предложения. Подобно экзистенциальным предложениям, они не стимулируют требования конкретизации в виде вопросов типа *Какой именно человек? Кого ты имеешь в виду?*, предполагающих в ответе прямую отсылку к референту. Эти основания, как кажется, свидетельствуют о близости неопределенных дескрипций к употреблению имени в экзистенциальных предложениях.

Те возражения, которые выставлялись против этой концепции, как и большинство аргументов против логики расселовского типа (ср. контрверзу Рассел — Стронсон), сводятся либо к указанию на несоответствие предложенной интерпретации коммуникативной структуре предложения, либо на неучет прагматического фактора.

Так, отмечается, что экзистенциальная интерпретация предложения *Pierre a acheté des livres*, записываемого как *Их livre(x) et acheter (Pierre,x)*, придает одинаковую значимость предикату, выраженному глаголом *покупать*, и предикату, представленному нарицательным именем *книги*, т. е. неопределенной дескрипцией. Создается впечатление, что говорящий сообщает и о том, что предмет, о котором идет речь, — книги, и о том, что Пьер купил их. На самом деле в таком предложении не утверждается факт существования книг. Он составляет скорее предпосылку суждения, чем его ассертивную часть.

Таким образом, если основная мысль Рассела состояла в устранении дескрипций из числа термов путем рас-

²⁷ O. Ducrot. Les indéfinis et l'énonciation. «Langages», 1970, N 17, стр. 93.

слоения их на переменную, соответствующую денотату, и предикцируемое к ней свойство, соответствующее сигнификату имени, то последующее развитие теории дескрипций удалило смысловое содержание дескрипции из сферы предикации, отнеся его к пресуппозициям утверждения. В этом новом подходе, учитывающем коммуникативную организацию речи, следует считать существенным различие индексальной функции смысла, дающего инструкцию для отождествления предмета речи, и ассертивной функции смысла, т. е. функции сообщаемого. В первом случае смысл лишь указывает путь к референту, во втором случае в нем заключено сообщаемое. В первом случае он лишь проходной этап на пути к цели, во втором — основная цель сообщения. Выступая в этой вспомогательной функции, неопределенная дескрипция может считаться своеобразной амальгамой презентатива класса и квантора существования ²⁸.

Прагматическая точка зрения на неопределенные дескрипции сводится к указанию на то, что так называемая категория неопределенности сигнализирует о различии в осведомленности собеседников: прибегая к неопределенной дескрипции, говорящий дает понять, что он имеет в виду определенный предмет, который, однако, неизвестен адресату и который, поэтому, тот не должен отождествлять ни с каким известным ему или ранее упоминавшимся предметом. Такой подход можно найти, например, в работах И. Беллерт ²⁹, характеризующих тенденцией к вовлечению в логическую интерпретацию предложения прагматического аспекта речевого акта, в частности намерения говорящего. Возражая против описания неопределенных дескрипций при помощи оператора существования, И. Беллерт ссылается на то, что говорящий, произнося такое, например, предложение, как *A certain man has got married in his nineteens*, имеет в виду скорее «один определенный предмет», чем «по крайней мере один предмет».

Отказавшись от оператора существования в анализе неопределенных дескрипций, И. Беллерт вводит по ана-

²⁸ O. Ducrot. Les indéfinis et l'énonciation, стр. 96—97.

²⁹ I. Bellert. On the semantic interpretation of subject-predicate relations in sentences of particular reference. «Progress in linguistics». The Hague, 1970, стр. 20.

логии с ним оператор референции (Ref), который записывается как (Ref x) ϕ (x). Эта формула прочитывается следующим образом: «тот предмет, который имеет в виду говорящий, произнося данную неопределенную дескрипцию и к которому относится свойство ϕ »³⁰. Аргумент, выраженный неопределенной дескрипцией, получает единичное определение только через указание на намерение говорящего. Это определение, так же как и оператор существования, находится за пределами сообщаемого.

И. Беллерт отмечает, что необходимым условием употребления неопределенной дескрипции, имеющей единичную референцию, является убеждение говорящего, что его сообщение касается только одного предмета и что этот предмет обладает свойством ϕ . Намерение говорящего отнести дескрипцию только к одному конкретному предмету, Беллерт считает имплицитной «функцией единицы» (unit function) и обозначает символом R_t (предмет, который говорящий имеет в виду в момент t)³¹.

Проблема неопределенных дескрипций в значительной степени проясняется, если принять во внимание их функциональную неоднородность. С. Куно выделяет на материале английского языка следующие четыре типа референции неопределенных дескрипций: качественную, неконкретную (non-specific reference), конкретную (specific reference) и родовую (generic).

Качественная референция, или собственно отсутствие референции, характеризует неопределенные дескрипции в функции предиката, ср. He is a doctor. Родовая референция есть отнесение дескрипции к классу предметов или любому члену класса, ср. A beaver builds dams; Beavers build dams. Под конкретной референцией подразумевается отнесенность имени к определенному предмету, существующему в «предметной области» говорящего, ср. I met a doctor. He was tall and good looking. Если, употребляя имя или именную фразу, говорящий не подразумевает определенный объект, то имеет место неконкретная референция имени, ср. I want to marry a doctor³².

Перечисленные типы референции связаны с разными логическими значениями. Так, с экзистенциальным зна-

³⁰ I. Bellert. Указ. соч., стр. 20.

³¹ Там же, стр. 21.

³² S. Kuno. Указ. соч., стр. 361.

чением соотносимо только третье из перечисленных выше употреблений неопределенных дескрипций. Экзистенциальное значение может быть выделено во всех случаях такого употребления. При «специфической» референции имени предложение *I met a doctor* должно быть прочитано так: 'Существует доктор и я его встретил'.

Референция и проблема тождества

. Если до сих пор шла речь о том аспекте референции, который имеет отношение к проблеме существования, то ниже будет затронут аспект референции, связанный с аксиомой идентичности, формулируемой следующим образом: если предикат истинен относительно данного предмета, он истинен относительно всего, что тождественно данному предмету, независимо от того, каким именем он обозначен. Приведенная посылка служит основанием для закона взаимозаменяемости тождественных величин, называемого законом Лейбница. Согласно этому закону *Eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt salva veritate* 'Тождественны те величины, которые могут заменять друг друга без изменения истинностного значения предложения'.

Между тем было обращено внимание на то, что замена одного имени предмета другим именем того же предмета далеко не во всех контекстах проходит бесследно для содержания предложения. Уже Г. Фреге привлек внимание к тем случаям, когда взаимозамены имен одного денотата (лица или предмета) существенно отражаются на содержании и истинностном значении высказывания.

Ища выход из парадокса, состоящего в том, что $a = b$ столь же истинно, как и $a = a$, но отлично от него по информативному или познавательному содержанию, Г. Фреге формулирует положение, согласно которому языковые знаки, семантическая структура которых складывается из смысла и референции (*Sinn und Bedeutung*), могут совпадать по референции (т. е. относиться к одному и тому же предмету) и различаться по смыслу (значению). «Венера есть Утренняя звезда» истинно, так как оба имени совпадают по референции, но эта пропозиция отлична по содержанию от предложения «Венера есть Венера», поскольку, имея один и тот же референт, существительные *Венера* и *Утренняя звезда* различны по смыслу.

Если сочетание *Утренняя звезда* употреблено как имя собственное, то его смысл не существен для значения предложения тождества, информативность которого создается не смыслами термов, а констатацией факта идентичности объектов (подробнее см. в гл. V). Если же сочетание *утренняя звезда* употреблено лишь для указания на то, что Венера появляется на небосклоне в утренние (а не только вечерние) часы, то приведенное предложение не выражает отношений тождества.

Позднее область, в которой невозможны взаимозаме- ны идентичных имен, стала предметом специального изу- чения, и ее контуры обозначились более четко. Основная заслуга в этом принадлежит У. О. Куайну, который пред- принял систематическое обследование так называемых косвенных, и шире интенциональных, контекстов. У. Куайн указал на три типа отклонений от принципа взаимозаменимости идентичных термов³³.

Субституция невозможна, если имя (член равенства) употреблено автономно, т. е. фигурирует как таковое, без отнесенности к референту. Так, хотя истинно предло- жение тождества *Giorgione = Barbarelli*, оно не дает воз- можности произвести подстановку имени *Barbarelli* вмес- то имени *Giorgione* (увеличительное от *Giorgio*) в сужде- нии *Giorgione was so-called because of his size* 'Джорджоне был прозван так за свой высокий рост'. В этом сужде- нии имя *Giorgione* как бы синтезирует референтное и нереферентное (цитатное, автономное) употребление. Ср. *Giorgione was called Giorgione because of his size* 'Джор- джоне называли «Джорджоне» за его большой рост'.

Другой тип не чисто референтного употребления имен может быть проиллюстрирован следующим примером. Возьмем два истинных высказывания: (1) *Филипп пола- гает, что Тегусигальпа находится в Никарагуа* и (2) *Тегусигальпа есть столица Гондураса*. Констатация тож- дества в этом втором суждении не дает возможности про- извести соответствующую подстановку в первом предло- жении: суждение *Филипп полагает, что столица Гондура- са находится в Никарагуа* ложно. В данном случае речь идет о цитации, создающей «темный» в отношении рефе- ренции контекст (*referentially opaque context*). Выраже-

³³ W. Quine. From a logical point of view. N. Y., 1961, стр. 139—159.

ние «...полагает, что...», как и все прочие формулы, вводящие косвенную речь, образует непрозрачный контекст, в котором невозможна взаимозаменяемость термов, входящих в утверждение идентичности. Чтобы сделать еще более очевидным различие между референтно затемненными и референтно прозрачными контекстами, У. Куайн сравнивает предложения *Филипп не знает, что Туллий разоблачил Катилину* и *Кресс слышал, как Туллий разоблачал Катилину*. Истинное утверждение тождества *Туллий есть Цицерон* не дает оснований для подстановки имени *Цицерон* вместо имени *Туллий* в первом высказывании: утверждение *Филипп не знает, что Цицерон разоблачил Катилину* ложно. Однако, во втором случае такая субституция возможна. Предложение *Кресс слышал, как Цицерон разоблачал Катилину* сохраняет истинность, несмотря на замену одного имени другим. В отличие от первого предложения данное высказывание не создает референтной затемненности. В нем утверждается определенное отношение между тремя лицами. Это отношение не изменится от изменения наименований тех лиц, которые им связаны.

К числу референтно затемненных относятся также модальные контексты, образуемые такими выражениями, как *необходимо*, *возможно* и т. п. Это видно на примере следующих утверждений. Предположим, даны два истинных высказывания: 1) *Число планет равно 9*; 2) *Число планет, возможно, менее 7*. Если, на основе утверждения тождества, мы бы сделали подстановку одного термина вместо другого во втором высказывании, то вместо истинного суждения получили бы ложное утверждение *9, возможно, меньше 7*. Таким образом, референтная затемненность создается автонимным употреблением имени, косвенной речью и модальным контекстом. Три названных фактора не позволяют производить взаимозамены тождественных по своей референции имен. Эти же контексты создают исключения из правил квантификации.

Охарактеризовав отступления от закона Лейбница, Куайн принимает его в следующем виде: если дано истинное утверждение идентичности двух сущностей, то идентичные термы взаимозаменяемы в любой референтно открытой позиции в истинном суждении с сохранением значения истинности. Поскольку позиции, зависящие от интенциональных глаголов, лишены референтной открытости

(прозрачности, незатемненности), то соответствующие предложения не составляют контрпримеров к закону взаимозаменимости идентичных сущностей в версии Куайна.

Говоря об именах, фигурирующих в неэкстенциональных контекстах, Л. Линский³⁴ сравнивал их с Янусом: одно их лицо экстенционально (или прозрачно), другое интенционально (или затемнено, по Куайну). Поэтому интенциональное предложение может быть понято двояко — в «прозрачном» и «темном» смысле. Так, предложение *Эдип хотел жениться на своей матери* может считаться истинным, если его понимать «прозрачно», т. е. видеть за именем лицо, или иначе, считать выражение *на своей матери* субститутотом собственного имени *на Иокасте*, а все предложение интерпретировать как *Эдип хотел жениться на женщине, которая фактически была его матерью*. «Темное» понимание приведенного предложения сводит его к иному логическому содержанию: «Эдип хотел сделать истинным суждение о том, что мать Эдипа есть жена Эдипа». В такой трактовке, которая относится к уровню смысла, а не референции, анализируемое предложение следует считать ложным, поскольку Эдип не знал, что Иокаста его мать.

Л. Линский обратил внимание на то, что, приняв принцип взаимозаменимости идентичных сущностей, логики не отличили его от другого, важного для теории тождеств, принципа неразличимости идентичных величин (the principle of the indiscernability of identicals). Этот последний констатирует, что если $x = y$, то любое свойство x есть в то же время свойство y и, соответственно, наоборот. Этот принцип, однако, не имплицитует, как отмечает Линский, что x и y взаимозаменимы в любом контексте³⁵. Понимание положения о неразличимости идентичных сущностей в смысле их взаимозаменимости было характерно, в частности, для Рассела, который эксплицитно выводил второй из названных принципов из первого.

Некоторые из недоразумений (скорее, чем парадоксов) референции связаны с тем, что определенные дескрипции, употребленные в связочных предложениях, трактовались логиками как референтные выражения. Поэтому такие предложения, как «Вальтер Скотт есть автор

³⁴ L. Linsky. Указ. соч., стр. 74—75.

³⁵ Там же, стр. 79.

„Ваверлея“, понимались только как утверждения идентичности, т. е. тождества некоторого лица самому себе, а не как утверждения отношения, существующего между двумя референтными именами — Скоттом и «Ваверлеем» (см. выше об атрибутивном значении определенных дескрипций).

Для последующего изложения существенно различать по крайней мере следующие виды референции: 1) отнесение имени к признакам класса (*Этот предмет — к а р а н д а ш*); 2) отнесение имени к любому члену класса (*Дай мне к а р а н д а ш*); 3) отнесение имени к объекту, известному говорящему, но не знакомому адресату (*Вчера я встретил о д н о г о п р и я т е л я*); 4) отнесение имени к единичному, но не идентифицированному предмету (*Вчера было совершено ограбление банка. Г р а б и т е л ь не пойман*); 5) отнесение имени к идентифицированному объекту (*И т я женился на В е р е*); 6) отнесение имени к целиком взятому классу объектов (*Л ю д и смертны*). Перечисленные типы референции различаются между собой по той роли, которую играет в них смысл имени.

ОТНОШЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Логический анализ предложений о существовании

Из числа бытийных предложений в логике обсуждаются прежде всего утверждения о существовании в мире объектов, обладающих определенными свойствами. Такие утверждения соединяют концепт и реальную действительность. Они направлены от понятия к миру, от идеи к предмету. Если в предикатном предложении заданной считается субстанция (пресуппозиция существования), которой затем приписываются (предицируются) те или другие признаки (ср. *Этот конь гнедой*), то в экзистенциальном высказывании (утверждении о существовании) заранее данным считается некоторый набор, комплекс признаков, а суждение касается реализованности этих признаков в субстанции, имплицитно, что данное имя может (или, напротив, не может) в дальнейшем тексте употребляться референтно. Ср. *Пони существуют; конек-горбунок не существует*. Показатель бытия устанавливает связь между понятием и предметом, духом и материей. Он соотносит сигнификат имени и его денотат, т. е. «оперирует» на внутренней структуре имени. Эта особенность бытийного предиката обуславливает двойственный семантический статус существительного и служит источником логических парадоксов.

Итак, в сообщениях о существовании наличие концепта составляет предпосылку утверждения, а реализованность (или нереализованность) данного концепта в объекте образует его коммуникативное содержание. Поэтому в экзистенциальном высказывании не может фигурировать имя собственное или дейктическое слово, т. е. знак, не

выражающий никакого концепта. Нормой для бытийных предложений является употребление имен нарицательных. Когда говорят *Гомер не существовал; Пегас не существует; Дюймовочек не бывает*, за именем собственным, как это уже было отмечено Расселом¹, скрывается дескрипция, единичная или неопределенная, т. е. некоторый набор черт или сведений. Имя *Гомер* обычно означает «древнегреческий слепой певец, автор Иллиады и Одиссеи». Имя *Пегас* эквивалентно сочетанию «крылатый конь», а *Дюймовочке* соответствует дескрипция «девочка ростом в один дюйм». Сам вопрос о том, существовал ли Гомер (соответственно Пегас, Дюймовочка и т. п.), возможен только потому, что Гомер не есть имя. Применительно к именам собственным, которые по определению референтны, экзистенциальные высказывания излишни.

Логический анализ предложений типа *Гомер не существовал* представляет, как известно, значительные трудности². Он наталкивается на парадокс, суть которого состоит в том, что употребление имени *Гомер* в роли субъекта суждения основывается на пресуппозиции существования лица по имени Гомер, а предикат суждения отрицает его бытие. Пресуппозиция и предикат, таким образом, взаимоисключают друг друга: условием для утверждения о несуществовании Гомера является его существование. Если имя, представляющее субъект, не соотнесено ни с каким элементом действительности, то суждение беспредметно. Оно, следовательно, в принципе не может быть истинным. Между тем предложения типа *Гомер не существовал; Золотых гор не бывает* не только истинны, но их предикаты отнесены не к чему иному, как к своим субъектам (Гомеру, золотым горам).

Приведенный парадокс разрешался логиками по-разному. Указывалось, что понятие существования не может считаться логическим предикатом, поскольку оно не представляет собой концепта, который мог бы быть добавлен к концепту предмета. Грамматическое строение предложений с глаголом *существовать* не соответствует поэтому их логической структуре. В их грамматическую

¹ B. Russell. Descriptions. «Semantics and the philosophy of language». Urbana, 1952, стр. 179.

² Логико-философская контрверза о статусе предложений этого типа резюмирована в статье: R. Cartwright. Negative existentials. «Philosophy and ordinary language». Urbana, 1963.

форму входят подлежащее и сказуемое. Они не выражают, однако, субъекта и предиката суждения. Экзистенциальное значение, свойственное этим предложениям, соответствует суждению о мире, а не об отдельном его элементе (мнение, восходящее к концепции Канта). Изложенная точка зрения отразилась на форме записи логического содержания предложений. В нотации современной логики значение существования было устранено из числа предикатов (пропозициональных функций). Вместо экзистенциального предиката был введен квантор существования $\exists$, характеризующий термы $\exists(x)$ и, в первую очередь, субъект суждения. Соединяясь с символом термина, квантор существования превращает свободную переменную в связанную, т. е. такую, которая не допускает подстановки любых значений.

Пресуппозиция существования, таким образом, включается в содержание любого суждения. Так, предложение *Эта роза красная* прочитывается «существует x такой, что для него истинны пропозициональные функции (предикаты) *роза* и *красный*».

Дж. Мур попытался дать чисто языковое обоснование мысли о том, что понятие существования не содержит указания на атрибут субстанции. С этой целью он привлек внимание к некоторым различиям в поведении англ. глагола *to exist* 'существовать' и глаголов, обозначающих предиктируемые предмету признаки. Так, например, субъект глагола *to exist* в отличие от субъекта прочих глаголов не допускает многих кванторов. Предложение *All tame tigers exist* 'Все ручные тигры существуют' лишено смысла, в то время как высказывание *All tame tigers growl* 'Все ручные тигры рычат' вполне осмысленно³. Незначимо также отрицательное суждение *Some tame tigers don't exist* 'Некоторые ручные тигры не существуют', при том что 'предложение *Some tame tigers don't growl* 'Некоторые ручные тигры не рычат' наделено значением. Предложение *Some tame tigers growl* утверждает, что 'пропозиция « x есть прирученный тигр и x рычит» истинна более, чем при одном значении переменной'. Между тем высказывание *Some tame tigers exist* утверждает только следующее: 'пропозиция « x есть

³ G. E. Moore. Is existence a predicate? — В кн.: G. E. Moore. Philosophical papers. London — N. Y., 1959, стр. 117.

прирученный тигр» истинна более чем при одном значении переменной'. Это различие в логической интерпретации совершенно аналогичных по форме предложений объясняется не тем, что высказывание *Это ручной тигр* и *(он) существует* совершенно эквивалентно высказыванию *Это ручной тигр*, а скорее тем, что высказывание *Это существует* не выражает вообще никакой пропозиции. Между тем, такие предложения, как *Это ручной тигр* и *(он) рычит*, *Это (животное) рычит*, осмысленны³.

Если, говоря, что понятие существования не составляет предиката, который может занять место других предикатов, включает Дж. Мур, имеют в виду указанные различия в языковом поведении глагола *to exist* и других глаголов, то такое утверждение справедливо⁴.

В ином, не столь крайнем виде парадокс истинности может быть проиллюстрирован предложениями с неэкзистенциальными предикатами. Ср. *Санта Клаус живет на Северном полюсе*; *Пегас — это крылатый конь*. Такие суждения признаются истинными и вынесенными о своем субъекте, несмотря на то, что последний с очевидностью не удовлетворяет пресуппозиции существования. Путь к решению приведенного парадокса некоторые логики ищали в признании особого мира фикции и фантастики, населенного сказочными существами и литературными персонажами. К этим мирам и относятся суждения о предметах, лишенных реального существования. Наиболее тонким и в известном смысле софистичным из вариантов этого подхода является решение, предложенное в 1904 г. А. Мейнонгом.

А. Мейнонг, развивая теорию объектов, обосновывал в ней возможность говорить о двух видах существования предметов — материальном и чистом (логическом) бытии предмета (*Sein* и *Sosein*). Наличие у предмета тех или иных свойств не зависит от его реального существования. Для того, чтобы выносить истинные или ложные суждения, достаточно чистого бытия предмета, т. е. существования некоторого концепта. В этом идеальном концепте *Пегас* наделен определенными свойствами. Суждения, утверждающие эти его свойства (например, свойство быть крылатым конем), истинны; суждения, отрицающие их, ложны. Чистое, вынесенное за пределы мира, существование

⁴ G. E. Moore. Указ. соч., стр. 124.

(Aussersein), по Мейнонгу, первично по отношению к вопросу о реальном существовании. Для того чтобы поставить этот последний вопрос применительно к предмету или классу предметов, следует исходить из допущения их бытия. Объект, о существовании или несуществовании которого мы намерены вынести суждение, должен быть нам дан заранее в виде некоторого концепта. Для того чтобы знать, что круглых квадратов не существует, следует вынести суждение именно о круглых квадратах, проанализировав совместимость признаков, образующих данное понятие⁵.

А. Мейнонг, таким образом, решал проблему нерелевантных суждений апелляцией к некоторой третьей форме бытия — квазибытию, присущему всем предметам, соотносимым с концептами, в том числе и индивидуальными. Эта форма бытия не имеет своей противоположности: она не противопоставлена небытию. Решение Мейнонга развивается в русле идей Ф. Брентано о различении физических актов, предполагающих реальное существование объекта, и интенциональных, или ментальных, актов, утверждение которых не имплицитно предполагает существования предмета. Мейнонг был склонен видеть в референции скорее интенциональный (относящийся к концепту), чем физический (относящийся к предмету) акт.

Подход Мейнонга вызвал резкое возражение со стороны Б. Рассела, который весьма саркастически напомнил, что представление о странном мире несуществующих предметов оскорбляет то чувство реальности, которое полезно сохранять даже в самых абстрактных исследованиях⁶. Отвергнув теорию объектов Мейнонга, равно как и все другие теории, основывающиеся на мысли о том, что субъект всякого значимого предложения должен относиться к предмету, обладающему бытием в том или другом (реальном или гипотетическом) мире, Б. Рассел в 1905 г. изложил иную концепцию денотации, которая затем превратилась в теорию дескрипций, составившую не только краеугольный камень теории референции, но и стимул развития теории пресуппозиций (см. выше, в гл. III. «Элементы теории референции»).

⁵ A. Meinong. The theory of objects. «Realism and the background of the phenomenology». Ed. by R. Chisholm. Glencoe, 1960.

⁶ B. Russell. Указ. соч., стр. 170.

Общие принципы лингвистического анализа бытийных предложений

Как видно из предшествующего раздела, предметом логического анализа явились лишь некоторые образцы экзистенциальных высказываний, прежде всего предложения с глаголом *существовать*, в которых особый коммуникативный акцент падает на мысль о бытии в мире индивидуальных (единичных) объектов (Гомера, Зевса) или классов объектов (гномов, кентавров, снежного человека). Такие высказывания в естественном языке по существу являются производными от нейтральных, контекстуально независимых форм экзистенциальных предложений типа *В Древней Греции был слепой певец по имени Гомер; в мире есть гномы*. Устранение обстоятельства места выносит в коммуникативный фокус показатель бытия⁷, превращая его в связку между понятием и реальным предметом. Ср. *Гномы есть* (существуют) *в мире* → *Гномы есть* (существуют).

В естественных языках, однако, гораздо более употребительна полная форма бытийных предложений, содержащая характеристику не мира, а некоторой его области. Экзистенциальные высказывания, относящиеся к определенному фрагменту мира, имеют иной смысл. В них исходным пунктом сообщения, данным является указание на область бытования. Показатель бытия совместно с именем предмета или класса предметов создает сообщаемое экзистенциальных предложений. Ср. *В этом лесу | есть волки; Здесь | нет змей; В этом краю | много озер*. Утверждение о существовании, сделанное применительно к ограниченной области бытия, утрачивает абсолютность. Оно переводится в план предметной характеристики некоторого пространства.

Многочисленные семантические и коммуникативные разновидности собственно бытийных предложений, которые встречаются в языках, представляют меньше интереса для логиков. Между тем анализ разнообразного и в известной степени противоречивого языкового материала,

⁷ О связи утверждений о существовании с локативными предложениями см.: *C. Kahn. The Greek verb to be and the concept of being. «Foundations of language», 1966, N 3; J. Kimball. The grammar of existence. «Papers from the Ninth regional meeting of Chicago linguistic society». Chicago, 1973.*

образуемого предложениями, так или иначе связанным с идеей бытия, наличия, существования, чрезвычайно поучителен для лингвиста. Он раскрывает пути семантического развития определенного типа предложений, взаимодействие в его структуре лексического, коммуникативного и общеграмматического значений, в результате которого высказывание приобретает полифункциональность. Втягивая все более широкие слои лексики, синтаксическая модель получает такие многообразные семантические потенции, что оказывается способной удовлетворить практически любой коммуникативной задаче.

Выше отмечалось, что экзистенциальные отношения отличны от предикатных. Если все же искать в экзистенциальных предложениях аналог суждения, то его субъектом следует признать мир или некоторый его фрагмент (обстоятельство места), а предикат видеть в указании на наличие в мире объектов определенного класса (т. е. в совокупности бытийного глагола и имени). Тем самым смысловое членение бытийных предложений в общем случае должно проходить не там, где его намечает формальный синтаксический анализ⁸. Ср. *В том лесу | были волки*, а не *В том лесу были | волки*. Имя в экзистенциальных предложениях, будучи частью предиката суждения, лишено референтности: оно не является знаковым заместителем конкретного предмета или класса предметов. Предложения типа *У меня есть эта книга* не составляют контрпримеров, поскольку указательное местоимение в данном случае служит эквивалентом местоименного прилагательного *такой*: *У меня есть эта книга* = *У меня есть такая книга*. В экзистенциальных предложениях, относящихся к идеальной сфере бытия (концепциям, системам понятий и пр.), имя регулярно встречается с указательным местоимением, не противопоставленным местоименному прилагательному. Ср. *В статье есть эта (такая) мысль*; *У меня было это (такое) соображение*; *У него нет этого (такого) подозрения (желания, намерения)*. Подобное употребление можно объяснить различием субстанционального и «идеального» тождества. Ср.— *У меня есть подозрение, что мальчик лжет.*— *Это подозрение есть и у меня*

⁸ О функции локализатора в бытийных предложениях см.: Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 97.

при невозможности: — *У меня есть сад.* — *Этот сад есть и у меня.*

Признак нереферентности, являющийся постоянной чертой имени в бытийном предложении, принципиально отличает его от субъекта суждения, составляющего логический субстрат классического подлежащего.

Поскольку цель настоящей работы заключается в выявлении смысловых (а не абстрактно-грамматических) структур, бытийные предложения рассматриваются не в терминах подлежащно-сказуемого анализа, не соответствующего их логико-семантической организации, а в терминах семантических составляющих. Классические бытийные предложения состоят из трех основных компонентов: один из них фиксирует область бытия или пребывания, другой указывает на бытующий в этой области объект или класс объектов, третий — на факт бытия, пребывания или наличия. Ср. *Давно тому назад, в городе Тифлисе* (область бытия, локализатор), *жил* (показатель существования) *один богатый турок* (бытующий предмет). Хотя, как видно из приведенного примера, область бытия может быть зафиксирована по пространственному и временному параметрам, преобладающим для классических бытийных предложений, следует считать пространственное представление о мире⁹, естественно сочетающееся с понятием конкретного предмета, составляющим первичное значение имени в предложениях анализируемого типа.

В русском языке первые два компонента бытийных предложений чрезвычайно мобильны и претерпевают постоянные изменения, третий компонент, утверждающий идею бытия, относительно стабилен, составляя ту основу, благодаря которой может быть *grosso modo* определена и очерчена необычайно широкая для русского языка сфера бытийных предложений, выделению которых способствует специфический предикат настоящего времени индикатива *нет*.

Соображения места и композиционной пропорциональности не позволяют с должной степенью полноты охватить все поле экзистенциальных предложений русского языка. В частности, вне описания останутся лексические способы

⁹ О типах «пространств» (в широком смысле этого слова), допустимых бытийными предложениями, см.: *О. И. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975 стр. 35 и след.*

выражения бытийности, т. е. синонимы глагола быть и вопрос об их видовой парадигме.

Для понимания импульсов развития бытийных предложений существенно учитывать их коммуникативную структуру. Последняя теснейшим образом связана с такими явлениями, как: 1) характер референции входящих в предложение имен, 2) выбор номинации для обозначения тех предметов действительности, о которых делается сообщение, 3) тип синтаксического отношения, организующего предложение.

Каждая из названных выше составляющих русских бытийных предложений может быть актуализована, превращена в коммуникативное ядро высказывания. Перемещение фокуса сообщения может либо отражаться только на актуальном членении высказывания, на распределении в нем логических акцентов, либо иметь своим следствием изменение синтаксического строения предложения.

Если в коммуникативный фокус попадает бытийный компонент, то в предложении утверждается идея существования в макро- или микромире какого-либо предмета. Ср. *Снежный человек (не) существует; Змеи здесь есть; Собаки у меня нет.* Информация об области бытия и классе бытующего предмета относится в этом случае к коммуникативным пресуппозициям высказываний. Она считается заранее данной: место пребывания и класс предмета, о котором идет речь, уже определены, установлены к моменту коммуникации. Ср. *Здесь есть библиотека? Да, библиотека здесь есть; У тебя есть дача? Нет, у меня дачи нет.*

Рему бытийных предложений может составить имя «вводимого в бытие» предмета. В этом случае высказывание сообщает о классе (или классах) предметов, локализованных в той или иной зоне бытия. Ср. *Что на нем? На нем треугольная шляпа и серый походный сюртук; Кто там? Там наши друзья; У тебя в корзине яблоки? Нет, грибы.*

К коммуникативным пресуппозициям, на которые опирается говорящий, относятся сведения об области бытия и факте наличия в ней некоторого предмета. Сообщение либо касается разряда предмета, т. е. некоторой совокупности свойств, либо индивидуализирует бытующий предмет. Ср. *Что там на столе? (а) На столе портфель, (б) На столе твой портфель.* В обоих случаях отношения экзистенции преобразуются в отношения иного типа.

В первом примере сообщаемое базируется на классифицирующей предикации, т. е. предикации, выделяющей в предмете не один признак, а набор, совокупность признаков (то, что лежит на столе, относится к классу портфелей); во втором примере предложение организовано отношением идентификации (то, что лежит на столе, идентично портфелю адресата речи).

Таким образом, актуализация имени бытующего предмета отдельно от бытийного компонента выводит сообщение из сферы собственно экзистенциальных высказываний.

Наконец, сообщаемое предложений наличия может быть в принципе сконцентрировано в обстоятельстве места или времени (в «области бытия»). Подобная актуализация однако не характерна для собственно экзистенциальных предложений. Она противна самой их природе: экзистенциальное высказывание отталкивается от локализатора как от известного, данного. Наоборот, имя предмета в бытийных предложениях лишено конкретной референции. Между тем, в высказываниях локального образца указание на место составляет сообщаемое, а имя отнесено к конкретному предмету. Ср. *Где ключ? Ключ в двери; Где твоя шляпа? Она на вешалке; Где Петя? Петя на службе.* Приведенные предложения выражают предикацию локального отношения и их можно было бы здесь не затрагивать, если бы не следующая особенность русского синтаксиса.

В русском языке существуют точки пересечения между экзистенциальными предложениями и предложениями локального отношения. Когда ставится или предполагается общий вопрос локального типа, то отрицательный ответ на него допускает двоякое строение. Ср. *Мое пальто на вешалке? 1) Нет, твое пальто не на вешалке; 2) Нет, твоего пальто нет на вешалке.* Хотя формальная структура первого варианта находится в соответствии с принципом построения позитивной формы (ср. *Твое пальто на вешалке — Твое пальто не на вешалке*), реально более употребителен второй вариант, следующий экзистенциальной модели. Бытийное построение локальных предложений имеет общеотрицательное значение: *Петя здесь? — Нет, Пети здесь нет (= Петя не находится здесь).*

Если бы локальные предложения не пользовались отрицанием *нет*, то в них общее отрицание для форм настоящего времени не отличалось бы от частного отрицания,

относящегося к локализатору, т. е. предложение *Петя не здесь* могло бы означать и 1) Петя не находится здесь и 2) Петя находится не здесь (а в другом месте). Язык, однако, дифференцировал эти смыслы, включив в систему форм локальной предикации отрицание *нет*, заимствованное у бытийных предложений. Между тем позитивные локальные предложения с нулевой связкой допускают две интерпретации при одном и том же актуальном членении: *Петя / здесь* может быть понято и как общее утверждение и как утверждение, в котором логический акцент падает на локализатор. Хотя эти значения близки друг другу, между ними все же есть различие.

Отмеченная для локальных предложений логическая двусмысленность не характерна для собственно бытийного типа: в нем соответствующие смыслы дифференцируются при помощи глагола *есть*, на основе которого, как известно, и сформировалось бытийное отрицание. Ср. 1) *Здесь есть грибы — Здесь нет грибов*; 2) *Здесь грибы (а не ягоды) — Здесь не грибы (а ягоды)*. В отличие от экзистенциальных предложения локального значения не дают параллелизма в употреблении *есть — нет* (*Петя здесь — Пети здесь нет*), что, как кажется, подтверждает вторичность употребления в них бытийного отрицания.

Итак, экзистенциальное *нет* в локальных предложениях имеет общеотрицательное значение. Оно исключает необходимость противопоставления и часто используется при желании избежать позитивного ответа на частный вопрос. Ср. *Позвольте узнать, — сказал Чичиков с поклоном, — здесь дела по крепостям? Старик поднял глаза и произнес с расстановкой: «Здесь нет дел по крепостям»* (Гоголь). Выбор отрицания *нет* вместо *не*, уместного в данной ситуации (ср. *Дела по крепостям не здесь, а в другом углу комнаты*) вызвано нежеланием дать нужную справку.

Заметим, что частное отрицание требует позитивного противопоставления по той причине, что оно не исключает факта существования объекта (актанта), имплицитруемого предикатом. Ср. *Я дал деньги не Петру*. Значение глагола *давать*, не подпадающее под отрицание, предполагает существование получателя денег.

Однако в некоторых случаях локальное сообщение может относиться к неопределенному предмету и быть в силу этого более близким к экзистенциальному типу, ср. *Где здесь (имеется) молочная? Где у тебя посуда (та-*

бак, белье, штопор и пр.)? К коммуникативным пресуппозициям приведенных вопросов относится предположение о существовании в данной сфере объекта определенного функционального разряда (молочной, сберкасса, диспетчера, телефонной будки, столовой и пр.). Коммуникативная цель высказывания состоит в уточнении местонахождения предмета. Описываемая ситуация логически затемнена: остается неясным, можно ли считать достаточным для референтного употребления имени опоры на предположение о том, что в данном пространстве должен находиться предмет определенного класса, т. е. можно ли в описанной ситуации строить предложение по локальной модели, ср. *Где находится здешняя молочная?* (= Где находится та молочная, которая, по моему предположению, должна быть поблизости?).

Колебания в логической интерпретации такого рода ситуаций вызывают колебания в их языковом выражении. Можно заметить, что в вопросе реализуется некоторая промежуточная между экзистенциальной и предикатной структура, ср. *Где здесь сберкасса?* Связь вопроса с экзистенциальной моделью обнаруживает себя в неупотребительности предиката *находиться*, сочетающегося только с референтным субъектом (этот признак отличает его от глагола *иметься*). В приведенных условиях гораздо более естественны вопросы *Где здесь имеется сберкасса?* *Где здесь есть сберкасса?*, чем *Где здесь находится сберкасса?* Вопрос о местонахождении неопределенного объекта в сущности объединяет экзистенциальное предположение и основывающийся на его истинности локальный вопрос: *Где здесь (имеется, есть) сберкасса?* = Где-то здесь, вероятно, есть сберкасса. Если это так, то где именно она находится? В разговорной речи вопрос иногда строится непосредственно на базе экзистенциальной интродукции, ср. *Скажите, где-то (где-нибудь) здесь есть сберкасса?* Простое подтверждение наличия сберкассы в данном районе без уточнения ее координат едва ли удовлетворит спрашивающего.

Если вопрос сохраняет ориентацию на экзистенциальную структуру, то в ответе предпочтительнее отдается субъектно-предикатному высказыванию с локальным сказуемым. Это объясняется тем, что отвечающий имеет больше оснований употреблять имя референтно, т. е. относить его к вполне определенному, известному ему и предполагае-

тому адресатом, объекту. Ср. *Где здесь сберкасса есть? Сберкасса (находится) за углом направо.* При наличии альтернативы возможен полуэкзистенциальный тип ответа: *Есть одна за углом, а другая в конце этой улицы.*

Если сообщение касается неопределенной совокупности предметов, а не единичного объекта, то ситуация также может оказаться не вполне логически прозрачной, ср. *Где бывают (есть, встречаются, водятся) тигры? У нас в стране тигры водятся (есть, встречаются) в Уссурийском крае.* В таких предложениях речь идет не о целом взятом классе предметов и не об известной его части, что давало бы возможность строить предложение по типу предикации локальных отношений (ср. некорректность высказывания * *Тигры находятся в Уссурийском крае*). С другой стороны, подобные высказывания не вполне соответствуют и предложениям экзистенциального типа, поскольку указание на «область бытия», являющееся для бытийных предложений отправным пунктом сообщения, данным, в анализируемых высказываниях составляет само сообщаемое или «вопрошаемое». Предложения этого разряда являются своего рода лимитрофами, соединяющими признаки предикатных и бытийных конструкций.

Русский язык разрешает указанную логическую коллизию лексическим путем, прибегая к глаголам, требующим субъекта со значением неопределенной части класса (*водиться, встречаться*). Наличие таких глаголов, подобно наличию кванторов неопределенности, позволяет оформлять сообщения о неконкретном объекте по субъектно-предикатному образцу. Заметим, что глаголы бытийного значения (*находиться, водиться, обитать, иметься, встречаться*) различаются главным образом характером референции имен, который, по-видимому, должен отмечаться в соответствующих словарных статьях.

* * *

Итак, высказывания, ставящие в фокус бытийный компонент, противопоставлены предложениям «небытия», отсутствия, несуществования. Для них основным является вопрос «быть или не быть». Ср. *У тебя есть штопор (зеркало, дела, язва желудка, родинки, лысина, деньги и т. п.)? — Да, у меня есть штопор (зеркало, дела, язва*

желудка, родинка, лысина, деньги и пр.); Нет, у меня нет штопора (язвы, лысины, денег и пр.). Если ситуация не допускает этой оппозиции (например, предмет не может «не быть», отсутствовать, как в случае с органическими, неотъемлемыми частями целого), актуализация бытийного компонента возможна только при чрезвычайных обстоятельствах.

Для высказываний, в которых сообщаемым является тип имеющихся предметов, существенен «антогонизм классов», противопоставление одной совокупности классификационных признаков другому набору различительных черт. Ср. *Что у него на столе? — У него на столе книги (а не тетради, журналы и пр.); Какое у него заболевание желудка? — У него язва (а не гастрит и пр.).*

Высказывания, в которых коммуникативный фокус направлен на область бытия или пребывания, противопоставляют истинное местонахождение предмета (или класса предметов) его ошибочной локализации. Ср. *У нас тигры водятся в Уссурийском крае (а не на Нижней Волге); Где здесь сберкасса? Сберкасса за углом направо (а не налево).*

В первом случае отрицание относится к наличию, бытию некоторой субстанции (для наст. вр. бытийный отрицательный предикат *нет*), во втором и третьем случаях — к атрибутам субстанции, ее признакам, свойствам, отношениям, качествам (предикатное отрицание *не*). Только *нет* противостоит экзистенциальному *есть*¹⁰. Тип *есть — нет* составляет ядро поля экзистенции, один из краев которого смыкается с областью предикации. Граница между этими сферами, одна из которых соответствует сообщениям о наличии субстанции, снабженной определенными признаками, другая — сообщениям о наличии некоторых признаков в данной субстанции, не проходит в русском языке четко.

¹⁰ Элемент *не* в бытийных предложениях иногда рассматривается как частичное отрицание, входящее в позитивное по своему общему смыслу высказывание, в котором он служит целям противопоставления (см.: I. A. Evreinov. Die Semantik einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopula im Russischen. «Linguistics», 1973, N 98, стр. 52). Точнее было бы сказать, что отрицание *не*, относясь к признакам, атрибутам субстанции, а не к самому ее существованию, свидетельствует об изменении логико-синтаксического содержания бытийных предложений.

Как уже отмечалось, отсутствие ясной демаркационной линии между экзистенциальными и предикатными отношениями связано с возможностью двоякой логической интерпретации одной и той же ситуации. Кроме уже приводившихся, сошлемся еще на один пример. Сообщения о свойствах неопределенного предмета или неопределенной части класса могут строиться либо по экзистенциальному типу (ср. *есть дети, которые не хотят слушаться своих родителей*), либо по предикатной модели с показателем неопределенности при субъекте (ср. *некоторые дети не хотят слушаться своих родителей*). Во втором случае, благодаря квантору, осуществляется синтаксическая унификация экзистенциального и предикатного отношений: и те и другие оформляются по подлежащно-сказуемостному типу.

Чтобы показать, сколь зыбка и извилиста граница между экзистенциальными и предикатными отношениями и до какой степени зависим сам тип отношения от размещения коммуникативных акцентов, рассмотрим следующие два варианта реплицирования на одно и то же сообщение: — *Петя болен. У него грипп*. 1-й вариант — *Нет у него нет гриппа. Он здоров*. — *У него все-таки есть грипп*. 2-й вариант: — *Ничего подобного, у него не грипп, а катар верхних дыхательных путей*. — *Нет, у него все-таки грипп*.

Коммуникативный акцент на показателе бытия (*есть — нет*) удерживает предложение в рамках бытийности. Смещение коммуникативного фокуса на признаки предмета (противопоставление одних признаков другим при заданности рода явления) преобразует отношения экзистенции в предикацию, ср. *У него не грипп, а катар верхних дыхательных путей* = тот недуг, которым он болен (его болезнь), катар, а не грипп. Опровержение предпосылки «диагностического» утверждения (т. е. сообщения *Петя болен*) через отрицание конкретного диагноза (гриппа), равно как и подтверждение наличия некоторой болезни (родового явления) через сообщение о конкретной болезни, требуют экзистенциальной модели (*У Пети нет гриппа. У него все-таки есть грипп*), а возражение только против конкретного диагноза, равно как и сообщение об этом диагнозе логически базируются на предикатных отношениях, приписывающих определенному предмету или явлению некоторые признаки. В предложениях этого

второго типа поэтому отсутствует в настоящем времени *есть* и отрицанием служит *не* (*У Пети не грипп*)¹¹.

Приведенный пример показывает, сколь необходимо в анализе экзистенциальных предложений обращать внимание на их коммуникативную целенаправленность, их место в общем речевом контексте.

Коммуникативные различия бытийных предложений имеют своим следствием различия в типичных для каждой разновидности способах номинации предмета.

В экзистенциальных предложениях, начинающих текст, принята номинация общего характера. Ср. *Был в той деревне один мужик; Есть в нашем городе один дом; Есть у меня к тебе одно дело.*

Если в коммуникативный фокус предложения попадает класс бытующего предмета, то он может быть назван именем, или именным словосочетанием, содержащим более специфическую характеристику предмета. Предмет или событие допускают обозначение качественной и оценочной номинацией. Ср. *У него хороший голос; У нее прелестные малютки.*

Если утверждаемым является местонахождение предмета или указание на место происхождения, а все предложение выражает локальную предикацию, то «бытующий предмет» может быть обозначен дейктическим словом и именем собственным. Ср. *Это было в Одессе; Петр дома; Ивановы у нас.*

Коммуникативная перспектива высказывания, таким образом, тесно связана с семантическим типом входящей в него номинации предмета.

Между охарактеризованными тремя коммуникативными разновидностями предложений существует известная соотносительность по семантическому объему. Постепенное сужение обозначаемого класса можно проиллюстрировать следующей последовательностью высказываний: *У меня есть для тебя подарок (у меня что-то для тебя есть); У меня для тебя французский модный журнал; Он у меня в портфеле.* В первом предложении делается сообщение о бытии (наличии) некоторого предмета (широкая номинация), во втором — о том, что представляет собой этот предмет (более узкая, характеризующая номи-

¹¹ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть*. — ВЯ, 1973, № 5.

нация), третье сообщение касается местонахождения конкретного предмета (личное местоимение).

Если бы второе предложение было передвинуто в начало текста, то оно содержало бы информацию не только о классе предмета, но и о его наличии. Вследствие этого в него пришлось бы включить *есть*. Ср. *У меня для тебя есть французский модный журнал; Он в портфеле*. Этот пример подводит нас к особому типу бытийных предложений, в которых область сообщаемого расширена до двух или даже трех компонентов. В предложениях *Есть у меня один знакомый. Был в нашей деревне один мужик. Жил-был в нашем городе один купец* сообщается и о факте существования некоторого предмета, и о том, к какому классу он принадлежит. Обозначение области бытия в случае ее неопределенности может быть опущено. Ср. *Жил-был один человек*. Предложения данного типа служат интродукцией к тексту, т. е. к последующим сообщениям о предмете, который они вводят в фонд общих знаний собеседников, выделяя из ряда однородных объектов. Обстоятельство места (область бытия) обычно позволяет «зацепить» данное сообщение за уже существующие у адресата речи сведения, связать с чем-либо ему знакомым.

Интродуктивные предложения часто бывают «эгоцентричны», т. е. в них известной величиной служит личность рассказчика, через отношение к которой ограничивается область бытия, ср. *Есть у меня один приятель; Был у меня один ученик*. В интродуктивных предложениях всегда речь идет об объекте, известном говорящему, но незнакомом адресату. При абсолютном, т. е. не опирающемся на личность говорящего, начале все три составляющие бытийных предложений могут относиться к сообщаемому, ср. *Жил-был в одном городе ухарь-купец*.

Для интродуктивных предложений характерно употребление в настоящем времени глагола *есть*, в прошедшем времени при глаголе *быть* может появляться показатель одушевленности (*жил-был*), типичный для произведений фольклора, при имени в единственном числе обычен (но не обязателен) показатель неопределенности *один*, иногда выносимый в постпозицию. Последний не включается в предложения, вводящие в повествование единичный объект, идентифицируемый с классом объектов. Ср. *Жил-был Слон (Медведь, Лев и пр.)*.

Поскольку интродуктивные предложения в информативном отношении не автономны, т. е. их роль состоит в подготовке последующих сообщений, а числительное *один* (как и другие числительные) в них выполняют выделительную функцию, такие высказывания не служат целям сообщения об общем количестве объектов определенного рода в данной «области бытия». Когда говорят *Есть у Петра два друга*, из этого сообщения не следует делать вывод об общем числе друзей Петра. Напротив, целью самоценного, не предполагающего продолжения высказывания *У Петра два друга* является именно сообщение о количестве друзей Петра. Ср. также *У нашей кошки есть один котенок* и *У нашей кошки один котенок*.

Высказывание *У нашей кошки был один котенок* двусмысленно: оно может быть понято в интродуктивном смысле, предполагающем выделительную по отношению к совокупности однородных предметов функцию числительного (т. е. *один из...*), но его можно интерпретировать и как самодовлеющее сообщение о количестве котят. Во избежание недоразумений эти два значения иногда различаются порядком слов и интонацией. Ср. *Был у нашей кошки один котенок* (интродуктивное значение) и *У нашей кошки был один котенок*. Некоторое повышение интонации к концу фразы, являющееся знаком незаконченности сообщения, характерно для интродуктивного высказывания; завершенная интонация — для самоценного сообщения о количестве.

Интродуктивные предложения неупотребительны в отрицательной форме (если она не получает позитивного смысла). К ним не может быть поставлен вопрос. Последнее обстоятельство связано с расширением коммуникативного фокуса, охватывающего более одного компонента.

Экзистенциальная интродукция к тексту обычно сопровождается индивидуализацией вводимого в «универсум речи» (universe of discourse) лица или предмета. Индивидуализирующая характеристика может непосредственно включаться в интродуктивное предложение. Ср. *Итак, в одном департаменте служил один чиновник, чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморoidalным (Гоголь); Был у меня в то*

время приятель, матрос Сиротенко, тоже наш, с Украины. Служил на броненосце «Пантелеймон», бывшем «Потемкине» (Паустовский); У меня на Оке был друг садовник, большой души человек (Паустовский); Есть у нас арендатор — мелкий мошенник (Блок, Дневники); У меня есть один знакомый — занимается биологией (разг.).

Интродуктивные предложения настоятельно требуют продолжения. Отсутствие продолжения обмануло бы ожидания адресата, оставило бы у него чувство информативной неудовлетворенности. Заминка после интродуктивного предложения обычно вызывает со стороны собеседника поощрительную реплику. Ср. *Есть у меня тут приятель один... такой друг! такой друг! [...] — Ну-с, так приятель... что же этот приятель? — поощрил я его (Салтыков-Щедрин).* Интродуктивные высказывания, таким образом, лишены автономности: текст не может быть ими ограничен. В них имя имплицитно (а иногда и эксплицитно) сопровождается придаточным ... *о котором я хочу рассказать (что-то сообщить).* Такого рода имплицитное или эксплицитное придаточное служит выделению некоторого объекта из числа других объектов, входящих в данную область бытия. Поэтому в интродуктивных предложениях присутствует идея не только некоторого пространства, но и пребывающей в ней совокупности объектов (см. ниже).

Итак, интродуктивные бытийные предложения маркированы относительно текста, занимают в его структуре особое место. Их функция состоит в введении лиц, предметов, явлений, событий и пр. в предметную область приложения языка в заданных условиях коммуникации. Иначе говоря, интродуктивные высказывания имеют своей целью расширение числа тех предметов, о которых может быть сделано сообщение, понятное адресату речи.

Имя, входящее в интродуктивное высказывание, может иметь не только предметное, но и событийное значение. В этом случае оно также обозначает широкий понятийный класс, конкретизируемый в последующих сообщениях. Ср. *«Есть одно происшествие в моей жизни», сказал он. «Доныне я не могу понять, что был тот странный образ, с которого я написал изображение» (Гоголь).*

Наконец, следует отметить еще один очень важный для русского языка способ актуализации бытийных предложений: коммуникативный фокус может захватывать

в них только качественную или количественную характеристику бытующего предмета. Ср. *Платье на ней было старенькое; Книг у него было много*. Этот вид актуализации изменяет членение предложения: его субъектом становится имя бытующего предмета, который стремится получить конкретную референцию, сделав своим детерминантом локализатор, а его предикатом становится определение имени, которое стремится соединиться с модально-временными категориями глагола *быть*. Ср. *На ней | было старое платье* и *Платье на ней | было старое. У него | было много книг* и *Книг у него | было много*.

Рассмотрим специфику актуализации качественного определения. Этот случай представляет интерес в следующем отношении. Если имя бытующего предмета получает конкретную референцию (например, в силу единичности или ограниченности предметов определенного разряда, входящих в данную «область бытия»), то актуализация его качественного определения ведет к преобразованию экзистенциального отношения в предикатное. Ср. *У него были большие и сильные руки* → *Руки у него были большие и сильные* → *Руки у него (не) были большими и сильными*. Синтаксическая реорганизация заметна уже в изменении порядка слов: субъект выдвигается на первое место и к нему примыкает локализатор, получающий функцию детерминанта. Для некоторых членов синтаксической парадигмы такой порядок слов обязателен. Ср. *Руки у него не были большие (большими)*. Перераспределение синтаксических ролей выявляется и в использовании творительного предикативного (*Нос у него был прямым, руки большими*).

Перестройка экзистенциальной модели в предикатную, затронув порядок слов, форму прилагательного и способ выражения отрицания (*не* вместо *нет*), не коснулась, однако, оформления детерминанта имени: локальное *у меня* и пр., став эквивалентом притяжательного местоимения и примкнув в постпозиции к существительному, не было вытеснено посессивом (*мой, твой* и т. п.). В русском языке более естественно сказать *Ноги у нее стройные*, чем *Ее ноги стройные*. Этот штрих (сохранение детерминации имени по локальному образцу) очень существен: благодаря ему не происходит окончательного разрыва предложения с экзистенциальной моделью. Замена локальной детерминации на посессивную «вывела бы на

чистую воду» факт конкретной референции имени и потребовала бы ясно выраженной предикатной структуры. Ср. *Ее нос прямой*.

Следует заметить, что локальный тип детерминации, характерный для экзистенциальных предложений, получил в русском языке достаточно широкое распространение и за пределами рассматриваемого синтаксического поля. Он особенно употребителен в высказываниях, субъектом которых являются названия «неотчуждаемой собственности». Ср. *Ноги у нее шли сами собой; Руки у него тянулись к чужому добру; Локти у него работали быстро и энергично; Голова у него склонилась на грудь*. Ср. также локальную детерминацию имени и в других семантических разрядах высказываний: *В квартире у них работали маляры; Портфель у него всегда набит книгами; Лекции у него проходят живо и интересно; Когда у него лекция? Где у тебя документы?* и пр. Однако во многих случаях локальная детерминация недопустима. К ней, например, запрещено прибегать в высказываниях, обозначающих или предполагающих сознательное, целенаправленное действие. Ср. следующие два предложения: *Он протянул (свою) руку за яблоком и Рука у него потянулась за яблоком*.

Вопрос о разграничении в русском языке зон локальной, посессивной и нулевой детерминации имен предметов, относящихся к микромиру человека, заслуживает специального исследования.

Возвращаясь к экзистенциальным высказываниям, мы должны подчеркнуть, что грамматическая перестройка предложений, в которых имя бытующего предмета получает конкретную референцию, влечет за собою изменение функции глагола *быть*: из показателя наличия (экзистенциальное значение) он преобразуется в показатель грамматических категорий сказуемого (связочное значение)¹². Ср. *У них есть дом. Дом у них большой и светлый*. Из приведенной последовательности с очевидностью явствует, что первое предложение бытийно, а второе выражает предикатные отношения: в нем сообщается о признаках конкретного объекта, уже «введенного в бытие» первым высказыванием. Этим определяется невозможность ис-

¹² О принципиальных различиях между этими функциями см.: Э. Бенвенист. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке. — В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

пользования в нем *нет*-отрицания, коррелирующего только с экзистенциальным (но не связочным) значением глагола *быть* (в нулевой или эксплицитной репрезентации), а также неупотребительность в настоящем времени бытийного глагола (связка *есть* встречается почти исключительно в предложениях-дефинициях).

Если актуализуется количественный атрибут «бытующего предмета», то тенденция к преобразованию экзистенциальных отношений в предикатные не обнаруживает себя столь явственно. Это объясняется тем, что количественный предикат, в особенности указание на число счетных предметов, логически исключал бы конкретную референцию характеризуемого имени: мы не можем считать референт имени вычлененным из предметного мира и четко детерминированным, если не относим к пресуппозициям сообщения сведения о численности предметов. Это общее положение заставляет многие языки избегать схемы «подлежащее — сказуемое» в сообщениях о количестве, т. е. исключать числовые значения из семантической сферы предикатов. Существуют, однако, ситуации, вызывающие к жизни предложения, коммуникативным ядром которых является указание на число предметов. Так, например, совокупность предметов может быть вычленена по некоторому признаку, не эксплицирующему их численность, а сообщение о количестве — делаться после экзистенциального введения. Ср. следующие альтернативные возможности построения текста: 1) *В комнате было пять стульев*; 2) *В комнате были стулья; Стульев (которые находились в комнате) было пять*. Ср. также обиходные вопросы типа *Сколько вас здесь? Сколько их было? Сколько в отряде было бойцов?*

Специальные сообщения о количестве встречаются, таким образом, с затруднениями логического порядка, которые неодинаково разрешаются разными языками. В некоторых языках количественная характеристика не относится к числу условий (пресуппозиций), необходимых для конкретной референции имени (его определенности), и в область предикации допускаются количественные значения. Ср. англ. *We are five*, исп. *somos muchos*. Здесь нет места подробно останавливаться на этой языковой ситуации. Укажем лишь, что ограничительный барьер на количественную предикацию обычно не преодолевается полностью.

Если язык опирается на принцип количественной (численной) заданности предметов, обозначаемых референтным именем, т. е. исключает соответствующие значения из области предикации, то для сообщений о количестве и в особенности о численности предметов приходится прибегать к экзистенциальным предложениям, наводя в них коммуникативный фокус на количественное определение имени. Русский язык в общих чертах принадлежит к этому второму типу. Поэтому в нем квантитативные предложения формально отклоняются от квалификативных, следующих субъектно-предикатной структуре. Даже при очевидной референтности субъекта «количественного» сообщения последнее не может быть оформлено по модели «подлежащее — сказуемое». Ср. *Меня стало две — та, которая была прежде, и та, которая сейчас* (Федин) и *Я раздвоилась на прежнюю и теперешнюю*.

Внутри экзистенциальных высказываний, приспособленных к передаче сообщений о количестве, происходит передвижение коммуникативного фокуса на количественное определение имени. Вследствие этого имя в родительном падеже, т. е. падеже зависимости от количественных слов, отрывается от показателя количества и получает самостоятельную синтаксическую позицию. Глагол утрачивает согласование с количественным словом, выделенным в позицию ремы. Ср. *Праздного времени у нас было пропасть* (Салтыков-Щедрин). Став синтаксически самостоятельным, родительный падеж, как отмечали многие исследователи, приобретает значение партитивности¹³. Ср. *В комнате было много народа* → *Народа в комнате было много* → *Народа было много*. Регулярное расчленение экзистенциальных предложений по этому типу обеспечивает известную морфологическую независимость друг от друга количественного выражения и имени (ремь и темы сообщений). Ср. *Грибов здесь кот наплакал; Комнат в квартире всего две; Их тут раз два и обчелся*. Такие предложения не могут быть возвращены в экзистенциальное состояние. Ср.* *В квартире было две комнат*.

Однако сообщения о количестве все же сохраняют в русском языке формальные черты экзистенциальных

¹³ Об истории формирования партитивного генитива и его употреблении в славянских языках см.: Ю. М. Костинский. Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1970 (там же см. библиографию по теме).

структур. В них, например, невозможна определенная детерминация имени. Высказывания типа (*В комнате были стулья*). **Этих стульев было пять; (У нее есть дети).* **Ее детей восемь* отклоняются от нормы. Предложения типа *Твоих денег здесь пять рублей* имеют иное содержание: пять рублей из этих денег принадлежат тебе.

Итак, если актуализация приименного качественного определения ведет к частичной или полной перестройке синтаксической структуры предложения, то актуализация количественного определения в общем случае не выходит за пределы изменений в его актуальном членении.

Подведем некоторые итоги. Бытийные предложения характеризуются скользящим коммуникативным фокусом, который может падать в них на показатель бытия, на имя бытующего предмета, в редких и специфических случаях на «область бытия», на качественные и количественные определения имени бытующего предмета.

При нормальном, без нажима употреблении в фокус попадают два неотчленимых друг от друга компонента — показатель бытия и имя бытующего предмета, в совокупности составляющих рему высказывания.

На основе неотмеченного коммуникативным акцентом употребления бытийных предложений формируются высказывания интродуктивного характера, обладающие рядом специфических черт. Изменение актуализации бытийных предложений в одних случаях не влияет на синтаксическую структуру предложений, в других случаях оно имеет своим следствием изменение самого синтаксического типа, в частности, преобразование отношений экзистенции в отношения иного рода — качественную и локальную предикацию или идентификацию равных по объему понятий. Следует подчеркнуть, что перестройка синтаксической структуры экзистенциальных предложений обязательна тогда, когда перемещение коммуникативного фокуса сопровождается изменением референции имени, обозначающего бытующий предмет: экзистенциальные предложения, соответствуя сообщениям о макро- или микромире, не допускают конкретной референции имени, которая в общем случае выводит синтаксическую конструкцию за пределы экзистенциального типа.

Ниже мы увидим, что перечисленные выше виды актуализации предложений наличия в большой степени зависят от их семантического содержания.

Бытийные предложения в современном русском языке

В русской грамматической традиции к числу бытийных, или экзистенциальных, принято относить главным образом номинативные предложения со значением «состояния среды» (тип *Вечер*; *Тишина*; *Дождь*)¹⁴. Синтаксический анализ этой категории предложений, основывавшийся на идеях А. А. Шахматова, квалифицировал формы настоящего времени (*Зима*; *Мороз*) как полные односоставные предложения, а формы, образованные с глаголом *быть* (*Была зима*; *Будет мороз*), как двусоставные¹⁵. Критикуя эту концепцию, В. В. Виноградов писал: «Предложение *Была зима* для современного сознания также одночленно как *Зима*. Это — простое название явления, относимого к прошлому, простая констатация явления в прошлом»¹⁶. Опираясь на приведенное замечание В. В. Виноградова, И. А. Попова определяет предложения типа *Была зима* как номинативные и одночленные, т. е. нерасчлененные, но все же двусоставные предложения¹⁷. Понятие парадигмы предложения, введенное в описательную грамматику Н. Ю. Шведовой, позволило объединить разные формы одного предложения в общую систему¹⁸.

Унификация синтаксического анализа разных форм единого типа предложений не была, однако, достигнута полностью. Так, в академической грамматике 1970 г. предложения типа *Есть деньги* отнесены к категории двусоставных, а их отрицательные корреляты (*Нет денег*) рассматриваются в разряде односоставных высказыва-

¹⁴ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 344—345.

¹⁵ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 51—52.

¹⁶ В. В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 114.

¹⁷ И. А. Попова. О «двусоставности» номинативных предложений, «Исследования по современному русскому языку», М., 1970, стр. 178.

¹⁸ Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967.

ний¹⁹. Если считать отрицание, стоящее при предикате, грамматической категорией предложения, характеризующей его формы, но не влияющей на его тип, такой взгляд нельзя признать справедливым.

Вторая серьезная проблема, связанная с анализом бытийных предложений приведенного образца, касается их отношения к высказываниям, включающим локальный элемент (тип *В тайге зима; В доме тишина*). В большинстве случаев в таких структурах видят распространение предложения второстепенными членами. И. Ю. Шведова, обратившая внимание на ту огромную и совершенно особую роль, какую играют в русском синтаксисе свободно присоединяемые к ядру предложения детерминанты, рассматривает локальный элемент как обстоятельство, относящееся ко всему предложению в целом²⁰. В соответствии с этой точкой зрения первичной и основной является форма *Зима*, конструкции же с локальными элементами представляют собой результат ее распространения. С. Н. Цейтлин, напротив, считает номинативные предложения бытийного образца (*Тишина; Тоска; Скука*) редуцией двусоставных предложений: *В лесу тишина* → *Тишина*; *У меня тоска* → *Тоска*²¹.

Решение вопроса об исходной форме бытийных предложений, по-видимому, зависит от того, насколько центральной, т. е. необходимой для семантической и структурной полноценности высказывания, является позиция локализатора. Между тем эта последняя обладает разным статусом в разных по своему лексическому наполнению типах бытийных предложений.

В классической (первичной) семантической структуре бытийных предложений, как уже говорилось, существительное имеет предметное значение. В таких предложениях область пребывания предмета достаточно настоятельно требует конкретизации. Ср. *В саду были яблони и груши; В вазе фрукты; В правой руке у него трость*. Когда позицию имени занимает событийное существительное,

¹⁹ «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 567.

²⁰ И. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — ВЯ, 1964, № 6.

²¹ С. Н. Цейтлин. Субстантивные предложения в современном русском языке и их темпоральные характеристики. Автореф. канд. дисс. Л., 1972.

указывающее на действие, процесс, происшествие и т. п., то позиция обстоятельства места становится более факультативной, как и в любом глагольном предложении действия, а глагол *быть* меняет свою функцию: из показателя существования предмета он превращается в показатель модально-темпоральных категорий действия или состояния.

В предложениях *В саду были яблони (люди)* и *В саду была тишина (суета)* функции глагола *быть* различны: в первом случае *быть* имеет собственно экзистенциальное значение, указывая на существование предмета, во втором случае *быть* имеет значение осуществленности события, обычно выражаемое в языке при помощи категорий времени и модальности. В этой своей второй функции *быть* редко попадает в коммуникативный фокус. Поэтому в высказываниях о реализации события глагол *есть* присутствует гораздо реже, чем в высказываниях о существовании предметов.

Поскольку предметные понятия соотносительны с пространством, а событийные — с временем, предметно-бытийные предложения теснее связаны с обстоятельством места, нежели высказывания о событиях, семантически сближающиеся с глагольным типом (ср. *Скука* = я скукаю; *Тоска* = я тоскую, *Суета* = суетятся). Такого рода предложения можно было бы вывести из поля бытийности и считать номинативными эквивалентами глагольных предложений, если бы не следующие особенности их формальной структуры, сближающие их с экзистенциальными предложениями и отличающие от номинативных. Эти предложения, как и все предложения экзистенциального значения, допускают введение предиката наличия (*Есть дождь*; *Бывают бури*; *Бывает тоска*), а их отрицательная форма создается при помощи экзистенциального предиката *нет* (или *не бывает*), но не может быть образована прямым присоединением отрицания *не* (*Нет дождя*; *Нет тоски*; *Не бывает бурь*).

Номинативные предложения в собственном смысле не могут иметь отрицания *нет* (ср. *Не дождь, а град*; *Никакой это не стол*; *Совсем не идиот*). Предложения *Здесь есть фонарь* / *Здесь нет фонаря* и *Фонарь* / *Не фонарь* (*Это фонарь* / *Это не фонарь*) принадлежат к принципиально разным категориям. Событийные предложения *Здесь есть дождь* / *Здесь нет дождя* идентифицируются с первым из названных типов.

Относя предложения типа *Буря; Тоска; Скука; Революция; Война* и пр. к экзистенциальному полю, мы тем самым распространяем и на них формулу трехчленной структуры, включающей локализатор, который позволяет адресату речи отождествить тему сообщения, т. е. ту сферу реальности, к которой отнесено высказывание. Вместе с тем, как уже отмечалось, степень обязательности локального компонента в составе бытийных предложений непосредственно зависит от семантики имени и характера «области бытия»: она выше в предметно-бытийных предложениях и гораздо ниже в предложениях событийно-экзистенциальных.

В целом следует констатировать, что русские бытийные предложения обычно не рассматриваются в грамматиках как единый класс. Они частично попадают в раздел об односоставных предложениях, частично анализируются в числе предложений двусоставных (соответственно предложений с одним или двумя главными членами). Некоторые виды бытийных высказываний включаются в ряд неполных или эллиптических предложений. Такая разбросанность бытийных предложений по разным синтаксическим классам, подклассам и рубрикам, варьирующаяся в зависимости от принятой в данной грамматике общей синтаксической системы, мешает, как кажется, увидеть ту исключительную роль, которую играет в русском синтаксисе экзистенциальный тип предложения и его необычайное семантическое многообразие.

* * *

Итак, применительно к интересующему нас полю бытийных предложений русского языка принято рассматривать проблемы полноты и эллиптичности предложения²², функций синтаксического нуля²³, двусоставности / односоставности, коммуникативной расчлененности / не-

²² И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды Ин-та языкознания», II. М., 1958; П. А. Лекант. Продуктивные типы безглагольных односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1961.— В академической грамматике 1954 г. безглагольные предложения бытийного типа рассматриваются как разновидность неполных предложений («Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., 1954, стр. 98 и след.).

²³ I. A. Evreinov. Указ. соч.

расчлененности ²⁴, вопрос о распространении структурной схемы предложения детерминантами, отношение к номинативным предложениям, употребление в настоящем времени глагола *есть* ²⁵ и некоторые другие более частные проблемы. Меньше внимания уделяется вопросу о референтности имени, входящего в бытийные предложения, их текстовым функциям, их логическому содержанию, взаимодействию экзистенциального отношения с другими типами логико-синтаксических отношений — локальной и качественной предикацией и идентификацией. Ниже при рассмотрении русских бытийных предложений на первый план будет выдвинут именно этот круг вопросов.

* * *

В русском языке составляющие бытийных предложений, относящиеся к области бытия и бытующему предмету, допускают, как уже отмечалось, семантическое варьирование в очень широком диапазоне. Область бытия может изменять свой объем в пределах от мира, вселенной, взятой в отвлечении от ее пространственных и временных границ, до микромира человека, или даже его части, рассматриваемой в определенный момент бытия. Она может иметь материальный (пространственный) и идеальный характер. Она, наконец, может восприниматься как некоторая система отношений или как совокупность (множество, класс) объектов. Понятие бытующего предмета может изменяться в диапазоне от конкретного предмета до разных видов абстрактных понятий. Пересечение типов «области бытования» и типа «бытующего предмета» дает основные разряды бытийных предложений, многие из которых уходят из поля бытийности, смыкаясь с другими логико-синтаксическими разновидностями высказываний.

Предельной степенью сужения «сферы бытия» можно считать сведение ее к микромиру человека. Микромир человека допускает двоякое истолкование. Он может быть понят как непосредственное внешнее окружение человека, создаваемое всем тем, что находится к нему в том или другом отношении. Он может быть «очеловечен», т. е. понят

²⁴ В. В. Габайцева. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968, стр. 114 и сл.

²⁵ О. И. Селиверстова. Семантический анализ...

как конституирующий человеческую личность физический и духовный комплекс, как совокупность, составленная из набора физических и психических компонентов.

Некоторые из рассматриваемых ниже семантических типов предложений могут быть отнесены не только к человеку, но и ко всем прочим живым существам (ср. *У кошки четыре ноги; У этой собаки нет хозяина; У этой породы собак очень острый нюх*), а также к неодушевленным предметам (ср. *У этой книги золотой обрез; У оной тонкая ножка*). Различия в семантических возможностях бытийных предложений всецело отвечают различиям в структуре микромира человека, животного и неодушевленного предмета. Специально касаться этого вопроса в дальнейшем изложении мы не будем.

Область бытия — внешний микромир человека

1. Высказывания о владении, обладании предметом или о том, что предмет находится в распоряжении некоторого лица.

К предложениям этого типа относятся: *У них есть дача; У нас нет машины; У него в банке тысяч сто и есть родовое имение, которое он отдает в аренду* (Чехов); *Иногда нам кажется, что у человека золотые горы, а поглядеть, да посмотреть, так у него на маслице, да на свечку, — и то не его, а богово* (Салтыков-Щедрин); *Как же ты хочешь, чтобы он разговаривал, коли у него миллион* (А. Островский); *Хозяйство у них, земля, скот* (Горький); *Живет здесь у нас помещик один; У него шахты, знает ли* (Чехов); *Сколько богатства-то и доходу у Пошона Пошоныча* (А. Островский); *Ведь у меня опять всего только рубль серебром* (Достоевский); *У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска настоящей венской работы* (Гоголь) и др.

«Область бытия» (или, по терминологии Н. Ю. Шведовой, субъектный детерминант²⁶) указывает в предложениях этого типа на владельца, обладателя предмета. Ср. *У него есть дом* = он имеет свой дом; *У нее есть бриллианты* = Она имеет бриллианты. Структура этих

²⁶ Н. Ю. Шведова. К спорам о детерминантах. — ПДВШ, Филол. науки, 1973, № 5, стр. 70.

предложений поэтому допускает включение обстоятельств места. Ср. *Вот у меня на дворе куры* (Салтыков-Щедрин); *У них много хлеба в амбарах*; *У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч — это я знаю наверное* (Чехов); *Домишко у него за Окой* (Федин).

Посессивные предложения имеют следующие коммуникативные разновидности.

1) Сообщаемое заключено в предикате наличия. Ср. *У вас есть дача? У нас нет дачи.* — *Пу, говорит Яков Петрович, — возьми эту шапку себе.* — *А вы то как же?* — спрашивает Ковалев. — *У меня есть* (Бунин); *Он сказал, что у него нет паспорта* (Чехов); *Кровать у вас своя есть?* (Куприн). Ср. также свойственную детям манеру выхваляться друг перед другом: *А у меня что-то есть* или *А у меня что есть, что есть!*

Если предмет не конкретизован, возможен только такой тип актуализации.

2) В коммуникативный фокус попадает класс предмета. Ср. *Что у тебя есть? У меня есть дом и при нем огород. Что у него за душой? У него есть имение.* При такой актуализации глагол *есть* регулярно употребляется только в вопросах об имущественном положении, владении. Вопрос *Что у него?* едва ли будет истолкован в посессивном смысле.

3) «Область бытия» (в данном случае она указывает на владельца) может быть актуализована, только если имя предмета лишено конкретной референции. Ср. *У кого есть деньги? У меня есть; У кого есть своя машина? Своя машина есть у Сергеева.* Глагол *есть* при данной актуализации также сохраняется. Если сообщение касается владельца конкретного предмета, то используются собственно посессивные модели. Ср. *Чья эта дача? Эта дача Юдиной (ее, их и пр.), а не Эта дача у Юдиной (У нее, у них и пр.); Кому принадлежит этот дом? Этот дом принадлежит Перцову.*

4) Поскольку «героем повествования» редко бывают предметы, посессивные предложения не употребительны в интродуктивной форме. В случае необходимости она, впрочем, может быть создана. Ср. *Был у Орлова один замечательный бриллиант; Есть у него одно чудодейственное снадобье.*

5) При актуализации качественного определения обнаруживается тенденция к преобразованию экзистенциаль-

ной структуры в предикатную. Ср. *Какой у нее дом? Дом у нее большой, двухэтажный, кирпичный; Дом у нее был просторным, светлым.*

Предложение *У нее есть интересные книги* (ср. *у нее нет интересных книг*) сохраняет экзистенциальную структуру. Предложение *У нее интересные книги* (ср. *у нее не интересные книги; книги у нее не были интересными*) лежит на границе между экзистенциальным и предикатным высказыванием.

6) При актуализации количественного определения предложение сохраняет основные черты экзистенциальной структуры. Ср. *Сколько у него книг? У него много книг; Книг у него больше тысячи; Книг у него сотня будет; Книг у него два шкафа; Книг у него было много; Много у него добра всякого.*

В посессивных предложениях «область бытия» (т. е. субъект обладания) в принципе всегда эксплицитно присутствует в высказывании, суть которого как раз и состоит в указании на собственность некоторого лица. Устранение субъекта (с соответствующим изменением смысла) возможно только в предложениях, актуализующих определение имени (типы 5, 6). В этом случае значение принадлежности уступает место качественной характеристике.

2. Высказывания о пространственном (по смежности) вхождении предмета в микромир человека.

В этом разряде локальное обстоятельство оформляется разными пространственными предлогами: *у меня, со мной, при мне, на ней*. Оно может иметь также уточняющие распространители: *у него в руке, на голове у него, на его голове* и пр., например: *Посмотрите, какое на мне платье* (Салтыков-Щедрин); *Странно, что в жаркий день на женщине такой плотный, наверно, зимний платок* (Федин); *Кучер маленький, а кафтан на нем с большого* (А. Островский); *Смотрю: у Радды в руке пистоль, и она в лоб Зобару целит* (Горький); *Вчера Сережка выпил немножко, а сегодня в кармане у Сережки — как в бездонном лукошке* (Горький); *Голова закутана женской шалью, на левой руке лукошко, в правой высокая палка, на худых ногах растоптанные лапти* (Бунин); *В руках у нее были темные еловые ветви* (Паустовский); *На голове у него всегда была самодельная заячья шапка шерстью внутрь* (Бунин); [...] *и рука взялась за карман: есть ли при нем синяя ассигнация* (Гоголь); *Завидная невеста, если при ней угол* (Федин).

Предложения этого разряда допускают следующие коммуникативные формы:

1) Актуализован предикат бытия. Ср. *У тебя есть что-нибудь в кармане? У нее что-то есть в руке; У тебя есть с собой деньги?* Такого рода актуализация встречается редко.

2) Актуализовано имя бытующего предмета. Ср. *Что на ней было одето? На ней было очень простенькое домашнее платьице, на голове старая прежнего фасона шляпка* (Достоевский). Это наиболее частый вид использования предложений данной группы, которая в целом тяготеет к дескриптивному типу, поскольку портретирование человека обычно включает описание его одежды. Описательные предложения избегают отрицательной формы. Последняя стремится получить в них позитивный смысл. Ср. *На ней было не новое платье; На нем был не модный костюм; На нем не было ничего яркого.*

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *Какое на ней было платье? Платье на ней было белое, как лебедь* (Гоголь); *Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем* (Гоголь); *Фрачишка на нем гадкий, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает* (Гоголь); *Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета* (Гоголь).

Актуализация этого типа имеет дескриптивный характер и не может быть четко противопоставлена актуализации имени бытующего предмета. Ср. функциональную близость вопросов: *Что на ней было?* и *Какой на ней был костюм? Какая на ней была одежда?*

4) Актуализовано количественное определение имени. Ср. *Колец на ней было штук десять.* Такая актуализация встречается редко.

5) Интродуктивный вариант у предложений этой группы практически отсутствует.

6) Актуализован локализатор. Ср. *Сапоги были на моем друге, а брезентовые туфли на мне; На ком из вас был красный жакет? У кого в руках была газета?* Такого рода актуализация не характерна для данного разряда предложений, как и вообще для всего бытийного типа. За этим типом предложений часто скрываются отношения идентификации. Ср. *На ком из вас был красный жакет? = Кто из вас тождественен лицу, одетому в красный жакет?*

3. Высказывания о «личном составе» микромира человека.

Микромир в этих высказываниях создается отношениями к некоторому лицу — центральному компоненту системы. Принадлежность к микромиру определяется реализацией одной из потенциально возможных связей, которая раскрывается в номинации лица. Ср. *У Коли есть брат; У меня две сестры; У него мать в Калуге*. Предложения типа *У тебя же есть Клава* могут быть употреблены только, если собеседникам известна роль *Клавы* в данном микромире, т. е. если за именем стоит дескрипция. Такого рода предложения означают приблизительно следующее: 'Ты не одинок. У тебя есть опора в лице твоей жены (сестры, дочери, домработницы и пр.) Клавы'.

Требование реляционной номинации для сообщений о микромире человека настолько сильно, что даже отрицательные и неопределенные местоимения, попадая в них, получают известную лексическую значимость в рамках системы заданных отношений. Так, предложение *У нее никого нет* обычно (если речь не идет об отсутствии в ее доме гостей) будет понято как 'У нее нет близких родственников' или 'У нее нет своей семьи' (ср. *У нее нет никого из близких*). Если такое сообщение касается молодой девушки или женщины, оно может означать 'У нее нет поклонников (жениха, возлюбленного)'. Вопрос *У нее кто-нибудь есть?* обычно имеет в виду претендента на руку или возлюбленного.

Если в сообщениях о микромире лица входят номинации иных типов, они также получают родственно-семейное или функциональное истолкование. Ср. *У меня их двое, подлецов* (Чехов), где под *подлецами* разумеются дети, сыновья. *У кума моего девчонка* (Федин) — под *девчонкой* имеется в виду дочка.

Имя лица в предложениях этого типа никогда не получает конкретной референции. Нельзя сказать **У меня есть этот брат. *У нее есть тот муж, которого ты только что видел*. Имя лица может утрачивать логический акцент, но не может стать субъектом суждения. Невозможно строить предложение по типу **Тот сын у нее* (следует *Тот мальчик ее сын*).

Предложения о составе микромира человека не терпят перестройки экзистенциальных отношений в предикатные по типу *На столе книги и журналы* →

→ *Книги и журналы на столе; У меня есть книги* → *Твои книги у меня*. Это естественно объясняется тем, что локализатор (*у Маши, у меня*) в данной модели указывает не на местонахождение предмета, а на центр некоторой системы отношений. Форма *у меня* противостоит в этом смысле локализатору *со мной*. Последний указывает либо на отношения «по смежности», либо на включенность в одну совокупность, в одно «множество». Сравним следующие два предложения: *Когда она сказала, что с ней раненый, и выговорила слово 'Брест', все четверо ахнули* (Федин) и *У меня раненый, и нечем перевязать, — сказала она виновато* (Федин). В первом случае может идти речь о случайных отношениях «по смежности», во втором — о том, что раненый находится на попечении говорящего и «функционально» с ним связан. Локализатор (*со мной, с ним*) может занимать позицию сказуемого, а имя лица, выполняющего при нем роль подлежащего, иметь конкретную референцию. Ср. *Этот мальчик со мной*. Лицо в этом случае совсем не требует реляционной номинации. В приведенном примере сочетание *со мной* указывает на совместность, отнесенность к одной совокупности. Оно ничего не говорит, однако, о функции мальчика в микромире говорящего.

Форма *у меня* не всегда обозначает центр микромира человека. Она имеет локальное значение в предложениях типа *У меня гости; Нынче у меня два очень интересных человека* (Л. Толстой). Как и другие локальные предложения, подобные сообщения допускают включение имен с конкретной референцией. Ср. *У меня Петя и Валя* = те лица, которые находятся сейчас в моем доме, есть Петя и Валя; или *У тебя кто-то есть? Да, у меня Петя и Валя* = да, у меня есть гости. Эти гости Петя и Валя.

Как и прочие локальные предложения, приведенные высказывания допускают коммуникативную инверсию, при которой локализатор становится сказуемым: *Где Петя и Валя? Петя и Валя у меня*. В то же время невозможно **Сестра у меня; *Дети у нее* (в смысле *У меня есть сестра; У нее есть дети*). Предложение *Деньги у меня* имеет локальное, а не посессивное значение.

Наконец, формы *у нас, у них, у вас* в предложениях, в которых «бытующим предметом» служит лицо, могут указывать на некоторую совокупность, включающую (или

не включающую) говорящего. Ср. *А где у нас Суворовы теперь?* (Л. Толстой). Это предложение должно прочитываться так: 'Среди нас сейчас нет гениальных полководцев'. Предложения подобного типа выражают экзистенциальные отношения, если входящее в них имя нереферентно. Они не допускают коммуникативной инверсии. Так, невозможно **Гениальные полководцы у нас* (об этом типе предложений см. ниже).

Приведенные выше сопоставления показывают, насколько различны возникающие на почве общего и недифференцированного значения бытийности отношения локального и системного типа. В первом случае имеются в виду обычные пространственные отношения, которые в зависимости от коммуникативной структуры высказывания могут получать интродуктивно-экзистенциальное значение (*В некотором царстве жили-были старик со старухой*), собственно экзистенциальное значение (*В этих местах есть лисы*), значение идентификации (*Кто здесь? Здесь Коля*) и, наконец, значение локальной предикации (*Где Коля? Коля у нас*). Элемент *у меня, у Коли* может занять позицию сказуемого только, если он имеет локальное значение.

Отношения, базирующиеся на понятии некоторой системы, подобных преобразований не терпят. Бытийные высказывания, на каком бы из их трех основных компонентов не находился коммуникативный акцент, сообщают о вхождении объекта в данную систему связей. Последняя, применительно к предметам, основана на отношении посессивности, а применительно к людям — на родственно-семейных, социальных, функциональных или иных отношениях.

Предложения о вхождении некоторых лиц в микромир человека могут иметь следующие коммуникативные варианты.

1) Сообщается о наличии / отсутствии лица, наделенного данной функцией. Ср. *У нее есть родители? Да, у нее отец в Калуге; У тебя отец-то есть?* (Куприн).

2) Сообщение касается функциональной категории лиц. Ср. *Но ведь у меня дети, ваше превосходительство... Жена... Мать... При нынешней дороговизне* (Чехов); *Мне хотели представить его. Я решительно отказался: у меня дочери* (Л. Толстой); *Матвей услышал признание, что у нее жених в Ярцеве и скоро быть свадьбе* (Федин).

3) Сообщение касается свойств лица, входящего в микромир человека. Ср. *Ему было жалко Растрепу, что у нее непутевый муж* (В. Смирнов); *Дети у него уже совсем взрослые*; *Сын у нее больно озорной*. Отношения экзистенции при данной актуализации стремятся к преобразованию в качественную предикацию: имя лица становится субъектом суждения, детерминируемым локализатором *у меня, у тебя*, а прилагательное, его определяющее, приобретает функцию предиката, выявляющуюся в возможности его постановки в творительном падеже. Ср. *Мамаша у него престарелая* = его мамаша престарелая; *Муж у нее был непутевым* = ее муж был непутевым.

4) Сообщение касается количества лиц. Ср. *У него их [детей] двадцать незаконных, я думаю* (Л. Толстой); *Наоборот, у них детей было чрезвычайно много* (Куприн); *Теперь выдвинули в наркомздравы. Одних докторов у него семь с половиной тысяч* (Леонов).

5) Сообщается, у кого именно имеются те или другие родственные или функциональные отношения. Такая актуализация встречается редко. Ср. *У кого хорошая портниха есть? У кого-нибудь есть в этом городе знакомые? Друзья на лодочной станции у него. Я там никого не знаю*.

6) Сообщение имеет интродуктивный характер, т. е. предваряет основное сообщение, вводя в универсум речи персонажей будущего повествования. Ср. *Так вот, есть у меня приятель... словом сказать Парамонов купец. И есть у него... [...] — Так вот я и говорю: есть у г-на Парамонова штучка одна... образованная: в пансионе училась [...]. Не желаете ли вы вступить с этой особой в фиктивный брак?* (Салтыков-Щедрин); *Так, видишь ли: есть у меня приятель, а у него особа одна... вроде как подруга... — Душенька, то есть? — Ну, как там по-твоему... И есть у него желание, чтобы эта особа в законе была* (Салтыков-Щедрин); *У нас в роте был один тощий солдат. Ему чертовски везло* (Паустовский).

Интродуктивные предложения несколько отличны от прочих высказываний этого разряда. В них обычно фигурируют обозначения лиц, фиксирующие более отдаленные отношения их к рассказчику. Часто функция этих лиц в микромире рассказчика условна. Ср. *Есть у меня один знакомый (приятель, друг, коллега, сотрудник, студент, преподаватель, земляк, однополчанин); Был у меня однажды один попутчик (сосед, денщик, начальник, спутник, со-*

ученик, помощник и т. п.). Само по себе такое сообщение редко обладает самоценным значением. Вопрос *У тебя были однополчане?* едва ли задают даже военному, служившему в полку. Предложение *У меня есть (был) спутник (однополчанин)* вполне определенно требует продолжения. Напротив, сообщения о лицах, представляющих собой потенциально обязательный компонент микромира человека, в экзистенциальной интродукции не нуждаются. Ср. *(Была у меня мать). Бывало мать мне сурово выговаривала за такие поступки.* Сообщения о существовании лиц, входящих в потенциально обязательную систему микромира, обычно имеют собственную информативную ценность. Ср. *У него ведь есть жена; У нее муж и двое детей.*

4. Высказывания о наличии внешних обстоятельств жизни человека или внешней (социально-значимой) ситуации: *У него совещание* (Федин); *У тебя концерт* (Леонов); *Завтра у вас экзамен в театральном училище* (Леонов); *Господа за Волгу собирались, вроде как пикник у них* (А. Островский); *Лариса: Пойдемте домой, пора!* Карандышев: *Да и мне нужно: у меня ведь обед* (А. Островский); *Сначала не собрался просто, а потом были хлопоты и неурядицы* (Блок, Письмо к Н. Малько).

Предложения такого рода очень близко соприкасаются с личностной моделью. Ср. *У меня много работы* = я сейчас много работаю; *У меня затруднения с решением этой задачи* = я затрудняюсь решить эту задачу; *У меня сегодня бег на стометровку* = я буду сегодня бежать стометровку; *У тебя тут ошибка* = ты тут сделал ошибку.

Обычно предложения этого разряда имплицитно предполагают, что лицо, определяющее микромир (сферу бытия), принимает то или другое участие в событии. Ср. *У меня сегодня экзамен* (либо я принимаю, либо сдаю экзамен); *У нее вчера была примерка* (это предложение одинаково уместно и о портнихе и о заказчице); *У меня завтра лекция* — скажет и слушатель и лектор; *У меня сейчас съемки* (спектакль, просмотр, репетиция, соревнование, конкурс и пр.) может относиться к любому участнику съемок (спектакля, просмотра и т. п.). *Завтра у меня званый обед* может быть сказано и хозяином и приглашенным.

Некоторые предложения, впрочем, более употребительны в устах лишь определенного участника события. Так, *У меня сегодня было две химии и одна шестимесячная* — стандартная фраза дамского парикмахера.

Исключения составляют предложения, в которых форма *у меня* имеет локальное значение, относясь к квартире, жилью. Предложения *У меня сегодня стирка* (уборка, настирка полов, ремонт и пр.) не имплицитуют, что говорящий лично участвует в названных мероприятиях.

При двухагентных событиях симметричного типа предложение может быть построено по одной из следующих моделей: 1) *У него с Любой роман*; 2) *У них с Любой роман*; 3) *У него и Любы (у них) роман*; 4) *У него роман с Любой*; 5) *Между ними роман*.

Ср. *Что теперь у вас с Агнией Львовной?* (Федин); *Что у тебя с твоей артисткой-то?* (Федин); *С хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры* (Достоевский); *Мне все кажется, что у нас не дуэль, а убийство* (Пушкин); *Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?* (Пушкин); *Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот* (Достоевский).

К этой же категории могут быть отнесены предложения, в которых сообщается о социально значимой (и в этом смысле внешней) характеристике лица, его возможностях, положении в обществе и т. п.

Ср. *У него связи; У меня там есть знакомства; У него хорошее положение в обществе; У него (перед ним) большое будущее; Сейчас у нее есть выбор; У нее есть свои минусы (плюсы, преимущества, достоинства, недостатки и пр.); У той — Америка и кольцо с надписью, думал я, а у этого — докторская степень и ученая карьера и только я и сестра остались при старом* (Чехов); *Значит, у вас теперь три Анны, — сказал он, осматривая свои белые руки с розовыми ногтями, — одна в петлице, две на шее* (Чехов); *По ее убеждению получалось, что Скудин поможет во всем — у него связи, несравненное влияние* (Федин); *У него, братец мой, позиция, а не оппозиция* (Федин); *У всякого человека есть своя функция* (Чехов); *А у меня нет даже и этой связи с родиной* (Бунин); *У Чехова была вторая профессия* (Паустовский).

Возможно, вариантом этого значения следует считать и отношения авторства.

Ср. *У Блока есть ранние малоизвестные стихи: «Ночь теплая одела острова»* (Паустовский); *У Гейнзе, интересного и полузабытого писателя, есть такая басня: «Домашний восковой идол стоял около огня, где обжигались глиняные вазы, и начал таять»* (Казакевич).

Предложения, включающие событийные имена, могут иметь следующие коммуникативные формы.

1) Актуализован предикат наличия. Ср. *У тебя есть время? Нет, времени сейчас у меня совсем нет; У тебя есть дела в городе? Да, у меня есть кое-какие дела в городе.*

2) Актуализован класс событий. В этом случае предложение соотносимо с вопросами типа: *Что там у тебя? Ну, а что у тебя? Что у вас сегодня вечером? Что ты собираешься делать? Ты занят сегодня? Какие у тебя планы на завтра? Что ты делаешь? Что ты делал вчера?* и др. Отвечая на подобные вопросы, говорящий обычно указывает на имеющие место, бывшие или предстоящие ситуации, в которых он участвовал, участвует или собирается участвовать. Ср. *Что у тебя завтра? Завтра у меня защита проекта; Что ты собираешься делать в воскресенье? В воскресенье у нас турпоход.*

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *Работа у него сейчас очень ответственная и напряженная.* Как и в прочих разрядах бытийных предложений, такая актуализация обнаруживает тенденцию к преобразованию экзистенциальных отношений в качественную предикацию. Ср. *Операция у него была длительной.*

4) Актуализовано количественное определение имени. Такая актуализация возможна только применительно к счетным и «массовидным» событиям. Ср. *Сколько у тебя завтра лекций? У меня завтра две лекции. А так как праздного времени у нас было пропасть, то мы решили посвятить его благопристойно-философическим размышлениям (Салтыков-Щедрин).*

5) Актуализация «области бытования», т. е. имени лица, характеризуемого по его участию в некоторой ситуации, происходит редко. Ср. *Это не у него неприятности, а у меня; У кого завтра лекции? Завтра лекции у всех; У кого сейчас нет дела (работы, занятий)? У меня сейчас нет никакого задания; Поне козыри у нас,—многозначительно сказал он (В. Смирнов); Значит, все тебе нипочем, вся силица на свете у тебя (В. Смирнов).*

6) Предложения с событийным именем могут иметь интродуктивный характер, т. е. предварять основное сообщение. Ср. *Есть у меня к тебе одно дельце; У меня к тебе разговор один есть; У меня есть одно важное поручение (задание, соображение, наблюдение и пр.); У меня к тебе предложение; У меня к тебе есть один вопрос; У меня к тебе*

*есть вопрос: У меня к тебе вопрос: У меня вопрос: Поды-
мемся к вам, дорогая, у нас единственный капитальный
вопрос, всего на пять минут, ни секундой больше (Федин);
У меня к вам есть просьба,— продолжал племянник, по-
жимая дядюшкину руку (Чехов).*

В таких высказываниях существительное имеет обобщающее значение (ср. *новость, дело, дельце*). Часто оно относится к целенаправленному коммуникативному акту (*разговор, вопрос, просьба, сообщение, предложение* и пр.) или обозначает событие по его положительной или отрицательной роли в жизни лица (*горе, беда, неприятности* и пр.). Ср. *У нас радость!* (Чехов); *У него горе* (Бунин); *У Алеши большие неприятности* (Леонов); *А у нас, брат, что! Ужас!* (Л. Толстой); *А у нас беда* (А. Островский).

Отсутствие у высказываний такого типа дальнейшего развития, раскрывающего суть дела, вызовет у собеседника побуждающую реплику типа *Скажи же, в чем дело? Какая беда? Что случилось? Случилось что-нибудь?* А нежелание конкретизировать сообщение будет расценено как несоблюдение правил ведения разговора. Когда говорят *Есть у меня одно тайное желание (намерение, подозрение), Есть у меня одна тайная мысль (мечта, надежда)*, то сама форма сообщения свидетельствует о том, что говорящий не собирается далее хранить свою тайну. Для того, чтобы предотвратить выпрашивание, т. е. снять интродуктивный характер высказывания, в предложение может быть введено неопределенное местоимение *какой-то*, указывающее на то, что говорящий не в курсе дела, или местоимение *кое-какой*, дающее понять, что говорящий, хотя и располагает соответствующей информацией, однако не намерен ее сообщать или считает ее несущественной. Ср. *У них были кое-какие неприятности; У него какое-то несчастье*. Местоимение *кое-какой* избегает сочетаний с оценочными существительными. Ср. неловкость предложений типа *У него недавно было кое-какое горе (кое-какая радость, беда)*. В разговорной речи это ограничение на сочетаемость компенсируется местоимением *какой-то*: высказывания типа *У него было какое-то несчастье* могут употребляться как в ситуации неосведомленности, так и в ситуации осведомленности говорящего. С другой стороны, местоимение *какой-то* неприменимо в сообщениях о самом себе, поскольку говорящий едва ли может остаться неосведомленным о собственных делах.

В целом интродуктивные высказывания событийного типа отличны от «предметных» интродукций. Эти отличия проявляют себя как в их форме, так и в содержании. Событийные интродукции легко обходятся без глагола *есть* и выделительного числительного *один*. Они, в принципе, не составляют необходимого шага к дальнейшему сообщению, поскольку не имеют своей целью введение предмета в фонд общих знаний собеседников. Они носят скорее предваряющий, упреждающий характер и могут быть в некоторых случаях сопоставлены с разного рода знаками (сплетенными кольцами, голубком, траурной рамкой, дедом Морозом и пр.) на конвертах и извещениях.

Этот пример показывает, что замена предметных имен событийными в экзистенциальных предложениях расширяет и видоизменяет их основные коммуникативные функции.

*Область бытия — человек как психическая
и физическая личность*

1. Высказывания о компонентах внутреннего мира человека — его психических константах, характере, наклонностях, поведении, общей структуре личности, взглядах, вкусах, представлениях, преходящем психическом или эмоциональном состоянии, желаниях, намерениях, мыслях, способностях, объектных и безобъектных чувствах: *У нас с вами одинаковые вкусы, мой друг* (Леонов); *У каждого своя ахиллесова пятка, — продолжал князь Андрей* (Л. Толстой); *У той все хитрость, да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо* (А. Островский); *Но потом Илья Антонович рассудил, что на свой аршин мерить маклака нельзя — у него свои маклачи соображения* (Федин); *У нас разные взгляды, дядя Митя* (Леонов); *У каждого свои секреты* (Л. Толстой); *Вечные у вас фантазии, дядя Коля* (Симонов); *У меня такое состояние, едва выйду на улицу, кажется, что вот-вот запоют и деревья и синее-синее небо* (Федин); *Есть же такие люди. У них какой-то нюх на чужую беду* (Симонов); *Этот Герман — продолжал Томский, — лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля* (Пушкин).

Указание на лицо, испытывающее то или другое чувство, состояние и пр. или характеризуемое определенными психическими свойствами, может принимать более локаль-

ные формы: вместо *у меня, у него* и пр. в этих случаях появляются такие локализаторы как *во мне, на мне, со мной*.

Ср. *И то же в вас очарованье* (Тютчев); *Во мне есть инструмент, хороший рояль, струны натянуты* (Блок); *Не боюсь, грех на мне. Бей, Степан* (Шолохов); *Какая-то веселость в нем* (Есенин); *Эта мысль давно уже с тобой, а ты все не привыкла* (Горький).

Локализация психических свойств и состояний по типу *в ней, в нем* популярна в разговорной речи. Ср. *В нем что-то есть; В нем есть что-то от Байрона; Есть в ней что-то трепетное; Было в нем что-то демоническое*.

«Область бытования» может быть полностью адвербиализована. Ср. *Боюсь, что здесь больше хамства, чем чего-либо другого* (Блок), где автор имеет в виду вполне конкретное лицо. Наконец, можно встретить примеры, в которых локализатор отсутствует либо в силу своей контекстуальной очевидности, либо в силу неопределенности своего значения. Ср. *Была только одна страсть, которой он не таил,— страсть к игре* (Лермонтов); *Впрочем нельзя сказать, что не было к нему никакого внимания* (Гоголь).

Указание на лицо чаще всего опускается, когда имеется в виду субъект суждения, поскольку мысли, идеи, соображения и пр. легче отчуждаются от их автора, чем эмоции от своего носителя. Ср. *Есть тут одна идея; Есть мнение (точка зрения и пр.)*.

Внутренний микромир человека может сужаться. Область бытования при этом уточняется дополнительным детерминантом, указывающим на компонент психической структуры человека (ум, сердце, душу, совесть и пр.), либо на «орган», выявляющий чувство или состояние.

Ср. *Нет у него в сердце признательности,— сказал он,— нет, нет и нет!* (Салтыков-Щедрин); *Другое у ней на уме* (Леонов); *Он уже давно мне говорит: «Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой»* (Гоголь); *На сердце у Григория сладостная пустота* (Шолохов); [...] *тебе наплевать на то, что у него такая дичь в голове* (Достоевский); [...] *обе поняли, что у той и у другой одно в сердце и в мыслях* (Достоевский);

У меня очень одиноко на душе, много планов, много тоски, много надежды и много горького осадка от прошлого (А. Блок, Письмо А. Белому от 28-XII-07).

В предложениях с двойной областью бытования форма *у меня, у нее* обычно тяготеет к локализатору, но отноше-

нию к которому она приобретает посессивную функцию: *в глазах у нее* = в ее глазах, *на лице у нее* — на ее лице, *в сердце у него* = в его сердце, *на совести у нее* = на ее совести — на ней.

Преобразование формы *у меня, у Анны* в посессив, притяжательное прилагательное или родительный падеж имени стягивает двойной локализатор в одинарный. Ср. *Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодейства* (Пушкин); *Листницкий оглянулся на сотенного командира: на лице есаула — глухое отчаяние* (Шолохов); *Но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное* (Лермонтов); *В твоем голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая* (Лермонтов); *В голосе этой барышни за стеной — какая тупость, какая скука* (Блок); *К чести нашей народной гордости надобно заметить, что в русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторону угнетенного* (Гоголь).

Указание на лицо может вообще отсутствовать, тогда «область бытования» как бы сводится к некоторой «части» личности. Ср. *Глаза меняются в зависимости от темы разговора: есть в них и скучная южная страстность — голый «темперамент»; и какая-то молодая живость, честность, но главное — глубокая обида, ряд каких-то физических и душевных мук* (Блок); ... *наполнять письмо пустяками и о чем-нибудь, тогда как в душе такое горе, я не могла* (Достоевский); *На душе вот такой же синий покой и чистота* (Шолохов).

Итак, в предложениях, касающихся внутреннего мира человека, «область бытования» может иметь разную репрезентацию. Она может состоять в общем указании на характеризующее лицо (*тип у меня*), она может принимать более конкретно-локальную форму (*во мне, на мне, со мной*), она может суживаться (*на душе, на его совести, в сердце*), она может раздваиваться (*у меня на сердце*), она может, хотя и в редких случаях, совсем не обозначаться. Существуют определенные условия выбора того или другого способа обозначения характеризующего лица. Они относятся отчасти к области семантики (ср. грех, преступление, убийство могут быть только *на человеке, на его совести, на сердце, на душе*), отчасти закреплены нормой и узусом (принято: *у него на уме*, но не **на его уме*, хотя допустимо *у меня в мыслях и в моих мыслях, у меня на душе и в моей*

душе). В некоторых случаях норма колеблется. Ср. *Мутно гляжу на окна. В сердце тоска и зной* (Есенин) и *И на сердце изморозь и мгла* (Есенин)²⁷.

Наиболее общий и универсальный способ обозначения «области бытования» (*у меня, у тебя* и пр.) тоже наталкивается на известные ограничения. Так, разрешено *У меня на душе (совести) грех* и *На моей душе (совести) грех*, но не * *У меня грех* (нужно: *на мне грех*). Впрочем допустимо *Есть у него один грешок; Есть у меня грех один* (в интродуктивном смысле), а также *Есть за ним грех один; За ним водятся грешки*.

Предложения о психическом состоянии человека, структуре его личности и пр. допускают следующие коммуникативные формы.

1) Утверждение касается наличия или отсутствия некоторого свойства или состояния. Ср. *Совесть-то у него хоть есть? Вот совести у него как раз и нет; Ты любишь Николая? Нет, у меня к нему нет ни капли любви; «Но точно ли был у меня талант?», сказал он наконец: «не обманулся ли я?» [...] «Да», проговорил он отчаянно: «у меня был талант; везде, на всем видны его признаки и следы...»* (Гоголь).

2) утверждение касается самого психического свойства или состояния. Ср. *Ах, мама, все-то у тебя секреты, да хитрости*.

При постановке вопроса, предполагающего данную актуализацию, необходимо уточнение того аспекта психической жизни человека, который имеется в виду. Ср. *Что у тебя на душе (на уме, в сердце, на совести)? Какое у тебя к нему чувство?* В этом втором случае вопрос, касающийся компонента психической жизни, неотличим от вопроса о характере (свойствах) переживания. Ср. также идентичность вопросов: *Что ты к нему испытываешь?* и *Какое чувство ты к нему испытываешь?*

3) Утверждение касается качественной характеристики компонента психической жизни.

Такая актуализация особенно типична для предложений, в которых имя соответствует психической константе, постоянной величине внутренней структуры человека, его «неотчуждаемой собственности» (ср. *душа, сердце,*

²⁷ Это различие можно объяснить ассоциацией с предложениями прямого значения. Ср. *В пустыне зной, но На крыше (на деревьях) изморозь* (наблюдение Е. П. Ширяева).

ум, воля). Ср. *Во мне сердце твердое, они чуют* (Шолохов); *У тебя сердце жидкое* (Шолохов); *Волчиное в тебе сердце, а может и никакого нет, камушек заместо него заложенный* (Шолохов).

Такие предложения выражают отношения предикации. Локализатор в них получает функцию посессивного детерминанта имени. Ср. *Ум у него был пронизательным*.

Актуализацию определения имени приходится наблюдать и в предложениях, в которых имя общего значения сопровождается придаточным экспликативным или инфинитивом. Ср. *А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно* (Чехов); *У меня такое правило, что я никому не препятствую* (Салтыков-Щедрин) = мое правило — никому не препятствовать; *У него была страсть, у этого молодого человека, всех заставлять работать* (Казакевич) = его страстью было всех заставлять работать.

4) Актуализуется количественное определение имени. Ср. *Секретов у нее теперь очень много; Вкуса у нее бездна; Идей у него всегда много; И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным* (Гоголь).

Вопрос о шкале измерения разных элементов психической жизни представляет чрезвычайный интерес. Однако здесь не место на нем останавливаться. Укажем лишь, что для некоторых психических свойств и событий количественная характеристика (указание на интенсивность состояния) совпадает с качественной (ср. *глубокое уважение, большая любовь* и пр.). Поэтому многие высказывания этой группы, как и вообще высказывания с событийным именем, не различают по форме актуализацию качественного и количественного определения имени.

5) Утверждение касается характеризуемого данным свойством или переживанием лица. Подобная актуализация встречается редко. Ср. *У кого есть предложения (соображения, пожелания, возражения и пр.)? У кого из них самое доброе сердце? Самое доброе сердце у Анны*.

6) Утверждение имеет интродуктивный характер. Ср. *Есть у меня одна идея (один план, одна мысль); У меня есть возражение; Есть у меня одна заветная мечта; Было у него странное предчувствие; У Пушкина была еще одна*

особенность (Паустовский). В предложениях этого типа имя обычно носит обобщенный характер, предполагающий дальнейшую экспликацию. Интродуктивные предложения поэтому смыкаются с предложениями, включающими придаточное экспликативное или экспликативный инфинитив. Ср. *Есть у меня одна идея (один план). Я подумываю о том, чтобы провести осень в Пушкинских местах* = *Есть у меня идея (план) провести осень в Пушкинских местах*.

Перечисленные коммуникативные формы бытийных высказываний характерны не для всех предложений, включенных нами в данный класс. Это связано с тем, что существительные, относящиеся к внутреннему миру человека, семантически очень разнородны. Кроме того, они обладают разной степенью семантической обобщенности (ср. *душа, сердце* — с одной стороны, и *грусть, живость, забитость* — с другой).

Промежуточную зону между сообщениями о психических и физических свойствах лица составляют высказывания о симптомах, внешних проявлениях внутренних свойств или состояний человека. Естественно, что там, где речь идет о некоторой двусторонней сущности — знаке, символе, симптоме, признаке, — высказывание столько же указывает на означающую (внешнюю, физическую), сколько (или в большей степени) на означаемую (внутреннюю, психическую) сторону явления. Ср. *У нее такое доброе лицо и глаза* (Достоевский); *У нее такие торжествующие глаза* (Леонов); *Часто вижу вас и вашу сестру. У нее всегда такое доброе, сосредоточенное выражение* (Чехов); *Я здесь, Марик, Что ты? У тебя слезы?* (Арбузов); *У старика был несчастный голодный вид* (Казакевич).

К способам экстерииоризации внутреннего мира в известной степени могут быть отнесены и «отчужденные» проявления личности (письма, дневники, художественные произведения). Ср. *В стихотворениях Тютчева — эллинское, дохристианово чувство Рока, трагическое* (Блок); *В стихах самого Гумилева было что-то голодное и иностранное, что мешало его слушать* (Блок); *В книге много прекраснейших мыслей и планов* (Есенин).

2. Высказывания о физическом состоянии: *У него, как оказалось, вывих* (Шолохов); *Брось меня, казак... У меня ведь сквозная рана в живот* (Шолохов); *Да у тебя белая горячка, что ль!* (Достоевский); *Ирина Николаевна плачет,*

а у Петра Николаевича астма (Чехов); В клинике его смотрели лучшие профессора — у него тридцать три болезни, а сердце вообще ни к черту (Арбузов).

В этом, как и в предыдущем случае, «область бытия» может еще более сужаться, претерпевая при этом процесс локализации, т. е. сближения с обстоятельством места. Ср. *Сонька руку выгибает, а в глазах — круги, круги (Евтушенко); Вроде все бы спокойно, все в норме, а в руках моих — детская дрожь (Евтушенко); В ногах была слабость, но голова не болела (Бунин).*

Предложения этого разряда обозначают спонтанные, стихийные состояния человека. В этом отношении они аналогичны сообщениям о состоянии среды (*В тайге заморозки*). Непроизвольность состояния, его независимость от воли лица подчеркивается заменой формы *у нее* на форму *с ней*, занимающую близкую к объектной позицию. Ср. *С ней обморок; С ним припадок (приступ); Что с тобой? Со мной ничего нет; Со мной дурнота какая-то.* Локализатор *со мной* ограничен именами типа *обморок, дурнота, приступ, припадок, падучая*, неопределенно-личными, вопросительными и отрицательными местоимениями. С названиями болезней он употребляется редко (*с ним какое-то нервное заболевание; с ним жар*).

Предложения этого разряда могут иметь следующие коммуникативные формы.

1) Утверждается наличие или отсутствие некоторого физического состояния. Ср. *Доктор, вы считаете, что у больного есть язва? Думаю, что язвы у него нет; Вероятно, у него есть какой-то воспалительный процесс; С тобой бывают обмороки? Со мной этого (такого) не бывает.*

2) Утверждается характер состояния. Ср. *Что с ним? У него приступ печени; С ним обморок.*

3) Утверждение касается субъекта состояния. Ср. *У кого был обморок? Обморок был у Анны; У кого из больных приступ печени? Приступ у Петрова.*

4) Предложения этого типа в общем случае лишены интродуктивного варианта. Это отчасти можно объяснить тем, что входящие в них имена, как правило, семантически достаточно определены, конкретны, не имеют обобщенного значения. Допустимо в интродуктивной функции: *У него есть один недуг; У него была одна странная болезнь; С ним бывали странные явления.*

5) Актуализуется приименное качественное определе-

ние. Ср. *Приступ у него был острый; Обморок у нее был глубокий.* В этом коммуникативном варианте предложения стремятся выйти за пределы экзистенциальной структуры и перестроиться по предикатному типу. Ср. *Обморок у нее был глубоким; Болезнь у нее была тяжелой.*

6) Актуализуется количественное определение имени. Ср. *Сколько у него ранений? У него два тяжелых ранения и одно легкое; Сколько раз у него было воспаление легких? В прошлом году у него было два воспаления легких.* Такая актуализация возможна только для «счетных» (дискретных) физических состояний.

3. Высказывания о физических свойствах человека, в том числе о его «неотчуждаемой собственности» (частях целого): *У него было хорошее, почти микроскопическое зрение (Паустовский); Но разве бывают у людей, собравшихся повеселиться, такие выпяченные груди и такая неправдоподобная походка (Куприн); Но и при луне было видно, что у него поблекшее, обветренное лицо (Бунин); У атамана-то — волчий ожерелок, ишь голову не повернет (Шолохов); Дядя Коля, у вас медвежьи лапы, вы никогда не научитесь держать в них маленьких детей (Симонов); У тебя не нога, а лошадиное копыто (Шолохов); Дмитрий Романович — певец. У него голос. В горле у него бас, понятно? (Леонов).*

В предложениях этого разряда допустима дополнительная локализация признака. Ср. *Послушай, повернись! Что это у тебя на спине? — приказал офицер с погонами полковника (Шолохов); Что там на голове у меня? — В четверть зарубка. Это тебе на память (Шолохов); «А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу как будто прыщик», сказал он и между тем думал: «вот беда, как Иван скажет: да нет, сударь, не только прыщика, и самого носа нет!» (Гоголь).*

Предложения этого разряда имеют следующие коммуникативные формы.

1) Утверждается наличие или отсутствие признака. Такая актуализация возможна по отношению к «переменным», некомплектным «деталям» человека, в патологических случаях, а также при наличии особого коммуникативного задания. Ср. *У него есть борода (усы, родинка на щеке, веснушки, шрам и пр.)? У него нет одной ноги; У этого инвалида есть обе ноги, у него только нет на одной ноге пальцев; У тебя же есть руки, почему ты не сделаешь этого*

сам; У меня есть глаза, я все вижу; У меня есть уши, не кричи. Ср. также у Гоголя в «Носе»: Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза; точно: нет носа! И ниже: «Я не понимаю, как вы находите место шуткам», сказал он с сердцем: «разве вы не видите, что у меня нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб черт побрал ваш табак!» и в конце повести: Проходя через приемную, он взглянул в зеркало: есть нос.

2) Утверждается наличествующая «деталь». Такая актуализация также возможна только применительно к «некомплектным» частям человека. Ср. *Что у меня на щеке? У тебя просто небольшой прыщик; А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?* (Гоголь).

3) В коммуникативный фокус попадает «обладатель», носитель признака. Такая актуализация встречается лишь в особых случаях. Ср. *Родинка на щеке у моей младшей дочери; Самый красивый профиль у Андрея*. Такие предложения выражают отношения идентификации.

4) Предложения этого разряда не получают интродуктивной функции. Сообщения о «неотчуждаемой собственности» человека (т. е. о его голове, руках, ногах и пр.) не нуждаются в экзистенциальной интродукции.

5) Коммуникативный фокус наведен на качественное определение имени. Ср. *Какие у нее глаза? У нее голубые глаза; Глаза у нее голубые; Руки у нее золотые; Слух у нее был очень тонкий: [...] у одного из которых был нос никак не больше жилетной пуговицы* (Гоголь). Такого рода актуализация вполне закономерна, поскольку в общем случае нет нужды делать специальные сообщения о наличии у человека «комплектных» частей. Регулярная актуализация приименного определения ведет к тому, что анализируемые в этой рубрике предложения переходят из разряда экзистенциальных высказываний, членимых на компоненты, соответствующие области бытия, показателю существования и бытующему предмету, в категорию субъектно-предикатных предложений, членимых на субъект, его детерминант, определяющий референцию имени, и качественный предикат. Это очень ясно видно на следующих примерах: *Голос у нее был низкий, цыганский, и песни ему под стать — озорные или надрывные* (Казакевич); *Морда у него была в репьях, и пес, немного полаяв, начинал тереть морду лапой* (Паустовский); *Глаза у него были темные и выпуклые* (Паустовский); *Руки у нее были жилистые с си-*

ними вздутыми венами, кривые от работы (Паустовский); Волос на нем был черный, густой (Гоголь); «Ах, какие чудесные у этой плечи» (Гоголь).

Отрицание и вопрос касаются только предиката (приименного определения) подобных предложений. Ср. *Какие у нее глаза? У нее черные глаза? Нет, у нее не черные глаза: Глаза у нее не черные.* Экзистенциальный нет-предикат в этих случаях невозможен.

б) В коммуникативном фокусе находится количественное определение имени. Ср. *Веснушек на лице ее было множество.*

* * *

Событийные предложения, относящиеся к микромиру человека, могут перестраиваться по субъектной модели, если входящее в них имя соотносимо с глаголом или прилагательным. Ср. *...и есть у него желание, чтобы эта особа в законе была* (Салтыков-Щедрин) = он желает, чтобы эта особа в законе была; *Да у меня и мысли такой в голове, не было, чтобы смеяться* (Куприн) = да я и не думал (не собирался) смеяться; *Есть у меня думка продать ее и купить на те гроши корабельных гвоздей* (Паустовский) = я подумываю (собираюсь) продать ее и купить на те гроши корабельных гвоздей; *У него нет совести* = он бессовестный; *У него нет сердца* = он бессердечный; *У нее всегда одни хитрости* = она хитрая; *у нее всегда секреты* = она скрытная = она все держит в секрете. Ср. также возможность преобразований с глаголом *иметь*: *У нее был унылый вид* → *Она имела унылый вид.*

«Предметные» предложения, относящиеся к микромиру человека, могут быть перестроены по субъектному типу с участием глагола *иметь*. Такое преобразование порождает либо малоупотребительные, либо неприемлемые для русского языка высказывания. Так, если предложения типа *имею детей (сестру, друга), имею деньги (дом, сад)* характерны для официального стиля, то предложений *имею черные глаза и курносый нос* избегает даже анкета ²⁸.

Высказывания о микромире человека могут относиться к конкретному лицу. Ср. *У Пети есть дети; У этой де-*

²⁸ О семантическом соотношении конструкций с глаголами *быть* и *иметь* см.: О. Н. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.

вочки очень красивые глаза. Они могут относиться к определенной категории лиц. Ср. У идиотов ведь нет никаких высших побуждений и свойств, отличающих человека от животного: ни разума, ни речи, ни воли (Куприн). Они могут относиться к неопределенному или любому человеку. Ср. У каждого своя судьба (звезда); Петенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик (А. Островский); У кого-то пожар. Они могут выражать неопределенно-личное суждение. Ср. Есть предложение поехать за город; Есть намерение остаться дома; Существует мнение, что не следует спешить.

Таким образом, бытийные предложения, относящиеся к микромиру человека, соотносятся со всеми типами глагольных предложений, выделяемыми по характеру субъекта.

* * *

Заканчивая общую характеристику экзистенциальных предложений, относящихся к микромиру человека — его предметному, человеческому и ситуативному окружению, его собственности, физическим и психическим свойствам и состояниям, его социальному статусу, поведению, манерам, ощущениям, взглядам, эмоциональному и интеллектуальному содержанию, отношению к другим людям, намерениям и многому другому, мы убеждаемся в том, что практически все семантические типы сообщений, касающиеся личной сферы, могут получить в русском языке форму бытийных предложений. Беспредельно расширяя семантический репертуар существительных, входящих в бытийные предложения, русский язык получает возможность при помощи одной синтаксической структуры передавать самые разнообразные сообщения о человеческой жизни.

Прибегая к бытийным предложениям, русский язык моделирует сообщения о микромире по типу сообщений о макром мире. Бытийное построение высказывания предполагает опредмечивание всех компонентов того мира, о котором делается сообщение, в том числе явлений, процессов, событий и переживаний, свойств характера и внутренних состояний. Микромир человека в бытийных предложениях, таким образом, пропускается через призму предметности.

Использование одного принципа для описания макро- и микромира составляет особенность русского языка, отличающую его от ряда других европейских языков, в частности романских и германских, в которых сообщения о макром мире, взятом в его предметном аспекте, моделируются по бытийному типу, представленному синтаксически четкой конструкцией (англ. *there is*), а микромир человека изображается по «имущественному» принципу владения, принадлежности (англ. *have*): в мире нечто существует (есть), человек нечто имеет. Хотя в романских языках конструкция, служащая для сообщений о предметном содержании мира, сформировалась на базе глагола *иметь* (фр. *il y a*, исп. *hay* и др.), сам принцип построения сообщений о микро- и макром мире различен. В испанском языке, например, в высказываниях о мире сохранился глагол *haber* 'иметь', в то время как во всех прочих случаях, и прежде всего в сообщениях о человеке, используется в этом значении глагол *tener*. Таким образом, в то время как в германских и романских языках прослеживается тенденция к дифференциации сообщений о «большом» и «малом» мирах, в русском языке, напротив, те и другие высказывания часто строятся по одному образцу: принцип бытия, существования применяется в нем и к тому, что есть в мире, и к тому, что есть в человеке, у человека, с человеком и в непосредственном окружении человека.

Языки, противопоставляющие мир бытия сфере принадлежности, сообщения о мире сообщениям о человеке, в то же время с большей определенностью противопоставляют мир предметов миру свойств, признаков и событий, бытийные сообщения о предметном содержании мира — субъектно-предикатным сообщениям о свойствах предметов, в том числе и человека.

Область бытия — фрагмент мира

1. Высказывания, утверждающие бытование, присутствие или отсутствие в определенном фрагменте мира некоторых объектов — предметов, лиц, животных, учреждений и пр.: *На высоком пьедестале — фигура Колумба* (Горький); *Перед тахтой медвежья шкура* (Симонов); *За окнами, на крышах, первый выпавший снег* (Симонов); *У Невы, на каменных скамьях, влюбленные* (Арбузов);

В углу аккуратно сложенная стопка дров — все, что осталось от буфета (Арбузов); В сенях на полу, как раз против входа в горницу, — открытая дубовая домовина (Федин); Везде казаки и солдаты... дорого мне стоило быть там (Горький); Тогда майор спросил, нет ли в лесу, по крайней мере, университета или хоть академии, дабы их спалить (Салтыков-Щедрин); — Да, мой друг, удивительно, как это нынче... Говорят даже буфет в суде есть? — Есть и буфет (Салтыков-Щедрин).

В предложениях этого типа встречаются следующие виды актуализации.

1) Актуализован показатель бытия. Ср. *В вашем институте есть столовая? Нет, столовой у нас нет. Да, столовая у нас есть; На престоле должен быть король. Да говорят, нет короля. Государство не может быть без короля. Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности (Гоголь, Записки сумасшедшего); Услышал милостивый бог слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всем пространстве владений глупого помещика (Салтыков-Щедрин); — Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет? — Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает (Салтыков-Щедрин).*

2) Актуализован бытующий предмет. Ср. *Что у них в саду? У них только яблони; Снова снег на поле (Есенин); В конце Фуриштадской — питейное заведение (Салтыков-Щедрин); Боюсь как бы воры в амбар не забрались. Там у меня просо (Чехов).*

Различие в актуализации показателя бытия и имени предмета ясно видно на примере следующих предложений: *В Англии есть король; Сейчас в Англии королева.* В первом высказывании утверждается тот факт, что Англия — королевство, во втором — к какой категории принадлежит теперешний монарх данного королевства.

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *В этом номере журнала есть очень интересная статья; Мужики в этой деревне работающие.*

Высказывания с такой коммуникативной направленностью выражают отношение предикации. Локализатор, примыкая к имени, приобретает функцию детерминанта. Ср. *Мужики в этой деревне работающие* = те мужики, которые живут в этой деревне, работающие.

4) Актуализовано количественное определение при имени предмета. Ср. *...теперича в нашем районе этого торгующего народа — на каждом шагу* (Салтыков-Щедрин); *Молельщиков внутри церкви было немного* (Гоголь); *Мало ли женихов при дворе, всякий рад взять за себя твою Наташу* (Пушкин).

5) Актуализован локализатор. Ср. *Где здесь булочная? Где у тебя табак?*

Такого рода актуализация, как уже отмечалось, в принципе противоречит экзистенциальному типу, имеющему в качестве исходного пункта сообщения область бытия, а в качестве сообщаемого — указание на имеющиеся в этой области виды объектов.

6) Предложения интродуктивного типа, вводящие предмет последующего сообщения или повествования. Ср. *Вот что: есть тут индивидуй один... взыскание на него у меня, так нужно бы подстеречь* (Салтыков-Щедрин); *Когда я в Проломновской губернии жил, то был там один начальствующий — так он всегда все к стыду совершал* (Салтыков-Щедрин).

Область бытия может иметь двойное обозначение — через указание на место и на лицо (обычно рассказчика). Ср. *Позвольте вам доложить, — вступился Очищенный, — есть у нас при редакции человек один, с малолетства сочинение «О полярном клопе» пишет, а публиковать не осмеливается* (Салтыков-Щедрин); *У меня на Оке был друг садовник, большой души человек* (Паустовский).

2. Высказывания о событиях, происходящих в некотором фрагменте мира.

1) Субъектные события. Ср. *Она уезжала в гости куда-нибудь на завод или к соседям-помещикам и там игра в карты, танцы, фанты, ужин* (Чехов); *У прилавка моховского магазина — давка, толкотня* (Шолохов); *В коршуновском курене — предсвадебная суета* (Шолохов); *Высыпали мы на улицу, а уж тут гонка машин с беженцами* (Федин); *Рядом бессвязно скачущий разговор* (Шолохов); *Тут, брат, такая каша второй день* (Л. Толстой); *Во дворах кишат солдаты; в хатах суетня: хозяева собираются выезжать* (Шолохов).

В предложениях этого разряда употребительны имена качественные и оценочные. Ср. *Здесь вертеп, да!* (Горький); *Там жуть, безобразие* (Бунин); *Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело, уведи Машу*

(Пушкин); *Просто: нет, мол, в такой-то стране благопристойности — и дело с концом* (Салтыков-Щедрин); *Благопристойность вводить хотят. Это, конечно, [...]* много нынче этого невежества завелось, в особенности на улицах (Салтыков-Щедрин); *Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами* (Гоголь).

В отличие от предложений о микромире человека, логическим субъектом которых является лицо (ср. у нее на глазах слезы, у него на душе тяжесть), высказывания этого типа, обозначая неопределенно-личные события, являются сообщениями скорее об арене действий, заведени-ях, учреждениях, организациях, чем об участниках события. Предложение *В доме суета* характеризует обстановку в доме, а не суетящихся персонажей. *В театре толчея, аплодисменты* — сообщение о театре, а не о зрителях. Это же соображение относится и к неопределенно-личным предложениям типа *В доме суетятся; В театре аплодируют*. Устранение из предложения подлежащего может быть подчинено не только задаче исключения из него некоторой информации, но и изменению логического субъекта сообщения: субъект-лицо заменяется субъектом локального или иного типа.

2) Безличные события. Сюда могут быть отнесены сообщения о состоянии среды, стихийных явлениях, времени, общей ситуации и ее оценке, общесоциальных явлениях (например, эпидемиях, голоде, неурожае). Ср. *Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих чetyреста рублей в год жалованья, или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя впрочем и говорят, что он очень здоров* (Гоголь);... *а по окраинам — простор, безлюдье, тишина* (Бунин); *В белых снежных полях, в метели — глушь, дичь, а в избе — уют, покой* (Бунин); *На дворе и впрямь полдень* (Бунин); *Там теперь такая ж осень* (Есенин); *Теперь у вас зима* (Есенин); *На Ривьере небывалые ливни и бури, в Афинах снег... Все уверены, что совсем не то в Сорренто, на Капри* (Бунин).

Поскольку события ориентированы на ось скорее времени, нежели пространства, «область бытия» в этом разряде предложений может иметь темпоральный, а не локальный характер. Ср. *И немного погода опять тот же крик, грубый и протяжный, точно из-под земли* (Чехов); *Скоро весна; Завтра будет хорошая погода (дождь, гроза, метель и пр.); Вчера дождя не было; Сегодня без осадков; Сейчас еще нет сумерек; В эту пору заморозков еще не бывает.* Такие предложения содержат сообщения, субъектом которых является определенный (конкретный, данный) или регулярно повторяющийся отрезок времени, сезон, время дня и т. п. Для русского языка, однако, очень естественно в сообщениях о временах года прибегать к чисто условному пространственному локализатору (ср. *На дворе февраль; На улице уже лето*). В этом можно видеть давление общей семантической структуры бытийных предложений на их частные разновидности.

Предложения с событийным именем допускают следующие типы актуализации.

1) Актуализован предикат реализации (фактуальности). Ср. *У нас сейчас дождь, а у вас дождь есть? Да, и здесь дождь; Сейчас уже есть два часа? У вас, верно, и тишины нет? Отчего же, тишина здесь есть; Есть здесь и горе, и радость, и правда, и ложь; Вчера были танцы? Нет, вчера танцев не было; Хорошо-то оно хорошо, а загвоздочка все-таки есть* (Салтыков-Щедрин).

2) Актуализован «бытующий предмет» (имя события). Ср. *Какая завтра погода будет? Завтра кратковременный дождь, возможна гроза; Что там? Там ураган; Что там? Там беспорядки.*

3) Актуализовано качественное или интенсифицирующее определение «бытующего предмета». Ср. *Был дождь. Дождь был проливной (проливным); Все суетились. Суета у них в доме была ужасная.* Такие предложения выходят из поля бытийности.

4) Актуализовано количественное определение события. Такая актуализация возможна в тех случаях, когда к событию применимо понятие кратности. Ср. *Сколько раз был вчера в городе дождь? Вчера дождь был два или три раза; У вас часто бывают ураганы? Ураганы бывают здесь довольно часто.*

5) Актуализована «область бытия». Ср. *Кое-что от Гете, например, есть и в России, не в одной Германии*

(Блок); *Где сейчас жара? Жара в Крыму и на Кавказе; Где у нас бывают самые большие холода? Самые сильные морозы бывают в Верхоянске.*

Подобная актуализация всегда стремится вывести высказывание за пределы бытийного типа. Сравним следующие две вопросно-ответные пары: а) *Где чаще всего бывают автомобильные катастрофы? Автомобильные катастрофы чаще всего бывают в районе старого города с его кривыми улицами;* б) *Где была эта катастрофа? Эта катастрофа была в районе аэропорта.* В первом предложении экзистенциальные отношения скрывают за собой отношения идентификации, во втором высказывании имеет место локальная предикация, относящаяся к конкретному событию.

б) В коммуникативный фокус попадает предикат бытия и имя события (интродуктивные высказывания). Ср. *Было тут одно странное обстоятельство (происшествие, событие).* Если предложение о событии носит интродуктивный характер, в него обычно вводятся глаголы *происходить, случаться, иметь место.* Ср. *Случилась в это время одна история; Тут произошло нечто удивительное (странное, необычное); Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие (Гоголь).* Сами по себе названные глаголы указывают лишь на реализацию некоторого события, факта, ситуации, происшествия. Они столь же мало добавляют к понятию о событии, как экзистенциальные глаголы *быть, существовать* к понятию о предмете. Различие состоит лишь в том, что бытийные предложения прежде всего ориентированы на пространственную ось мира, а событийные — на временную. Одни в своей первичной функции утверждают существование предмета, другие — свершенность или свершаемость события.

Предложения, в которых «область бытования» соответствует некоторому фрагменту мира, регулярно выполняют в тексте определенную стилистическую функцию: бытийный синтаксический тип очень популярен при описании арены событий, общей обстановки, кулис, фона. Ср. *В сарае — сухая прохлада, запах ременной упряжи и слежалой соломы (Шолохов); И в песчаном половодье, в далекой россыпи зернистых песков — редкие острова хуторов, левяд, рыжеющая щетина талов (Шолохов); В темноте, в глубине сада — сказочная картина (Бунин); На полу —*

перерезанная крестом оконного переплета золотая дрема лунного света (Шолохов); Около Исаакиевского собора мы были с Любовью Александровной. Народу сравнительно с прежними годами — вдвое меньше. Иллюминации почти нет. Торжественности уже никакой, как и мрачности, черноты прежних лет тоже нет. На памятнике Фальконе — толпа мальчишек, хулиганов, держатся за хвост, сидят на змее, курят под животом коня. Полное разложение (Блок, Дневники, запись от 25/III—16 г.).

Использование бытийных предложений в статическом тексте не свидетельствует однако об их неспособности передавать динамику событий. Напротив, замена предметных имен на событийные легко переключает их из пространственного плана во временной, в котором они часто служат для указания на последовательность, смену действий, либо на внезапные происшествия.

Ср. Сначала простые слухи, потом дворянские собрания с их адресами, потом губернские комитеты, потом редакционные комиссии — все это изнуряло, поселяло смуту (Салтыков-Щедрин); Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры (Чехов); А потом, как вчера и всегда, ужин, чтение, бессонная ночь и бесконечные мысли все об одном (Чехов).

Фоновые сообщения о событиях легко редуцируются к одночленному типу. *Ср. Тишина; Свадьба; Февраль; Война; Зима; Метель; Толкучка.*

В заключение общей характеристики предложений, в которых область бытия ограничена фрагментом мира, заметим, что на их основе возникла популярная фразеологизованная конструкция, открывающаяся словами *тут, а тут, а тут еще*, утратившими локальное значение. За названными локализаторами может скрываться условное указание на человека (его микромир), на время события, сферу происшествия и т. п.

Ср. Тут, брат, своя психология (Достоевский); Да и не обман тут — одно ребячество, баловство (В. Смирнов). Тут, брат, стыдливость, молчаливость, застенчивость (Достоевский), А тут контрака. Приходится отступать (В. Смирнов), А догадаешься ты, что тебя обманывают, и осудишь человека, так уж какое тут добро, только грех один (А. Островский). Ради шутки я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве (Чехов).

Как показывают приведенные примеры, *тут* играет роль презентатива, вводящего сообщения о разного рода обстоятельствах, влияющих на ход событий, неожиданно возникающих препятствиях, соображениях «по ходу дела», эмоциях, чертах характера и пр.

Утратили (или ослабили) локальное значение наречия *кругом, вокруг, везде*, входящие в сообщения о распространенности некоторых явлений. Так, в следующих предложениях наречия имеют локальное значение: ... *не-весть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом* (Пушкин); *Пишет, что кругом степь, тишина*. В приводимых ниже предложениях локальное значение утрачено или сильно ослаблено: *Хуже бирюков стал народ. Злоба кругом* (Шолохов); *Куда ни повернись везде неправда* (В. Смирнов); *Обман кругом, обманище,— размышляя горько Шурка* (В. Смирнов); *Измена кругом, снарядов, патронов не хватает, а бестолковицы навсегда невпро-ворот* (В. Смирнов).

Эти примеры, как и введение локального элемента в сообщения о временах года и состоянии среды (тип *На дворе февраль*), свидетельствуют об органичности связи экзистенциальной модели с локальным детерминантом: последний удерживается даже в тех случаях, когда собственно локальное значение несовместимо с входящим в бытийное предложение именем. Ср. уже приводившийся пример: *Боюсь, что з д е с ь больше хамства, чем чего-либо другого* (Блок), где локализатор *здесь* относится к конкретному лицу.

Область бытия равна миру

Именно о предложениях этого класса можно сказать, что они суть суждения о мире, его свойствах, структуре устройстве, предметном содержании, закономерностях, о том, как его воспринимает и осмысляет человек.

1. Предложения о наличии в мире некоторых индивидуальных объектов или классов объектов.

Если речь идет о бытии единичного объекта, то экзистенциальная конструкция применяется редко. Высказывание обычно строится по субъектно-предикатному типу с использованием глагола *существовать*. Ср. *Пегас не существует; Гомер существовал*.

Такого рода предложения, создающие логические парадоксы (см. выше), отличны от локально-бытийного образца. Будучи эмфатическим коррелятом экзистенциальных предложений, абсолютные утверждения с глаголом *существовать* представляют собой своего рода опровержения противоположной точки зрения.

Мы хотим здесь еще раз подчеркнуть прочность связи бытийного типа с именем нарицательным. Даже когда в бытийных предложениях фигурирует имя собственное, в нем выделяется «концептуальный аспект», атрибуты, присутствующие в данном объекте. Этим открывается возможность употребления перед именем собственным местоименного прилагательного *такой*. Ср. ... *ко времени личного знакомства Леонид Андреев уже знал, что существует такой Александр Блок, с которым где-то, как-то и для чего-то надо встретиться, и он окажется не чужим* (А. Блок).

Если речь идет о классе предметов, то предложения могут быть построены как с глаголом *быть*, так и с глаголом *существовать*. Ср. *Есть на свете и лешие и ведьмы; Ведьмы существуют, а леших нет; Сколько есть насекомых, гадов различных, которые только того и ждут, чтобы на них пролился свет науки* (Салтыков-Щедрин).

2. Сообщения о наличии (отсутствии) в мире некоторых явлений, понятий, категорий. Позицию имени в этом разряде особенно часто занимает неопределенное или отрицательное местоимение (*нечто, что-то, ничего*), сопровождаемое определением, или делексикализированное существительное *вещи*, выполняющее местоименную функцию. Ср. *Есть вещи, которые дамы не простят никому, будь он кто бы ни было, и тогда прямо пиши пропало* (Гоголь); *На свете счастья нет, а есть покой и воля* (Пушкин); *Да ведь на белом свете не все же дурное, есть что-нибудь и хорошее* (А. Островский); *Есть сияющие вершины (истина, красота и добро), но вы, люди, — свиньи, и для вас все это слишком высоко* (Блок); *Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий* (Л. Толстой); *Но на свете нет ничего долговременного, а потому и радость в следующую минуту за первую уже не так жива* (Гоголь); *Что бывают на свете лишние мысли, лишняя совесть, лишние чувства, — об этом, еще живучи на воле, вобла слышала* (Салтыков-Щедрин); *Конечно, в жизни все следует предусматривать и на все*

рассчитывать, но есть вещи до того непредвидимые, что как хочешь их предусматривай, хоть всю жизнь о них думай, они и тогда не утратят характера непредвиденности (Салтыков-Шедрин).

Предложения, содержащие суждения о мире, могут иметь следующие коммуникативные формы:

1) Актуализован показатель бытия. Такая актуализация составляет характерную черту именно данного класса бытийных предложений. Она располагает особым бытийным предикатом — глаголом *существовать*. Ср. *Истина существует; Добро существует; Русалки есть; Русалок нет; Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают* (Гоголь).

2) Актуализовано имя «бытующего предмета». Ср. *Вскакивая с рундука на рассвете, она сразу вспомнила, что в мире — радость* (Бунин).

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *Есть люди, которые за все берутся, хоть и ничего не умеют; Есть, знаете ли, такие универсальные люди, которые умеют как-то сразу, с одного маху, очаровывать самое разнохарактерное общество* (Куприн).

Актуализация этого типа равнозначна актуализации показателя бытия, поскольку утверждение или отрицание наличия признака у неопределенной части множества равносильно утверждению или отрицанию существования самой категории объектов, выделяемой по данному признаку.

4) Актуализовано количественное определение имени. Ср. *Сколько в мире растений разных, да букашек, да таракашек! Мало ли на свете богатых людей, которым ничего не стоит бросить такие деньги, лишь бы доставить себе удовольствие! — И бывали такие особы!* (Салтыков-Щедрин).

Предложения, вводимые словами *мало ли, мало ли на свете*, в разговорной речи эквивалентны утверждениям существования объектов определенного типа. Иначе говоря, количественная интродукция в них утрачивает свое значение. Так, высказывание *Мало ли на свете добрых людей* означает 'Есть на свете добрые люди'. Справедливость такой интерпретации подтверждается ответной репликой в приведенном выше примере (*И бывали такие особы!*).

5) «Область бытия», т. е. обозначение мира, вселенной,

естественно, ничему противопоставлена быть не может (если оставить в стороне оппозицию этого и того света), она не может, следовательно, составить коммуникативный фокус высказывания.

6) Интродуктивные формы высказываний этого разряда характерны для произведений фольклора. Ср. *Жила-была Дюймовочка; Жил-был король однажды; Был на свете Зобар, молодой цыган Лойко Зобар* (Горький).

* * *

Поскольку рассуждать о мироздании пристало скорее философам, чем простым смертным, говорящие стремятся приспособить высказывания о мире для выражения более частных суждений, относящихся скорее к ближнему своему, нежели ко вселенной²⁹. Ср. *Правда, есть люди, — зычно сообщал Романус, — которые смыслят в музыке не больше, чем некоторые животные ... в некоторых фруктах* (М. Булгаков — имеется в виду конкретный персонаж повести, режиссер Стриж); *Бывают такие физиономии, которые — как ни умой, ни холь, а все кажется, что настоящее их место не тут, где вы их видите, а в доме терпимости* (Салтыков-Щедрин — высказывание касается персонажа «Современной идиллии» Очищенного).

Весьма распространены следующие зачины оценочных высказываний — *бывают люди, бывают же люди, есть же на свете такие идиоты (бездельники, наглецы, пройдохи)* и т. п.

Для того, чтобы приспособить бытийные суждения для выражения суждений о конкретном предмете, в высказывания о мире вводится указание на лицо, определенным образом воспринимающее жизнь и соответственно к ней относящееся. Ср. *Для него нет (не существует) ничего невозможного (святого); ... из собственных ответов носа уже можно было видеть, что для этого человека ничего не было священного (Гоголь); Вне этого переписывания, казалось, для него ничего не существовало (Гоголь); ... и ну же всего старайся постигнуть высокую тайну создания.*

²⁹ Отмеченные ниже коммуникативные функции присущи не только данному, но и другим разрядам бытийных предложений. Мы останавливаемся на них в связи с суждениями о мире, поскольку сама природа коммуникативного задания в этом случае требует максимального «растягивания» области бытия.

Блажен избраннык, владеющий ею. Нет ему низкого предмета в природе [...] в презренном у него уже нет презренного (Гоголь).

Приведенные предложения заключают в себе характеристику некоторых лиц, а не суждения о мире.

Суждения о мире в отрицательной форме часто служат для выражения высшей оценки (отрицательной или положительной) конкретного предмета, класса предметов, некоторого события или класса событий (явлений). Ср. *Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете (Блок); Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей; но государственную ассигнацию предпочитал всему. «Это вещь», обыкновенно говорил он: «уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь — не расшибется» (Гоголь); Да хранит тебя всевышний от сих страстей! Нет их страшнее (Гоголь); Эти ханы ... нет в мире существ неблагодарнее их (Салтыков-Щедрин); Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною (Лермонтов); Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности [как Акакий Акакиевич] (Гоголь); Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге (Гоголь); Нет, я вам скажу: нет хуже жильца, как живописец: свинья свиньей живет, просто не приведи бог (Гоголь).*

Бытийные предложения в этом случае скрывают за собой суждения об определенном предмете, явлении, понятии, классе предметов и пр. Ср. *Нет человека, который был бы более хвастлив и лжив, чем Хлестаков = Хлестаков — самый лживый и хвастливый человек на свете; Нет драматурга более великого, чем Шекспир = Шекспир — самый великий среди драматургов.*

Предложения бытийной уникальности взаимодействуют с высказываниями следующих видов: *Я не видел (не помню, не встречал) человека, более беспардонного, чем Хлестаков = Не родился еще человек, более беспардонный, чем Хлестаков = Свет не видел более беспардонных людей, чем Хлестаков = На свете не сыщешь человека, более беспардонного, чем Хлестаков.*

Таким образом, язык постоянно стремится, с одной стороны, обезличить высказывания о конкретном предмете, превратив их в общие суждения, а с другой сто-

роны — трансформировать суждения о мире в суждения об очень частном его элементе.

Наконец, бытийные предложения используются для сообщений об изменении качественной характеристики предмета, который в этом случае может быть обозначен референтным именем. Ср. *Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда не будет. Европы, которая была, нет и не будет* (Блок).

Такое высказывание не означает, что больше не существует России и Европы. Оно указывает лишь на необратимость, по мнению говорящего, тех изменений, которые произошли в этих странах. Ср. также: *Под наплывом этих отрадных чувств начали мы припоминать стих Державина, но, к удивлению, ничего не припомнили кроме: Запасиися крестьянин хлебом / Ест добры щи и пиво пьет. — Да, брат, был такой крестьянин! был! — воскликнул я, подавленный нарисованной Державиным картиной* (Салтыков-Щедрин). *Был такой крестьянин* = крестьянин теперь уже не такой, каким был, — крестьянин уже не прежний — нет прежнего крестьянина — не тот нынче крестьянин пошел.

В предложениях этого типа суждение о процессах, происходящих во времени, т. е. суждение о качествах и свойствах предмета, строится по типу бытийных высказываний, касающихся скорее пространственно-предметных отношений, нежели отношений темпорально-качественных.

*Область бытия — совокупность
или класс предметов*

В каждом из выделенных и описанных классов бытийных предложений область бытия может получать двоякую интерпретацию. Она может быть понята в локальном или посессивном (для микромира человека) смысле, но она может быть истолкована и как некоторая совокупность предметов. Предложения этого второго типа обладают структурными, семантическими и коммуникативными особенностями, на которых следует остановиться особо.

В этих предложениях «бытующий предмет» и «область бытия» однородны, образуя некоторую совокупность, единый класс. Задача сообщения заключается в выделении из него некоторого предмета или группы предметов по определенному признаку (признакам). В предложениях

этого разряда поэтому должно присутствовать указание на особую черту предмета или группы предметов, причем атрибут в них находится в коммуникативном фокусе.

Дистинктивный признак может быть обозначен в самой номинации предмета — имени или именном словосочетании. Ср. *Класс наш был буйный, среди нас были изрядные развратники, старые курильщики, великовозрастные ухаживатели, циники и атлеты. Скоро выяснилось, что были и отчаянные революционеры (Блок); Среди них много умных и честных.*

Отличительный признак часто эксплицируется в придаточном или обособленном предложении. Ср. *Среди них есть такие, которые сходят с ума от самосудов [...], а есть такие, в которых еще спят творческие силы (Блок); Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос (Гоголь); А вот из нашей братии чиновников есть такие свиньи: решительно не пойдет мужик в театр (Гоголь).*

В отрицательных предложениях придаточное обычно содержит глагол в сослагательном наклонении. Ср. *Нет подлеца, который бы не сознавал свою подлость (Паустовский); И вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, — вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек [...], который не был бы этим поражен неприятно (Лермонтов).* «Область бытия» обозначается обстоятельственными словами или сочетаниями слов, указывающими — прямо или косвенно — на совокупность предметов; среди них, среди присутствующих, среди его друзей, среди его книг, среди его болезней (достоинств, дефектов, черт характера, принципов и т. п.), в отряде, в их классе, в школе, в институте и пр.

Иногда указание на множество предметов может быть скрыто за локальным или личностным детерминантом. Ср. *Он пел, и в этом есть краю / Один, кто понял песнь твою (Лермонтов); Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья (Гоголь); У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста (Гоголь).*

Если название «бытующего предмета» совпадает с номинацией класса или совокупности, из которой данный

предмет выделяется, то локализатор может быть опущен. Ср. *(Среди людей) есть люди, на которых ни в чем нельзя положиться; (Среди чувств) есть чувства, которые мешают жить; (Среди правил) есть правила, соблюдение которых обязательно во всяком цивилизованном обществе; (Среди детей) есть дети, которые охотно играют одни.* Например: *Есть лица, бледные от великой внутренней страсти, излучающие свет ума и благородства (Паустовский); Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов (Гоголь).*

В других случаях, напротив, опускается имя «бытующего предмета». Ср. *Среди детей есть такие, которые охотно играют сами; Среди его произведений есть такие, которые должен прочесть каждый.*

Если на класс предметов не наложено никаких дополнительных ограничений, то бытийное предложение относится к категории суждений о мире. Ср. *Есть старухи, которые молятся, а есть и такие, которые пьянствуют.* При наличии ограничений локального порядка предложение соотносительно с высказываниями о фрагменте мира. Ср. *Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые молятся и пьянствуют вместе (Гоголь).* В этом предложении речь идет о населении Коломны (района Петербурга). Если дополнительное ограничение имеет личностный характер, то высказывание относится к суждениям о микромире. Ср. *У него есть мысли, которые поражают своей глубиной.*

В предложениях этой категории, как уже говорилось, всегда содержится определение имени «бытующего предмета», осуществляющее выделительную функцию. Последняя благоприятна для употребления высказываний в интродуктивной роли. Ср. *Итак, между ростовщиками был один — существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города (Гоголь); В толпе нищих был один, — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные святые ворота (Лермонтов).*

Если в интродуктивном высказывании отсутствует выделительный атрибут, ему имплицитно соответствует придаточное типа «о котором я собираюсь рассказать». Ср. *Есть у меня приятель один (о котором я намерен кое-что сообщить).*

Предложения этого разряда содержат характеристику некоторой части класса или целиком взятой совокупности предметов. Ср. *Среди них был один, который привлек к себе мое внимание* = один из них привлек к себе мое внимание; *среди них есть бездельники* = некоторые из них бездельники; *среди них много умных и честных* = многие из них умны и честны; *среди них не было никого, кто бы знал суахили* = никто из них не знал суахили; *нет русского, который не любил бы быстрой езды* = всякий русский любит быструю езду.

Позитивное экзистенциальное построение применимо до тех пор, пока атрибут не относится ко всем членам класса. Как только выделяемый признак начинает характеризовать всю совокупность предметов, говорящий должен избрать предикатную структуру. Ср. *Все они были красавицы* и *Среди них были красавицы*.

Негативные высказывания, напротив, используются именно тогда, когда признак отсутствует у целиком взятой совокупности предметов. Норма русского языка, как известно, избегает присоединения отрицательного предиката к субъекту типа *все, всё, все они* и пр. Так, нельзя сказать: * *Все они не были красавицы*. Нужно: *Среди них не было красавиц* = *Никто из них не был красив* = *Все они были некрасивы* = *Ни одна из них не была красавицей*.

Ситуация, к которой могут быть отнесены предложения анализируемого типа, допускает, таким образом, двоякую логическую интерпретацию. Она может быть обозначена:

- 1) экзистенциальным высказыванием с актуализованным приименным определением выделительного типа;
- 2) субъектно-предикатной структурой, в которой субъект отмечен неопределенным или отрицательным детерминантом.

В первом случае (т. е. при неопределенном детерминанте) предикат относится к части класса, во втором (при негативном детерминанте) — ко всему классу или совокупности предметов.

Употребление субъектно-предикатной структуры в целях квалификации неопределенной части множества является в известном смысле расширением области предик-

кации в логическом понимании этого термина. Напротив, употребление экзистенциальной структуры для характеристики целиком взятой совокупности предметов, можно считать расширением области бытийности.

Совмещение в высказывании отношений экзистенции и предикации ведет к тому, что отрицание признака (т. е. отношений предикации) есть одновременно и отрицание существования выделенной по данному признаку категории объектов (т. е. отношений экзистенции). Иначе говоря, в предложениях такого рода невозможна актуализация атрибута имени без актуализации показателя существования. В них одновременно входят в коммуникативный фокус и факт наличия некоторой категории предметов, и факт наличия в этой категории некоторого признака.

Чтобы сделать более наглядной описываемую ситуацию, сравним следующие два предложения: *Ложно, что у него лицо, излучающее свет ума и благородства; Ложно, что есть лица, излучающие свет ума и благородства.*

В первом предложении актуализовано определение имени «бытующего предмета». Поэтому на него и только на него распространяет свое действие отрицание.

Во втором предложении отрицание не может быть ограничено атрибутом имени: отрицая наличие признака в предмете, говорящий тем самым отрицает и существование самого разряда (вида) предметов, выделяемого по данному признаку.

Сказанное делает понятным, почему в предложениях этого типа не может отсутствовать глагол *есть*. В них, как и в сформировавшихся на их основе интродуктивных высказываниях, коммуникативный фокус расширен: в него входят два компонента семантической структуры бытийного предложения.

Следует заметить, что предложения, в которых область бытия представлена совокупностью предметов, отличны от суждений о мире типа *На свете есть лешие и домовые*. В первых речь идет о существовании некоторой частной категории объектов (подкласса), выделяемой по определенной, указанной в предложении черте. Поэтому само имя «бытующего предмета», соответствующее классу, обозначенному в «области бытия», не подводится под коммуникативный акцент, падающий только на атрибут имени, даже если он не выделен из существительного (ср. *среди*

учеников были лентяи и бездельники). В суждениях второго типа речь идет о существовании целиком взятого класса объектов, отделяемого от других классов не по некоторой дифференциальной черте, а по совокупности признаков, стоящих за номинацией класса. В них сообщается о возможности или невозможности воплощения данного набора признаков в субстанции.

* * *

Теперь следует сказать несколько слов о правилах употребления в русском языке глагола *есть* в настоящем времени бытийных предложений. Этому вопросу посвящено топкое и обстоятельное исследование О. Н. Селиверстовой³⁰. Хотя ее непосредственным предметом являются предложения, в которых локализатор выражен формами *у тебя*, *у Петра* и пр., основные положения статьи верны и применительно ко всему полю бытийных высказываний, описанному выше. Некоторые различия между теми правилами, которые предлагает О. Н. Селиверстова, и нашим пониманием закономерностей употребления глагола *есть*, состоят не в существе дела, а скорее в системе использованных понятий.

О. Н. Селиверстова формулирует следующие два основных условия употребления глагола *есть* в бытийных предложениях типа «у X есть Y» и «у XY»: конструкция «у X есть Y» сообщает (1) о наличии Y у X, причем предполагается, (2) что Y является одним из ряда однородных объектов, которые имеет или может иметь X («M больше Y»). Напротив, конструкция «у XY» необязательно вносит информацию о наличии Y у X; она может употребляться для указания на то, какой именно Y имеется у X (наличие качественно неидентифицированного Y заранее известно). Эта информация реализуется в тех условиях, в которых выбор конструкции «у XY» не диктуется отсутствием компонента «M больше Y» (т. е. общий смысл контекста не противоречил бы утверждению, что «M больше Y»). В других условиях конструкция «у XY» может сообщать о наличии Y у X, но, в отличие от модели «у X есть Y», она не несет сведений о том, что Y обязательно является лишь

³⁰ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных при-
тяжательных конструкций с глаголом *быть*. ВЯ, 1973, № 5.

одним из множества однородных объектов, которые имеет или может иметь X»³¹.

Применительно к целиком взятому полю бытийности мы предпочли бы несколько отличные формулировки общих закономерностей употребления и неупотребления глагола *есть*, которые, впрочем, нельзя считать абсолютными. Отклонения от них связаны с задачами стиля, значением конструкции и семантическим разрядом имени, входящего в бытийное предложение (см. стр. 235).

1. Глагол *есть* присутствует в предложении, когда он попадает в коммуникативный фокус или несет на себе особое логическое ударение (оппозиция *есть* — *нет*). В рамках этой общей закономерности могут быть конкретизованы следующие случаи.

1) Глагол *есть* наличествует в общем вопросе бытийного типа и ответе на него, а также в высказывании, имплицитующем общий вопрос. Ср. *У него есть друзья (родители, квартира, время, недостатки, совесть, сердце и пр.)? В лесу есть грибы (птицы, цветы, волки, елки и т. п.)? Разве у вас теперь есть что-нибудь общее со странствующей комедианткой?* (Куприн), *У тебя есть эта (= такая) книга? Да, эта книга у меня есть.*

Поскольку в предложениях этого типа речь идет о вполне определенных классах предметов и явлений и сообщение касается их наличия или отсутствия, то оно обычно не стремится исчерпать всего того, что имеется в данной области бытия: говорящего, равно как и его адресата, интересует лишь наличие определенных категорий предметов. Спрашивая «У тебя есть деньги?», говорящий оставляет вне своего внимания вопрос о том, есть ли у адресата что-нибудь еще кроме денег, например, книги, квартира, бриллианты или друзья. Это создает впечатление, что глагол *есть* употребляется тогда, когда множество бытующих предметов в сообщении не исчерпано (см. выше правила, сформулированные О. Н. Селиверстовой). Вернее, как нам кажется, было бы считать, что в этом случае вопрос о наличии других предметов в данной области бытия снят.

2) Глагол *есть* всегда присутствует, если наличие одного предмета противопоставляется отсутствию другого, либо

³¹ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных при-
тяжательных конструкций с глаголом *быть*, стр. 104.— Симво-
лом М обозначается 'множество'.

наличие некоторого предмета в одной области бытия противопоставлено его отсутствию в другой области бытия. Ср. *Чай у нас есть, а вот сахару нету; У меня есть только взгляд, а голоса (души) нет* (Блок); *У всех есть пособники, а у него нет, у всех есть укрыватели, а у него нет* (Салтыков-Щедрин).

3) Глагол *есть* всегда присутствует, когда высказывание служит реакцией на эксплицитное или имплицитное предложение обратного значения: говорящий как бы исходит из пресуппозиции существования противоположного мнения. Ср. *У нее все таки-есть небольшой шрам на лбу; У него, как выяснилось, все-таки есть средства; Ты думаешь у меня нет врагов? Ты ошибаешься: они у меня есть; Есть зло, но есть и добро* (соглашаясь с фактом существования зла, говорящий в то же время опровергает предполагаемое мнение, что существование зла исключает существование добра).

4) Глагол *есть* всегда находится в коммуникативном фокусе, требующем его «личного» присутствия, если в позиции имени стоит неопределенное местоимение, не указывающее на какие-либо классификационно значимые черты предмета, т. е. если имя не может попасть в коммуникативный фокус. Ср. *У него что-то есть на уме; У нее есть кто-то; А все однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то* (Гоголь).

Если бы мы шли обратным путем и приняли бы за отправную точку правило о неупотреблении глагола *есть*, то в самом общем виде оно могло бы быть сформулировано так: глагол *есть* не употребляется, когда в коммуникативный фокус попадает класс «бытующего предмета», т. е. когда высказывание эксплицитно или имплицитно соотносится с вопросами типа *Что в комнате? Что там на комод? Что у нее? Что с ним? Что у него на совести?* и пр. Ср. возможные ответы на эти вопросы: *В комнате стол, стулья и кровать; На комод зеркало и несколько фотографий. У нее грипп; С ним приступ меланхолии; У него на совести целых три злодеяния.* Глагол *есть* опускается и тогда, когда смысл сообщения состоит в противопоставлении категорий предметов, бытующих в разных областях. Ср. *У нас — друзья, у них — богатство.*

Такого рода предложения содержат категоризацию предметов или понятий, самое существование же некоторых объектов в данной области бытия составляет пресуп-

позицию сообщения. Поскольку вопрос касается разряда, типа, свойств и пр. бытующего предмета, то в ответе говорящий, естественно, стремится удовлетворить спрашивающего, дав полную рубрику имеющих в данной области бытия объектов. Так, предложение *В комнате стол, стул и кровать*, как справедливо отметила О. Н. Селиверстова, сообщает обычно о полной мебелировке комнаты, а высказывание *У нее муж и двое детей* характеризует весь состав ее семьи.

То же требование полноты информации (разумеется, при определенном уровне детализации) применяется и к описательным, в частности фоновым, высказываниям, например, вводным ремаркам в пьесах. Ср. *К магазину примыкал низкорослый, длинный, с подвалом сарай, саженья в двадцати от него — кирпичный перстень церковной ограды и церковь с куполом, похожим на вызревшую зеленую луковицу (Шолохов); ... налево (от актеров) небольшой письменный стол, перед ним кресло, далее железный денежный сундук — шкаф, вделанный в стену; в углу дверь в спальню; с левой стороны диван, перед ним круглый обеденный стол (А. Островский).*

Ставя в коммуникативный фокус класс предмета, а не факт наличия предмета данного класса, такие предложения легко редуцируются к одночленному типу. Ср. *Что в комнате? Стул, стол и кровать; Что у него? Как-будто грипп.*

2. Глагол *есть* присутствует всегда, когда коммуникативный фокус падает на атрибут имени, обозначающего неопределенное количество. Иными словами, *есть* служит показателем неопределенности субъекта суждения. Ср. *Есть минуты, которые нельзя забыть* = некоторые минуты нельзя забыть; *У меня есть знакомый, который объехал вокруг света* = один из моих знакомых объехал вокруг света; *есть люди, которые никогда ни с кем не считаются* = некоторые люди никогда ни с кем не считаются. Очевидно, что это правило относится к тем случаям, когда область бытия представлена множеством предметов. Напротив, если атрибут отнесен к вполне определенному предмету или классу предметов, вследствие чего предложение тяготеет к связочному типу, выражающему предикацию, глагол *есть* неупотребителен. Ср. *Руки у него ловкие; Глаза у нее голубые; Волосы у ребенка золотистые; Костюм у него синий.* Наличие или отсутствие

есть связано, таким образом, с категорией определенности или неопределенности имени.

Сформулированные выше общие закономерности употребления бытийного глагола относятся к разному материалу. Первое правило применимо к предложениям, в которых коммуникативный фокус падает либо на показатель бытия, либо на класс бытующего предмета. Второе правило регулирует употребление глагола *есть* в тех случаях, когда коммуникативный фокус сосредоточен на определении имени, т. е. предложения как с *есть*, так и без глагола имеют одинаковую актуализацию. Разница состоит лишь в том, что предложения с *есть* касаются ситуаций, в которых область бытия понимается как некоторая совокупность предметов, а предложения без *есть* касаются тех случаев, когда, независимо от того как представлена область бытия, она преобразуется в детерминант, придающий имени определенность.

Таким образом, приведенные общие закономерности употребления глагола *есть* относятся к разному материалу. Они поэтому не находятся между собой в иерархических отношениях.

Первое из названных выше общих правил носит прагматический характер, т. е. употребление или неупотребление глагола *есть* регламентировано условиями реализации речевого акта, такими как коммуникативный акцент, предполагаемая степень осведомленности адресата речи и пр. Наличие или отсутствие глагола не меняет объективного содержания высказывания: *есть* ничего не прибавляет к той информации, которая сообщается адресату речи об обозначаемой ситуации (событии). Ср. *У нее есть дети* и *У нее дети*; *У них есть дача* и *У них своя дача*; *У меня в этом городе есть знакомые* и *У меня в этом городе знакомые*. В прошедшем и будущем времени, а также в сослагательном наклонении возможна только одна форма высказывания (*У нее были дети*; *У них будет своя дача* и пр.), которая удовлетворяет любому коммуникативному заданию, не создавая омонимии.

Второе правило может быть охарактеризовано как логико-семантическое. Касаясь предложений с одинаковым типом актуализации, оно способно создать ситуацию семантической противопоставленности высказываний с эксплицированным и неэксплицированным глаголом. Ср. *У него есть седые волосы (золотые зубы, интересные книги,*

глубокие мысли, тонкие наблюдения, хорошие друзья и пр.) и У него седые волосы (золотые зубы, интересные книги, глубокие мысли, тонкие наблюдения, хорошие друзья и пр.). В первом случае атрибут отнесен к неопределенной части членов класса, во втором — к целиком взятой совокупности предметов или явлений. Это различие лежит в сфере семантики и существенно для понимания референтного смысла сообщения. Поэтому оно стремится «выйти на поверхность» во всех формах предложения так, чтобы дать возможность говорящему избежать ловушки омонимии. Различие содержательного порядка, в отличие от прагматических различий, достаточно четко проходит по всем членам парадигмы этих предложений:

Наст. вр.

<i>У нее седые волосы</i>	}	<i>У нее есть седые волосы</i>
<i>Волосы у нее седые</i>		
<i>У нее волосы седые</i>		

Прош. вр.

<i>У нее были седые волосы</i>	}	<i>У нее были седые волосы</i>
<i>Волосы у нее были седые (седыми)</i>		
<i>У нее волосы были седые (седыми)</i>		

Буд. вр.

<i>У нее будут седые волосы</i>	}	<i>У нее будут седые волосы</i>
<i>Волосы у нее будут седые (седыми)</i>		
<i>У нее волосы будут седые (седыми)</i>		

Сосл. накл.

<i>У нее были бы седые волосы</i>	}	<i>У нее были бы седые волосы</i>
<i>Волосы у нее были бы седые (седыми)</i>		
<i>У нее волосы были бы седые (седыми)</i>		

Еще более явственно структурно-семантические различия обнаруживают себя в отрицательных формах:

- 1) *У нее нет (не было, не будет, не было бы) седых волос;*
- 2) *У нее не седые волосы; Волосы у нее не седые; Волосы у нее не были седые (седыми); Волосы у нее не будут (не были бы) седые (седыми)* и т. д. Ср. также различия в периферийных членах парадигмы: *Волосы у нее сделались (стали) седые (седыми)* и *У нее появились седые волосы.*

Таким образом, между предложениями *У нее есть седые волосы* и *У нее седые волосы* существуют глубокие структурно-семантические различия. Первое предложение содержит имя, обозначающее неопределенную часть некоторого множества. Глагол *есть* выражает в нем значение бытийности. Во втором случае имя обозначает целиком взятый класс предметов, детерминированный формой *у меня, у нее* и пр. Глагол *быть* скрывает за собой связку, а все предложение выражает отношение предикации. Указанные структурно-семантические различия стремятся получить формальное выражение. Отсутствие дифференциации в некоторых формах создает омонимичные высказывания Ср. *У нее были седые волосы*.

* * *

Предложенная выше классификация высказываний, образующих обширное для русского языка поле бытийности, не является исчерпывающей. В ней не были учтены некоторые частные разряды бытийных предложений, в которых область бытия «идеальна», т. е. соответствует суждениям, высказываниям, художественным произведениям, научным сочинениям, системам понятий и прочим «фрагментам» области духа, а не материи. Касаясь вскользь предложений этого типа, мы хотим обратить внимание на следующие два момента. Поскольку сфера идеального не есть место пребывания конкретных предметов, в высказываниях этого типа имя может означать только качество, свойство и пр. Ср. *В этой концепции есть противоречия; В его словах много правды*. Вследствие этого экзистенциальные предложения, сообщающие об идеальной сфере бытия, соотносительны с предложениями качественной предикации, т. е. указывают на свойство идеального субъекта. Ср. *В концепции есть противоречия* = *Концепция противоречива; В его словах есть много правды* = *Его слова во многом правдивы*. Поскольку область идеального порождена человеком, то сообщения, к ней относящиеся, могут прямо или опосредованно характеризовать лицо. Ср. *В приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства* (Гоголь) = *Его приемы и обороты заискивали расположения и знакомства* = *Он приемами и оборотами заискивал расположения и знакомства; Но замечательно, что в словах его была все*

какая-то нетвердость (Гоголь) = В нем была какая-то нетвердость = Он был несколько нетверд.

Не рассматривался специально тип бытийных предложений, относящихся к конкретным предметам (ср. *У стула нет ножки*), остались вне анализа и некоторые другие узкие разряды. Цель настоящего описания состояла в указании на исключительное семантическое разнообразие русских бытийных предложений, их полифункциональность, а также на взаимодействие экзистенции с другими логико-синтаксическими типами отношений. Для достижения этой цели вполне достаточно описания основных семантических категорий поля бытийности.

Для того чтобы сделать вывод о продуктивности экзистенциальности более убедительным, приведем небольшой связный текст: *На завтра у меня были большие планы. Работы у меня сейчас уйма. Кроме того, есть много всяких других дел. Завтра конференция, у меня там доклад, вечером гости. На следующее утро у меня мигрень. В голове каша, ни одной мысли. Под глазами круги. Вдруг звонок в дверь. На площадке сосед. На нем мятая рубашка с растянутым воротом. У него, видно, тоже головная боль. Под глазами мешки, на лбу ссадина — Что с вами? — У вас есть деньги? — Немного есть. — Есть потребность опохмелиться, а получка у меня только послезавтра. Вчера свадьба была у племянницы. Гостей было много, вина и того больше. Теперь нет мочи. В голове пустота. На душе муть. — Совести у вас нет и души тоже. Оправдания нет вам никакого. Нет у меня к вам сочувствия и жалости. Есть же такие люди, которым на все и всех наплевать. — Может быть, во мне совести нет, а в вас нет сердца.*

Приведенный текст естественен для русского языка, в особенности для русской разговорной речи. Между тем он состоит только из бытийных предложений. Последние настолько семантически подвижны, что повторяемость одной модели почти 30 раз подряд не создает впечатления искусственности и унылого однообразия.

Теперь дадим небытийную версию того же текста: *Я составил на завтра большой план. Сейчас я много работаю. Кроме того я должен сделать еще уйму других дел. Завтра я пойду на конференцию и буду выступать там с докладом. Вечером ко мне придут гости. На следующее утро просыпаюсь с мигренью. Мысли путаются, думать не могу. Глаза обведены кругами. Вдруг звонят в дверь. На*

площадке стоит сосед. Он одет в мятую рубашку с растегнутым воротом. Видимо, у него тоже болит голова. Глаза опухли, лоб украшает ссадина. — С вами что-то случилось? — Вы имеете деньги? — Немного имею. — Мне нужно опохмелиться, а зарплату я получу только послезавтра. Вчера я ходил на свадьбу к племяннице. Пришло много гостей. Хозяева выставили много вина. Теперь чувствую себя муторно. Голова пустая. Душа горит. — Бессовестный вы и бездушный человек. Никто не сможет вас оправдать. Я не испытываю к вам сочувствия и не жалею вас. Вы относитесь к числу тех людей, которым на все и всех наплевать. — Может быть, я бессовестный, а вы бессердечный.

В этом втором варианте есть предложения, нарушающие узус и вызывающие в памяти формулировки анкет, протоколов, опросов, (ср. *Вы имеете деньги? — Немного имею*). Текст и в целом несет на себе печать официальности, которую не снимает даже использование разговорной лексики. Из двух «крайних» (несмешанных) версий одного текста бытийный вариант представляется нам более соответствующим духу русской речи.

Роль бытийной модели, однако, не ограничивается в русском языке тем, что, благодаря своей чрезвычайной семантической гибкости, она может служить практически любой коммуникативной цели. Бытийная модель, по-видимому, оказалась очень существенной для формирования синтаксического строя русского языка. Структура бытийного предложения, как можно думать, лежит в основе широко используемого в русском языке типа предложений с актуализованным субъектно-предикатным комплексом, состоящим из лексически значимого глагола и (обычно) нереферентного имени ³². Ср. следующие ряды предложений, в которых постепенно нарастает лексическая значимость глагола, отдаляющая предложение от бытийного стереотипа:

*В деревне|были солдаты; В деревне|стояли солдаты;
В деревне|расположились на постой солдаты; В деревне |*

³² И. А. Попова справедливо подчеркнула близость к бытийным предложениям типа *Был мороз* «двусоставных, но при этом «одночленных» или «нерасчлененных» предложений, характеризующихся постпозицией подлежащего: *Наступила зима, Начались морозы, Пошел снег* и т. п.» (И. А. Попова. О «двусоставности» номинативных предложений, 181).

работали солдаты; В деревне | мародерствовали солдаты;

В клубе | были студенты; В клубе | репетировали студенты; В клубе | пели студенты; В клубе | веселились студенты и пр.

В поле | была рожь; в поле | росла рожь; В поле | убирали (жали) рожь; В поле | полегла рожь и т. п.

У меня мигрень; У меня | болит голова; У меня | раскалывается голова; У меня | стучит в виске.

Преобразование бытийных предложений в предложения характеристики представляет собой живой, активно протекающий процесс. Им обусловлены некоторые особенности русского синтаксиса, в частности специфика детерминации имени: показатель определенности существительного обнаруживает отчетливую зависимость от локализатора бытийных предложений, которая проявляется в разнообразии форм, их лексической конкретности, а также в тенденции к постпозиции. Ср. *Мужики в э т о й д е р е в н е работающие; Роща за д о р о г о й залита солнцем; Букет у н е е в р у к а х был из полевых цветов.* Детерминация имени, как показывают приведенные примеры, не была унифицирована по генитивному типу. Для русского языка более естественно сказать *Дома на этой улице были старинные*, чем *Дома этой улицы были старинные*. Между тем в ряде европейских языков есть тенденция к выражению локальной детерминации имени единообразно, пользуясь моделью, передающей генитивные отношения, ср. англ. the houses of this street, исп. las casas de esta calle, фр. les maisons de cette rue ³³.

³³ О большей «локальности» русского языка сравнительно с французским писал В. Г. Гак в кн.: В. Г. Г а к, Е. Б. Р о й з е н б л и т. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, стр. 179 и сл.

ОТНОШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Принципы формирования идентифицирующего значения

Акт идентификации устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т. п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта. Идентификация есть итог сличения результатов разного знания, прямого или опосредованного.

Человек (в отличие от многих животных) отождествляет окружающие его объекты прежде всего по визуальным воспринимаемым признакам. Именно задаче идентификации люди обязаны необыкновенным развитием зрительной наблюдательности: способность человека выделять черты, дифференцирующие между собой однородные объекты, выработана потребностью их узнавания, причем взгляд наш натренирован на различение прежде всего тех объектов, которые важно не перепутать. Естественно, что такими объектами являются в первую очередь люди.

Зависимость «порога различения» от нужд идентификации можно подтвердить следующим примером. Чешский коллега Б. рассказал однажды о том, как один японец, женившись на чешке и проведя год в Чехословакии, почувствовал себя близким к психическому заболеванию от того, что все чехи казались ему на одно лицо, украшенное непомерно большим носом. Эта последняя особенность, которая бросилась ему в глаза, так как отличала чехов от японцев, мешала ему заметить менее явные признаки, различающие чехов между собой. Подавленный, японец уехал с женой к себе на родину.

Вскоре жертвой депрессии оказалась чепка, которая не могла отличить одного японца от другого, поскольку ее взгляд выделял в их наружности только интегральные, но отнюдь не дифференциальные признаки. Таким образом, порог различения, а следовательно, и степень нашей наблюдательности всецело определяется повседневными потребностями.

Приведенный пример, между прочим, показывает, сколь велика та роль, которую играет в нашей жизни способность отождествлять и различать физические объекты. Утрата или притупление этой способности может вызвать не только психологический дискомфорт, но и психическое заболевание.

То, что мы автоматически узнаем друг друга, есть результат постоянного упражнения зрения и слуха. Но даже при натренированном глазе человек не всегда справляется с задачей правильного установления тождества объекта. Десятки факторов вольно или невольно затрудняют эту задачу: время, меняющее облик человека, нарочитое изменение внешности или голоса, грим, модифицирующий наружность актера, маска, скрывающая лицо на маскараде — празднике «тайны личности», существование близнецов, двойников и внешне сходных людей. Кроме того, есть обстоятельства, заставляющие человека пожелать остаться неузнанным, а, следовательно, многочисленные специальные способы избежать опознания. Последние вызывают необходимость в контрприемах, позволяющих однозначно установить личность человека.

Не приходится говорить о том, насколько существенна задача правильной идентификации лица. О возможных последствиях ошибок в этой области можно судить, например, по трагическому финалу «Маскарада» или по комическим ситуациям «Ревизора», возникшим в результате *qui pro quo*. Ложные идентификации создают такое множество разнообразных жизненных положений, что не случайно «коллизия неузнавания» является одной из важных составляющих сюжетосложения. В этом можно убедиться хотя бы по тому, что названный прием присутствует почти во всех повестях Пушкина, ср. Дубровский и Дефорж, Лиза и Акулина, вожатый и Пугачев, неизвестная дама и Екатерина II, враг Сильвио и сосед рассказчика в «Выстреле», кухарка и гусар в «Домике в Коломне»; сюжет «Метели» держится на том, что Бурмин и Марья Гав-

риловна не сразу узнают друг друга и как только это происходит наступает счастливая развязка.

Неудивительно, таким образом, что в языках существуют не только многочисленные лексические средства, позволяющие сделать сообщение о тождестве объекта, но и специальная синтаксическая модель, по которой конструируются предложения тождества.

* * *

Для того чтобы выявить некоторые общие принципы установления тождества и их отношение к формированию в речи идентифицирующего значения проанализируем хорошо всем известную сцену встречи Татьяны и Онегина на балу. Напомним пушкинские строки:

Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послем испанским говорит?
Князь на Онегина глядит.
— Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я.—
Да кто ж она? — Жена моя.

Так ты женат! Не знал я ране!
Давно ли? — Около двух лет.
На ком? — На Лариной.— Татьяне!
Ты ей знаком? — Я им сосед.

Пораженный переменой, происшедшей в Татьяне (ср. *Как изменилася Татьяна! Как твердо в роль свою вошла!*), и не веря глазам своим, Онегин обращается за подтверждением своей догадки к князю: *Скажи мне, князь, не знаешь ты, | Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит?* Нет сомнения в том, что это предложение, оформленное как частный вопрос, имеющий своей целью выяснить, кто именно осуществляет указанное действие (т. е. разговаривает с послом Испании), является вопросом идентификации. Это заметно уже по тому, что соотносительное с этим вопросом повествовательное предложение кажется не вполне осмысленным. Ср. *Татьяна там в малиновом берете разговаривает с испанским послом.* В нем вызывает удивление объединенность в сказуемом (и реме) логически не связанных друг с другом значений —

«разговора с послом» и «малинового берета». Преобразование вопросительного предложения в повествовательное делает очевидным различие в семантических принципах построения сказуемого в зависимости от выполняемых им в высказывании коммуникативных функций.

Не случайно приведенная строка иногда ошибочно цитируется как *Кто та в малиновом берете ...* Неточность проистекает из желания приблизить вопрос к структуре предложений тождества, т. е. опереться на модель типа *Кто та женщина, на которой надет малиновый берет и которая разговаривает с испанским послом?* Такая перифразировка делает очевидным, что и разговор с послом, и малиновый берет, синтаксически присоединенный, в нарушение правил сочетаемости, к вопросительному слову (*кто в малиновом берете говорит ...*), представляют собой не более, чем н е з а в и с и м ы е друг от друга опознавательные приметы, служащие для того, чтобы адресат понял, о ком спрашивает его Онегин. Вопросы идентификации характеризуются тем, что в них к вопросительному слову может примыкать дейктическое местоимение, а также определения, эксплицирующие признаки объекта. Ср. *Кто это в синем костюме с тобой вчера разговаривал? Что это в таком большом пакете было у тебя в руках, когда ты выходил из дома?* Такая сочетаемость распространена в разговорной речи.

Идентифицирующая часть предложения, как показывает вопрос Онегина, может объединять логически независимые друг от друга, не образующие иерархической системы компоненты значения. При этом количество семантических (и синтаксических) элементов, входящих в индивидуализирующую дескрипцию, безразлично для содержания высказывания: идентификация предмета речи может быть достигнута и при помощи одного признака, и вообще без обращения к значению (т. е. прямым указанием на предмет). Кроме того, как явствует из вопроса Онегина, приметы, наилучшим образом удовлетворяющие задаче отождествления объекта в ситуации его присутствия, совсем не обязательно должны быть постоянными и типическими его чертами. В следующем разговоре Онегина с Ленским указание на типические черты лица подкреплено более надежными для достижения целей идентификации ситуативными признаками: *Скажи: которая Татьяна? | — Да та, которая грустна | И молчалива*

как Светлана | Вошла и села у окна. Объединяя в идентифицирующей дескрипции типические и ситуативные черты, автор устанавливает между ними внутреннюю связь: действие Татьяны вытекает из ее характера, согласуется с ним.

Итак, в принципе идентифицирующими могут быть случайные, временные и даже не характерные для данного лица или предмета признаки. К ним предъявляется лишь требование выделительности, отличия от соприствующих объектов одного класса с данным. В ситуации отсутствия предмета речи может оказаться желательным указание на его более типические черты или постоянные свойства. На основании сообщенных ему «особых примет» адресат выделяет из области наблюдения и знания объект речи. Проблема отождествления, таким образом, имеет прямое отношение к формированию семантики темы сообщения. Последняя, как известно и как показывает вопрос Онегина, может быть выражена сказуемым русского предложения, в частности глаголом в личной форме. В этом случае предикативная функция преобразуется в идентифицирующую и высказывание, сохраняя субъектно-предикатную структуру, уже не содержит сообщения о признаках предмета. Изменение функции глагольного сказуемого ведет к тому, что оно формируется на базе известного, данного, реализуя тем самым семантический принцип построения темы.

Правильность нашего предположения относительно функции глагола в реплике Онегина подтверждается структурой переспроса, образованного по типу предложений тождества. Онегин повторяет свой вопрос в иной синтаксической форме: *Да кто ж она?*

Идентифицировав незнакомку в глазах своего собеседника на основании ситуативных признаков, Онегин ждет этой же услуги от князя, т. е. он просит князя сообщить какие-либо признаки дамы, известные Онегину по прошлому опыту. Однако собеседник, который неожиданно оказался супругом дамы, отвечает лаконично: — *Жена моя.*

Указав на роль собеседницы испанского посла в своей жизни, князь не прояснил, однако, ситуации для Онегина, так как он заменил одно неизвестное другим: Онегин ведь ничего не знал о женитьбе князя и, следовательно, о личности его жены. Ошибка в выборе идентифицирующей

дескрипции (предположим, она была вызвана чувством гордости князя или желанием предупредить неуместные высказывания о Татьяне) показывает, что в предложениях тождества, в отличие от прочих видов высказываний, не только тема, но и рема должна содержать указание на известные адресату признаки предмета. Если значение ремы не относится к фонду общих знаний собеседников, то предложение тождества не выполняет своего коммуникативного задания.

С другой стороны, неудовлетворительность ответа князя можно объяснить и тем, что он неверно понял коммуникативную значимость вопроса. Русские вопросы приведенного образца употребляются в поисках информации двух родов: вопросительное местоимение в них может относиться к «анкетным данным» о лице — его социальной функции, связям с другими лицами и пр. (т. е. иметь атрибутивное значение) и к самой «субстанции» лица (т. е. иметь идентифицирующее значение). Ср. *Кто это?* — *Это мой брат (один наш сотрудник, известный в нашем городе поэт, наш сосед)* и *Кто это?* — *Это Ролан Быков, а тот повыше — Банионис*.

Таким образом, неудачность или, собственно, недостаточность ответа князя может иметь двоякое объяснение: либо, в нарушение семантических правил коммуникации, он построил идентифицирующую дескрипцию на признаке, Онегину неизвестном, либо он неверно истолковал коммуникативное задание вопроса.

Не получив нужного ответа, Онегин в третий раз спрашивает князя: *На ком?* (т. е. на ком князь женат). Этот вопрос возвращает нас к роли идентификации в формировании речевого значения темы сообщения. Частный вопрос, относящийся к жене князя, на самом деле содержит требование идентифицировать личность дамы, увиденной Онегиным на балу. Это ясно уже по тому, что Онегин собственно видит своими глазами, на ком женат князь. Реплика Онегина показывает, что вопрос, цель которого состоит в идентификации объекта (в данном случае лица) может в принципе базироваться на любом сказуемом, поскольку это последнее нужно лишь для того, чтобы адресат уяснил себе, о ком идет речь. В этом смысле вопросы *Кто говорит с послом Испании?* *Кто вышел сейчас из зала?* *Кому поцеловал руку Князь N?* *Перед кем склонился князь NN?* и т. п., варьируясь в зависимости от ситуации речи,

имеют одну и ту же коммуникативную значимость, о чем свидетельствует тот факт, что всем им удовлетворяет один ответ.

Вопрос *На ком ты женат?*, однако, отличен от приведенной серии: он требует идентифицировать даму по тем признакам, которые характеризовали ее до замужества, например, указать ее девичью фамилию. Именно такой ответ и нужен был Онегину. Поэтому он вполне уместно переформулировал свой первоначальный вопрос, поставил его иначе, и получил на него более удовлетворительный, почти однозначный ответ: *На Лариной*. Реплика князя скрывает за собой предложение тождества: *Женищина, на которой я женат, — Ларина*. Наконец, полувосклицание-полувопрос Онегина *Татьяне!* призван окончательно рассеять сомнения в том, что перед ним та, «которой он наедине... читал когда-то наставленья».

Таким образом, в приведенной сцене три вопроса Онегина (в особенности первый и третий) позволяют увидеть роль принципов идентификации в формировании темы сообщения (в том числе и «левого» члена предложений тождества), а два ответа князя иллюстрируют закономерности построения ремы, или «правого» фланга, предложений тождества. Для большей ясности к ответам князя можно присоединить и приведенный выше ответ Ленского.

При выборе идентифицирующих признаков приходится избегать субъективно-оценочных значений. Так, вопрос *Кто та прелестная девушка, которая была вчера на вечере?* может повести к недоразумению, поскольку говорящий рискует разойтись во вкусах с адресатом. Гораздо надежнее задать вопрос, например, так: *Кто та девушка в лиловом платье (с русыми косами, с родинкой на щеке и пр.), которая была вчера на вечере?*

Оставив в стороне использование имен собственных и местоимений, столь уместное в ситуации отождествления, и обратившись к значению тематической части высказывания, можно заметить, что оно складывается из необязательно логически между собой связанных, гетерогенных, варьирующихся по количеству, индивидуализирующих по отношению к денотату, максимально объективных компонентов, выбор которых обусловлен прагматически и к которым предъявляется требование известности собеседнику.

Указанные семантические свойства присущи теме любого сообщения. В предложениях тождества оба основных члена — и тема, и рема — построены по сходному семантическому канону: ни та, ни другая часть предложения не включает в себе новой информации, новым в предложениях тождества является лишь само это отношение (о структуре идентифицирующего значения на уровне языка, т. е. в лексике, см. в гл. VI).

Типы ситуаций идентификации

В зависимости от характера сопоставляемого опыта выделяются различные типы ситуаций идентификации. Рассмотрим некоторые из них.

1. Ситуация детективного поиска.

Отношения тождества опираются на предпосылку существования некоторого лица или предмета. В данной ситуации факт существования идентифицируемого объекта вытекает из сведений о совершившемся событии. Если случилось некоторое происшествие, предполагающее участие лиц (например, было совершено ограбление), то должен существовать грабитель. Если выполнена некоторая работа, то существует ее исполнитель. Если в театрах ставят трагедии «Гамлет» и «Король Лир», то правомерно обсуждать вопрос об их атрибуции. Любознательность Георга IV, пожелавшего узнать, кто является автором «Ваверлея», не была беспредметна.

Ситуацию детективного поиска можно проиллюстрировать следующим примером. Допустим известно, что кто-то убил старуху-процентщицу. По ряду признаков, накопленных в процессе расследования, было установлено, что преступником является Раскольников. Личность убийцы была тем самым идентифицирована: — *Как кто убил? — переговорил он [Порфирий Петрович], точно не веря ушам своим, — да вы убили, Родион Романович! Вы и убили-с ... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом* (Достоевский).

Приведенная иллюстрация не только раскрывает цель детективного поиска, она одновременно указывает и на тот тип высказываний, который наилучшим образом передает данный вид идентифицирующих отношений. Это высказывания, служащие ответом на явный или неявный ча-

стный вопрос, относящийся к актанту. В русском языке они обычно создаются средствами актуального синтаксиса, придающего функцию темы глаголу в личной форме, и выделяющего в качестве ремы имя конкретного объекта. Ср. *Оказалось, что старуху убил Раскольников* (= убийца старухи есть Раскольников); *Кто пришел? Пришел Коля* (= тот, кто пришел, есть Коля; пришедший идентичен Коле); *На кого ты смотришь? Я смотрю на твою сестру Надю* (= та девушка, на которую я смотрю, есть твоя сестра Надя); *Кому ты отдал мой зонтик? Я отдал твой зонтик нашей гардеробщице* (= лицо, которому я передал зонтик, есть наша гардеробщица).

Обращение к предложениям этого типа дает удобную возможность подчеркнуть зависимость организующих высказывание логико-синтаксических отношений от коммуникативной перспективы сообщения и референции входящих в него имен.

Так, коммуникативная инверсия элементов может иметь своим следствием коренное преобразование связывающих эти элементы логико-синтаксических отношений. Если предложение *Родион Раскольников убил старуху* выражает логическую предикацию, сообщая о некотором действии, совершенном известным лицом, то, переноса коммуникативный фокус на субъект суждения и превращая его тем самым в ремю высказывания, говорящий заменяет отношения предикации отношениями идентификации. Ср. *Старуху убил Родион Раскольников*. Не случайно во многих языках с несвободным порядком слов предложения, в которых логическое ударение падает на референтное имя, перестраиваются по модели предложений тождества. Ср. англ. *He who murdered the old woman was John*; *John was who murdered the old woman*; фр. *C'est moi qui vous invite*; исп. *Doña María es quien manda en esta casa*; *El que ha venido es mi hermano*; ит. *Era lui che raccomandava di tacere*; *Sei tu che hai parlato*.

Другим фактором, определяющим синтаксические отношения, является характер референции субъекта. Отношения идентификации требуют, чтобы в позиции сообщаемого находилось референтное существительное (имя собственное, единичная дескрипция) или дейктическое местоимение. Более того, ни при каких других логико-синтаксических отношениях референтные слова не могут быть ремой сообщения (см. подробнее ниже). Из сформулирован-

ного положения вытекает, что предложения, в которых ремой является имя собственное и имя нарицательное (неопределенная дескрипция), несмотря на сходство своего формального строения, принципиально различны: высказывание *Пришел (какой-то) мальчик* выражает отношения таксономической предикации (пришедший причисляется к классу мальчиков, обладает признаками мальчика); высказывание *Пришел Коля* выражает отношения идентификации (пришедший идентичен Коле, есть не кто иной как Коля). Более того, высказывания с обратным порядком слов обладают разным статусом в системе коммуникативных форм предложения в зависимости от характера референции подлежащего. Для предложений с нереферентным именем постпозиция подлежащего первична (тип *Пришел мальчик*). Имя может быть передвинуто на первое место, только приняв на себя сильное логическое ударение (ср. *Мальчик пришел*). Напротив, для предложений с референтным подлежащим (тип *Коля пришел домой; Мой сын учит уроки*) первичной является форма с прямым порядком слов. Инверсия внутри этих предложений, как уже говорилось, служит для выражения отношений идентификации (*Кто пришел? — Пришел Коля*).

Итак, предложения, в которых реме соответствует имя собственное, выражают отношения идентификации. Они могут быть трансформированы в связочное предложение идентифицирующего типа. Ср. *Во время катастрофы пострадал Иванов* → *Пострадавший — Иванов; Написал это письмо Сергеев* → *Автор письма — Сергеев; Создал теорию относительности Эйнштейн* → *Создатель теории относительности — Эйнштейн*. В предложениях тождества оба члена выражаются референтными именами. Специфика предложений идентификации, удовлетворяющих ситуации детективного поиска, состоит в том, что в них реме соответствует атрибутивно употребленная единичная дескрипция (см. стр. 190), а реме — имя собственное или дейк- тическое местоимение. Такие предложения содержат сообщения, позволяющие преобразовать атрибутивное употребление единичной дескрипции в референтное. После сообщения *Убийца старухи — Раскольников* сочетание *убийца старухи* будет скрывать за собой референцию к идентифицированному лицу — Раскольникову. Поскольку пресуппозиция существования основывается в данном случае на сведениях о некотором факте, то иденти-

фицируемый объект обозначается по его роли в событии, т. е. по ситуативному признаку.

Предложения тождества, в которых теме соответствует атрибутивно употребленная единичная дескрипция, обладают той особенностью, что передвижение «событийной» дескрипции в позицию ремы может разрушить отношения идентификации, преобразуя их в отношения предикации. Так, предложения типа *Бэкон — родоначальник (основатель) английского материализма; Вальтер Скотт — автор «Ваверлея»; Менделеев — создатель периодической системы элементов* и пр. в обычном их употреблении содержат характеристику субъекта и должны быть прочтаны так: *Бэкон положил начало английскому материализму; Вальтер Скотт написал «Ваверлея»; Менделеев разработал периодическую таблицу химических элементов*. Дескрипция в таком употреблении содержит указание на некоторое действие, и для нее, поэтому, естественной является роль предиката. Если в предложениях типа *Пришел Коля* глагол в личной форме скрывает за собой единичную дескрипцию (*пришел* = тот, кто пришел; пришедший), то в предложениях типа *Вальтер Скотт — автор «Ваверлея»*, напротив, единичная дескрипция скрывает за собой указание на действие (*автор «Ваверлея»* = написал роман под названием «Ваверлей»). Определенная дескрипция, следовательно, в этом случае употреблена не референтно. Входящее в нее имя лица (*автор, создатель, родоначальник* и пр.) составляет реляционный предикат (релятор), т. е. предикат, обозначающий отношение между двумя объектами (если второе имя употреблено референтно).

Таким образом, наличие в реме связочных предложений единичной дескрипции, не является само по себе свидетельством того, что перед нами предложение тождества. Определенные дескрипции, употребляясь всякий раз тогда, когда пропозициональная функция имплицитно подразумевает единичность актанта, допускают однако как референтное, так и нереферентное употребление. В первом случае они употребляются в предложениях тождества, во втором случае выполняют функцию предиката.

2. Ситуация перехода от знания к знакомству.

К детективному поиску близка ситуация перехода от заочного знакомства к очному в разных ее вариантах: переход к визуальному наблюдению может быть неожиданным.

данным или предусмотренным. Он может быть осложнен необходимостью выбора. Предположим, мы располагаем некоторыми данными о лице или предмете, его словесным портретом, словарным описанием некоторой реальности, инструкцией, справочником, планом местности и т. п. На основании имеющейся информации мы должны идентифицировать искомый объект (например, место, где спрятан клад). В процессе идентификации нередко возникают альтернативы, т. е. приходится решать задачу со следующими условиями: 1) известны некоторые данные о лице (предмете), 2) известно, что объект входит в наблюдаемое множество, 3) необходимо определить, какой именно объект является искомым, т. е. осуществить переход от признаков к субстанции. Для уяснения этой ситуации сошлемся еще раз на известные строчки из «Онегина»: *«Скажи: которая Татьяна?» | Да та, которая грустна и молчалива как Светлана | Вошла и села у окна.* Успешное решение этой задачи во многом зависит от характера данных: идентифицирующая информация должна указывать на индивидуализирующие черты предмета, причем залогом безошибочной идентификации объекта является знание его «особых примет». Идентифицирующее значение, как отмечалось выше, строится поэтому из иных семантических компонентов, чем значение предиката.

Переход от знания к наблюдению часто дает повод для сличения воображаемого образа с действительным и порождает серию стандартизованных речевых реакций на ситуацию. Ср. *Действительность превзошла все мои ожидания; Действительность разочаровала меня. Маша оказалась совсем не такой, какой я представлял ее себе.* Реакцию этого последнего типа особенно часто стимулирует экранизация популярных литературных произведений, герои которых живут в воображении зрителей как реальные, наделенные плотью и кровью, люди. Можно упомянуть также о ряде эмоционально окрашенных реплик, выражающих прямую реакцию на очное знакомство. Ср. *Ах, вот, он оказывается каков, знаменитый собор св. Петра! Вот он какой, Исаакий! Это и есть твой брат Николай!*

3. Ситуация «воплощенной мечты».

Здесь мы хотим обратить внимание на своеобразное употребление идентифицирующих предложений в тех случаях, когда происходит сопоставление искомого или

ожидаемого с действительным. Если существующий объект отвечает предъявляемым к нему требованиям, происходит идентификация реального с воображаемым: *Это как раз и есть то, что нам нужно; Вы и есть нужный человек; Вас-то мне и нужно.* Хотя в этом случае речь идет об обнаружении в объекте свойств, необходимых для определенных целей, ситуация уподобляется положению дел, описанному в предшествующей рубрике.

Проиллюстрируем эту ситуацию двумя примерами. Увидев Онегина, Татьяна, которая до этого создала в мечтах образ своего героя, констатировала, что этот образ обрел в Онегине свою персонификацию, в форме предложения тождества: *Она сказала: это он!* (Пушкин). Ср. также у Салтыкова-Щедрина в «Современной идиллии». *Он оглянул меня с головы до ног, как бы желая удостовериться, действительно ли я тот самый «подходящий человек», об котором он мечтал [...]. И далее: В ту самую минуту, как я искал спасения в галлюцинациях, в комнату вошло новое лицо, при виде которого я всю силу облегченной груди крикнул: — Иван Тимофеевич! Вот он! Да, это был он, т. е. избавитель, т. е. «подходящий человек», по поводу которого возможен был только один вопрос: сойдутся ли в цене? т. е. говоря другими словами, это был адвокат Балалайкин.* Последний пример интересен тем, что в нем снято противопоставление между предикатной структурой (*Это был избавитель* = он мог избавить меня от нежелательной женитьбы) и предложением тождества (*Это был адвокат Балалайкин*). Отношения предикации, приписывающие предмету некоторые признаки, осмысляются как отношения тождества (идентичность воображаемого или искомого реальному предмету). Этим подчеркивается единственность, уникальность объекта, способного удовлетворить предъявляемым к нему требованиям.

4. Ситуация узнавания.

Ситуация узнавания создается при сопоставлении признаков лица или предмета, извлекаемых из предшествующего опыта, с непосредственно наблюдаемыми чертами.

Проиллюстрируем ситуацию узнавания следующим примером из «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина:

Мне показалось, что где-то, когда-то я видел этого человека, и чем более я всматривался в него, тем больше росла во мне уверенность, что видел я его именно в этом

самом доме. — Да, это он! — говорил я сам себе: — но кто он? Тот был тщедушный, мизерный, на лице его была написана загнанность, забитость [...] А этот вон он какой! Сит, одет, обут — чего еще нужно? И все-таки это — он, несомненно, он, несмотря на то, что он смотрит как только сейчас отчеканенный медный пятак! [...] Но на меня этот голос подействовал потрясающим образом. Я уже не вспоминал больше, я вспомнил. Да, это — он! твердил я себе, он, тот самый, во фраке с умершего титулярного советника. Чтобы проверить мои чувства, я взглянул на Глумова и без труда убедился, что он взволнован не меньше моего. — Он! — шепнул он, слегка толкнув меня локтем в бок [...] — Иван Иванович! да ведь это ты! ты! ты! — воскликнул он в неопisanном восхищении.

Ситуация узнавания в данном эпизоде дана сначала в описании, а потом в прямой речи. Как видно, прямая реакция узнавания выражается в обращении по имени, которое сопровождается предложением тождества, состоящим из двух местоименных компонентов — в теме стоит дейктическое местоимение, а в реме личное, ср. *Ты ли это! Да это ты!* или просто *Ты!* Логически такие предложения совершенно были бы лишены смысла, поскольку обозначение собеседника местоимением второго лица несколько не эксплицирует, с кем же его отождествляет говорящий, если бы местоимение не замещало в этом случае имени собственного, вынесенного в обращение: *Петя! Ты ли это?* значит 'Верно ли, что этот человек есть то лицо, которое было знакомо говорящему в прошлом под именем Пети?' Столь же незначима, хотя и коммуникативно понятна, реакция подтверждения со стороны идентифицируемого персонажа: *Да, это я!* (= да, это Петя). Заметим, что принятый способ самоидентификации по телефону и за дверьми по типу *Кто это? — Это я* рассчитан на узнавание голоса, а не на смысл слов.

Сообщение о ситуации узнавания обычно строится при помощи глагола *узнавать*, управляющего двумя кореферентными дополнениями, т. е. дополнениями, относящимися к одному и тому же реальному объекту: *узнать в ком-то кого-то*. В первом дополнении фиксируются данные настоящего опыта (наблюдения), а во втором — признаки, извлекаемые из опыта, относящегося к прошлому. Ср. *Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что он в Красинском узнал того самого чиновника,*

которого несколько дней назад едва не задавил и с которым имел в театре историю (Лермонтов); В человеке, разносившем подносы с чаем, мы с удовольствием узнали Кшенищевского (Салтыков-Щедрин); Но в изумленном молчаливом | Кого же в рыбаке счастливом | Наш юный витязь узнает? | Хазарский хан, избранный славой, | Ратмир, в любви, в войне кровавой | Его соперник молодой | (Пушкин); Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад (Пушкин). Как и в предложениях тождества оба дополнения глагола узнавать обозначаются референтными выражениями — именами собственными, дейктическими или личными местоимениями, определенными дескрипциями.

Дополнения могут быть объединены в одно, если соответствующие разъяснения либо предшествуют, либо следуют за данным предложением. Ср. Я открыл дверь. Передо мной стоял Юра. Я сразу узнал его (= узнал в стоящем передо мной человеке Юру, отождествил его с Юрой); Я открыл дверь. Передо мной стоял молодой человек. Я сразу узнал его. Это был Юра. Ср. Что если бы он сбросил маску... нет. | Нет, он не узнал меня ... (Лермонтов). Такое объединение дополнений особенно естественно если предложение построено в первом лице, так как для говорящего его собственной персоне во всех ее модификациях соответствует местоимение 1-го лица.

Данная ситуация, как и все ситуации идентификации, может быть выражена предложениями тождества. Ср. Одна красавица младая | На берегу плела венок. | Меня влекла моя судьбина ... | Ах, витязь, то была Наина (Пушкин); И вдруг сидит передо мной | Старушка дряхлая, седая, | Глазами впалыми сверкая, | С горбом, с трясучей головой, | Печальной ветхости картина. | Ах, витязь, то была Наина! (Пушкин). В обоих случаях за указательным местоимением то стоит дескрипция, эксплицированная в предтексте.

5. Ситуация идентификации личности.

Необходимость выяснить личность возникает тогда, когда о некотором персонаже, данном в актуальном опыте, отсутствуют сведения, относящиеся к прошлому. Выяснение личности требует ответа на вопрос, многократно сформулированный чиновниками применительно к Чичикову: Кто таков на самом деле есть Чичиков? (Гоголь);

Да кто же он в самом деле такой? (Гоголь). Вопрос этот, надо признать, основывался на вполне резонной предпосылке: «Все поиски, произведенные чиновниками, открыли им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что однако же Чичиков что-нибудь да должен быть непременно» (Гоголь).

Установить личность значит отождествить данное лицо с субъектом, о котором имеется нужная информация, относящаяся к другому периоду существования. Для того, чтобы создать предпосылки к идентификации личности, необходимо «отвлечь» от нее некоторые признаки (наиболее эффективны особые приметы) и затем сличить их с данными о подозреваемых персонажах. Установление личности имеет два ситуативных варианта: а) поиск скрывшегося субъекта, требующий идентификации личности заподозренных, б) отсутствие сведений о некотором лице.

Обе ситуации могут слиться в одну, если человек с темным прошлым окажется кандидатом на роль искомого персонажа. Именно такой синтез двух типов ситуаций описан в «Мертвых душах». Как раз в тот момент, когда отцы города задались приведенными выше вопросами, пришли бумаги о поисках разбойника и фальшивомонетчика, а также стало известно о посылке генерал-губернатором некоего чиновника для произведения тайного следствия. Отцы города заподозрили в Чичикове одного из этих трех персонажей. Ср. *Один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: а может быть и не делатель; другой утверждал, что он чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял; а впрочем черт его знает, на лбу ведь не прочтешь* (Гоголь).

Сочетание *делатель государственных ассигнаций* в приведенном контексте употреблено референтно, а не предикатно, т. е. указывает на определенное лицо, а не сообщает о предполагаемом роде занятий Чичикова. Между тем в следующем предложении речь идет именно об определенных видах деятельности, т. е. о признаках: *Конечно, нельзя думать, чтобы он мог делать фальшивые бумажки, а тем более быть разбойником, наружность благонамеренна* (Гоголь). На смену отвергнутым подозрениям пришли еще более фантастические: почтмейстер предложил отождествить Чичикова с капитаном Копейшным, хотя у капитана не было ноги, а у Чичикова все

конечности были в сохранности, что существенно для установления «субстанционального» тождества.

В итоге отцы города превзошли себя: *Из числа многих в своем роде сметливых предположений было, наконец, одно, странно даже и сказать: что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон (Гоголь)*. Если учесть, что как раз в то время в округе появился пророк, пришедший неизвестно откуда «в лаптях и нагольном тулупе, странно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист», то по закону тождества из истинности предположений отцов города и «пророка» следовало бы, что Чичиков есть не кто другой, как антихрист.

Предложения тождества

Выше были рассмотрены некоторые типы ситуаций идентификации. Все они могут составить содержание высказывания. И хотя языки обычно располагают достаточно разнообразными лексическими и синтаксическими средствами для сообщений об идентичности предмета, отражающими специфику каждой ситуации, в них, как правило, имеется также специальная синтаксическая конструкция, удовлетворяющая любым экстралингвистическим условиям. Такой конструкцией являются предложения тождества, существующие во всех индоевропейских языках.

Термы, входящие в предложения тождества, должны удовлетворять требованию семантической однородности. Отношение идентификации, в силу своей рефлексивности, не может связывать между собой имя события и имя предмета, обозначение класса объектов и обозначение конкретного объекта. Это свойство отличает отношения тождества от других типов логико-синтаксических отношений, соединяющих семантически гетерогенные единицы, в частности от предикации, связывающей денотативное и сигнификативное значения, и номинации, связывающей денотат и его языковой индекс.

Природа термов, входящих в предложения тождества, может быть разной. Отношения идентичности устанавливаются между (1) именами по их отношению к денотату, (2) денотатами имен, (3) именами по их отношению к сигнификату, (4) сигнификатами имен.

Природа идентифицируемого объекта или явления существенна для определения значения предложений тождества. Между тем она не всегда принимается во внимание. Так, в некоторых логических исследованиях не различается четко идентификация имен, называющих одни и тот же объект, и идентификация объекта, денотируемого разными именами. Смешению способствует то обстоятельство, что сообщения о тождестве имен и высказывания о тождестве денотата могут облекаться в одинаковую языковую форму. Они близки также и по смыслу, поскольку тождество имен имплицитно подразумевает тождество денотата и, соответственно, наоборот. Это объясняется тем, что идентичность имени как двустороннего (знакового) элемента языка отлична от идентичности предмета. Первая устанавливается на основе функциональных, вторая — на основе субстанциональных критериев. Поскольку функция имени состоит в указании на предмет, функциональное тождество имен предполагает субстанциональное тождество денотатов имен. Высказывания о тождестве предмета и о тождестве имен предмета, следовательно, выделяют разные стороны одного явления. Тождество предмета отвечает логическому принципу индивидуации, тождество имен — принципу тождества неразличимых.

В логических и лингвистических работах акцент делается на тот или другой аспект идентификации. Это заметно по тому, как определяются предложения тождества.

К. Берка, например, пишет, что в идентифицирующих предложениях «речь идет о тождественности различных выражений в отношении одного и того же предмета объективной действительности, который только обозначен различным образом»¹. Для описания предложений тождества существенно отмечать, поэтому, способ обозначения в них отождествляемого предмета. К. Берка выделяет два типа предложений тождества: 1) тип, образуемый двумя именами собственными (*Павел есть Савл*) и 2) тип, образуемый именем собственным и дескрипцией (*Беркли — родоначальник английского субъективного идеализма; Настоящий родоначальник английского материализма — Бэкон*)².

¹ К. Берка. Функции глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики. «Логико-грамматические очерки». М., 1961, стр. 171.

² Там же.

К. Берка, таким образом, как и многие другие логики (см. выше о парадоксе взаимозаменяемости), видели существо предложений тождества в том, что они устанавливают однореферентность языковых выражений, их семантическую эквивалентность, составляя предпосылку для их взаимозамен. Предложения тождества в таком их понимании имеют метаязыковой характер. Они суть сообщения об употреблении языка. Именно поэтому К. Берка, выделяя указанные выше два типа предложений идентификации, оставляет вне своего внимания те высказывания, в которых объект обозначен личным или дейктическим местоимением, т. е. шифтерами, знаками с прагматически обусловленным, переменным денотатом. Такие высказывания не дают правил употребления имен. Они поэтому представляют мало интереса для логических операций над выражениями.

Лингвисты, напротив, чаще видели смысл предложений тождества в утверждении идентичности объекта. И. Беллерт, например, определяет их как сообщения о том, что предмет, к которому относится один языковой индекс, тождественен предмету, к которому относится другой языковой индекс³.

Обе интерпретации предложений тождества справедливы. Они характеризуют их две семантические разновидности, различающиеся природой идентифицируемого объекта.

Первый тип устанавливает эквивалентность и м е н как элементов кода по их способности к денотации (так наз. семантическое тождество). Сообщения этого значения уместны тогда, когда в языке употребляется по крайней мере два однореферентных имени ср. *Цицерон есть Туллий*. Второй тип устанавливает тождество п р е д м е т а самому себе (так наз. онтологическое тождество). Сообщения этого значения уместны тогда, когда возникают сомнения относительно идентичности объектов, участвующих в разных положениях дел, ср. *Бьюсь об заклад, если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту* (Гоголь). Высказывания первого типа будем называть предложениями н о м и н а т и в н о г о (кодового) тож-

³ I. Bellert. On the logico-semantic structure of utterances. Wrocław, etc. 1972, стр. 51, прим. 6.

действия, а высказывания второго типа — предложениями денотативного тождества.

Выбор имен, входящих в предложения номинативного и денотативного тождества, подчинен разным задачам. Поскольку в первом случае сообщение носит метаязыковой характер, выбор номинаций, между которыми устанавливается тождество, непосредственно связан с целью высказывания. Иначе говоря, предметом сообщения как раз и являются сами эти номинации — имена собственные и их эквиваленты. Во втором случае сообщение касается не употребления языка, а самой предметной реальности. В нем выбор способов обозначения предмета зависит от прагматических факторов — осведомленности собеседников, присутствия или отсутствия идентифицируемого объекта и т. п. Последний может в принципе обозначаться любым способом, пригодным для его идентификации адресатом речи. Такого рода утверждения ситуативно связаны.

Номинативное тождество в своей классической форме устанавливается между собственными именами. Предложения номинативного тождества могут включать в качестве своих термов также имена нарицательные идентифицирующего типа (прежде всего имена предметов), но не дейктические слова. В предложениях денотативного тождества идентифицируемый предмет может быть представлен любым выражением, уместным в данных условиях коммуникации, — именем собственным, дейктическим или личным местоимением, окказиональной дескрипцией.

Предложения номинативного тождества основываются на отношениях именования.

Они ставят в отношения равенства главные члены (ремы) односубъектных номинативных (именующих) предложений. Ср.

Имя этого философа Декарт } $\rightarrow$ *Декарт — это то же,*
Имя этого философа Картезиус } $\rightarrow$ *что Картезиус*

Итак, в предложениях номинативного тождества сообщается о том, что данное лицо, предмет или класс предметов имеет более одного имени. Связка может соединять в них имена, относящиеся к разным кодам (*Зевс — это то же самое, что Юпитер*), разным диалектам или идеалектам (*зеленушки — это то же, что чернушки; тархун — это то же, что эстрагон*), разным системам терминологии

(ладья — это тура), разным периодам развития одного языка (геликоптер — это вертолет; ланиты — это щеки). имена, относящиеся к разным функциональным стилям, жаргонам (чувак — это человек) и т. п.

Показателем того, что в этих предложениях речь идет о тождестве скорее имен, чем предметов, служит форма опосредующего местоимения (*это то же самое, что...*); при объединении термов в один член предложения — подлежащее, сказуемое идентификации обычно сохраняет средний род, ср. *Геликоптер и вертолет — это одно и то же; Зевс и Юпитер — это то же самое*. К лицам, однако, такие высказывания не применяются. Сообщения об эквивалентности имен лиц делаются либо в форме предложений денотативного тождества, ср. *Декарт и Картезиус — одно и то же лицо* либо эксплицируется, что речь идет об имени лица, ср. *Картезиус — это другое имя Декарта*.

Предложения номинативной эквивалентности обычно имеют всевременной характер, выражаемый презепсом. В русском языке в них присутствует пулевая связка, реже, *есть*. Послесвязочное имя, поэтому, не может быть поставлено в творительный предикативный. Только в ситуации переименования употребляется прошедшее время и творительный падеж, ср. *Ленинград был тогда Петроградом*. Такие предложения следует, впрочем, трактовать скорее как сообщения о прежнем имени предмета, чем как сообщения о тождестве двух имен.

Предложения номинативного тождества легко свертываются в аппозитивные словосочетания. В этом случае первое (определяемое) имя бифункционально. Оно выступает одновременно и как идентификатор предмета речи и как его имя, способ его наименования в данном коде. В этой второй функции имя связано отношениями номинативного тождества с аппозитивным определением. Последнее, если оно стоит при подлежащем, может быть введено словами *иначе, или, или иначе, по-другому, в иной терминологии, что то же самое, бывший, в просторечии, в жаргоне* и пр. Ср. *Тура, или иначе ладья, ходит только по прямому полю*.

Если предложения номинативного тождества базируются, как отмечалось, на отношениях именования, то предложения денотативного тождества опираются на функцию идентификации ср.

Маша — жена Петра	} →	Жена Петра — учи- тельница моего сына
Маша — учительница моего сына		

Суть предложений денотативного тождества заключается не в указании двуименности одного предмета, а в констатации того факта, что различные признаки или свойства (накопленная информация) имеют одного носителя. Если предложения номинативного равенства устанавливают эквивалентность имен по тождеству их денотата, то предложения денотативного тождества устанавливают идентичность денотата по относящимся к нему именам или дескрипциям.

Подобно тому как предложения, образуемые конкретными именами, способны выражать либо тождество имен, либо тождество самих референтов, предложения, образуемые предикатными (признаковыми) словами, также могут относиться к двум аспектам одного явления. Они могут обозначать либо кодовое (семантическое) тождество двух слов относительно обозначаемого ими понятия, либо идентичность самих этих понятий (сигнификатов). В первом случае предложения устанавливают отношения синонимии, т. е. функциональное тождество. Ср. *Засыпаться это то же самое, что провалиться; Печальный это то же, что грустный; Ерунда это то же самое, что чепуха*. Предполагается, что значение второго имени известно адресату и сообщается, что первый член предложений тождества обозначает то же понятие. Здесь в первом члене стоит неизвестная величина, а во втором члене, или реме, напротив, заключено нечто, известное собеседнику. Такие высказывания имеют э к с п л л к а т и в н ы й характер.

Сообщения о синонимичности предикатных слов отличны от предложений номинативного тождества, хотя и в тех и в других речь идет о семантическом тождестве. В первые легко вводится глагол *значить*. Ср. *Ерунда значит чепуха; Печальный значит то же, что грустный; Засыпаться значит провалиться*. В предложениях номинативного тождества связка редко распространяется этим глаголом, даже если терминами уравнивания являются имена нарицательные, т. е. слова, обладающие смыслом. Ср. *Гардероб это (значит) платяной шкаф*. Имя предмета естественней толковать через указание на класс денотатов, а не через разъяснение соответствующего понятия (собственно и само понятие в этом случае «привязано» к клас-

су предметов). Это подтверждает близость имен конкретных предметов к именам собственным, а не к словам-предикатам (признаковым словам), суть которых заключена в их сигнификативном содержании, смысле (подробно см. в главе «Коммуникативная функция и значение слова»).

Заметим попутно, что предложения, устанавливающие отношения синонимичности, могут, в отличие от высказываний номинативного тождества, иметь в качестве своих членов не только существительные, но и другие части речи. Ср. *Багровый это темно-красный; Нежели значит чем.*

Характеризуя предложения сигнификативного тождества, т. е. предложения, констатирующие равнообъемность понятий, необходимо подчеркнуть, что они не аналогичны сообщениям о тождестве денотатов. Это объясняется тем, что сигнификаты слов, не будучи предметной реальностью, не могут быть идентифицированы дейксисом, т. е. прямым указанием. Они неотделимы от выражающих их слов, благодаря которым они закреплены в человеческой памяти. Предложения сигнификативного тождества поэтому практически неотличимы от метаязыковых высказываний о синонимических отношениях между словами и выражениями.

Предложения сигнификативного тождества, вводят нас в сферу научных дефиниций и словарных толкований значения слова. Этих вопросов мы не будем касаться. Сделаем лишь одно замечание о судьбе предложений сигнификативного тождества в быденном языке. Как только отношения эквивалентности начинают соединять между собой абстрактные категории — названия действий, процессов, свойств, качеств и пр., они обнаруживают тенденцию к семантическому развитию по логическому пути, т. е. приобретают значения тех отношений, которые мысль устанавливает между событиями. Значение тождества преобразуется в значения сравнения, условия, причинно-следственной зависимости и пр. Ср. *Понять — это (значит) простить* = если человек понимает виновного, он прощает ему его вину; *Жизнь есть сон* = жизнь похожа на сон; *Нерешительность означает поражение* = нерешительность может оказаться причиной поражения; *Богатый — еще не значит счастливый* = богатство не составляет достаточного условия для счастья человека.

Итак, предложения идентификации могут устанавли-

вать: 1) тождество имен по отношению к денотату, 2) тождество денотата (объекта) самому себе, 3) тождество имен по отношению к обозначаемому ими отвлеченному понятию, 4) тождество понятий. Предложения 1-го и 2-го типов, отвечая одной и той же внеязыковой действительности, отличаются друг от друга. Предложения 3-го и 4-го разрядов сливаются в один тип.

Ниже пойдет речь только об одной разновидности предложений тождества — высказываниях, констатирующих идентичность объекта самому себе, т. е. выражающих онтологическое (денотативное) тождество. Предложения, устанавливающие семантическое тождество языковых выражений, относятся скорее к метаязыку, чем к обыденному языку. Высказывания, уравнивающие объем понятий, как отмечалось, пережили явственную семантическую эволюцию и в первичном значении употребляются редко.

Можно заметить, что понятие идентификации применительно к разным категориям материальных объектов не вполне одинаково. Если идентифицировать личность следует с точностью до индивидуума (особи), идентифицировать вещество значит определить его химический состав, то применительно к вещам понятие идентификации варьируется: для индивидуализированных предметов действует принцип индивидуации, т. е. тождество устанавливается с точностью до единицы, для стандартизованных действует принцип тождества неразличимых, т. е. тождество устанавливается с точностью до класса. Точность до единицы есть не что иное, как онтологическое (субстанциональное) тождество, а точность до класса есть гносеологическое тождество, устанавливаемое в определенном «интервале абстракции». В первом случае совпадает субстанция, но могут не совпадать признаки субстанции, поскольку обычно идентифицируется предмет разных периодов своего существования, во втором случае, наоборот, совпадают признаки, но не субстанция. В первом случае речь идет о тождестве *per se*, во втором о включении объекта в класс. Поэтому, хотя и считается, что идентифицировать цветок, гроб, птицу, овощ и пр. значит определить, к какому классу они принадлежат, сообщение о такого рода идентификации (например, *это — рыжик, эта птица — дрозд*) не относится к категории предложений онтологического (субстанционального) тождества.

В разряд предложений тождества входят далеко не все связочные предложения, образованные двумя существительными предметного значения. Некоторые лингвисты, придерживающиеся морфологических критериев в определении типов предложения, относят к предложениям тождества только связочные предложения симметричного строения. Ср. следующее определение Л. И. Старосельцева: «Предложениями тождества называются двусоставные предложения, в которых отсутствуют различия в морфологическом выражении подлежащего и сказуемого; поэтому каждый из составов может быть как подлежащим, так и сказуемым [...] В логическом плане между двумя составами данных предложений наблюдаются отношения приравнивания, отождествления»⁴. Наложение морфологического ограничения не ведет, однако, к выделению группы предложений тождества. В логическом плане предложение *Мой друг — красавец* основывается на отношениях качественной предикации, а *Мой друг — брат Тани* включает реляционный предикат (*брат*). Вместе с тем нет оснований относить к разным синтаксическим классам предложения с именительным и творительным предикативным. Ввиду факультативности творительного падежа предложения *Мой друг был учитель* и *Мой друг был учителем* часто находятся между собой в отношениях свободного варьирования. В настоящем времени формы таких предложений совпадают.

Нашим целям в большей степени отвечает систематизация двуменных связочных предложений, сделанная И. И. Ревзиным, поскольку она помогает выделить в отдельную группу собственно предложения тождества. И. И. Ревзин⁵ предлагает классифицировать связочные высказывания по двум взаимно независимым признакам: а) тождественность или включенность объема одного понятия в объем другого и б) константный или преходящий

⁴ Л. И. Старосельцев. Об одном приеме обнаружения подлежащего и сказуемого в предложениях тождества. «XII Герценовские чтения. Филол. науки, ЛГПИ им. Герцена». Л., 1968, стр. 32.

⁵ И. И. Ревзин. Логико-грамматический тип предложений тождества (рукописный текст доклада, прочитанного на Конференции по теоретическим проблемам синтаксиса индоевропейских языков. Л., 1971 г.): см. также «Тезисы» указанной конференции.

характер сопоставления двух понятий. Эти два признака дают четыре синтаксических типа: 1) предложения константного тождества (собственно предложения тождества), например: *Декарт и есть Картезиус; Утренняя звезда есть Вечерняя звезда; Этот молодой корнет была девица Дурова*; 2) предложения преходящего (или условного) тождества, например: *Хлеб — это свобода, свобода — это хлеб*; 3) предложения константного включения, например, *Пушкин был поэт, Хлебников был чемпион* (Шкловский); 4) предложения преходящего включения, например: *Пушкин был тогда лицеистом*.

Каждый тип субстантивных связочных предложений обнаруживает определенную не только семантическую, но и формальную специфику. Предложения первого типа выражают в общем случае значение денотативного тождества. Они обладают той неперменной особенностью, что в них оба именные выражения употребляются референтно, т. е. замещают (именуют) вполне определенный предмет, причем один и тот же. Глагол *быть* в них передает идею тождественности, а не только грамматические категории времени и наклонения, дополняющие объем значения именной части сказуемого до значения глагола (ср. *он учительствовал — он был учителем*). Функция глагола *быть* в предложениях тождества отлична, следовательно, от связочной функции этого глагола, реализуемой в предикатных структурах⁶.

Признак референтности («субстанциональности») обоих имен побуждает оставить за пределами этой категории предложения преходящего тождества: «субстанциональное» тождество (если оставить в стороне ситуации метаморфоз) не может быть эпизодическим. Все временное мыслится человеком не как материя, а как свойство материи или ее ипостась. Высказывание *Этот череп был некогда Йориком* как бы превращает личность Йорика в преходящее свойство субстанции, обращенной временем в скелет. Ср. также *Это было столом (домом, городом, бальным туалетом); Эти руины были когда-то Помпеей; Земля была некогда туманностью; Тем ребенком был я*. В русском языке в этом случае всегда возможен творительный падеж предикатива, в большей степени, чем име-

⁶ К. Берка. Указ. соч., стр. 173.

пительный, соответствующий непостоянному, временному тождеству (см. также ниже).

Характеризуясь в содержательном плане признаком референтности обоих именных выражений, предложения тождества обладают и определенными структурными чертами, проистекающими из указанного семантического свойства. Могут быть выделены следующие признаки предложений денотативного тождества, удельный вес которых зависит от общей структуры языка: 1) употребление детерминантов при обоих именах, 2) особенности прономинализации, 3) возможность использования обоих именных выражений для идентификации объекта в дальнейшем тексте, 4) значение отрицательных форм, 5) возможность перестановки термов.

Перечисленные признаки позволяют отличить предложения идентификации от двуименных связочных предложений, выражающих отношения логической предикации, прежде всего от классифицирующих высказываний, т. е. предложений константного или преходящего включения (по Ревзину). Ниже такие высказывания будут называться **и н к л ю з и в н ы м и**.

Первый признак показателен для языков, располагающих артиклем. В них определенный артикль и его эквиваленты могут характеризовать как досвязочное, так и послесвязочное имя. Эта черта отличает их от предложений предикатного типа, в которых предикатив характеризуется либо отсутствием артикля, либо неопределенным артиклем. Ср. *Peter is a writer* и *Peter is the author of this novel*; исп. *Pedro es escritor* и *Pedro es el autor de esta novela*.

Сам по себе обсуждаемый формальный признак не является безапелляционным. Так, предложения с суперлативом в послесвязочной позиции не выражают отношений тождества, хотя именная часть сказуемого оформлена в них определенным детерминантом. Ср. *Анна — самая красивая девушка города*. Подобные предложения выражают реляционную предикацию: Анна красивее, чем все другие девушки города.

В случаях этого типа признак детерминации имени приходит в столкновение с данными прономинализации. Единичные дескрипции атрибутивного типа, беря на себя функцию сообщаемого, создают неоднозначные предложения, которые могут быть истолкованы и в идентифици-

рующем, и в предикатном смысле. Ср. *Этот молодой человек — мой учитель математики* = 1) этот молодой человек — есть тот учитель математики, о котором я тебе говорил (значение тождества) и 2) этот молодой человек преподает мне математику (значение предикации).

Предложения типа *Этот старик — мой отец* в общем случае указывают на отношение между объектом сообщения и говорящим лицом. Это видно из того, что определенная дескрипция в них может быть преобразована в реляционный предикат и дательный, обозначающий второй термин отношения. Ср. *Этот старик отец мне; Эта женщина мне жена; Кто он тебе? Он мне брат*. В подобных предложениях, которые часто приобретают переносный смысл (ср. *Ты больше не сын мне*), устранен детерминант второго имени, т. е. разрушена определенная дескрипция. В предложении *Этот старик отец ему* референтны выражения *этот старик* и *ему*, имя же *отец* не имеет референта. Оно является реляционным предикатом, устанавливающим отношение отцовства между референтами.

Преобразование посессива в дательный адресата естественно применительно к местоимениям, по затруднено по отношению к существительным. Едва ли можно по-русски сказать *Этот старик отец моему соседу*. Заметим, что предложения типа *Он не тот человек, в которого можно влюбиться* также не относятся к предложениям тождества, поскольку второе имя в них лишено референтности, несмотря на детерминацию указательным местоимением.

Гораздо более надежные результаты дает применение критерия прономинализации.

В русских предложениях, выражающих отношения включенности, именная часть сказуемого не может быть замещена личным местоимением (по крайней мере, в именительном падеже). Так, в предложении *Пушкин — поэт* первое имя допускает местоименную замену (ср. *Он — поэт*), а второе — нет (ср. * *Пушкин — он*, допустимо *Пушкин был им*). Между тем в предложениях тождества оба имени могут быть замещены личными местоимениями, ср. *Этот молодой корнет и есть девица Дурова; Он и есть девица Дурова; Этот молодой корнет и есть она*, и даже: *Он и есть она*⁷. Ср. например, у Салтыкова-Шchedрина: «А я, коли видели: висит человек снаружи дома в

⁷ И. И. Ревзин. Указ. соч., стр. 10.

ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше, словно муха, ходит — это он самый я и есть!»

В тех языках, в которых существует прономинализация предикативов, второе имя замещается, как и прилагательное, особым предикатным местоимением. Ср. нем. *Der Mann ist Lehrer* → *Er ist es*, но *Saul ist Paul* → *Saul ist er*⁸; исп. *Este hombre es ladrón* → *Este hombre lo es*, но *Este hombre es el ladrón* → *Este hombre es él*⁹. В английском языке предикативный характер второго имени выявляется по соотношению с вопросительными и относительными местоимениями. Ср. *He wants to be a genius, which he is not*; *What she wants to marry is a medieval doctor*¹⁰.

В русском языке эти различия проводятся не всегда достаточно четко. Это связано с общей особенностью русских личных местоимений, допускающих нереперентное употребление. Высказывания *За кого ты меня принимаешь? Я не тот, за кого ты меня принимаешь* могут быть поняты и в идентифицирующем, и в предикатном (качественном) смысле, хотя неоднозначность в принципе устраняема именно средствами местоимений. Ср. *Он не тот (человек)* и *Он не то*; *Я не такой, как ты думаешь* и *Я не то, что ты думаешь*. Ср. *По полно, что пользы мне душу открыть. | Зачем я не то, что я был* (Лермонтов); *Однако же Чичиков что-нибудь да должен быть непременно* (Гоголь).

Приведенные факты убедительно показывают, что в инклюзивных предложениях послесвязочное имя выражает только качество — признак или совокупность признаков. Иначе говоря, оно не служит субститутом обозначаемого предмета.

Признаковый характер значения одного из существительных в предложениях инклюзивного типа был отмечен А. М. Пешковским, который писал: «Наряду с заменой существительного прилагательным можно до некоторой степени признавать и обратную замену прилагательного существительным. Мы имеем в виду, с одной стороны,

⁸ И. И. Ревзин. Указ. соч., стр. 10.

⁹ О непредметных местоимениях в пберо-романских языках см.: Е. М. Вольф. Грамматика и семантика местоимений (на материале пберо-романских языков). М., 1974, стр. 45—57.

¹⁰ S. Kuno. Some properties of non-referential noun phrases. «Studies in general and oriental linguistics». Tokyo, 1970, стр. 349.

то, что в школе называется «приложением» (*гражданин Иванов, товарищ комендант, сосед-немец*), с другой — так называемый «второй именительный» существительного при глаголе-связке (*он был комиссар, ты будешь учитель*). В обоих этих случаях два или более существительных обозначают один и тот же реальный предмет. А так как словарные значения этих существительных редко бывают при этом одинаково предметны, то обыкновенно представление об этом реальном предмете сцепляется с тем существительным, которое более предметно, другое же существительное (или другие) мыслится как предмет, квалифицирующий собой другой предмет, т. е. аналогично с тем, как мыслится прилагательное при существительном. Обычно видовое мыслится как квалификация индивидуального (например, в *гражданин Иванов* реальный предмет мыслится в слове *Иванов*, а квалификация — в слове *гражданин*), родовое — как квалификация видового (например, в *товарищ комендант* реальный предмет — *комендант*, а квалификация — *товарищ*)»¹¹.

Важным способом различения референтного и атрибутивного употребления определенных дескрипций являются пробы на продолжение текста. Всякая референтная дескрипция может употребляться в этой же функции в дальнейшем тексте, не нарушая его связности. Так, предложение *Мой учитель — Джонс* представляет собой предложение тождества. Обе именные фразы, образующие его, референтны. Поэтому любая из них может в следующем предложении быть использована в идентифицирующих целях, ср. *Мой учитель — Джонс. Мой учитель (Джонс) преподает мне математику*. Инверсия составляющих приведенного выше предложения тождества лишает вторую именную фразу референтности ср. *Джонс — мой учитель*. Последняя, получая атрибутивную функцию, уже не может фигурировать в следующем предложении в идентифицирующем значении. Высказывания *Джонс — мой учитель. Мой учитель преподает мне математику* не связаны между собой. Описанный тест подтверждает также атрибутивный характер единичной дескрипции, фигурирующей в позиции субъекта, в предложениях типа *Лидер этой партии — Джонс*. За этим предложением не

¹¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 151.

может следовать высказывание *Лидер партии несет ответственность за поражение на выборах*. Правила построения текста требуют, чтобы субъектом этого предложения было конкретное имя, т. е. *Джонс*, а не *лидер партии*. Это требование связано со значением предиката (нести ответственность за конкретное событие). Если бы последующее предложение допускало нереферентный субъект (это возможно в случаях общего суждения), то его позицию могло бы занять сочетание *лидер партии*, ср. *Лидер партии отвечает за проведение выборов*. Таким образом, следующая цепочка высказываний образует связный текст: *Лидер этой партии — Джонс. Лидер партии отвечает за проведение выборов*. Между тем, не может считаться связным текст с иной редакцией второго предложения: *Лидер этой партии — Джонс. Лидер партии несет ответственность за поражение на выборах*¹².

С. Куно, отмечая, что связочные предложения с нереферентным именем не могут подсказать новой дескрипции для идентификации предмета, указывает на следующее отклонение от этой закономерности. Обозначающий лицо индекс А, можно потом заменить индексом В, если В называет подмножество А. Ср. *К моему сыну пришел врач. Он оказался профессором колледжа, в котором я учился. Профессор сказал ...*¹³

В целом же, как было сказано, предикативные связочные предложения не предназначены для того, чтобы вводить в текст идентифицирующие именные фразы (определенные дескрипции). С этим согласуется и тот факт, что следующее за экзистенциальным предложение, сообщающее об имени лица, т. е. о способе его обозначения в дальнейшем тексте, не строится по связочной модели. Ср. *Жил был маленький мальчик. Мальчика звали Вася; Есть у меня один приятель. Зовут его Коля* (или: *Имя его Коля*, но не *Мой приятель — Коля*). Имя собственное в последующей позиции может фигурировать только в том случае, если речь идет об известном собеседнику лице. Высказывание *Капитан команды — Николай Соколов* скорее идентифицирует личность капитана (т. е. является предложением тождества), чем сообщает о его имени. Так, не вполне корректно: *Нас встретил капитан коман-*

¹² S. Kuno. Указ. соч., стр. 357.

¹³ Там же, стр. 358.

ды. Капитан команды — Николай Соколов. Николай Соколов рассказал о предстоящих встречах команды с хоккеистами Канады.

Четвертый признак, характеризующий предложения тождества и отличающий их от предложений инклюзивного плана, можно видеть в специфике значения их отрицательных форм.

Если идентификация предмета или лица была произведена неправильно, то сообщение об ошибке отрицает только факт тождества, т. е. относится только к значению глагола *быть*, по не к пресуппозиции существования референтов имен. В предложении *Ложно, что в Бородинском сражении победителем был Наполеон* не отвергается ни факт существования победителя, ни факт существования Наполеона. Отрицание касается только тождества лиц, отвечающих этим именам. Отрицательная форма идентифицирующих предложений указывает на существование двух референтов именных выражений, а позитивная форма предложений тождества утверждает, что существует лишь один референт, соотносимый с двумя именами, иначе говоря, в ней утверждается кореферентность именных выражений. Сравним следующие предложения: 1) *Эта женщина не была моя жена* (т. е. моя жена другая женщина, не она; не эта женщина моя жена); 2) *Эта женщина не была моей женою; Эта женщина не была мне женою* (т. е. эта женщина и я не были женаты); 3) *Эта женщина была не моя жена* (т. е. эта женщина была замужем за другим человеком). Первое предложение естественно в устах женатого человека. Имя *жена*, следовательно, употреблено в нем референтно. Второе предложение лишено пресуппозиций, касающихся семейного положения обоих персонажей, оно, пожалуй, вызвано к жизни предположением, что между ними существовали некоторые (неформальные) отношения. Такое высказывание уместно со стороны холостого мужчины. Третье предложение исходит из пресуппозиции, что женщина, о которой идет речь, замужем, но не предполагает, что у автора речи есть жена. Только первое высказывание можно считать отрицанием тождества, третье предложение в приведенной интерпретации, в которой отрицание отнесено только к притяжательному местоимению, таковым не является, поскольку не предполагает или не обязательно предполагает, что дескрипция *моя жена* относится к реальному лицу. Повседневный

узус однако размывает границы логического значения конструкции¹⁴ и высказывание *Эта женщина была не моя жена* может быть понято и как отрицание тождества. Ср. *Эта женщина была не моя жена. Моя жена в то время жила в деревне.*

Итак, значение отрицательных форм предложений тождества сводится к указанию на то, что каждому из двух именных выражений соответствует отдельный референт. Такие предложения как бы восстанавливают нормальную ситуацию. Значение же положительной формы состоит в своего рода поправке к пресуппозициям существования, приписывающим референт каждому именованному выражению: предложения тождества утверждают ошибочность подобной предпосылки.

Пятое свойство идентифицирующих предложений, обычно отмечаемое логиками и грамматистами, состоит в их обратимости, возможной только при однооформленности именных выражений¹⁵. Ср. *Москва — столица СССР и Столица СССР — Москва.*

В логике идея обратимости отождествляемых величин опирается на общее положение о том, что перестановка терминов равенства не нарушает истинности уравнения. Применительно к языкам это положение поддерживается внеконтекстуальными операциями над небольшим набором утверждений номинативного тождества. Ср. *Джорджоне это Барбарелли; Венера это Утренняя звезда; Туллий это Цицерон и Барбарелли это Джорджоне; Утренняя звезда это Венера; Цицерон это Туллий.* Среди лингвистов эта мысль основывается по преимуществу на наблюдениях над предложениями тождества настоящего времени, взятыми в отвлечении от контекста и конкретной ситуации.

Положение об обратимости имен может быть интерпретировано только в логическом, но не в коммуникативном и даже не в синтаксическом смысле. Из него не следует.

¹⁴ Обращая внимание на постоянно возникающие противоречия между формой и содержанием в языке, А. М. Пешковский писал: «Такие противоречия, конечно, неизбежны, раз одну и ту же мысль можно выразить двумя способами и раз выбор того или иного способа производится, как всякий грамматический выбор, полусознательно» (А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 229).

¹⁵ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 229; П. П. Ревзин. Указ. соч., стр. 10.

что «рокировка» возможна в контексте. Расположение именных выражений непосредственно отражает коммуникативное задание. В доглагольной (тематической) позиции обычно находится имя, относящееся к предмету речи, часто данному в непосредственном наблюдении или знании, а имя, апеллирующее к прошлому опыту или периферийному знанию и предназначенное для того, чтобы его актуализовать, ввести в фокус, составляет сообщаемое, т. е. при нормальном расположении слов помещается в послеглагольной позиции.

Зависимость расположения имен от коммуникативной перспективы высказывания можно показать на следующем примере из «Вадима» Лермонтова. Заканчивая рассказ о предательстве друга своего отца, Вадим спрашивает:— *Но кто, ты думаешь, кто этот нежный друг?* и получает следующий ответ:— *Я отгадала! воскликнула молодая девушка, подойдя с твердостью к Вадиму: я поняла тебя ... это Борис Петрович.* В этом последнем предложении «отправным пунктом» служит герой рассказа Вадима («нежный друг»), он находится «в предмете» разговора. В последующем авторском тексте термины инвертируются: *Палицын был тот самый ложный друг, погубивший отца юной Ольги* (Лермонтов). Инверсия вызвана тем, что герой авторского повествования уже сам Палицын, который отождествляется с некоторым персонажем, извлеченным из рассказа Вадима, представляющего собой экскурс в период, предшествующий началу повести. Итак, в первом предложении сообщаемым является имя собственное (*Борис Петрович*), ср. *Этот «нежный друг» был Борис Петрович*, а во втором высказывании это имя превращено в субъект сообщения, ср. *Борис Петрович Палицын был тем самым ложным другом.* Первое высказывание проспективно: оно перекидывает мостик из прошлого в настоящее, второе ретроспективно: оно связывает настоящее с прошлым.

Коммуникативное неравноправие термов в утверждениях тождества с очевидностью выявляется в сообщениях с глаголом *оказываться*, а также в высказываниях несвяточного типа, например, с глаголом *узнавать*. Ср. *Этот незнакомец оказался Петей* при невозможности **Петя оказался этим незнакомцем*; *В незнакомце мы узнали Петю* при невозможности в той же ситуации *В Пете мы узнали незнакомца*.

Если второй член предложений тождества развернут в придаточное предложение, содержащее напоминание о предшествующем знакомстве, его обычно вводит местоимение идентификации *самый* — *тот самый, который; тот же самый, который*. Ср. Он [Иван Иванович] *сшил ее [бекешу] тогда еще, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя (Гоголь); — Вязать его! это тот самый, который украл у доброго человека кобылу (Гоголь); Эге! — вспомнил он: — да никак это та самая тряпка, которую я насилу сбыл перед тем, как патент покупать! да! она самая и есть (Салтыков-Щедрин)*. В последнем примере содержится формула подтверждения идентичности; ставящая связку в ударную позицию: *она самая и есть*.

Таким образом, русский язык стремится тем или другим способом формально различить имена, входящие в предложения тождества, обнаружить их коммуникативное неравенство.

Мысль об изофункциональности имен в предложениях тождества справедлива лишь в отношении тех случаев, когда речь идет в равной степени о двух объектах (обычно лицах), и затем констатируется факт их идентичности. Только в этих условиях возможно объединение двух имен в позиции подлежащего. Ср. *Мой учитель математики и твой партнер по теннису одно и то же лицо*. Подобная ситуация особенно часто возникает при установлении номинативного тождества, т. е. тождества двух языковых выражений относительно одного денотата. Не случайно поэтому такие предложения легко трансформируются по типу: *Декарт это (и есть) Картезиус → Декарт и Картезиус это одно и то же (лицо); Зеленушки это (и есть) черные грузди → зеленушки и черные грузди это одно и то же*.

В подавляющем большинстве случаев, однако, контекст и ситуация не позволяют безболезненно для целей коммуникации маневрировать именами внутри предложений тождества.

* * *

Все сказанное заставляет с большей осторожностью отнестись к мысли о грамматической (а не только коммуникативной) однородности идентифицируемых выражений.

Наблюдаемая во многих случаях симметричность и обратимость имен затрудняют, как известно, синтаксический анализ предложений тождества.

Отсутствие достаточных формальных оснований для выбора подлежащего из двух номинативов привели одних лингвистов к отказу от самих этих поисков¹⁶, другие ученые, напротив, выделяют в структуре предложений тождества два подлежащих при одном сказуемом — глаголе *быть*¹⁷. Эта вторая точка зрения поддерживается тем, что оба имени в предложениях тождества обладают признаком референтности, характерным для подлежащего.

Как было показано выше, при актуальном членении предложений тождества одно имя составляет в них тему сообщения, а другое образует его рему. Если бы тема и рема различались между собой только порядком слов и просодическими чертами, можно было бы остановиться в синтаксическом анализе на стадии актуального членения, и считать, что подлежащее и сказуемое не выделены в формально-грамматическом составе предложений тождества. Однако против этой точки зрения имеются контраргументы. Так, одно из имен может быть в предложениях тождества преобразовано в творительный падеж, нарушая этим симметрию термов. Это побуждает говорить уже не только о коммуникативном, но и о грамматическом неравноправии имен. Более того, нередко, а в некоторых условиях регулярно, в творительном падеже стоит не рема, а как раз тема высказывания, т. е. актуальное членение предложения не совпадает с его грамматическим оформлением. Ср. *Этим ребенком был я; Неужели тем прохожим были вы?*

¹⁶ Так, М. И. Стеблин-Каменский пишет по поводу предложений тождества: «Специфика таких предложений, очевидно, в том и заключается, что выражение предикативного отношения, т. е. то, что составляет сущность сказуемого, оторвалось в них от сказуемого и что, поэтому, вместо подлежащего и сказуемого в них есть только два главных члена, из которых ни один не является ни подлежащим, ни сказуемым, несмотря на наличие предикативного отношения между этими членами» (М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. «Вестник ЛГУ», 1956, № 20, стр. 136). К. Берка также считает, что в этом случае нет никакого смысла говорить о субъекте и предикате в лингвистическом, хотя и не психологическом, смысле (К. Берка. Указ. соч., стр. 173). Критические замечания по поводу этой точки зрения см. в статье: В. Г. Адмони. О предикативности. «Уч. зап. ЛГПИ», 1957, т. XXVIII, вып. 2, стр. 35).

¹⁷ И. И. Рязин. Указ. соч., стр. 12.

Для того чтобы приблизиться к пониманию грамматической структуры предложений тождества, посмотрим, на каких признаках принято основывать синтаксический анализ субстантивных связочных предложений симметричного типа.

Анализ этих предложений обычно опирается на два признака: возможность постановки одного из имен в творительный падеж и согласование связочного глагола. Первый признак выделяет сказуемое, второй — подлежащее. В большой группе связочных предложений, относящихся к настоящему времени, нет и не может быть ни одного из этих признаков. В предложениях, в которых фигурирует связочный глагол не настоящего времени, обязательно присутствует фактор согласования, по обоим имени могут быть в именительном падеже, поскольку согласование связки обязательно, а творительный падеж предикатива — факультативен. В этой категории связочных предложений представлены два случая: 1) одно из имен может без нарушения коммуникативного значения быть поставлено в творительный падеж, ср. *Вошедший был наш сосед Коля* → *Вошедшим был наш сосед Коля*; 2) ни один из именных членов предложения не может быть преобразован в творительный падеж, ср. *Это был Коля*.

В предложениях, вводимых указательным местоимением среднего рода — *это, то*, глагол, как известно, согласуется с последующим существительным, которое в этих условиях не может быть поставлено в творительный падеж, поскольку один и тот же элемент не может объединять формальные признаки подлежащего (согласование со связкой) и сказуемого (творительный предикативный). Не допускает трансформации в творительный и местоимение *это*, даже когда оно употреблено анафорически и скрывает за собой сказуемое, хотя и не рему. Ср. *Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит. — Я желаю, чтобы э т о были вы* (Лермонтов) = я желаю, чтобы этим человеком были вы = я желаю, чтобы убиты были вы; — *Боже мой, боже мой!* — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку; — *так э т о были вы! И вы не узнаете меня?* (Пушкин) = тем человеком, с которым я обвенчалась, были вы.

Таким образом, признак согласования, выделяющий подлежащее, имеет более широкую зону присутствия, чем признак творительного падежа, выделяющий сказуемое.

А. М. Пешковский в конечном счете основывал грамматический анализ именно на этом признаке. «Ассоциация с творительным предикативным не решает дела,— пишет А. М. Пешковский,— так как сам этот признак может противоречить в известных случаях признаку *согласования связки*, для нас важнейшему, основному» (курсив А. М. Пешковского)¹⁸. В предложениях типа *Это был стол* он считал подлежащим *стол*, а сказуемым *это*¹⁹. Выбор критерия отражал стремление Пешковского подчеркнуть специфику собственно грамматического разбора предложения, противопоставив его анализу логическому и психологическому (об этом Пешковский пишет прямо²⁰) и даже семантическому. Ведь дейктическое местоимение не может по своей семантической природе быть сказуемым. Между тем, такой грамматический анализ, очищенный от содержательных категорий, быстро попадает в круг. Так, если правила согласования сказуемого формулируются по отношению к подлежащему предложения (сказуемое согласуется с подлежащим), то подлежащее, утратив логические, психологические, семантические и коммуникативные признаки, может быть определено только как то, с чем согласуется сказуемое. Ср. у Пешковского: «подлежащее и есть как раз то, с чем согласуется глагол или связка»²¹.

Отдаленность такого анализа от содержательной стороны предложения можно показать на следующих примерах. Разбирая отрывок из «Полтавы»

... три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;

Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой...

¹⁸ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 235.

¹⁹ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 235: см. также: K. Ebeling. Subject and predicate, especially in Russian. 's-Gravenhage, 1958.

²⁰ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 234.

²¹ Там же.

Пешковский пишет: «Для нас, конечно, в сочетании *первый клад* была *честь* подлежащее будет *честь*, а в сочетании *второй клад* был *честь дочери* подлежащее будет *клад*, и аналогично — во всех остальных примерах»²². В предложении *Свадьба Наташи* [...] было последнее радостное событие в старой семье Ростовых (М. Толстой) Пешковский считает подлежащим *событие*, а сочетание *свадьба Наташи* сказуемым²³. Такой анализ противоречит соотношению значений имен: эмоционально-оценочное значение всегда стремится занять место сказуемого, а существительное с конкретной референцией (*свадьба Наташи*) при таком партнере, естественно, помещается в позицию подлежащего, хотя соотношение темы и ремы в высказывании может быть обратным (ср. *Этим последним радостным событием была свадьба Наташи*).

Распределение имен по синтаксическим позициям подлежащего и сказуемого всегда учитывает их логико-семантическое соотношение: более признаковое существительное тяготеет к функции сказуемого, более конкретное (предметное) имя, напротив, помещается в позицию подлежащего. Главные члены связочного предложения организуются соотношением значений имен. Между тем нормы согласования в известной степени определяются не содержательной стороной предложения, т. е. не значениями имен, а их формальными характеристиками. Глагол часто ориентируется либо на маркированное в оппозиции по роду и числу имя²⁴, либо на ближайшее по своему расположению существительное²⁵. В этих случаях фактор согласования перестает быть показательным для синтаксической структуры предложения.

Правила употребления творительного падежа в силу факультативности этого явления, имеют иной, менее формальный характер. Употребление творительного не всегда, однако, соответствует коммуникативной организации предложения. Каково бы не было размещение коммуникативных функций, творительный падеж неприемлем для личных местоимений, особенно первого и второго лиц. Нельзя сказать *Пеужели тот ребенок был мною (тобой)? Неужто тот прохожий был вами?* Надо: *Неужели тем*

²² А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 234.

²³ Там же.

²⁴ И. И. Ревзин. Указ. соч., стр. 15.

²⁵ Предположение И. И. Ковтуновой.

ребенком был я (ты)? Неужто тем прохожим были вы? Актуальное членение таких предложений не совпадает с их грамматическим составом: их рема соответствует именительному падежу личного местоимения, а тема — оформленному творительным падежом существительному. То же относится, хотя и не столь строго, к именам собственным, избегающим творительного падежа.

Указанное ограничение на употребление творительного падежа касается именно предложений тождества. Оно связано, с семантической природой терма. Касаясь функции творительного в субстантивных связочных предложениях, А. М. Пешковский указывал, что «этот оборот [...] всегда следует за логическими отношениями и им прямо можно пользоваться для быстрого отыскания видового и родового понятий»²⁶. Если принять эту точку зрения, а также согласиться с тем, что основным признаком подлежащего в конкретном связочном предложении является референтность имени со стороны содержания и именительный падеж со стороны формы, то надо, по-видимому, считать подлежащим связочных предложений тот их член, который не может быть преобразован в творительный падеж²⁷, т. е. в конкретных предложениях референтное имя, в предложениях, выражающих отвлеченное суждение, имя, соответствующее видовому понятию. Однако в предложениях тождества оба имени референтны и равны по своему денотативному содержанию, хотя их смыслы могут различаться по объему. Если считать, что творительный есть знак нереферентности имени, то в предложениях тождества он не должен был бы присутствовать вообще. Между тем он в них употребляется. Причем его употребление, как было отмечено, следует определенным закономер-

²⁶ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 234.

²⁷ Л. П. Старосельцев предлагает различать подлежащее и сказуемое в предложениях тождества, к которым он относит все связочные предложения симметричного типа, путем преобразования именительного падежа одного из существительных в творительный (Л. П. Старосельцев. Указ. соч., стр. 33). В предложениях, в которых оба имени допускают такую замену (ср. *Мой приятель был инженером* и *Инженер был моим приятелем*), автор видит «глубокую нейтрализацию» различий между составами предложения, затрагивающую и уровень содержания и уровень выражения одновременно. Такое заключение не совсем справедливо. В нем не приняты во внимание различия в референции имен, делающие указанные предложения различными по смыслу.

ностям. Оно не согласуется с коммуникативным членением высказывания, но зависит от природы номинации.

Творительный падеж не может оформлять в предложениях тождества личные местоимения, относящиеся к участникам коммуникации. Это связано не только с их асемантичностью, не только с тем, что участники разговора всегда принимаются за данное, исходный пункт сообщения, а не как нечто, извлекаемое из недр памяти или периферии знания. Гораздо важнее другое: местоимения 1-го и 2-го лица и имена собственные суть символы субстанционального единства личности, ее константной сущности, в то время как имена нарицательные (дескрипции) как бы обозначают разные ее аспекты или ипостаси.

В предложениях тождества творительный может характеризовать тот терм, который относится к преходящему состоянию личности, ее эпизодическому «воплощению», а именительный скорее связывает себя с термом, символизирующим константу. Такое понимание творительного в предложениях тождества согласуется с точкой зрения Пешковского, который писал: «Стоит же нам изменить содержание понятий или вещественные условия речи так, чтобы предикативное имя могло стать во временные отношения к подлежащему, — и творительный станет возможен: если предположим переименование Москвы, то можно сказать *столица была тогда Москвой* (ср. *Ленинград был еще тогда Петроградом*); если допустим переселение душ, то можем сказать *этот человек был им* и т. д. Ясно, что именительный обозначает вневременное тождество, а творительный — временное»²⁸.

Так, встретив на маскараде клоуна и узнав его, мы могли бы сказать *Этим клоуном был мой сослуживец*. Предположим мы сказали бы иначе: *Этот клоун был моим сослуживцем*. Такое высказывание могло бы навести на мысль, что говорящий является цирковым партнером клоуна, т. е. что «клоунада» составляет нечто большее, чем маскарадный костюм идентифицируемого лица.

Предложения тождества, в которых термы соединены глаголом *оказываться* обладают иной смысловой организацией. В них подлежащим обозначается объект в его данности, актуальном состоянии, а творительным — объект в том виде, в каком он извлечен из прошлого опыта.

²⁸ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 229.

Ср. *Дама в малиновом берете оказалась Татьяной Лариной* и *Дамой в малиновом берете была Татьяна Ларина*; *Этот счастливый рыбак оказался хазарским ханом Ратмиром* и *Этим счастливым рыбаком был хазарский хан Ратмир*. Предложения с глаголом *оказываться* в семантическом отношении аналогичны предложениям с глаголом *узнавать*, в которых также противопоставлено актуальное состояние объекта его прошлой ипостаси, принимаемой за константу. Ср. *В клоуне он узнал своего сослуживца*. В счастливом рыбаке *Руслан узнал хазарского хана Ратмира*.

Колебания в употреблении творительного падежа в предложениях тождества с глаголом *быть* являются результатом контаминации с предложениями с глаголом *оказываться*, в которых творительным регулярно отмечен терм, вскрывающий «личностную константу», Ср. *Этот человек оказался Петей* и *Этот человек был Петей* вместо правильного: *Этим человеком был Петя*.

Итак, проникая в предложения тождества, творительный падеж, в сущности, их разрушает, делает семантически аналогичными предложениям субъектно-предикатного склада, выражающим отношения признака и его носителя. Утратив формальную симметрию, термы утрачивают и семантическую гомогенность. Подлежащее и сказуемое могут быть выделены в предложениях тождества в той степени, в какой один из их членов обозначает нечто вроде временного воплощения, или «предметного состояния» объекта и оформляется или может быть оформлен творительным предикативным. В строгом и собственном смысле предложения денотативного тождества, т. е. предложения идентификации, лишены подлежащего и сказуемого, хотя они членятся на тему и рему.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Типы идентифицирующих и предикатных слов

Коммуникативный подход к значению предполагает, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении. Если, отвлекаясь от отношений, предваряющих высказывание, т. е. от номинации и экзистенции, считать, что в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции — идентификация предметов, о которых идет речь, и предикация, вводящая сообщаемое, то можно ожидать, что значение слов приспосабливается к выполнению одного из этих двух заданий. Известно, что такая связь действительно существует: имена и местоимения специализируются на выполнении функции идентификации, а прилагательные и глаголы по типу своего значения (выражение абстрактного признака) обычно берут на себя роль сообщаемого.

Различаясь по своей первичной синтаксической функции, эти классы слов различны и по своим общим семантическим характеристикам.

Среди идентифицирующих слов (или терм), позволяющих адресату речи выбрать нужную вещь из поля его непосредственного или опосредованного восприятия, обычно выделяются следующие семантические разновидности¹.

1) Дейктические слова, своего рода «подвижные определители» (shifters), приложимые к любому

¹ О классах слов с точки зрения их семиологических функций см.: А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974.

референту². Содержание этих слов всецело обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкретного речевого акта.

2) Имена собственные, обладающие свойством уникальной референции. Их наполнение также обусловлено признаками денотата, выбор которого однако независим от условий коммуникации (если отвлечься от возможности существования нескольких носителей одного имени). Собственные имена, подобно дейктическим словам, семантически ущербны. Сами по себе они не передают какой-либо объективной информации³. «Употребляя собственное имя,— писал Дж. Милль,— мы позволяем слушателю идентифицировать индивидуума и связать его с той информацией, которой он располагал ранее»⁴. Собственное имя не характеризует объект, не сообщает о нем ничего истинного или ложного. Оно не переводится и не перифразируется. Его содержание определяется в логике как *individual*, или *particular*.

3) Имена нарицательные. Слова этого разряда обладают полной семантической структурой, складывающейся из некоторого понятия (коннотации, по Дж. Миллю, смысла, по Г. Фреге, сигнификата, десигната, концепта), образуемого общими признаками класса реальных, и конкретного, индивидуального содержания, создаваемого в речи свойствами денотата, или референта. Имена нарицательные приложимы к любому предмету,

² О дейксисе см.: Е. М. Вольф. Местоимения в пбиро-романских языках (личные, притяжательные, указательные). Докт. дисс. М., 1974 (к диссертации приложена обширная библиография по теме).

³ Отсутствие социально-закрепленной информации у имен собственных подтверждается, в частности, тем, что ни один предикат, присоединяясь к ним, не образует аналитического суждения, т. е. суждения, истинного в силу значения входящих в него слов. Ср. *Павел молод (умен, красив, имеет семью, работает слесарем и т. п.)*. Все эти предложения информативны. Замена имени собственного тождественной по референции определенной дескрипцией может повести к возникновению аналитических предложений, например: *Этот отец семейства имеет семью*. Имя собственное так же не имеет значения, как и тот предмет, который оно замещает. См.: J. Searle. The problem of proper names. «Semantics». Cambridge (Mass.), 1971. В этой статье систематизированы аргументы и контраргументы, приводимые в давней логической controverse о значении собственных имен.

⁴ J. St. Mill. Of names. «Theory of meaning». Prentice-Hall, 1970, стр. 55.

относительно которого истинно их значение. Последнее представляет собой стабильный элемент их семантической структуры, ее костяк, в то время как приобретаемое в речи денотативное содержание варьируется, дополняя понятийный «скелет» до индивидуальных и индивидуализируемых образов конкретных предметов.

Денотативное наполнение идентифицирующей дескрипции, т. е. ее переменное (речевое) содержание, соответствует тому представлению о референте, которое является постоянным спутником имени собственного.

Денотативные возможности имен нарицательных обеспечиваются тем, что их значение описывает некоторые свойства предметов. Идентифицирующие дескрипции, поэтому, легко преобразуются в предикаты классифицирующего типа. Применение дескрипций для отождествления предмета речи предполагает наличие у говорящих общей сферы идентифицирующих знаний⁵ и вместе с тем требует включения специальной системы актуализации, образуемой артиклями, указательными и притяжательными местоимениями, кванторами и т. п. Этот механизм способствует, в частности, обращению имени нарицательного в речевое имя собственное (*singular term*).

Здесь нелишне напомнить, что все идентифицирующие слова образуют знаки-субституты, замещающие в процессе коммуникации предмет (или класс предметов), о котором делается сообщение. Сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соотв. событию), а не слову, его называющему. Отнесенность к действительности, поэтому, и принято считать основным свойством предикации. Выражаемое предложением суждение есть суждение о действительности, фиксирующее результаты ее познания человеком. Идентифицирующие слова должны быть, следовательно, наилучшим образом приспособлены к тому, чтобы н а з ы в а т ь.

Идентифицирующие слова являются своего рода сигналом, вызывающим у собеседников субъективные представления. Денотативные значения уместно сравнить с изображениями одной и той же модели, выполненными разными художниками. Варьирование образа допустимо в тех пределах, в которых оно не создает препятствий к

⁵ *P. F. Strawson*. Identifying reference and truth values. «Semantics». Cambridge (Mass), 1971, стр. 86—89.

отождествлению изображения с натурой. Возможные различия в восприятии конкретных реальных объектов не мешают языковому общению: для «счастливого» исхода акта коммуникации нужно только, чтобы имя было правильно отнесено к референту. Эта цель в принципе достижима при помощи знаков, лишенных понятийного содержания.

Идентифицирующие дескрипции, в отличие от дейктических слов и имен собственных, приспособлены к обслуживанию более сложных видов референции — отношению имени к классу денотатов, любому члену класса, каждому члену класса, некоторой части класса, определенной части класса, неизвестному члену класса, никакому члену класса и т. п.

Среди предикатных знаков, или семантических предикатов, выделяются; 1) слова, обладающие только понятийным содержанием, сигнификатом, и сами по себе не приспособленные к денотации (прилагательные и глаголы) и 2) слова, в принципе наделенные полной семантической структурой, т. е. способные получать как сигнификативное, так и денотативное содержание (существительные).

Для предикатов, несущих функцию сообщения, важна прежде всего способность обозначать, т. е. иметь социально закрепленное значение, обеспечивающее взаимопонимание участников коммуникации. Выступая в роли предиката, слово не получает денотативного наполнения. Оно имеет значение, но лишено референции, т. е. не служит знаковым заместителем предмета⁶. Предикатные слова относятся к категории знаков-понятий. Знаковая функция слова реализуется в этом случае только по отношению к сигнификату.

Таким образом, в языке могут быть выделены *монотипические* и *бифункциональные* знаки, осуществляющие либо только идентифицирующую (имена собственные, дейктические слова), либо только предикатную функцию (нереферентные слова) и *бифункциональные* знаки, способные играть любую из этих ролей. Семантика этих последних приспособлена и к тому, чтобы называть, и к тому, чтобы обозначать.

⁶ «Понятие 'иметь значение' хотя бы частично отличается от понятия 'стоять вместо чего-либо'» (*G. Ryle. The theory of meaning. «Philosophy and ordinary language». Urbana, 1963, стр. 133, 145).*

Семантическая структура идентифицирующих и предикатных слов

Множество словесных знаков отличается функциональной подвижностью, т. е. допускает как референтное, так и нереферентное употребление. Именно этой особенностью слова объясняется его семантическая двойственность — наличие у него смысла и значения, сигнификативного и денотативного содержания, способности к коннотации и референции. Некоторые логики видели в этом своего рода ущербность устройства естественных языков. Так, П. Глч писал: «Если одно и то же выражение встречается в языке то как предикат, то как имя, это может повести лишь к недоразумению (is a misleading feature of our language). Имена и предикаты абсолютно различны»⁷ и несколько ниже: «Если имя и предикат обладают одинаковой внешней формой, это дефект языка»⁸.

Между тем семантическая двучастность слова чрезвычайно расширяет коммуникативные и выразительные возможности языка. Чтобы убедиться в этом, сделаем следующий эксперимент. Представим себе семиотическую систему с четким соотношением типа номинации и коммуникативной функции. В таком коде каждый денотат имел бы особое наименование — имя собственное (знаки типа А), а свойства предметов обозначались бы другой категорией знаков (знаки типа Б). В нем существовали бы только слова, обладающие неполной семантической структурой — либо денотативным значением, либо сигнификатом. Синтаксис воображаемого кода мог бы быть также элементарен: любому знаку типа А разрешено сочетаться с любым знаком типа Б. Перечисленные условия позволяют построить такие предложения как *Павел силен; Павел весел; Петр силен; Петр весел; Солнце высоко; Солнце низко; Луна высоко; Луна низко*.

Описанному языку неподвластна классификация предметов, так как в нем нет имени, относимого к любому члену того или другого разряда, т. е. обладающего референтной многозначностью. На нем, однако, может быть произведена классификация признаков, действий, состояний, событий и ситуаций. Поскольку для языка первичной и

⁷ P. Th. Geach. Reference and generality. Ithaca, N. Y., 1968, стр. 31.

⁸ Там же, стр. 34.

основной является функция сообщения (т. е. обозначение), а функция идентификации (т. е. название) — периферийной и вспомогательной (предмет речи в простейших условиях общения выводим из актуальной ситуации), то в основе пользования языком лежит выделение и обобщение признаков и свойств событий и предметов. Без классификации типичных и повторяющихся состояний и ситуаций (для первобытного мира это может быть ситуация нападения врага, обстановка, благоприятная для охоты, дефицит пищи, надвигающаяся непогода и пр.) невозможно общение на языке.

Сигнал тревоги может быть выработан только в результате классификации ситуаций на угрожающие и неугрожающие. Наличие знаков-понятий, следовательно, важнее для функционирования языка, чем присутствие в нем знаков-индексов. Поэтому более семантически простое имя собственное представляет собой факультативное образование, сравнительно с именем нарицательным.

Если бы в код описанного типа были введены знаки, приложимые более чем к одному референту, и в силу этого способные как к референции, так и к предикации, это повело бы к резкому расширению выразительных возможностей языка, стимулировав в то же время развитие его внутренней структуры. Включение в язык бифункциональных знаков имело бы своим следствием: 1) увеличение сферы приложимости языка, 2) развитие механизма актуализации знаков, 3) возможность построения классифицирующих предложений типа *Павел — человек*, 4) возможность выражать общие суждения типа *Человек смертен*.

Дж. Милль именно потому считал деление имен на собственные и нарицательные (единичные и общие) первым и наиболее фундаментальным, что наличие в языке слов, способных относиться ко многим предметам, позволяет выносить общие суждения, т. е. утверждать или отрицать предикат о бесконечном числе предметов одновременно⁹.

* * *

Хотя все полнозначные слова — имена нарицательные, прилагательные, глаголы и наречия — обладают понятийным содержанием, структура этого последнего в силу своей функциональной обусловленности неодинакова.

⁹ J. St. Mill. Указ. соч., стр. 48.

Значение имен, для которых первичной является идентифицирующая функция, ориентировано на денотат и создается общими чертами класса денотатов. Оно вполне аналогично классификационным признакам, выделяемым в любой научной таксономии (например, в ботанике, зоологии, минералогии и т. п.) с тем лишь отличием, что языковая таксономия как бы поставлена на «бытовую» основу, интуитивна и подвержена стихийным изменениям. Не случайно, говоря о значении слова, Л. Блумфилд искал в нем признаки предмета (в его терминологии ситуации): неинстинктивные, классификационно нерелевантные черты ситуации (например, величина, форма и окраска яблока) не входят в семантику слова, в то время как черты, общие для всех ситуаций, стимулирующих появление данного слова, т. е. для всех предметов, к которым оно приложимо, образуют его семантическое содержание¹⁰.

Эта мысль Блумфилда относится прежде всего к значению идентифицирующих имен, словарное определение которых дается по формуле: «слово X применяется для называния класса реальных, обладающих такими-то чертами» и состоит в перечислении классификационно релевантных признаков соответствующей категории предметов. Толкование таких слов напоминает словесный портрет с большим или меньшим количеством особых примет.

Однако подобно тому, как самое подробное объяснение типа «как идти» не всегда служит гарантией того, что вооруженный им путник не собьется с дороги, даже весьма детального словарного описания часто оказывается недостаточным для правильного понимания значения слова, т. е. для отнесения его к нужной категории предметов, особенно когда речь идет о чуждом, эмпирически незнакомом мире реальных, например, породах животных, виде растений, экзотических плодах и блюдах, видах жилища, одежде и т. п. Правильно соотносить заочно созданные представления о предметах с воочию увиденными и эмпирически познанными реальностями, т. е. сделать, основываясь на толковании слова, адекватный выбор соответствующего ему предмета, оказывается весьма затруднительным. Известно, что реальное изображение, созданное даже по очень подробному и обстоятельному словесному портрету, бывает мало похоже на фотографию или портрет, писанный

¹⁰ Л. Блумфилд. Язык. М., 1969, стр. 144.

с натуры. Поэтому, точно так же как путевое объяснение нередко подкрепляется планом местности, в справочниках и словарях энциклопедического типа словесный портрет иногда дополняется изображением типичного представителя данного класса.

По мнению некоторых авторов, слова этого типа, в особенности названия естественных объектов (*natural-kind words*) в известном смысле вообще лишены словарного определения. Последнее оказывается гораздо менее эффективным, чем соответствующая ему «картинка». Платон, определяя виды животных и растений, ограничивался формулой «Все, что принадлежит к одному виду с изображенным»¹¹.

Языковая классификация предметов опирается на целый комплекс признаков. Этим обеспечивается успех идентифицирующей функции, нуждающейся в нескольких точках опоры.

Компоненты значения идентифицирующего слова гетерогенны: они могут характеризовать класс предметов с разных сторон, фиксируя его различные физические и функциональные аспекты. Так, разные семантические черты, отраженные в значении слова «песок», дают возможность образовывать с ним целую серию сравнительных конструкций: *зыбкий как песок, желтый как песок, сыпучий как песок, рассыпчатый как песок, мелкий как песок, мягкий как песок*.

Семантическая комплексность и гетерогенность мешают идентифицирующим словам вступать между собой в антонимические отношения, способствующие системной организации лексики.

О синонимии среди идентифицирующих слов можно говорить либо в том смысле, в каком говорят о разных именах одного референта (ср. *Картезиус — Декарт, Эверест — Чомолунгма и лингвистика — языкознание — языковедение, меню — карта, почтовая карточка — открытка*, либо в том смысле, в каком говорят о разных уровнях (по степени детализации) или системах классификации. В последнем случае синонимия формируется логическими отношениями включенности и пересечения. Ср. *трава — сорняк — лебеда, дом — строение — особняк — хата —*

¹¹ D. Wiggins. On sentence-sense, word-sense and difference of word-sense. Towards a philosophical theory of dictionaries. «Semantics». Cambridge (Mass.), 1971, стр. 25—26.

изба. Синонимия идентифицирующих слов создается, таким образом, их способностью называть один и тот же класс денотатов. О системе среди слов этого типа можно говорить преимущественно в таксономическом смысле.

По указанным выше причинам идентифицирующие номинации не вызывают к жизни абстрактных производных. Нельзя выразить одним словом 'свойство быть деревом (стулом, книгой, вазой, спичкой и пр.)'. Абстрактное существительное *свинство* соотносимо с метафорическим (предикатным) значением слова *свинья*, опирающимся на один семантический признак, а не с прямым номинативным значением этого слова, позволяющим опознать определенную породу домашних животных.

Идентифицирующие имена нарицательные стремятся к сохранению и уточнению своих возможностей референции. Их понятийное содержание, постепенно отдаляясь от внутренней формы слова (того признака предмета, который дал повод к его наименованию) создается общими свойствами обозначаемого класса предметов, достаточными для его отождествления (ср. значение таких слов, как *белок*, *желток*, *солянка*, *солонина*, *большак*, *синяк*, *белый гриб*, *подосиновик* и пр.).

Идентифицирующий знак не может иметь обширной зоны неопределенности (*vagueness*) своего применения¹². Хотя можно вообразить предмет в равной степени похожий на стул и на кресло, хотя весьма распространены саквояжи, представляющие собой своеобразную «помесь» портфеля с чемоданом и способные поставить говорящего в «номинативный тупик», большинство реальных весьма определенно разбито на наименованные категории, хотя сами наименования допускают социально и стилистически обусловленное варьирование.

В языке, впрочем, иногда наблюдается тенденция к расширению сферы приложимости слова, ведущая к его десемантизации, падению информативности. Идентифицирующий знак, обладающий полной семантической структурой, при этом постепенно превращается в дейктическое, прономинальное слово, лишенное понятийного содержания (ср. *штука*, *вещь*, *тип*, *дело*, *история*, *факт*, англ.

¹² О зоне неопределенности референции см.: *M. Black. Language and philosophy. Ithaca, N. Y., 1949, стр. 23—29; W. Quine. Word and object. N. Y., London, 1960, стр. 125—128.*

(thing, body. франц. chose, исп. cosa) ¹³. Распирение употреблення слова обычно стимулирует возникновение новых номинаций с более богатым семантическим содержанием и, следовательно, более узкой областью референции.

Идентифицирующие слова могут вызывать у собеседников весьма субъективные, индивидуальные представления. Предложение *Моя сестра вернулась вчера из Киева* будет, однако, однозначно понято всеми адресатами, сколь ни велики окажутся различия существующего в их сознании образа референта слова *сестра*.

Тезис Л. Блумфилда о зависимости значения слова от глубины нашего познания действительности и необходимости при его определении черпать сведения из других паук ¹⁴, явившийся одним из поводов выведения категории значения из круга лингвистических интересов дескриптивистов, может быть в какой-то мере отнесен только к идентифицирующим словам.

К числу особенностей, характеризующих содержание слов, для которых первичной является идентифицирующая функция, могут быть отнесены: 1) тесная связь с денотатом, 2) полипризнаковость, комплексность, синтетичность, 3) гетерогенность семантических компонентов, 4) достаточная четкость границ референции, 5) «нелюбовь» к образованию антонимических отношений, 6) «денотативный» характер синонимии, 7) отсутствие соотносительных абстрактных имен, 8) внереференциальность, 9) объективность, социальность семантических норм употребления при субъективности, индивидуальности вызываемого представления.

¹³ О словах с «широкой понятийной основой» см.: А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 101—112; — О прономинализации существительных в разговорной речи см.: «Русская разговорная речь». М., 1973, стр. 451—453. — Л. А. Капанадзе (автор главы «Номинация») пишет в этой связи: «Захват полнозначных существительных в группу слов с неопределенно-указательным значением происходит значительно активнее в разговорной речи, чем в кодифицированном литературном языке. Эта группа постоянно обновляется в разговорной речи за счет индивидуальных употреблений, а также благодаря многочисленным экспрессивным модификациям одного и того же слова: не только *штука*, но и *штучка*, *штуkenция*, *штуковина* и т. п.» (стр. 453).

¹⁴ Л. Блумфилд. Указ. соч., стр. 149.

Эти свойства значения идентифицирующих слов отличают их от слов, специализирующихся на выполнении предикатной функции, но в известной степени сближают с именами собственными, т. е. «идеальными» идентификаторами предмета.

Если Л. Блумфилд, размышляя над проблемами значения, имел в виду прежде всего существительные идентифицирующего типа, то известная мысль С. О. Карцевского о том, что обозначающее стремится выйти за рамки, поставленные обозначаемым и приобрести иные функции¹⁵, касается прежде всего предикатного употребления слова, в котором обнаруживается субъективный взгляд на вещи говорящего, и в меньшей степени идентифицирующих слов, употребление которых обычно следует жестким правилам. Если, говоря о зайце, его поименуют свиньей, адресат едва ли возьмет в толк, о ком идет речь, но если к зайцу будет отнесен предикат *свинья*, то собеседник постарается догадаться, что сообщение касается размера и толщины животного.

Употребление несоответствующей объекту идентифицирующей дескрипции преступает нормы языка, несоответствие объекту значения предиката создает ложное высказывание. Если, глядя вслед убегающему зайцу, мы скажем *Свинья побежала в лес*, то естественная реакция на такое сообщение примет форму поправки: *Это же заяц, а не свинья* или *Это животное называется зайцем*; несогласие с сообщением *Этот заяц — настоящая свинья* выльется в возражение *Да нет же, он совсем не толстый, он просто пушистый*. Если адресат речи не уяснил себе значения предикатного слова, он может спросить *Что это значит? В каком смысле «свинья»? Что ты хочешь этим сказать?* Если собеседник не уловил денотативной направленности слова, он формулирует свой вопрос иначе, например, так: *О ком ты говоришь?* или *Кого ты имеешь в виду?* В первом случае вопрос нацелен на выяснение или уточнение значения слова, его сигнификата, во втором он относится непосредственно к референту.

Если идентифицирующие имена, как отмечалось, могут соответствовать разным представлениям о предмете в сознании собеседников, то предикатные слова, несмотря

¹⁵ С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX — XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 90.

на возможности их субъективного применения, напротив, апеллируют к одинаковым, социально закрепленным понятиям, соответствующим их сигнификату. В противном случае, т. е. если бы значение предиката получало у говорящих разную интерпретацию, между ними не могло бы быть достигнуто взаимное понимание.

Итак, идентифицирующие слова реализуют в предложении свою способность к д е н о т а ц и и, вызывая индивидуализированные представления о конкретном предмете, в то время как предикаты реализуют в предложении свое с и г н и ф и к а т и в н о е содержание, создаваемое стандартизованными представлениями о свойствах предметов или событий.

Значение идентифицирующих слов, как уже отмечалось, склонно к обогащению признаками денотативного класса. Понятийное содержание предикатов, напротив, центробежно. Оно стремится к отрыву от денотата. Такие классические предикаты, как качественные прилагательные, обычно выражают признаки и свойства, выделяемые в самых различных разрядах реальных. Среди русских прилагательных, называющих цвет предмета, лишь немногие сохранили в своем значении «семантические presupпозиции», позволяющие относить их только к некоторым категориям реальных и тем самым налагающие ограничения на их сочетаемость. Ср. *коричневое платье, но каштановые волосы и карие глаза, бледное лицо, но светлые глаза, белые зубы, но седые волосы* (подробнее см. в главе «Закономерности формирования семантической структуры предложения»).

Тенденция к отрыву от денотата ведет к моносемизации слова, сохранению в его значении лишь одного семантического компонента. Потребности коммуникации диктуют все более тонкое дифференцирование значений предикатов, т. е. слов, несущих функцию сообщения. Формирование их значения обычно есть результат аналитической деятельности.

В этом можно легко убедиться, наблюдая за переходом предметных (идентифицирующих) номинаций в категорию предикатов (например, при образовании качественных прилагательных). Этот процесс обычно сопровождается выдвиганием в семантике слова одного признака. Так, некоторые качественные прилагательные, произведенные от существительных, имеют значение только цвета

(малина — малиновый, сирень — сиреневый, бирюза — бирюзовый, роза — розовый, вишня — вишневый), другие — только вкуса (соль — соленый).

Процесс моносемизации хорошо виден на примере метафорического употребления, при котором имя меняет не только значение, но и синтаксическую функцию: идентифицирующая роль заменяется предикативной, а многопризнаковое, комплексное значение — значением однопризнаковым. Ср. *Моя шляпа на вешалке; Заяц спрятался в лесной чаще и Этот человек — шляпа* (т. е. растяпа, разиня); *Твой приятель — заяц* (т. е. трус, труслив). Качественный признак, составляющий значение предиката, может не относиться к числу существенных компонентов значения идентифицирующего слова (свойство пугливости мало способствует узнаванию зайцев, их выделению среди прочих пород животных) или вообще в него не входит (шляпа, будучи предметом одежды, сама по себе не характеризуется свойством растяпистости).

Семантическая история предикатных слов, нередко беря свое начало в комплексном значении идентифицирующих номинаций, идет путем исключения части признаков, характеризующих класс денотатов. Развитие значения идентифицирующих слов, как уже отмечалось, движется «обратным ходом»: оно начинается с одного семантического компонента, к которому затем постепенно присоединяются другие классификационно релевантные черты.

Семантическое развитие предикатных слов, хотя и связано с расширением предметной сферы приложимости, достигаемым исключением семантических пресуппозиций, не ведет, однако, к прономинализации, а имеет своим пределом однопризнаковое значение. Процесс раздвижения области употребления идентифицирующих и предикатных слов, следовательно, различен по своему характеру.

Таким образом, если значение идентифицирующих слов тяготеет к энциклопедичности, то для предиката (в первую очередь качественного прилагательного) типична тенденция к семантической элементарности, неразложимости. И то, и другое свойство создает известные лексикографические трудности.

В первом случае лексикограф чувствует, что он не всегда в состоянии перечислить все классификационно зна-

чимые черты предмета и часто вынужден ограничиться апелляцией к имеющемуся у членов данной языковой общности опыту, эмпирическим знаниям о предмете, дав только «защелку» для отнесения имени к уже известному классу реальных. Составитель словаря не пренебрегает при этом и «бытовыми» способами идентификации. В жизни мы нередко отождествляем предмет или лицо, обращая внимание на индивидуализирующие его черты. Например, *Петя, это который? — Это тот, что с бородой и в красном галстуке; — Снегирь — это какая птица? — Это такая маленькая, серая с красной грудкой*. Ср. это последнее описание с соответствующей статьей из «Словаря» под ред. Ушакова. «Снегирь — небольшая серая певчая птичка из отряда воробьиных с красной грудью у самцов»¹⁶. Различие между бытовым и словарным определением состоит лишь в том, что в словаре зарегистрирован признак, заимствованный из научной таксономии (из отряда воробьиных)¹⁷. Получается своего рода описательно-классификационная дефиниция.

Во втором случае лексикограф стоит перед необходимостью поисков наиболее адекватного эквивалента (предиката), рискуя при толковании близких по значению слов попасть в синонимическое кольцо. Ср.: *скорбь* — крайняя печаль, горесть; *горесть* — чувство печали (скорбь тем самым определена как сочетание «крайней печали» и «чувства печали»); *печаль* — скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство; *невеселый* — грустный, печальный, скучный; *грусть* — чувство

¹⁶ Анализ определений названий пород птиц в словаре С. И. Ожегова см. в статье: А. А. Медведев. Логическая структура и смысловая полнота толкования слов конкретной лексики. «Математическая лингвистика» (Киев), 1973, № 1.

¹⁷ О пределах детализации описаний конкретной лексики в толковых словарях см.: Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958 — Л. В. Щерба, по-видимому, не считал необходимым внесение в словарную статью признаков, соответствующих научной таксономии. Подчеркивая принципиальное различие между научным и бытовым (зафиксированным в литературном языке) определением естественных объектов, он писал: «Во всяком случае, нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» (стр. 68).

легкого, томного уныния, тоскливой печали; *печальный* — испытывающий печаль, скорбь.

Приведенные определения (они взяты из «Словаря» под ред. Ушакова) образуют почти замкнувшийся синонимический круг, выход из которого лексикограф ищет либо в создании сложных, «нюансирующих» прилагательных (ср. *скорбно-озабоченный*), либо в «нюансирующих» комбинациях синонимов (ср. *грустный, печальный, скучный*), либо в перифразах (ср. *легкое, томное уныние; скорбная печаль*). Поиск семантического оттенка обусловлен тем, что предикаты не делят «семантический спектр» на непересекающиеся участки: обычно предикат стремится вторгнуться в зону своих соседей. Так, *невеселый* сочетает в себе признаки «скучности» с элементами «печали»; *коварный* — это не только «хитрый», но и «злой».

Семантическое пространство постоянно перекраивается словами. Вбирая в себя элементы значения соседних единиц, предикатное слово не может, однако, аннексировать не граничащие с ним семантические участки. На этом основан принцип семантической гомогенности классических предикатов, отличающий их от идентифицирующих слов. Качественные прилагательные редко сочетают в своем значении признаки, относящиеся к разным аспектам предмета — материалу и цвету, температуре и форме, размеру и весу, вкусу и степени плотности и т. п. Известная разноплановость семантики некоторых предикатных слов может возникать только как результат совмещения субъективно-оценочных значений с указанием на объективные черты обозначаемого класса предметов (ср. *голубенький, малюсенький, приторный* и пр.).

Если значение идентифицирующих слов легче объяснять способом, который иногда называют «демонстрацией семантики», т. е. апелляцией к действительности, опыту или воображению адресата (ср. остенсивные определения), то предикатное слово скорее требует фразовой интерпретации, т. е. подтверждения вербальных толкований примерами употребления слова.

В отличие от идентифицирующих номинаций предикатные слова легко и естественно входят между собой в синонимические и антонимические отношения, а также составляют деривационную базу для создания абстрактных производных (примеры известны). Синонимия среди предик-

катных слов несколько иного свойства, нежели среди идентифицирующих номинаций. Именно о синонимах-предикатах утверждают, что они различаются между собой оттенками значения, т. е. небольшим сдвигом в семантике, обозначая как бы «то же, да не то». Ср. *грустный, печальный, унылый, безрадостный, нерадостный, тоскливый, горестный, невеселый*. Синонимия предикатов основывается на сигнификативном, а не денотативном содержании, на их значении, а не способности к референции¹⁸. Употребление разных предикатных слов в приложении к одному классу объектов (предметов или ситуаций) никакого отношения к синонимии не имеет, в то время как возможность регулярного употребления разных дескрипций для идентификации одного класса реалий может быть истолкована как синонимия.

Предикатные слова, таким образом, гораздо более склонны к созданию системных связей, чем слова идентифицирующего типа.

Существенно обратить внимание на то, что идентифицирующие номинации могут как угодно видоизменяться при передаче чужой речи, не нанося этим ущерба ее содержанию. Выбор всякий раз иных идентифицирующих признаков вполне естественен, так как отождествление предмета речи рассчитано на непосредственного собеседника (или собеседников). Изменение адресата может поставить автора речи перед необходимостью прибегнуть к другим опознавательным чертам, а следовательно, и к другой дескрипции, которая могла бы в новых условиях общения обеспечить отнесение слова к нужному референту. Ср. *Маша говорит Андрею: «Я повстречала в Крыму твоего друга» — Андрей говорит Наташе: «Маша сказала, что она повстречала в Крыму твоего зятя (приятеля, мужа, начальника, коллегу и т. п.)»*. Общее ограничение, налагаемое на выбор идентифицирующей дескрипции, состоит в том, что в ее значении не должен фигурировать признак, составляющий ассертивное содержание предиката. Ср. **Я встретила в Крыму с человеком, с которым встретила в Крыму*.

Содержание, вносимое в предложение идентифицирующими словами, обычно интерполируется в него говорящим

¹⁸ О различении этих двух типов синонимии см.: Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 30—34.

и не всегда должно быть поставлено в вину автору передаваемой речи. Замена предиката при пересказе чужих слов (если она сознательно не направлена на искажение смысла) возможна только в пределах близкой синонимии сигнификативного типа. Ср. *Маша сказала, что она виделась с Андреем в Крыму* (*повстречалась с Андреем в Крыму*)¹⁹.

Проведенное сопоставление говорит о принципиально разном характере эквивалентности (взаимозаменяемости) без изменения истинностного значения предложения) среди идентифицирующих и предикатных слов: идентифицирующие слова в общем (нейтральном) случае эквивалентны при тождественности референтов, а предикатные слова взаимозаменяемы в случае совпадения или близости их сигнификатов.

Таким образом, значение классических предикатов обладает следующими свойствами: 1) тенденцией к отрыву от денотата, абстрактности, 2) стремлением к элементарности, моносемности, 3) гомогенностью «объективных» компонентов, 4) наличием субъективно-оценочных коннотаций, 5) антонимическими связями, 6) особым характером синонимии, базирующейся на близости сигнификатов, а не возможной идентичности референтов, 7) соотносительностью с абстрактными производными, 8) «объективностью», социальностью вызываемого представления при известной вольности, субъективности, индивидуальном варьировании употребления.

В наибольшей степени этими признаками наделены качественные прилагательные, составляющие своего рода семантический эталон предикатов²⁰, подобно тому как стандартом идентифицирующих слов можно считать имена собственные.

¹⁹ О соотношении номинаций в прямой и косвенной речи см.: J. D. McCawley. Where do noun phrases come from? «Readings in English transformational grammar». Waltham (Mass.), 1970; K. Hasegawa. Transformations and semantic interpretation. «Linguistic Inquiry», 1972, v. III, N 2. Мак-Коли предлагает, в целях адекватной семантической репрезентации предложения, разделить его на пропозициональную функцию и лексический материал, т. е. набор имен или именных фраз, обеспечивающих идентификацию соответствующих им предметов.

²⁰ Семантика глаголов, как показали многочисленные исследования последних лет, тесно связана со свойствами актантов, значения которых (в том числе и обстоятельственных слов) она нередко включает. Вследствие этого значения глаголов обычно неэлементарны.

Идентифицирующие слова отражают и классифицируют то, что «существует в мире». Они как бы замещают мир в сообщениях о нем. Предикатные слова выражают то, что мы «думаем о мире». Первые ориентированы на объективный мир, вторые — на познающего субъекта. Первые могут быть проиллюстрированы, вторые — нет. Объективность идентифицирующих слов и субъективность предикатов послужила причиной того, что логиков постоянно тревожит статус в языке нереферентных имен (типа *кентавр*, *Баба-Яга*) и суждений, имеющих эти слова в качестве своего субъекта (типа *Кентавр бьет копытами*), и меньше заботят предикаты, которые в силу своего значения ни при каких условиях не могут быть истинными применительно к предметам реального мира. Иначе говоря, логика больше занимает вопрос о бытии Януса и Шивы, чем о фантастичности предикатов *двуликий* и *многорукий*.

Семантическая специфика имен лица и имен предметов

Семантические характеристики, которые были даны в предшествующем разделе, относятся к уже определившимся, сформировавшимся, приспособившимся к разным коммуникативным функциям классам слов (прежде всего, существительным и качественным прилагательным). Однако связь значения слова с привычной для него ролью в коммуникации, а следовательно, и семантическое своеобразие слов с разной «специальностью» прослеживается и среди членов одного лексико-грамматического класса, способного к выполнению обоих коммуникативных заданий. Таким классом, как известно, являются существительные (см. выше).

Хотя все существительные (имена нарицательные) могут в принципе быть и субъектом и предикатом суждения, для одних из них более естественна идентифицирующая, а для других предикатная роль. Наблюдения показывают, что распределение существительных между идентифицирующими и предикатными именами неодинаково в разных семантических разрядах. Оно прежде всего различно у имен лица и имен предмета.

Одно и то же лицо может получать в языке множество разнообразных номинаций. Так, например, герой пьесы Гоголя «Ревизор» отвечает многим дескрипциям — *молодой человек, сын помещика, дворянин, чиновник, наглец, хвастун, картежник, мот, лгун, шарлатан, самозванец, фантазер, хозяин Осипа, жених Марии Антоновны и, возможно, автор «другого Юрия Милославского»*. В тексте комедии он обозначается как *уполномоченная особа, ревизор, чиновник, молодой человек, именитый гость, важный гость, вельможа, генерал, и даже генералиссимус, столичная штучка, тонкая штучка, такая особа, важная персона, важная птица, сочинитель, государственный человек, высокий посетитель*. Для Анны Андреевны — он *образованный, светский, высшего тона человек и милашка; прекрасный, воспитанный человек самых благородных правил, для Осипа — барин, хотя и «елистратишка простой», для трактирщика — мошенник, плут, подлец и «широмыжник», для городничего — «дьявол» («Фу ты, канальство, с каким дьяволом породнились»), а после разоблачения — сосулька, тряпка, вертопрах, скверный мальчишка*.

Большинство приведенных номинаций по существу своему, по своей основной функции в сообщении предикаты: они используются не столько для идентификации предмета речи (не для того, чтобы назвать), сколько для того, чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение (для того, чтобы обозначить или обозвать)²¹. Использование качественных и оценочных имен лица единственно с целью отождествления предмета сообщения в общем случае неуместно. А. Вержбицкая справедливо указывает, что обозначения лица типа *подлинный художник, отличный оратор, хороший пловец* непригодны для целей идентификации, т. е. не могут фигурировать в роли субъекта предложения. Автор

²¹ Обращает на себя внимание, что в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передается прилагательными. Ср. *П о д л е ц он такой, вертлявый такой, л и з у н, л и з о б л ю д, Голядкин он этакой! [...] Ну, вот он п о д л е ц, а я буду ч е с т н ы й, и скажут, что вот этот Голядкин п о д л е ц, на него не смотрите и его с другими не мешайте, а этот вот честный, д о б р о д е т е л ь н ы й, кроткий, незлобивый, весьма достойный по службе и к повышению чином достойный; вот оно как!* (Достоевский). Ср. также различие в коннотациях прилагательных *добрый, умный, простой, тихий* и существительных *добрjak, умник, простак, тихоня*.

объясняет это тем, что основная часть их семантического содержания указывает не на объективные признаки лица (референта имени), а на отношение к нему говорящего. А. Вержбицкая приходит к следующему общему выводу: все субъективно-оценочные элементы (прагматические операторы, по У. Вейнрейху) связаны с предикатом («hang» on the predicate), а не с субъектом, что особенно очевидно на примере гипокористик (уменьшительно-ласкательных форм имен), столь характерных для славянских языков! Функционируя в сфере собственных имен, т. е. слов, специально служащих для идентификации референта, оценочная деривация лишает имя идентифицирующей функции, переводя на роль обращения²².

При необходимости уяснить собеседнику, о ком идет речь, говорящие прибегают к имени собственному²³ — Иван Александрович Хлестаков, пользуются дескрипциями, фиксирующими статус референта по отношению к автору или адресату речи (например, *барин* в речи Осипа, *важный гость* в репликах членов семьи городничего) или прибегают к функциональному обозначению — *ревизор*²⁴. Обычно именно эти три категории имен лица — имя собственное, имя реляционное (*шеф, мать, барин, начальник*) и имя функциональное, обозначающее жизненные «амплуа» (*водопроводчик, дворник, лифтер, монтер, редактор, милиционер, министр*) используются для идентификации «предмета сообщения». В этих же целях применяются обозначения, построенные на окказиональном опознавательном признаке, выводимом из конкретной ситуации и легко разворачивающемся в относительное придаточное. Ср. *преступник* → тот, кто совершил преступление; *пришедший* → тот, кто пришел; *потерпевший* → тот, кто понес ущерб; *больной* → тот, кто страдает каким-либо недугом или, точнее, тот, кто обращается за помощью к врачу, лежит в больнице или лечится в санатории; *укушенный* (в известном скетче) — тот, кого укусила собака.

²² А. Wierzbicka. Descriptions or quotations. «Sign, language, culture», t. I. The Hague — Paris, 1970, стр. 644.

²³ «Неоцененное прагматическое удобство собственных имен состоит в том, что они дают возможность говорить о ком-либо, заранее не договариваясь, какие именно свойства должны обеспечивать идентичность референта» (J. Searle. Указ. соч., стр. 140).

²⁴ Здесь можно оставить в стороне куртуазные нормы называния лиц разного социального статуса «в глаза» и «за глаза».

Таким образом, выбор обозначения лица в большой степени зависит от той функции, которая ему отведена в сообщении. Ср. *Иван Александрович Хлестаков (хозяин Осипа, гость городничего, приезжий, живущий под лестницей, ревизор) — наглец (лгун, шарлатан)*. В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом — имена качественные, приспособленные к предикцированию. Между ними расположены другие номинации, в том числе имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании, а следовательно, обладающие как более обобщенным, так и более конкретным, ориентированным на денотат или класс денотатов, значением.

Среди имен предметов функциональная специализация не столь явственна. Предметы обычно называются одинаково — своим «родовым» именем. У них есть «фамилия», отображающая их «фамильное сходство», но нет имени-отчества. Различие в коммуникативной функции имени предмета отмечается актуализаторами — артиклем, указательными и притяжательными местоимениями. Имена собственные, как известно, присваиваются лишь членам немногих классов реальных — географическим понятиям, топографии населенных пунктов, общественным местам, учреждениям, небесным телам и т. п. «Чистые» предикаты (обычно они имеют эмоционально-оценочный характер) применимы также к немногим категориям предметов. Ср. *бурда, отрава, помой* (о невкусной еде), *забегаловка* (о плохом ресторане, столовой и пр.), *сарай* (о неудобной комнате), *конюшня, хлев, свинарник, стойло* (о грязном помещении), *барахло, дребедень, дрянь* (о плохой вещи), *хлам* (о старых и ненужных вещах), *рухлядь* (часто о старой, сломанной мебели), *дыра* (о захудалом населенном пункте), *машина* (о большом, часто нелепом предмете или сооружении) и т. п. Ср. *Он, господа, стоит в уголку, забившись в местечко хоть не теплее, но зато закрывшись отчасти огромным шкафом и старыми ширмами, между всяким дрязгом, хламом и рухлядью* (Достоевский). В качестве предикатной номинации, обслуживающей имена событий и предметов (реже лиц), могут использоваться названия отвлеченного качества: *прелесть, пакость, мерзость, безвкусица, загляденье, объедение, одно удовольствие, наслаждение, мазня, пачкотня* и пр.

Все это вполне естественно: человек получает в языке множество разнообразных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому²⁵. Возможности номинации предметов ограничней: они обозначаются либо по своей функции в жизни человека, либо по какой-либо внешней черте, реже по тому, как они оцениваются говорящим.

Потребность индивидуализации человека постоянна и настоятельна. Лишь члены толпы или функционального коллектива иногда воспринимаются обезличенно — хористы, статисты, зеваки, legionеры, воины, кинозрители, покупатели, прохожие, пассажиры. Напротив, необходимость в выделении отдельного предмета крайне мала. Она практически сведена к нулю применительно к элементам «дискретной массы» — травинкам, песчинкам, кирпичам, любым крупицам, кускам сахара, шпалам, кафельным плиткам, изюминкам, вишенкам, листочкам, еловым шишкам, доскам, волоскам, конвертам, снежинкам и т. п. Здесь важно однако подчеркнуть не столько социальные причины этого явления (они очевидны), сколько различие в семантической природе номинации разных категорий реалий: среди имен лица наблюдается достаточно определенная соотнесенность между коммуникативной функцией и способом номинации, среди названий предметов в общем случае такая связь ослаблена. Обозначения предметов менее коммуникативно заострены, менее связаны с речевым заданием.

Указанное общее различие ведет к тому, что семантические свойства имен нарицательных в классах названий лица и предмета оказываются тоже различными. Использование большинства имен предметов для называния (деготации), а не обозначения (сигнификации) семантически сближает их с именами собственными.

Приведенные ранее соображения о семантической элементарности предикатов и семантической комплексности идентифицирующих дескрипций остаются в силе и при-

²⁵ О разных возможностях обозначения одних и тех же лиц и явлений см.: Д. П. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 116—117.

менительно к нарицательным именам лица и предмета. Они, в частности, подтверждаются наблюдениями над развитием значения некоторых номинативов, опирающихся на метафору.

Образные характеристики лица типа *заяц*, *обезьяна*, *медведь*, *осел* и пр., подобно классическим предикатам, стремятся к моносемности. Перенесенные на человека, эти названия животных обычно сохраняют в своем значении только один качественно-оценочный признак: *заяц* — трусливый, *осел* — глупый или упрямый, *обезьяна* — склонный к подражанию, *медведь* — неуклюжий. Напротив, порожденные совершенно аналогичной метафорой названия предметов — *быки* (моста), *собачка* (огнестрельного оружия), *журавль* (колодца), *кукушка* (поезд), *кошка* (вид якоря, обувь с острыми шипами) и т. п. — быстро утрачивают свою образность и их понятийное содержание обогащается большим или меньшим количеством идущих от денотата признаков, необходимых для отождествления соответствующих предметов. Признаки одного класса реалий заменяются признаками другого класса.

Итак, по своему семантическому типу нарицательные названия конкретных предметов близки именам собственным. Те и другие, восходя нередко к метафоре, основанной на одном опознавательном признаке, вскоре передают забвению первоначальный образ, заменяя его «портретом» референта (ср. имена собственные — *Кошка*, *Кукушкин*) или класса референтов (ср. имена нарицательные — *кошка*, *кукушка*).

Синтаксическая специфика идентифицирующих и предикатных существительных

Рассмотрим теперь вопрос о том, как проявляют себя семантические различия между идентифицирующими и предикатными существительными — как названиями лица, так и названиями предмета — в их речевом поведении.

В предложениях с конкретным субъектом, выражающих единичное суждение, идентифицирующее существительное, выступая в своей первичной функции, не требует никаких специальных показателей. По-русски можно сказать о вполне конкретном (единичном) референте «Картина произвела на всех огромное впечатление»,

«Ребенок был резов, по млл». Использование предикатных существительных в целях конкретной референции, напротив, требует местоименных детерминантов, берущих на себя индексальную роль. Ср. *Этот мошенник обвел всех вокруг пальца; Этих прохвостов никогда не мучит совесть; Наш лентяй опять схватил двойку; Эту бурду нельзя есть; Эта свинья оставила после себя ужасную грязь.*

Исключение актуализаторов из предложений с предикатными именами при их конкретной референции либо вызывает ощущение утраты структурной «детали» (ср. [. . .] *лентяй схватил двойку*), либо побуждает к неправильному прочтению предложения (*Свинья оставила после себя ужасную грязь* будет воспринято скорее как сообщение о свинье, чем как сообщение о нечистоплотном человеке), либо, если глагол стоит в наст. вр. индикатива, заставляет понять их как общее суждение (*Прохвостов никогда не мучит совесть*).

Будучи вторичной для характеризующих существительных, идентифицирующая функция должна быть отмечена формальным показателем. Выступая в роли субъекта конкретного суждения, предикатное имя совмещает в себе как идентифицирующее, так и характеризующее значение. Оно выражает дополнительную, основанную на пресуппозиции, предикацию и одновременно указывает на референт. Оно может быть развернуто в отдельное предложение, логически предшествующее данному. Ср. *Эта женщина — настоящая свинья. Она оставила после себя ужасную грязь* → *Эта свинья оставила после себя ужасную грязь*. Если пресуппозиция сообщения, на которую опирается говорящий, неизвестна адресату речи, то референция идентифицирующей дескрипции может оказаться неясной или только предположительной. Ср. — *Ну, а что медведь наш сидит? — Кто это, Яков Петрович? — Ну, медведь-то, будто не знаете, кого медведем зовут?* (Достоевский) *«И за что я через этого подлеца в одну минуту всего лишиться должен?» — думал Прохорыч, очевидно, намекая на пропойца, всучившего ему свою находку* (Салтыков-Щедрин).

Употребление указательных и притяжательных местоимений при предикатных именах, выполняющих идентифицирующую функцию, вполне регулярное для русского языка явление.

Ср. *Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться э т о м у в ы р о д к у п р о к л я т о м у, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!* (Гоголь); *«Черти бы взяли,— подумал господин Голядкин.— Э т а л е н и в а я б е с т и я может, наконец, вывести человека из последних границ; где он шатается?»* (Достоевский); *Э т а б е с т и я ни за грош готова продать человека, а тем более барина,— подумал он про себя* (Достоевский); *М е д в е д ь н а ш тоже говорил, что будет все сан-фасон* (Достоевский); *Ведь вот еще с э т и м б о л в а н о м работа!* (Достоевский); *Когда эти т у п и ц ы очнутся, тогда они, всегда ненавидящие культуру, заметят, что чего-то не хватает* (Блок. Дневники); *Что же я э т о м у с у к и н у сыну сделал?*— сказал я запальчиво (Булгаков).

Указательное местоимение особенно необходимо, если качественное имя лица выступает в роли повторной номинации или «прономинального эпитета»²⁶. Местоимение в этом случае приобретает анафорическую функцию. Ср. *Совесть пропала вдруг. . . почти мгновенно! Еще вчера э т а н а д о е д л и в а я п р и ж и в а л к а так и мелькала перед глазами* (Салтыков-Щедрин).

Функция субъекта общих суждений столь же естественна для характеризующих существительных, как и первичная для них функция предиката. Общее суждение образует своего рода «семантический перекресток» — пункт, в котором нейтрализуются или ослабляются смысловые различия между идентифицирующими и предикатными именами.

Образование предложений, выражающих общие суждения, есть в известном (чисто семантическом) плане либо результат отнесения идентифицирующего имени к классу денотатов (тип *Человек смертен*), либо следствие помещения предикатного слова в позицию субъекта без изменения его семантического объема (тип *Дуракам всегда везет*).

Семантические различия между идентифицирующими и предикатными именами обнаруживаются также в нормах их синтаксической сочетаемости.

²⁶ P. Postal. «Pronominal epithets» and similar items. «Foundations of language», 1972, v. 9, N 2.

Предикатные существительные любят соединяться с определениями, указывающими на степень признака, его градацию. Определяющее прилагательное в этом случае получает адverbиальную функцию и относится только к тому компоненту значения имени, который причастен к сообщаемому, т. е. к ассертивному признаку, а не семантическим пресуппозициям. Ср. *Он — круглый дурак* — он очень глуп; *он — абсолютный бездельник* — он абсолютно ничего не делает; *он совершеннейший простак* — он совершенно простодушен; *он — ужасный подлец* — он очень подл.

«Размерные» прилагательные в положении перед предикатным именем утрачивают свое «физическое» значение, становясь эквивалентами градуирующих наречий. Ср. *большой друг, большой мастер, тонкая бестия, тонкий знаток, большой невежа, величайший плут, крупный авантюрист, крупнейший специалист, мелкий мошенник* и пр. Ср. *Да и кошка, мол, тоже небольшая барыня* (Лесков); *Известная она была во всем городе большая на фортепьянах игрица* (Лесков). Отсутствие характеризующей функции у приведенных прилагательных подтверждается тем, что они не могут занять место предиката по отношению к определяемому ими существительному. Так, невозможно **Этот невежа большой*; **Наш бездельник абсолютный* ²⁷. То, что при существительном-предикате большей частью появляются градуирующие определения, вполне естественно, поскольку в нем некоторый признак представлен как характеризующий лицо или предмет *par excellence*. Способы интенсификации значения существительных не единообразны. Ср. *круглый дурак, полный идиот, отъявленный негодяй, закоренелый игрок, заядлый спорщик, абсолютный невежа, ужасный нахал*. Наиболее универсальны усилители с эмоциональной окраской — *ужасный, страшный, невероятный* ²⁸. В отличие от предикатных существительных значение прилагательных может быть

²⁷ В логической терминологии такое употребление прилагательных называется синкатегорематическим и противопоставляется истинно атрибутивному (см.: W. O. Quine. Указ. соч., стр. 132 и след.)

²⁸ О способах выражения высокой степени чего-либо см. в ряде публикаций А. К. Жолковского и И. А. Мельчука (например: А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», 1967, вып. 19). См. также: И. И. Убин. Выражение параметра Magn в русском языке. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 11. М., 1969.

градуировано по шкале с любым количеством делений выше и ниже «нуля», причем способы градуирования в своих основных формах стандартны ²⁹.

Интенсифицирующую функцию при предикатном имени могут выполнять не только прилагательные, но и наречия, хотя подобное употребление, являющееся нормой для романских языков, в русском встречается нечасто. Ср. *По я — о ч е н ь скептик, тогда был м у ч и т е л ь н о скептик* (Блок, Письмо А. Белому); *С тобою грех мне лицемерить/Ты с л и ш к о м ангел для того* (Лермонтов).

Подобно классическим предикатам предикатные (признаковые) имена лица иногда получают темпоральные определения. Ср. *Я пишу с раздражением, обращая строки к к о г д а - т о другу* (А. Белый). В этом предложении *когда-то* относится только к ассертивному (качественному) компоненту значения слова, но не к референтным пресуппозициям (*к когда-то другу* = к тому, кто когда-то был моим другом).

Определение к качественным номинациям лица может не только модифицировать заключенный в их значении признак, но и характеризовать соответствующее имени действие или его результат. Ср. *Лгунише он был баснословный, хотя и не забавный* (Салтыков-Щедрин). Прилагательное *баснословный* выполняет по отношению к имени интенсифицирующую функцию, а определение *забавный* естественней связать с именем *ложь*, т. е. результатом действия по глаголу *лгать*.

Важно подчеркнуть, что во всех случаях определение при предикатном имени стремится установить связь с

²⁹ Д. Болингер, специально изучавший способность всех четырех классов слов к градуированию своего значения, выделил внутри каждого класса категорию *degree words* «градуированных слов». Болингер отметил, между прочим, что все предикатные существительные охотно участвуют в повторной номинации, употребляясь кореферентно с предшествующим идентифицирующим именем. Между двумя существительными возникают отношения имплицитной предикации. Ср. *Я позвал Д ж о н а, но э т о т и д и о т даже не откликнулся*. Сходные отношения устанавливаются между предикатными именами, характеризующими событие, и предшествующим предложением (пропозицией), например: *Хозяин спросил, из-за кого фирма потеряла клиента. Я ответил, что неповинен в э т о й г л у п о с т и*. Здесь, по выражению Д. Болингера, происходит «фигуральное расширение грамматики кореферентности» (D. Bolinger. *Intensification in English*. «Language sciences» (Bloomington), 1971, N 16, стр. 3 и след. См. также D. Bolinger. *Degree words*. Hague — Paris, 1973).

ассертивным признаком, выделенным в значении имени, а не быть отнесено к денотативному значению этого последнего. Ср. *жестокый мучитель, утомительный болтун, увлекательный рассказчик, резвый скакун, быстрый ходок, ловкий обманщик* и пр. Многие из приведенных прилагательных теряют свой смысл в сочетании с идентифицирующим именем, либо с качественной номинацией, семантически несогласуемой с ними. Ср. неясность значения таких сочетаний, как *увлекательный брат* (*водопроводчик, начальник, директор, друг* и пр.), *утомительный воробей* и пр., объясняющаяся тем, что в определяемом отсутствует семантический компонент, который можно было бы связать со значением прилагательного.

Отнесение прилагательного к референтному значению предикатного имени может иметь своей целью лишь определенный стилистический (часто юмористический) эффект. Ср. *Ах ты большой дурак* (шутливо о крупном и простодушном человеке); *А я-то, старый дурак, до седых волос дожил, а ума не нажил*.

Идентифицирующие номинации, в отличие от предикатных, охотно сочетаются с прилагательными, раскрывающими и уточняющими свойства денотата. Определение соотнесено в этом случае с денотативным (референтным) значением существительного. Проблема ограничений, налагаемых на сочетаемость слов, практически не встает по отношению к идентифицирующим именам (если отвлечься от вопросов стиля и немногочисленных случаев семантических пресуппозиций). Идентифицирующие существительные могут сочетаться с любыми прилагательными, раскрывающими свойства референта. Ср. *огромный (пожелтевший, опавший, засыхающий, запыленный, зеленый, старый, развесистый и т. п.) клен*. Различие в функции определения по отношению к идентифицирующим и предикатным именам можно проиллюстрировать следующими сопоставлениями.

В сочетании *старый человек* прилагательное отнесено к референтному значению имени, а в сочетании *старый курильщик* оно указывает не на возраст, обозначаемого лица, а на «стаж» курения, т. е. связано с признаковым значением существительного. Ср. *Класс наш был буйный, среди нас были изрядные развратники, с т а р ы е к у р и л ь щ и к и, великовозрастные ухаживатели, циники, борцы и атлеты* (Блок, Исповедь язычника). Ср. также:

— *Вы для нас самая, самая старая учительница, Нина Семеновна!* «Старой учительнице» едва за тридцать (В. Тендряков). Аналогично соотносятся значения прилагательного *порядочный* в сочетаниях *порядочный человек*, и *порядочный лиходец* (*пройдоха, негодяй*). В первом случае оно характеризует свойства референта имени, во втором оно выполняет модифицирующую по отношению к значению существительного роль, т. е. связано с ассертивным компонентом его значения. Ср. *Ловец был малый не то, чтобы совсем бесстыжий, но стеснять себя не любил и запускал лапу довольно свободно* [. . .]. *Словом сказать, был лиходец порядочный* (Салтыков-Щедрин).

Изменение коммуникативной функции имени может повлечь за собой изменение значения определяющего его прилагательного: при предикате оно эквивалентно градуирующему или оценочному наречию, а при субъекте оно указывает на атрибут соответствующего ему денотата. Так, например, английское сочетание *beautiful dancer* получает разное прочтение в зависимости от того, в какой функции оно использовано в предложении. Предикатная функция побуждает отнести прилагательное *beautiful* к ассертивному компоненту значения имени. Ср. *She is a beautiful dancer* 'она превосходная (прекрасная) танцовщица'. Идентифицирующая функция связывает прилагательное с денотативным наполнением имени; т. е. прилагательное эксплицирует некоторый признак референта. Ср. *The beautiful dancer got out of the car* 'Прекрасная (красивая) танцовщица вышла из машины'³⁰. Такие выражения, как *прекрасная танцовщица* (*трактирищица, служанка* и пр.), вне контекста, выявляющего их синтаксическую функцию, двусмысленны.

Аналогичные различия прослеживаются и в сочетании *интеллектуальный карлик* (*intellectual dwarf*)³¹. При конкретной референции оно получает значение, противоположное «неинтеллектуальному карлику». Предикатное употребление, допуская подобное прочтение, соответствующее классифицирующему именному предикату обычно ведет, однако, к метафорической интерпретации, слово-

³⁰ Пример З. Вендлера (*Z. Vendler. Linguistics in philosophy. Ithaca. N. Y., 1967, стр. 177*).

³¹ Пример Куайна, приведенный им в другой связи (*W. O. Quine. Указ. соч., стр. 132*).

сочетания, при которой его значение противопоставляется значению «гигант мысли». В этом случае имя *карлик* сохраняет в своей семантике только ассертивный признак малости, а его определение (*интеллектуальный*) играет ограничительную роль: *интеллектуальный карлик* = слабый (незначительный, недоразвитый, малый) со стороны интеллекта.

В романских языках указанное различие обычно передается позицией прилагательного по отношению к определяемому имени: в препозиции прилагательное интегрируется с сигнификатом имени, модифицирует сигнификат, в постпозиции оно содержит квалификацию денотата имени. Ср. фр. *une vieille coquette* и *une coquette vieille*.

Итак, сочетаемость предикатного имени регулируется его сигнификативным содержанием, а сочетаемость идентифицирующего существительного — его денотативным наполнением. Большинство примеров несвободной сочетаемости имен падает на предикатные существительные. Прилагательное при идентифицирующей дескрипции дополняет, распространяет признаки, служащие ключом к отождествлению предмета. Атрибутивное словосочетание в этом случае часто представляет собою свернутую предикативную конструкцию. Прилагательное при предикате модифицирует ассертивное значение этого последнего. Если словосочетание идентифицирующего типа занимает место предиката, то коммуникативную релевантность обнаруживает только дополнительный признак, привносимый определением. Семантические черты, соответствующие определяемому имени, обычно дублируют значение, уже заключенное в субъекте. Ср. *Этот клен — развесистое дерево* = этот клен развесист; *Петя был добрым мальчиком* = Петя был добрым.

* * *

В заключение этого раздела следует сказать несколько слов об обращении.

Обращение в функциональном отношении двойственно³². Оно — с одной стороны — позволяет адресату иден-

³² D. Perrety. Les appellatifs (analyse lexicale et actes de parole). «Langages», 1970, N 17.

тифицировать себя как получателя речи. С другой стороны, в апеллативе часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведет к тому, что в апеллативах сочетаются идентифицирующие компоненты значения с элементами субъективной оценки. Казалось бы субъективный слой в значении апеллативов сближает их с предикатными именами, которые также могут выражать субъективные, оценочные и модальные значения. Однако между апеллативами и предикатными именами существует, по-видимому, большая разница, чем между апеллативами и идентифицирующими номинациями. Это заметно, в частности, в том, что апеллативы, в отличие от предикатных имен, не сочетаются с интенсифицирующими прилагательными. Ср. следующие два употребления: *Да я вас уверяю, что он п е р в е й ш и й т р у с*, т. е. *Печорин, а не Грушницкий, Грушницкий молодец, и притом он мой и с т и н н ы й д р у г!* (Лермонтов) и *Я буду твоим секундантом, мой б е д н ы й д р у г* (Лермонтов). В первом предложении имена *трус* и *друг* выполняют предикатную функцию. Сопровождающие их прилагательные (соотв. *первейший* и *истинный*) служат усилению выражаемого ими признака. Во втором предложении предикатное имя *друг* переведено в позицию обращения. Определяющее его прилагательное выражает отношение говорящего к адресату речи. Оно может поэтому не быть семантически связано со значением определяемого. Такие стандартные атрибуты апеллативов, как *милый, дорогой, любезный, уважаемый*, выражающие отношение автора речи к адресату, сочетаются с именами любой семантики (*друг, брат, отец*) в том числе и с именами собственными, избегающими определений.

Таким образом, если для предикатных имен характерна сочетаемость с градуирующими прилагательными, модифицирующими сигнификат имени, а для идентифицирующих номинаций возможна сочетаемость с любым атрибутом, раскрывающим свойства денотата, то для апеллативов типична прежде всего сочетаемость с прилагательными субъективного отношения. Только в этом последнем случае определяемым может быть (и обычно бывает) имя собственное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Логико-синтаксические отношения и структура текста

В предшествующих главах были выделены четыре типа отношений, участвующих в логико-синтаксической организации предложения: экзистенция, номинация, идентификация и предикация (характеризация). Каждое из них способно стать коммуникативным ядром предложения и получить оформление универсальным «предикатором» — глаголом *быть*, обладающим наибольшей логической многозначностью. Ср. *Был у меня один знакомый* (утверждение существования). *Был он Афанасий Кузьмич по имени* (именование). *Был Афанасий Кузьмич большой шутник* (характеризация). *Афанасий Кузьмич как раз и был тем человеком, который придумал всю эту мистификацию* (утверждение тождества). Некоторые ученые были склонны даже объяснять многие логические недоразумения и парадоксы полифункциональностью глагола *быть*.

То, что любое логико-синтаксическое отношение может составить ядро сообщения, послужило основанием для их объединения в общую категорию предикативных отношений, хотя ни утверждение существования, ни утверждение идентичности предмета самому себе, ни сообщение о его имени (т. е. кодовой номинации) не могут быть подведены под логическое определение предикации как отнесения признака к его носителю. Понятие предикации было тем самым расширено. Под предикацией в логике стали понимать отнесенность того, что утверждается в сообщении, к тому, о чем делается это утверждение, т. е. нового к данному, сообщаемого к предмету речи. Лингвисты определили предикацию как отнесение содержания предложения к действительности.

Между тем, хотя в таких определениях часто не расширялось понятие «того, что утверждается» и можно было бы думать, что со стороны содержания здесь не ставится никаких ограничений, не была оставлена атрибутивная трактовка предикации, предполагающая соответствие предиката признаку предмета¹. Не случайно поэтому среди логиков так часто возникали споры о том, например, может ли понятие существования составить содержание логического предиката, а среди лингвистов — сомнения относительно того, может ли лишепный лексического наполнения глагол бытия выполнять функцию сказуемого.

Унификация логического содержания предложений имела своим следствием унификацию их грамматического анализа. Все типы предложений стали приводиться к общему знаменателю — субъектно-предикатной (подлежащно-сказуемостной) структуре. Попытки такого рода унификации, впрочем, имели под собой то основание, что во многих языках (по крайней мере в языках индоевропейского типа) прошла универсализация номинативной «формулы предложения». Развитие этой тенденции, которое не достигло своего предела, т. е. подлежащно-сказуемостная структура, состоящая из номинатива и финитного глагола, не стала всеобщей, естественно приводило к известной «дефункционализации» членов формулы, в частности номинатива.

Стремление обнаружить в любом предложении подлежащее и сказуемое или хотя бы один из этих членов бывает связано с явным насилием над строем предложения. Известно, например, сколько хлопот доставляли лингвистам поиски подлежащего и сказуемого в экзистенциальных предложениях, типа англ. *There are clouds on the sky*; русск. *Была у меня один друг*; *У него не было друзей*; *У меня много друзей*; исп. ¿*Hay nubes en el cielo?* Si, *las hay* (где имя заменено местоимением вин. падежа).

Очень важно обратить внимание на то, что анализируемые в данной работе логико-синтаксические отношения могут передаваться не только одинаковой или в чем-либо сходной языковой структурой, но имеют также спе-

¹ Эта двойственность отражена в определении предиката в «Логическом словаре» Н. И. Кондакова (М., 1971): «предикат — то, что высказывается (утверждается или отрицается) в суждении о субъекте. Предикат отображает наличие или отсутствие того или иного признака у предмета».

диальные формы выражения. В индоевропейских языках существуют особым образом построенные номинативные, экзистенциальные, идентифицирующие и характеризующие (предикатные, признаковые) предложения, первичной функцией которых является выражение соответствующих отношений. Каждый из этих типов предложений занимает особое место в элементарной модели построения связного текста, во многом определяя его синтагматику. Именно эти два обстоятельства — наличие специальных синтаксических конструкций и их маркированность относительно текста — подтверждают реальность существования экзистенциальных, номинативных, идентифицирующих и характеризующих отношений как факта синтаксиса, во всяком случае русского языка, на материале которого была выполнена эта работа.

Текст обычно открывается экзистенциальными предложениями, утверждающими существование предмета (лица), о котором пойдет речь. Ср. *Жил-был один мальчик (купец, старик, мужик, рыбак и пр.)*. Обязательность для полной модели текста экзистенциальной интродукции резюмирована в логическом положении, согласно которому субъектно-предикатные предложения опираются на пресуппозицию существования предмета, обозначенного в их субъекте. Напомним, что семантические пресуппозиции соответствуют тем утверждениям, которые в полностью эксплицированном тексте предшествуют данному. Лишь очень немногие объекты не нуждаются, входя в речь, в специальном экзистенциальном утверждении. К их числу относятся, прежде всего, сами собеседники и их «части». Для того, чтобы сделать сообщение *Голова болит*, говорящий не должен предварительно прибегать к утверждению о существовании у него головы.

На втором этапе повествования «введенный в бытие» предмет должен быть поименован. Этим обеспечивается возможность его однозначной и недвусмысленной идентификации в дальнейшем повествовании. Ср. *Жил-был один мальчик. Звали этого мальчика Коля*. Сообщения об имени предмета также опираются на пресуппозицию существования. Таким образом, логическое положение о том, что имена собственные бытуют в речи только в силу бытия в мире именуемого ими предмета, объясняющее возникновение ситуаций, подобных описанной Ю. Тыняновым в повести о поручике Киже, в которой к имени собствен-

ному, возникшему по недоразумению, примысливается несуществующее лицо, находится в соответствии с порядком развития текста: сообщение об имени следует за утверждением существования лица. Эти два шага составляют интродукцию к тексту. Они не допускают повторного применения в пределах одной предметной темы: нет резона дважды сообщать о существовании и имени одного объекта.

Разделение первого и второго шага в прелюдии к тексту обусловлено связью типа логической структуры и типа входящей в нее номинации предмета. Утверждение бытия лица или предмета, подготавливающее предикацию, несовместимо с введением простейшего способа его идентификации, т. е. с сообщением собственного имени героя повествования. В экзистенциальных предложениях, как уже отмечалось, предмет может быть обозначен только таксономическим именем. В этих предложениях эксплицируются свойства, отличающие данный класс предметов от других классов предметов. В следующих за экзистенциальными предложениями именовании указывается способ отделения данного предмета от других предметов того же разряда, т. е. производится его индивидуализация. Экзистенциальные предложения связаны с таксономической номинацией, назывные по своему содержанию предложения — с именем собственным или его эквивалентами². Предложение *Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб* (Лермонтов, Ашик-Кериб), которое как будто противоречит приведенному правилу, находит себе объяснение в том, что сочетание *Ашик-Кериб*, играющее в турецкой сказке Лермонтова роль имени собственного, имеет и нарицательное значение, разъясненное самим автором: *ашик* значит 'балалаечник' а *кериб* — 'странник'. Приведенная фраза, следовательно, синтезирует два сообщения: 1) был в Тифлисе бедный ашик кериб (странствующий балалаечник); 2) звали его Ашик-Кериб (или: в дальнейшем мы будем именовать его Ашик-Керпбом).

Если рассказчику неизвестно имя героя повествования, то он как бы превращает в имя собственное какой-

² В. Г. Гак отмечает, что в зачине обычно соблюдается такая последовательность номинаций: имя нарицательное — имя собственное — местоимение (см.: В. Г. Гак. Повторная номинация и ее стилистическое использование. «Вопросы французской филологии», МГПИИ им. В. И. Ленина. М., 1972, стр. 128).

либо ситуативный признак. В этом случае характеризующее или событийное сообщение включает в себя также сведения о возможном способе номинации персонажа. Так, Лесков, передавая в «Очарованном страннике» разговор пассажиров парохода, упоминает о склонности одного из них к «философским обобщениям и политической шутливости». Далее этот пассажир именуется *философом*. Ср. *Философ ядовито улыбнулся, но ничего не ответил* (Лесков) ³.

Когда «героем» повествования является предмет, противопоставляемый членам других классов предметов (например, *электрическая лампочка* и *керосиновая лампа* в детском стихотворении С. Маршака), то таксономическая номинация, присутствующая в экзистенциальном предложении, используется также и в идентифицирующих целях. В этом случае оба интродуктивных предложения могут быть сведены к одному экзистенциальному высказыванию, в котором одновременно сообщается и о существовании объекта и о способе его наименования. То же можно наблюдать и во многих обобщенно-морализирующих повествованиях о людях и животных (сказках, баснях, притчах и т. п.). Ср. *Жил-был газетчик и жил-был читатель. Газетчик был обманщик — всех обманывал, а читатель был легковерным — всему верил* (Салтыков-Щедрин).

В интродуктивной части текста, таким образом, создается основа для формирования суждения (соотв. характеризующего предложения). Экзистенциальные предложения подготавливают предсказывание признаков предмету, исключая возможность беспредметных, пустых суждений. Предложения именования обеспечивают способ прямой идентификации объекта, которому предсказывается некоторый признак. Двуступенчатая интродукция к тексту сообщает о существовании и обозначении субъекта следующих за ней предложений «корпуса» повествования. Ср. *Жили-были брат и сестра. Брата звали Филипп, а сестру — Катя* или: *Жили-были брат и сестра — Филипп и Катя*. Предложения экзистенции и номинации в этой своей предваряющей функции обычно не упот-

³ О таком способе обозначения персонажей повествования см.: Р. А. Будагов. Наблюдения над языком и стилем И. Ильфа и Е. Петрова. — В кн.: Р. А. Будагов. Язык, история и современность. М., 1971, стр. 207—209.

ребляются в отрицательной форме. Третий шаг начинается основную часть текста. Он строится на отношениях предикации (характеризации). Ср. *Раз пошли Филипп и Катя в лес по ягоды*. Отношения характеризации, в отличие от тех отношений, которые создают введение к основному тексту, семантически многообразны и допускают бесконечное количество реализаций как в положительной, так и в отрицательной форме.

Намеченная общая модель служит трафаретом не только для абсолютного начала текста. Она используется всякий раз, когда начинается новая предметная тема, например в повествование включается какой-либо новый персонаж. Последовательность сообщений более всего соблюдается в сказках, баснях и других жанрах фольклора. В реальной коммуникации и в литературных произведениях приведенная элементарная модель варьируется в зависимости от условий, предмета, задач, жанра и стиля повествования.

Так, например, если речь идет об известном собеседнику предмете, в интродукции нет нужды. Нет необходимости в экзистенциальном введении и тогда, когда сообщение касается уникальных предметов макромира человечества (солнца, земли, луны, северного и южного полюсов и пр.) и обязательных (или по крайней мере единичных) компонентов микромира человека (таких, как отец, мать, жилище, школа и т. п.). Интродукция опускается в литературных произведениях, вводящих читателя сразу *in medias res* событий. Ср. *У Васи было четыре копейки* (Л. Толстой, Новая книга для чтения); *Был Сережа именинник и много ему разных подарков подарили* (там же). Экзистенциальное утверждение в этом случае остается в области пресуппозиций. Оно имплицитно употребляется именем собственного, которому, согласно «договору» между участниками коммуникации, всегда должен соответствовать реальный предмет. Именно поэтому собственные имена не включаются в утверждения о существовании.

Возможно и много других вариантов начала текста, разработанных в ходе развития повествовательного жанра. К их числу относятся: инверсия последовательности начальных предложений, опущение одного из них, фоновое (описывающее арену действий) начало, замена экзистенциальных предложений, утверждающих существова-

ние объекта, сообщением о каком-либо происшествии, имплицитующем бытие участников события. В этом последнем случае в интродуктивную часть текста вводятся предложения тождества. Ср. *На втором этаже общежития справляли свадьбу. Женился (женихом был) студент университета Коля.* В предложение идентификации включена та информация, которая обычно содержится в таксономической номинации экзистенциального высказывания и в предложении именования. Ср. *Был в университете один студент. Звали его Коля. Коля решил жениться. Наступил день свадьбы. Свадьбу устроили на втором этаже студенческого общежития.*

Столь богатые возможности варьирования вызывают часто «муки первой фразы». Как начать? С чего пачать? — этот вопрос докучает даже опытным писателям. «Всякому пишущему — не только школьнику — известно, что самое трудное в письменности — это первая фраза. Писатели-специалисты утверждают, что удачное начало заранее определяет иной раз развитие целой книги», — пишет К. С. Петров-Водкин⁴.

Наиболее интересное в лингвистическом плане варьирование истоков текста состоит в логических сокращениях, достигаемых изменением принятого соотношения типа сообщения и типа входящих в него номинаций (имен предмета). Рассмотрим следующие зачины сказок: *Один мужик захотел есть; Один вор залез ночью к купцу на чердак; Один бедный купец уезжал в дорогу; Одна девочка ушла из дому в лес; У одного человека были осел и лошадь* (все примеры взяты из «Новой книги для чтения» Л. Толстого); *Один молодец из семинаристов сюда за грубость в дьячки был прислан* (Лесков). Приведенные предложения включают экзистенциальные сообщения и должны быть расшифрованы как выражающие два типа отношений — экзистенцию и предикацию. Ср. *Один мужик захотел есть* = Жил-был один мужик. Захотел этот мужик есть; *Пришел раз мужик к огороднику огурцы воровать* = Жил-был один мужик. Пришел раз этот мужик к огороднику огурцы воровать. Экзистенциальная интродукция таким образом включена в сообщение о событиях. Это достигается тем, что в субъекте вместо определенной дескрипции, требуе-

⁴ К. С. Петров-Водкин. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1970, стр. 277.

мой смысловыми глаголами, поставлена неопределенная дескрипция (*один мужик, мужик*), а иногда использована инверсия. Обе эти черты характерны для бытийных предложений. Замена определенной дескрипции на неопределенную невозможна в русских связочных предложениях, которые в виду этого не допускают включения экзистенциальных утверждений. Едва ли можно начать текст с предложений *Один мужик был портным; Был один мужик портным; Был портным один мужик*, но вполне уместно: *Работал один мужик в портняжной мастерской; Работал один мужик портным; Промышлял один мужик портновским ремеслом*.

Итак, событийное предложение может включать логически предшествующее ему экзистенциальное высказывание (регрессивное включение), определенные формальные признаки которого оно приобретает. Такого рода логическое сокращение позволяет нереферентному имени (точнее, имени с экзистенциальным типом референции) употребляться в качестве темы сообщения.

В русском языке приходится наблюдать и обратный по своей природе и направленности процесс. Рассмотрим следующие вводные предложения: *Есть тут один «артист»; Был в деревне один юродивый*. В них в состав экзистенциального предложения введены качественные номинации. Такие предложения логически разложимы на два утверждения. Ср. *Есть тут один «артист»* = *Есть тут один человек. Этот человек большой ловкач (обманщик); Был в деревне один юродивый* = *Был в деревне один человек. Был этот человек юродивым*. Таким образом, экзистенциальные по форме предложения поглощают логически следующие за ними сообщения характеризующего типа (прогрессивное включение).

Семантика существительного, входящего в анализируемые предложения распадается на таксономические и характеризующие признаки. В качественном имени лица «артист» (в смысле 'ловкач', 'мошенник') к первым относятся признаки 'человек', 'мужского пола', 'взрослый' (т. е. те значения, которые в совокупности образуют понятие 'мужчина'). Эти семантические черты, создающие широкую таксономическую (классифицирующую) номинацию и выражаемые часто суффиксом, не релевантны в характеризующих утверждениях типа *Этот человек — «артист»*, поскольку они входят уже в значение субъект-

ной дескрипции. Их поэтому иногда причисляют к семантическим пресуппозициям. Ко вторым принадлежат те компоненты значения слова *артист*, которые указывают на качественную характеристику лица. В предложении *Этот человек — «артист»* они выполняют ассертивную функцию и соответствуют значению основы. В экзистенциальных утверждениях типа *Есть тут один «артист»* все семантические компоненты, образующие значение имени, релевантны для семантики высказывания. Одна часть значения имени связана с бытийным утверждением, для которого типичны широкие таксономические номинации, другая часть относится к логически следующему за экзистенциальным характеризующему утверждению. Ср. *Есть тут один человек. Он большой ловкач*. Таким образом, таксономические признаки значимы для экзистенциального сообщения, а качественный признак — для сообщения, дающего характеристику субъекта. Приведенный пример свидетельствует о том, что отнесение таксономических признаков к семантическим пресуппозициям, правильное для характеризующих предложений, в которых они заданы субъектом, неверно для предложений экзистенциального типа, в которых все компоненты значения имени коммуникативно релевантны.

Тенденция к включению в экзистенциальное предложение характеризующей информации подтверждается высказываниями, в которых к широкой таксономической номинации примыкает качественное определение объекта. Ср. *Есть у нас арендатор — мелкий мошенник. Жена у него Ольга и четверо детей — Тимоша, Вася, Ваня и Маня* (Блок, Дневники). В первом предложении объединены экзистенциальное и характеризующее сообщения, а во втором — экзистенциальное и номинативное.

Выше были рассмотрены два способа логических сокращений. В первом случае (тип *Один мужик захотел есть*) возможность совмещения отношений экзистенции и предикации обеспечена неопределенным квантором (*один*). Во втором случае (тип *Есть тут один юродивый*) — использованием номинации, включающей как общие (таксономические), так и специфические признаки предмета. Таким образом, регрессивное включение (поглощение характеризующим утверждением предшествующего экзистенциального высказывания) связано с семантическим усложнением предикации, а прогрессивное включение (адсор-

бирование экзистенциальным предложением последующего качественного утверждения) связано с усложнением значения имени предмета, его сужением. В первом случае семантически бифункционален глагол (он сочетает экзистенциальное и событийное значения). Во втором случае семантически бифункционально имя (оно содержит таксономические и характеризующие признаки).

Однако, несмотря на широкие возможности варьирования и логических сокращений, ставящие рассказчика в трудную ситуацию выбора, все зачины воспринимаются на фоне описанной базисной модели: адресат речи стремится прежде всего вынести из начала повествования подтверждение бытия в некоторой предметной области объекта, о котором будет идти речь, сведения о его принадлежности к определенному классу и о способе его именования.

Референция имени и структура предложения

В разных главах настоящей работы мы стремились привлечь внимание к формам взаимодействия между такими категориями синтаксиса и семантики как референция имени, логико-синтаксическая структура предложения, отражающая модели человеческого мышления, коммуникативная перспектива высказывания и значение входящих в него имен. В заключительной части уместно обобщить относящиеся к этой теме сведения.

Связь логико-синтаксического типа предложения с предметной отнесенностью имени обнаруживает себя в том, что изменение характера референции может иметь своим следствием перестройку синтаксической структуры предложения. В экзистенциальных предложениях имя неререферентно в том смысле, что оно не дает адресату речи инструкции для поиска объекта в знакомой ему предметной области. В определенных условиях, однако, оно приобретает конкретность. Подобная ситуация возникает тогда, когда локализатор обозначает предмет, а имя относится к его части или иному единичному объекту данного микромира и имеет при себе определение, например: *У мальчика румяное лицо*. Как только в таких предложениях логическое ударение переносится на определение имени, то вся синтаксическая структура приходит в дви-

жение, перестраиваясь по субъектно-предикатному образцу, первичная функция которого состоит в выражении отношений характеристики. Ср. *Лицо у мальчика было румяное (румяным)*.

Стремление придать имени конкретность, как отмечалось, наблюдается в тех случаях, когда актуализуется определение имени. Это вполне естественно. Как только сообщение сосредоточивается на признаках объекта, существование самого объекта как носителя признаков начинает пониматься как заранее данное, т. е. отодвигается в область предпосылок сообщения. Самого по себе изменения коммуникативной перспективы бытийных предложений, однако, недостаточно для перестройки логикосинтаксического типа. Важно, чтобы при этом существовали условия для изменения референции имени. Такие условия отсутствуют, если область бытия понимается как совокупность однородных объектов и ее обозначение (локализатор) не может быть преобразовано в детерминант имени. Ср. *Среди детей были умные и талантливые*.

В такого рода предложениях существование класса объектов относится к области предпосылок. Их сообщаемое заключается в выделении из состава класса некоторой качественно охарактеризованной разновидности. Имя в подобных предложениях не может получать конкретной референции, хотя коммуникативный фокус в них нередко наводится на его определение. Ср. *Есть минуты незабываемые, неповторимые*. Определение здесь относится не к конкретному объекту, а к неопределенной части множества объектов или одному неопределенному члену множества. Ср. *Среди них были красивые женщины* = некоторые женщины были красивы. Как только определение начинает характеризовать всю совокупность предметов, т. е. появляются условия для референтного употребления имени, язык обращается к субъектно-предикатной конструкции. Ср. *Среди женщин были красавицы и Все женщины были красавицами*.

Однако если целиком взятому классу дается негативное определение, то высказывание может сохранить бытийную модель. Ср. *Среди них не было красавиц* = все они были некрасивы. То же касается предложений, в которых позитивная характеристика класса достигается через двойное отрицание. Ср. *Нет русского, который не любил бы быстрой езды* = все русские любят быструю езду.

Бытийные предложения в этом случае выполняют эмфатическую функцию.

Если в коммуникативный фокус попадает количественное определение имени предмета, то преобразование экзистенциальных отношений в предикатные (характеризующие) обычно не происходит; поскольку количественный предикат, как говорилось выше (см. стр. 226), логически исключает конкретную референцию имени. Сообщения о количестве сохраняют форму бытийных предложений, предназначенных для нереферентных имен. Внутри бытийного предложения актуализуется количественное слово, а имя в родительном падеже выдвигается в позицию темы. Ср. *В комнате было много народу* → *Народу в комнате было много*.

Получив значение партитивности родительный падеж вошел в ряд других конструкций, требующих нереферентного имени, в частности в бытийные предложения. Такое употребление, в значительной степени вытесненное из современного русского языка, сохранилось в севернорусских диалектах. Ср. *Всяких вещей висит; Ездил тут всякого народу; Попадает белых грибов*⁵. Характер референции, таким образом, связывается в русском языке не столько с детерминацией имени, сколько со структурной схемой предложения: нереферентные имена вытесняются из позиции «классического» подлежащего. Этим отчасти объясняется широкая употребительность в русском языке, в особенности в русских диалектах, односоставных предложений. Показательно, что предложения с причастным сказуемым двусоставны при референтном имени и односоставны при имени, относящемся к количественно неопределенному предмету. Ср. *Накошено травы* и *Трава скошена*⁶.

В литературном языке тенденция к различению референтного и нереферентного употребления имени самой структурной схемой предложения столкнулась, как известно, с другой линией развития синтаксиса, а именно унификацией синтаксической (формальной) структуры логически

⁵ См. об этом: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах. «О.Л.А. Материалы и исследования». М., 1976.

⁶ Этот вопрос применительно к диалектному материалу рассмотрен в кн.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, стр. 61 и сл.

различающихся предложений по подлежащно-сказуемостному образцу (им. пад. + согласуемый с ним глагол или прилагательное), в результате чего нереферентность имени ослабила связь с генитивом. Последний, в частности, был вытеснен из неотрицательных экзистенциальных предложений⁷. Если бы структурная унификация коснулась только формы глагола, но не имени, то в русском языке за генитивом могло бы закрепиться значение неопределенности, как это случилось, например, во французском, в котором неопределенный артикль мн. числа, а также партитивный артикль сформировались на базе предлога *de*, выражающего значение, близкое к генитивному. Явление согласования сказуемого с генитивом sporadически наблюдается в русских говорах. Ср. *Бывают зимой таких морозов; С города приезжают девушек и пареньков; Комаров налетят; Ходят старушек к нам; Их ведь ходили*. И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко объясняют это явление контаминацией с личными предложениями типа *Старушки (не) ходят*⁸.

В романских и германских языках процесс унификации структуры предложения по двусоставному образцу прошел более активно, чем в русском. Референтность имени утратила соотнесенность с позицией подлежащего. Тип предметной отнесенности имени стал в них последовательно оформляться системой артиклей и местоименных показателей. Между тем в бытийных предложениях имя не заняло места подлежащего, заполняемого в этом случае чисто формальным местоименным элементом (ср. нем. *es gibt*, фр. *il y a*). Здесь произошло как бы совмещение двух указанных выше тенденций развития синтаксиса: структура бытийных предложений была унифицирована по двусоставному типу, и в то же время нереферентное имя не проникло в позицию подлежащего.

Столь же тесная связь между референцией имени и логико-синтаксическими отношениями наблюдается и в других случаях.

⁷ И. Ю. Шведова. Изменения в системе простого предложения. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964, стр. 312—318.

⁸ И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах.

Изменение актуального членения предложений характеристики, перенос коммуникативного фокуса на референтное имя имеет своим следствием коренное изменение связывающих эти элементы логико-синтаксических отношений. Если предложение *Петя написал письмо* выражает логическую предикацию, т. е. сообщает о действии, совершенном конкретным лицом, то предложение *Письмо написал Петя*, в котором актуализовано имя собственное, построено на отношении тождества: тот, кто написал письмо, идентичен Пете; автор письма — Петя. Напротив, если в связочном предложении, состоящем из двух существительных, второе имя лишено референции к конкретному предмету, предложение перестает выражать отношения тождества и переходит в класс характеризующих высказываний. Ср. *Андрей — писатель*; *Андрей — мой друг* (= Андрей мне друг). Последнее предложение выражает реляционную предикацию, устанавливающую некоторое отношение между референтами двух имен, в данном случае между Андреем и автором речи. Имя *друг* в нем не референтно.

Таким образом, логическая структура предложения, референция входящих в это предложение имен и коммуникативная перспектива высказывания находятся между собой в постоянном взаимодействии, взаимообуславливают друг друга.

В соответствии с перечисленными свойствами предложения находится и семантика имени: каждый логико-синтаксический тип предложения отдает предпочтение определенным типам номинации. Для экзистенциальных предложений характерен выбор имен, обозначающих широкие классы предметов. В них избегаются слова, лишенные понятийного содержания — имена собственные, личные и дейктические местоимения. Для предложений характеристики, напротив, типично употребление в функции субъекта, т. е. референтного терма, имен собственных, личных и дейктических местоимений, имен нарицательных (главным образом, функциональных, реляционных и окказиональных) — *мой начальник*, *его брат*, *грабитель* и пр.

В сказуемом характеризующих предложений, если оно выражено существительным, естественна качественная номинация объекта. Сказуемое общих суждений классифицирующего типа всегда имеет более широкое значение,

чем подлежащее. В классифицирующих предложениях конкретного значения, напротив, субъект часто обозначается именем более широкого класса, сравнительно с предикатом. Ср. *Роза — цветок* и *Этот цветок — роза*.

В предложениях тождества, в которых оба имени референтны, фигурируют термы, приспособленные к тому, чтобы наиболее эффективным способом идентифицировать объект — имена собственные, дейктические и личные местоимения, определенные дескрипции — реляционные, функциональные и ситуативные. Если оставить в стороне термы, лишенные понятийного содержания (имена собственные и местоимения), то приспособление к наиболее успешному осуществлению коммуникативной функции привело к формированию двух основных типов значений, которые могут быть названы идентифицирующим и предикативным (характеризующим). Эти два типа значения входят в непосредственный синтагматический контакт в основной структуре предложений — предложениях характеристики, в которых они наиболее определенно противопоставлены друг другу. Этот вопрос будет резюмирован в следующем разделе.

Семантические свойства составов конкретного предложения

На протяжении всей работы нам приходилось в разной связи говорить о семиотических и семантических различиях между предикатом (пропозициональной функцией) и термами конкретного высказывания. Поскольку это свойство представляется нам одной из основных семантических характеристик предложения, мы хотим в заключении еще раз возвратиться к этому вопросу с тем, чтобы более последовательно изложить нашу точку зрения.

Глубокое и принципиальное семантическое различие составов предложения, выражающего конкретное суждение, заметно уже при наблюдении за процессом коммуникации. Для того чтобы понять смысл сказуемого, достаточно знать его языковое (словарное) значение. Для того чтобы понять, что значит подлежащее, этого мало: нужно знать, кроме того, к какому объекту в предметной области приложения языка отнесен данный языковой индекс. Если не ясна референция подлежащего, то предложение

остаётся непонятым: адресат может уловить его смысл, но он не будет знать, к какому элементу действительности его следует приложить.

Отнесенность содержания сообщения к миру устанавливается его субъектом, обладающим свойством референтности. Если ситуация помогает адресату уловить референцию субъектного слова, незнание его значения или неправильное его употребление говорящим не может служить препятствием к пониманию высказывания. Идентифицирующее значение это перст, указывающий на денотат. К нему предъявляется поэтому только одно требование: адресату речи должно быть ясно направление семантической стрелки. Идентифицирующее значение обладает свойством прозрачности: через него просвечивает реальный объект. Таким образом, уже наблюдения за процессом общения убеждают нас в том, что подлежащее и сказуемое в классическом двусоставном предложении, выражающем конкретное суждение, существенно различны по своим семантическим свойствам. Подлежащее в общем случае служит идентификации предмета сообщения, по отношению к которому оно выполняет функцию субституции. Слово, занимающее позицию подлежащего, **н а з ы в а е т** предмет. Сказуемое служит целям передачи некоторой коммуникативно релевантной информации. Оно лишено непосредственной референции к предметам действительности, т. е. не выступает в роли их знакового заместителя. Слово, играющее роль сказуемого, **о б о з н а ч а е т** свойства (атрибуты) предмета. Подлежащее тем самым реализует в предложении свою способность указывать на некоторый объект, в то время как «вклад» сказуемого в семантику предложения создается его сигнификативным содержанием. Вследствие этого в роли подлежащего и других идентифицирующих слов (но не сказуемого) естественно употребляются слова, лишенные сигнификата, но приспособленные к тому, чтобы наиболее простым и однозначным способом идентифицировать денотат (дейктические слова, имена собственные).

При наличии в подлежащем (шире, термах при многоместном предикате) сигнификативного содержания это последнее используется в иных целях, нежели значение сказуемого. Компоненты значения термина и всех слов, относящихся к нему, в том числе и придаточных ограничительных, служат поискам предмета речи, указывая на его

«особые приметы», между тем как компоненты значения сказуемого сообщают некоторую информацию через указание на общие свойства предмета. В классическом случае, членясь на два состава, предложение распределяет свое содержание между пресуппозициями сообщения и его ассертивной частью.

Вследствие того, что идентифицирующие слова (в первую очередь подлежащее) реализуют в предложении свою способность к денотации и их сигнификат лишен коммуникативной значимости, он может варьироваться в достаточно широких пределах, не изменяя истинностного значения предложения. Назовем ли мы «героя» события по его служебной функции, родственным связям или просто по имени, это не изменит коммуникативного содержания высказывания. Ср. *Танин муж (наш сосед, мой начальник, Василий Иванович) вчера вечером вернулся из командировки*. Выбор номинации для идентифицирующих слов обусловлен объемом общего фонда знаний собеседников, стилем повествования, социальными нормами, уместностью в той или другой ситуации.

Из того факта, что идентифицирующее значение ситуативно обусловлено и может варьироваться в широком диапазоне, нам представляется возможным сделать вывод об отсутствии обязательной семантической связи между смыслом (сигнификатом) подлежащего и смыслом сказуемого. Эти категории, каждая из которых подчинена особым коммуникативным целям, семантически относительно независимы друг от друга. Между их смыслами нет согласованности. Требование соответствия, предъявляемое сказуемым к конкретному подлежащему и другим термам, выполняющим идентифицирующую функцию, относится не к их смыслу, а к их денотату, т. е. к самому предмету реальности. Иными словами, можно говорить только об ограничениях, налагаемых значением предиката (пропозициональной функции) на референцию термов. Если глагол *сыпаться* относится к дискретной твердой массе, а глагол *литься* — только к жидкости, то, как бы мы ни назвали движущееся вещество, выбор глагола движения будет обусловлен его реальной консистенцией, а не смыслом (сигнификатом) обозначающего его имени. Ср. *Вся эта мерзость вылилась (высыпалась) мне на пальто; Я вылил (высыпал) все остатки; Он вылил (высыпал) в свой бокал яд*. Здесь речь должна идти не о согласованности смыслов

слов (пропозициональной функции и ее предметных аргументов), а о различиях в смысле предикатов (пропозициональных функций). Тот факт, что глагол *моргают* обычно сочетается со словом *глаза*, а *кусать* — с именем *зубы*, занимающим при нем орудийную позицию, не противоречит сформулированному положению. Регулярность такой сочетаемости вызвана лишь тем обстоятельством, что предметы лишены собственных имен и им редко соответствуют в языке более одного-двух обозначений. Но если бы кто-нибудь захотел назвать глаза *голубыми озерами*, ничто не могло бы помешать ему выразиться так: *Она заморгала своими голубыми озерами; Она прищурила (зажмурила) свои голубые озера.*

Корни ограничений «свободы передвижения» предикатов в области конкретных предложений следует искать в их значении, а не в законодательной деятельности нормы.

Наряду с прагматическими факторами на выбор идентифицирующих номинаций влияет содержание предиката. Так, например, в наименовании субъекта может быть подчеркнут тот именно его аспект (признак), в связи с которым делается сообщение. Ср. *Этот педагог обладает большим опытом* = этот человек опытен как педагог; *Мой учитель математики хорошо знает свой предмет; У этого пианиста превосходная техника.* Не обращаясь к значению подлежащего, в подобных случаях нельзя понять смысл сказуемого.

Значение (сигнификат) имени, занимающего позицию подлежащего, не всегда и не во всем безразличен для смысловой организации предложения. Если сказуемое образовано только теми элементами смысла, которые заданы значением подлежащего, то предложение выражает аналитическое суждение, т. е. суждение, истинное в силу значений входящих в него слов. Такое предложение в общем случае лишено коммуникативной значимости. Ср. *Столетняя война продолжалась сто лет.* Общее правило построения семантики предложения требует, чтобы в содержании предиката присутствовали компоненты значения, не входящие в смысл субъекта. Впрочем, естественные языки, коммуникативные цели которых весьма разнообразны, могут нарушать это правило. Ср. *Так уж исстари повелось на свете: обманщики обманывают, а легковверные верят.* *Suum cuique* (Салтыков-Щедрин).

Несмотря на то, что подлежащее и сказуемое имеют каждое свое семантическое предназначение, пресуппозиции сообщения в естественных языках не замкнуты областью подлежащего, а ассертивные признаки не локализируются полностью в зоне сказуемого. Семантические области подлежащего и сказуемого постоянно пересекаются: идентифицирующая информация проникает в предикат, создавая наложение друг на друга указанных семантических зон; предикатные значения внедряются в значение подлежащего, маскируясь под «данное», под информацию, предназначенную для идентификации предмета сообщения. Ср. — *Чудеса завелись!* — говорил один из них. — *Послушали бы вы, что рассказывает э т о т м о ш е н н и к* (Гоголь).

В тех случаях, когда оба взаимодействующих значения коммуникативно релевантны (как в только что приведенном примере), они стремятся вступить между собой в логические связи. При этом отношения между составами предложения могут разворачиваться в любой логической последовательности. Ср. *Этот балбес провалился на экзамене* = Коля провалился на экзамене. Поэтому я считаю его балбесом; *Этот разиня забыл выключить газ* = Наш сосед разиня. Поэтому он забыл выключить газ.

Поскольку подлежащее и сказуемое в семантическом отношении обычно не элементарны, т. е. каждое из них может заключать в себе иерархическую систему смысловых компонентов, объединенных в означаемом одного слова или группы слов, встает вопрос о выделении среди них центральных (наиболее коммуникативно существенных) и периферийных элементов. В общем случае коммуникативная роль семантических компонентов тем больше, чем более частному признаку понятия они соответствуют. В синтагматической цепочке синтаксическая центральность и семантическая весомость обратно пропорциональны: наиболее синтаксически периферийный элемент оказывается наиболее семантически важным.

Если идентификация объекта осуществляется именем нарицательным или именным словосочетанием, то самый эффективный для этой цели признак соответствует самому частному компоненту их значения. Этим можно объяснить, что в разговорной речи в идентифицирующем словосочетании вершина часто подвергается «усекновению». Ср. *А ты убрала уже где холодильник?* (т. е. комнату, в ко-

торой стоит холодильник); *В шубке не проходила?* (т. е. женщина в шубке) ⁹. В литературных текстах с определенной стилистической окраской подчиненный элемент словосочетания иногда передвигается в центр. Ср. метонимическое употребление имен в предложениях типа *Шляпа спросила; Пенсне брезгливо поморщились; Валенки запротестовали*. Можно, кажется, утверждать, что если процесс метафоризации значения в большей степени связан с сообщаемым (предикатом), то явление метонимии возникает в ходе формирования идентифицирующего значения.

То же положение о существенности наиболее периферийного элемента относится к составу сказуемого. Ядро сообщаемого стремится переместиться в наиболее синтаксически зависимый член. Для организации смысла и этом случае характерно действие центробежных сил. Они вызваны к жизни принципом постепенности передачи информации, согласно которому в каждом сообщении объем информации увеличивается на одну «единицу значения» (допустим, что ею является значение слова). Этого принципа, который может быть назван принципом аддитивности, в большей или меньшей степени придерживается разговорная речь, но от него достаточно далеко отходит письменный литературный текст, в особенности описательного типа. В последнем все элементы могут быть насыщены новой информацией, вследствие чего актуальное членение предложения оказывается многоступенчатым ¹⁰.

В речи, развертывающейся по принципу последовательного, «порционного» введения новой информации, коммуникативную значимость стремится приобрести тот компонент значения, который соответствует самому частному признаку события. Не случайно поэтому в предложении с нормальным расположением акцентов наиболее ударна конечная позиция. Общее отрицание обычно распространяет свое действие только на самый частный семантический компонент состава сказуемого, подтверждая этим его коммуникативную выделенность. Высказывание *Хемингуэй писал стоя* содержит сообщение о манере

⁹ Множество подобных примеров приводится в кн.: «Русская разговорная речь». М., 1973 (см. например, стр. 447).

¹⁰ О динамике письменного текста см.: И. И. Ковтунова. Принципы словорасположения в современном русском языке. — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 101 и след.

работы Хемингуэя, а не о том, что он занимался сочинительством. Поэтому общее отрицание *Ложно, что Хемингуэй писал стоя* действует только на значение обстоятельного слова. Необходимо, впрочем, оговорить, что семантическая область, затрагиваемая общим отрицанием, может меняться в зависимости от коммуникативной организации текста, т. е. от того, как в нем распределена новая информация.

Стремление ремы передвинуться на периферию состава сказуемого чревато определенными последствиями: оно ведет к изменению логического содержания высказывания. Если предложения *Студенты работали; Мальчик бежал* выражают суждения первой степени, т. е. суждения, вынесенные о конкретном объекте, то высказывания *Студенты работали на целине; Мальчик бежал быстро* содержат суждения о событиях. Они означают: 'Работа студентов проходила (имела место) на целине'; 'Бег мальчика был быстрым'.

Итак, и внутри состава подлежащего, и внутри состава сказуемого наиболее существенный в коммуникативном отношении компонент значения занимает наиболее периферийную позицию.

Изложенный здесь взгляд на семантические особенности подлежащего и сказуемого находится в соответствии с логической интерпретацией соответствующих элементов суждения в трудах М. И. Каринского, который следующим образом определял их содержание: «Легко можно подумать в таком случае, как это часто и бывает, что субъектом суждения служит то понятие или представление, которое с совершенно определенными чертами выступает перед нашим сознанием, когда мы слышим термин, обозначающий субъект. На самом деле далеко не так. Истинным субъектом суждения всегда служит неопределенно мыслимый предмет, о котором всегда предполагается, что его содержание никак не исчерпывается сполна тем свойством, каким он характеризуется в подлежащем». И далее: «Определенное представление, соединяемое непосредственно с термином подлежащего, составляет в сущности только часть содержания предмета, оно может быть даже таким же несущественным признаком предмета, каким часто бывает представление, соединяемое с термином сказуемого. Они различаются друг от друга только тем, что одно берется как указание на предмет, т. е. как такой приз-

нак, который в состоянии остановить на нем наше внимание, другой — как признак, теперь прилагаемый к предмету, все равно, на основании ли только что сейчас добытых нами сведений о нем или на основании сведений, приобретенных нами ранее. Этим отчасти объясняется, почему мы отлично понимаем друг друга при взаимной передаче мнений о предметах, тогда как термины, обозначающие предметы, часто вызывают далеко не сходные представления у различных людей. Важно не то, что один с термином *человек* непосредственно соединяет представление о разумно-нравственном существе, другой — известный видимый образ, что даже этот образ очерчивается далеко не тождественно в представлении различных людей, например в мысли зрячего и слепого; важно не то, что метка оказывается неодинаковой; взаимное понимание вполне обеспечено, если разные метки указывают на одни и те же предметы, на одну и ту же непосредственную полноту содержания, из которой они взяты для ее же характеристики, так как в суждении ей именно приписывается определение, а не тому определенному понятию, которое соединяется с термином подлежащего»¹¹.

Если согласиться с мыслью о принципиальных различиях в значении и функции составов конкретного предложения, то пришлось бы, как нам кажется, внести уточнения в семиологическую концепцию предложения или, возможно, усомниться в том, что предложение представляет собой единый знак ситуации, замещающий как обозначаемое положение дел, так и прагматическое событие, создаваемое речевым актом. Как мы пытались показать, составы предложения различны именно по характеру знаковой функции: субъект служит знаковым заместителем предмета действительности, а предикат лишен референции к предмету, он — его означающее — есть субститут отвлеченного понятия, т. е. относит только к своему означаемому. Субъект принадлежит миру, а предикат — мышлению о мире. «Чудо» предложения как раз в том и состоит, что в нем достигнут некоторый синтез категорий мышления и элементов объективной реальности, установлена связь между миром и человеком.

¹¹ М. И. Каринский. Классификация выводов. «Избранные труды русских логиков XIX в.». М., 1956, стр. 61—62.

КРАТКИЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Автономия, 201, 202
Акт речевой, 38, 43, 45—56, 72, 377
Анафора, 196, 197
Ассертивное значение, 70, 185, 197, 198, 341, 351—355, 365, 373, 375
Вопрос идентифицирующий, 286—290
— общий, 214
— частный, 215—217, 249, 291—292
Глагол *есть*, 218, 219, 220, 221, 225, 235, 273—280
Дейксис (дейктические слова), 12, 326—327, 350, 370, 371
Денотации (дескрипций) теория, 179—189
Дескрипция неопределенная, 180, 196—200, 364
— нереферентная, 181—184, 187—188
— определенная, 69, 180—196, 293—294, 313, 314, 363, 364, 371
Детерминация имени, 224—225, 258, 283, 310, 311, 349, 367
Диктум, 34, 56, 62
Знаки бифункциональные, 329
Знаки монофункциональные, 329
Значение цели, 166, 173, 178
Инструментальная позиция, 150, 151, 155, 166, 170, 172
Интенция, 189
Интенциональность, 201—203, 209
Имена идентифицирующие, 332—343, 349—355, 372—374
Имена собственные, 12, 143—144, 179—182, 201, 205, 293, 303, 327, 345, 348, 359, 360, 362, 370, 371
Импликация, 39—41, 58—60, 67, 184
Каузальная позиция, 151, 155, 156, 158, 160, 166, 172, 174
Каузальность, 143, 151, 153
Клише, 84
Коннотация, 25, 29—31, 35, 143—146, 156, 158
Контаминация метафор, 109
Модальность, 31, 34, 38, 61, 62, 68, 202
Модальность эксплицитная, 56, 57, 72, 178
Модус, 56, 57, 62, 72
Неоднозначность определительных сочетаний, 353—355
Неоднозначность логическая, 214—217, 219, 272, 273
Неотъемлемая принадлежность, 145, 146, 249—250
Номинализация предложений, 63—66, 68—75, 80, 125, 133, 134
Обращение, 355—356
Объект материальный, 114
— предметный, 125—139
— пропозитивный (событийный), 125—139
— формальный, 114—116, 135

* В указатель входят ключевые термины, которые нельзя найти по оглавлению. В нем нет терминов, часто повторяющихся в книге.

- Объектное значение, 155, 159—161, 166, 178, 252
- Отрицание, 66, 214—215, 218—220, 222, 255, 268, 270, 272, 273, 315, 316, 367, 376, 377
- Парадокс существования, 205—209
- Партиципийность, 132—134
- Перформативы, 46—48, 51—54, 62, 63
- Подлежащее, 320—325, 358, 368, 369, 371—377
- Прагматический аспект речи, 38, 39, 51, 55, 188, 189, 198, 199, 290, 374
- Предикат существования, 207—208
- Предикаты второго порядка, 66, 133, 139, 158, 159, 377
 - зрительного восприятия, 127, 136—137
 - имен чувств, 95—110
 - интенциональные, 57, 58, 61, 62, 126, 127, 129, 130, 133
 - интерперсональные (межсубъектные), 126, 148, 154, 155, 161—167, 175, 177
 - информации и знания, 127
 - каузативные, 59, 153—161, 167—178
 - качественно-логические (психического воздействия), 148, 153—161, 171, 172, 177
 - классифицирующие (таксономические), 74, 214, 293, 364, 370, 371
 - количественные, 226—228, 368
 - логические (межсобытийные), 143, 148—151, 154, 165, 172, 175, 177
 - многоместные, 26, 27, 29, 37
 - модальные, 68, 72
 - обстоятельственные, 65, 66, 71, 376, 377
 - оценочные, 71, 127, 137—138, 143
 - первого порядка, 139, 158, 377
 - реляционные, 311, 370
 - речевой деятельности, 70, 127
 - слухового восприятия, 126, 129
 - семантические, 329, 336—343, 349—355
 - социальной активности, 126, 128
 - умозаключения, 151—152
 - фактивные / нефактивные, 66—69
 - физического (механического) действия, 57, 117, 126, 129, 131, 132, 136, 170, 173, 176
 - эмотивные, 70, 160, 161, 177, 178
- Предикация, 19, 32, 50, 328, 357, 358, 378
- Предложения алогичные, 119—121
 - бытийные (экзистенциальные), 18, 210—283, 358—362, 364—369
 - бытийные интродуктивные, 197, 221—223, 241—246, 271
 - бытийные количественные, 226—228, 368
 - бытийные оценочные, 267, 268
 - идентификации (тождества), 300—325, 363, 370, 371
 - локальные, 214—217, 220, 239, 240
 - назывные (номинативные), 19, 74, 77, 231, 259—261
 - связочные, 140—142, 203—204, 292—294, 308—325, 364, 370
 - связочные инклюзивные, 310—314
 - фоновые, 75, 76, 78, 262, 263, 277
 - эмпирически ложные, 118—119
- Пресуппозиция, 52, 67, 68, 70, 86, 113, 114, 186, 191, 197, 198, 205, 207, 213, 226, 291, 293, 349, 352, 359, 365, 375
- Придаточное изъяснительное, 178, 251
 - ограничительное (рестриктивное), 69, 194, 196, 372
- Прилагательные интенсифицирующие (градуирующие), 13, 85, 159, 351—354, 356
- синкатегорематические, 13, 351
- Принцип аддитивности, 66, 376

Принцип (условие) искренности, 40, 52—56

Принцип неразличимости идентичных величин, 203

Причинное значение, 154—156, 166, 177, 178

Проминализация, 311—312, 338

Пропозициональные отношения, 26, 27, 31, 34, 38, 39, 48, 55—70, 128

Рема, 66, 292—294, 317, 377

Референтная затемненность, 58, 201—203

Родительный партитивный, 368

Семантические солидарности, 88, 89, 92

Семантическое согласование, 90—93, 133, 134, 136, 139, 147, 353, 373

Сказуемое, 320—325, 358, 369—378

Смысловая недостаточность, 122, 123, 142—147, 156

Согласование связки, 320—325

Субъект (субъектная позиция), 10—12, 66, 68, 153—160, 172—174, 260, 261

Субъект пропозитивный, 139—142, 152, 164

Существительные абстрактные, 73, 78, 79, 93, 94, 117, 121—124, 131—133

— конкретные (предметные), 75,

77, 78, 80, 117, 121—124, 131—133, 139—147, 158—161, 230, 305, 306, 337, 338, 343—348

— событийные, 76—78, 117, 121, 157, 158, 230, 231

— сонантные, 76

— темпоральные, 75, 123, 124

Тема, 66, 68, 292—294, 317, 368

Творительный предикативный, 320—325

Тождества закон, 200—203

Тождество гносеологическое, 307

— денотативное, 303—305

— номинативное, 302—304, 318

— онтологическое, 307

— сигнификативное, 306

Фразеологизмы, 82—93

Функция идентификации, 12, 45, 75, 179, 326—329, 371—375

— названия (именования, денотации), 36, 45, 329, 331, 337, 347, 372

— обозначения (сигнификации), 36, 329, 331, 347, 372

— утверждения, 25, 29, 30, 32, 34, 38, 40, 50, 64, 68, 69

Экспликативные (интерпретативные) отношения, 19, 305

Экстенциональность, 203

Эмфаза, 72, 131—133, 265, 368

Эпитет, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
Основные подходы к изучению смысла предложения . . .	5
Глава I	
Пропозиция и глаголы пропозиционального отношения . .	21
Понятие пропозиции в логике	21
«Инструментальные» концепции языка	39
Логико-философские теории речевого акта	45
Глаголы пропозиционального отношения и интенциональность	56
Взаимодействие пропозиции и предикатов пропозициональ-	
ного отношения	62
Специфика и типы пропозиитивного значения	70
Глава II	
Закономерности формирования семантической структуры	
предложения	81
Лексические и лексико-семантические ограничения на сочета-	
емость слов	81
Специфика несвободной сочетаемости имен чувств	93
Семантические ограничения на сочетаемость слов	111
Соответствие значения слова его синтаксической функции	122
Семантические отношения между глаголом и его объектом	125
Семантические отношения между подлежащим и сказуемым	139
Контекстуальная эквивалентность предметных и пропози-	
тивных значений	142
Синтаксический статус имен лица	147
Типы каузативных глаголов	167
Глава III	
Элементы теории референции	179
Референция и проблема существования	179
Референция и проблема тождества	200

Глава IV	
Отношения экзистенции	205
Логический анализ предложений о существовании	205
Общие принципы лингвистического анализа бытийных пред- ложений	210
Бытийные предложения в современном русском языке . .	229
Глава V	
Отношения идентификации	284
Принципы формирования идентифицирующего значения . .	284
Типы ситуаций идентификации	291
Предложения тождества	300
Глава VI	
Коммуникативная функция и значение слова	326
Типы идентифицирующих и предикатных слов	326
Семантическая структура идентифицирующих и предикатных слов	330
Семантическая специфика имен лица и имен предметов . .	343
Синтаксическая специфика идентифицирующих и предикат- ных существительных	348
Заключение	357
Логико-синтаксические отношения и структура текста . . .	357
Референция имени и структура предложения	366
Семантические свойства составов конкретного предложения	371
Краткий предметный указатель	379